23-1-14

1 р. 25 к. Индекс 70544

МГ

1991

1

ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Икона
Пресвятой Богородицы,
именуемая
«ДЕРЖАВНАЯ»

Единение, единство жизненных
и всяких других сил,
где бы оно ни возрождалось,
от малого до великого,
повсюду и всегда является
созидающей мировой силой
в противоположность всякой розни,
которая, в свой черед, является
везде и всегда мировой
силой разложения и гниения и,
следовательно, неминуемой гибели и смерти.

Иван Забелин

МГ 1991 1

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала:
Рис. Г. Комарова

Четвертая страница обложки журнала:
Памятник Тысячелетия России в Новгороде. Скульптор М. О. Микешин. Фото В. Зенкова

«Молодая гвардия», 1991, № 1, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 265-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Виктор СМИРНОВ

МАТЕРИНСКОЕ ОКНО

* * *

Не страшись березового буйства,
Не пугайся вихря над землей.
Это нужно, чтобы наши чувства
Опылило новою зарей.

Это нужно, чтобы Русь решала:
Жизнь с какого начинать конца?
А сирень свои цветы роняла
На окостеневшие сердца.

Верится: лишимся слов истертых —
И земля забудет недород.
Как иначе воскресить из мертвых
Наш безверьем скошенный народ?

* * *

Пришел мой час. Пришла моя пора.
Свалилась с плеч тяжелая гора.

В грудь ворвалось сиянье рек и рощ.
У окон русская качнулась рожь.

Пришел мой час. Пришла моя пора.
Не удержать бегущего пера.

А в нем — добро и зло обручено,
Оно — на свет и мрак обречено.

Я долго жил. Я долго шел к черте,
Чтоб яркий луч увидеть в черноте.

Чтобы рождала темная душа
Веселый мир, от радости дрожа.

Пришел мой час. Пришла моя пора.
В руке — огонь Жар-птицына пера.

И звезд, и трав я слышу голоса.
Иное зренье обрели глаза:

Те, что и зиму любят, и весну.
Те, что из люльки видели войну.

Сгинь, в русском небе адская дыра!
Пришел мой час. Пришла моя пора.

БОЙ

Не поделили Небо меж собою
Две птицы — аист с коршуном — смотри!
Бьют воздух крылья с яростью слепою,
И клювы рвут полотнище зари.

В любви уже не находя опоры,
Свирепо метят прямо в глаз — не в бровь.
И скорбно меркнут синие просторы,
Окрашенные ярко в птичью кровь.

И ссор, и драк я с детства не приемлю!
Но как нарочно: на семи ветрах

От века люди грозно делят Землю
То с кольями, то с бомбами в руках.

Не из травы, где пчелы славят гулко
Зеленое нашествие весны, —
Нет, я слежу за птицами из люльки,
Качающейся в грохоте войны.

И падают корнями вверх деревья,
С горы пустое тарахтит ведро.
И сыплются из злобных крыльев перья
Мне в руки, чтобы я творил добро!

Видать, дано мне испытать судьбою,
На белом свете всех и вся простив,
Как выйти победителем из боя,
Ни слез, ни крови — братской — не пролив...

* * *

Калеки стучат костылями —
По долам и душам стучат.
Темнеющими крестами
Затмили и поле, и сад.
И кажется: спелые звезды
Сшибают с небес костыли.
И кажется: корчатся версты
Под ними в дыму и в пыли.
И будят беду в человеке,
И ранят ромашки в тени.
И кажется: через реки
Пустыми мостами — они.
Планета набита костями.
Закаты кроваво страшат.
Калеки стучат костылями,
От края до края стучат.
И слышатся взрывы и крики.
И слезы — по лику Земли...
И солнца последние блики
Сочатся сквозь костыли.
Они никого не прощают —
Во имя грядущего дня
Вселенную протыкают

До самого гулкого дна.
О, время надежды и брани!
...Случайно в бою не убит,
Стучит оглушительно в бане
С веселым лицом инвалид...

* * *

И в сраженьях, и в обмане,
И в печали, и в вине,
Словно остров в океане,
Время кружится во мне.
Время крайних убеждений:
Ни двора и ни кола!
Время светлых откровений,
Время черного крыла.
Ворон тяжело вещает:
Выжить людям — не судьба.
Но весь мир легко вращает —
Окнами! — моя изба.
Время темного навета
Возле сердца — вот оно!
И надежда лишь на это —
Материнское окно.

* * *

Куда ты движешься, холмов когорта,
Зелеными кольчугами звеня?
Как жаль: в горшке цветочном для кого-то
Вращается огромная Земля!

Ни речки, ни дороги, ни рябины,
Ни жита, что до ливней надо сжать.
Зачем жестоким обручем из глины
Ее, великую, решили сжать?

Нет ни лопат, что ловко ладят грядку,
Ни золотых кленовых черенков...
Земля расправит плечи — и хозяйку
Разбудит ночью грохот черепков.

И каменная келья опустеет —
Лишь хулигански свистнет соловей,
Земля до зорьки улететь сумеет
Вдогонку за орбитою своей...

* * *

Простилась даль с веселостью вчерашней,
До боли недовольная собой.
Народ прозрел, а это очень страшно
Для тех, кто мыслит, что народ — слепой.
Но нету места мести и презренью.
Лучом сквозь ярость снега и дождя,
Сквозь гул и гам к великому прозренью
Народ ведет незрячего вождя...

* * *

Научились жить без неба,
Без воды и без земли.
Жить, не видя луга, хлеба,
Солнца, звезд, луны, зари.
Жить, не видя листопада
Над дорогой у избы.
Жить средь грохота и чада,
Среди камня и толпы.
Я словам холодным внемлю,
Протестуя горячо:
Час придет — и ляжем в землю.
Надоест она еще.
Нет, я мыслю по-другому,
Ненавистны те слова.
Любо мне, когда к живому
Льнет зеленая трава.
И люблю я трогать тальник.
И, представьте, веселит,
Коль иглу свою татарник
В ногу босую вонзит.
Заодно я в мире с пашней.
Лик земли — лицо мое.
Будет мне уйти не страшно
В чрево вечное ее...

* * *

И вот тяжелый покачнулся колос,
Склоненный ветром дождевым к реке.
И весь бездонный и бескрайний космос

Вместился в самом малом колоске...
Рожь под грозой: под молнией, под громом,
Под ливнем, что летит наискосок.
Вот вспышка — в мироздании огромном
В тот миг увидишь каждый колосок.
А облака пьянят поля, как брага.
Под черной высью, в грозных вспышках сплошь,
Вся чистая, как белая бумага,
Ждет росчерка небесной силы рожь.
Уверена, что это не зазорно,
Так тянется в родной зенит она,
Как будто с влагой впитывают зерна
Божественного смысла письмена.

* * *

Я не верю сказкам и обетам:
Вечности жестоки жернова...
Жизнь ушла. Но грех жалеть об этом:
В сердце боль о ней еще жива.

Было весело, а стало — грустно.
Если есть движенье — нет беды.
Скажешь: без воды пустует русло?
Нет! Оно ведь помнит гул воды!

Потому, когда иду Москвою,
Я и здесь — крестьянин до конца:
На заре у дворника с метлою
Узнаю я вольный взмах косца...

* * *

Вот и опять среди судеб и слов,
Вот и опять в мельтешении дней, —
Черные лица моих врагов,
Светлые лица моих друзей.

Луг зацветает. Речное кольцо
Кружит веселые берега.
Каждого друга знаю в лицо,
Знаю в лицо любого врага.

В платье зеленое лес одет,
Тихо пчелы звенят в траве.

Черное с белым — больше нет
Красок в мире, всего лишь две.

Чтобы моя не погасла жизнь,
Нужно в пору пения птиц,
Чтобы по черным лучи прошлись
Те, что от светлых исходят лиц.

* * *

Во взлетах правды и в провалах фальши,
То радуя, то раня небосвод,
Земля моя вращается, как раньше, —
И только я иду наоборот.

Не виноват я, если глянет косо
Звезда, что и в падении права.
Не виноват, что на густую косу
В реке похожа дикая трава...

Не виноват я, если чья обида
Вблизи родится или там, вдали.
Но виноват я, коль моя орбита
Не совпадет с орбитою Земли.

* * *

Родившись в самом яростном году,
Когда столкнула высь людишек лбами,
Я на любви растил свою звезду,
Взошедшую над росными лугами.

В родных полях посеянный свинец
Цвел розоватым клеверным горошком.
И, коромыслом изогнув гармошку,
Любовь я черпал из людских сердец.

Но вот опять — в татарнике поля.
И злоба блещет заревом огромным.
И я боюсь, что излученьем черным
Погубит — вдруг! — Вселенную Земля.

Коль нет любви — не избежать потерь.
Нам рок готовит беды и страданья.

И потому от нашего свиданья
Зависит в мире многое, поверь...

* * *

Твой взгляд кричал: «Не тронь!»
А губы — жарко жили...
И первый твой огонь
В мои ворвался жилы.

В моей — твоя ладонь.
И потому, наверно,
Последний мой огонь
Высок. Совсем как первый.

* * *

...Сбудется ль третье гаданье?
Светлана Кузнецова

Повелося на Руси, хоть тресни:
Словно в снежном вихре бубенец,
Для того, чтоб зазвучали песни,
Нужно, чтоб умолкнул их творец.

Может быть, у нас такое только:
Горько нужен Родине урон.
Лишь тогда, когда умчалась тройка,
Колокольчика нам дорог звон.

Кто мы? Разве племя узколобых,
Пламя убивающих свое?
Кто в сибирских сказочных сугробах
Завершит гадание ее?

* * *

Владимиру Ионову

Эту военную лютую долю
Разве когда супостату простим?

Ходит младенец по минному полю —
Господи, мины не рвутся под ним!

Нет, он не помнит, как из дому вышел,
Чтобы увидеть сраженье держав.
Лишь потому он, счастливчик, и выжил:
Крошки весь месяц во рту не держал.

Вскинулась вишня испуганным флагом.
В хату — снарядом. И вот оттого
Был он худющим и легким, как ангел.
Нянчили мины любовно его.

Смерть потому миновала младенца:
Мама убита и нечем кормить...
Это останется ночью для сердца.
Ворога этим прощеньем казнить!

* * *

Валерию Николаевичу Невзорову

Ругаются бабы. Дымят мужики.
И горько на сердце, и сладко...
И прожили люди у древней реки
Всю жизнь свою без остатка.

В золу превратился бывалый огонь.
Землюшке отданы силы.
И те, что плясали вчера под гармонь,
Сегодня ложатся в могилы.

А в соснах без устали ветры поют,
Пустуют крестьянские сотки.
И в темные дали без страха плывут
Сосновые темные лодки...

А утром заря, ослепляя, бежит
Сквозь тишь обмелевшей Угрою.
А русское сердце болит и болит,
А память ветвится ольхою.

И вещее слово срывается с губ.
Душа забывает о пошлом.

И храм разоренный в закатную глубь
Глядит, вспоминая о прошлом.

И ходит луна по орбите своей,
Как будто последняя кружка.
И спорит с печалью лихой соловей,
И дарит бессмертье кукушка...

* * *

Дряхлеет плоть — дух крылья обретает!
И сердце открывается добру.
И вижу я, кто Вечность убивает:
Бездарности она не ко двору.

И пусть не молод — пыл не угасает,
И пусть морщины — на уме одно!
И слышу я, как Время умирает
И как опять рождается оно.

Что проку проклинать земное бремя,
Отчаянно взывая к небесам?
Безвременье — ведь это тоже время,
Дающее свои уроки нам.

* * *

Утреннему радуясь колодцу —
Тишине родившегося дня,
Борозда моя уходит к солнцу,
Словно желоб для его огня.

Светит сердце. Отдыхает разум.
Лишь ловлю невольно образ тот,
Как по лемеху бурливо разом
Черное и алое течет.

Мчится молча к отчему порогу,
В общем русле споря горячо.
И навстречу этому потоку —
Конь и я. И кто там вслед еще?

Оглянусь, предвидя час разлуки
С лугом, лесом, птицами, людьми:
Материнские сажают руки
Семена бессмертные любви.

* * *

Не верь тому, что прошлое — былье.
И, как свою единственную славу,
Коль выплыл на течение свое,
Не отдавай на торжище Державу.

Не отдавай просторов седину,
Ребенка смех, старухи причитанье.
А главное — семью, село, страну
Не отдавай чертям на поруганье!

Рассветной песней заглушай гнилье,
Не поддавайся на звезду обмана.
Коль выплыл на течение свое,
Дыши бескрайней ширью океана.

Плыви, не медля и не торопя
Судьбу — она того уж точно стоит!
И вечно помни: только на тебя
Отечество с надеждой светлой смотрит.

Пусть даже грянет ночь беды темней —
Прорвешься сквозь любой заслон с боями,
Коль руки доброй Родины твоей
Твоими в мире будут берегами...

Смоленск

Иван Ильин

МЫСЛИ О РОССИИ

«НАШИ ЗАДАЧИ»

Семь лет, с 1948 по 1954 год, в эмигрантской патриотической (а потому малотиражной) прессе регулярно выходили статьи выдающегося русского национального мыслителя Ивана Александровича Ильина. Редчайшее посмертное издание их, куда вошли все 215 статей, — некоторые из них мы представляем сегодня нашим читателям — вышло под названием «Наши задачи». Насколько

этот человек опередил время по глубине осмысления нынешних событий и событий XX века в целом, можно судить по предлагаемым вниманию читателей статьям из упомянутого сборника. Ильин выгодно отличался от русских мыслителей новейшего времени тем, что, обладая энциклопедическими знаниями, он обладал и ясной «предметностью», был в большей мере, нежели другие, свободен от галлюцинаций либеральной мысли.

И. А. Ильин родился в 1883 году в Москве. Закончил в 1906-м юридический факультет Московского университета, преподавал по 1922 год. Затем — арест, суд, приговор по 58-й статье — и пожизненное изгнание. С 1923 по 1934 год И. А. Ильин — профессор в Русском научном институте в Берлине. В 1934-м — лишен кафедры за отказ следовать политическим установкам нацистов. Доносы, преследования, конфискация печатных трудов и запрет на публичные выступления — и Ильин вновь становится политическим изгнанником. До конца жизни (он умер в 1955 году) живет в Швейцарии без права заниматься политической деятельностью.

Перу И. А. Ильина, одного из главных идеологов белого движения, принадлежат капитальные труды, многие из которых частью не окончены, частью не изданы. Среди них такие, как «Путь духовного обновления» (1935), «О сопротивлении злу силой» (1925), «Сущность и своеобразие русской культуры» (1942), «Аксиомы религиозного опыта», а также сотни статей, монографий, научных исследований.

Практически полное замалчивание «трудов и дней» русского мыслителя, друга Рахманинова и Шмелева, связано с агрессивностью идеологических догм «мировой закулисы» (его выражение), в прокрустово ложе которой не умещается творческий гений Ильина, последовательного и непреклонного патриота России и «русскости» во всех ее проявлениях. Ему не нашлось места ни на корыстно-русофобском Западе, ни на почтительно-равнодушном к России Востоке, ни в пронизанной догматизмом советской идеологии, допускавшей «русский дух» лишь в той мере, в какой того требовали суетные интересы минуты.

Сегодня, в поистине судьбоносное и, быть может, роковое для России время, наследие И. А. Ильина нам необходимо как воздух. Мучительно избавляясь от всякого рода духовных шлаков, мы обязаны вдумчиво и не «нервно» «выслушать» человека, с которым, может быть, в чем-то не согласимся, но человека, живущего Россией и для России. А это по нынешним временам чуть ли не экзотическая редкость, если судить по печатной продукции, выходящей на территории бывшей Империи, на ее бумаге и за ее счет.

Но — «и один в поле — воин»...

Отдел очерка и публицистики

ФАНАТИКИ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА»

Замечательно, что все расчленители России, чем бы они ни руководились, приносят одно и то же слово, формулируют одну и ту же директиву: Россия должна стать федеративным государством, она должна быть построена на всеобщем добровольном соглашении ее народов и ее граждан. В этом они видят высшее и последнее слово «демократизма»; поэтому они и готовы причислить каждого, не согласного с этой директивой, к «реакционерам», «империалистам», сторонникам деспотизма, террора и т. д.

Действительно, есть старое учение (известное издавна, но обычно приписываемое Жан-Жаку Руссо), согласно которому всякое государство покоится на «общественном договоре», на договоре всех граждан между собой; такой договор, в действительности наблюдавшийся только в немногих федеративных государствах и имевший там совсем иную форму и иное содержание, считается молчаливо-предполагаемым и обязательным повсюду. Политические мыслители пытались не раз на протяжении веков формулировать этот фиктивный (то есть выдуманный, созданный воображением, или, как говорят юристы, «презюмированный», то есть предположенный в виде условного допущения) договор, согласно которому каждый гражданин добровольно и свободно включается в свое государство и обязуется повиноваться его законам. Пусть, говорят они, такого договора никогда не было, но надо считать его как бы состоявшимся и принципиально оправдывающим существование государства.

И вот это учение имеет своих фанатиков, которые не удовлетворяются «фикцией» и «презумпцией», но желают довести свой народ до фактического осуществления общественного договора. Они не хотят успокоиться до тех пор, пока в их стране государство не будет построено на всеобщей, свободной «оптации». Они добиваются этого повторно и любой ценой. Великая и позорная неудача 1917 года, когда русский народ не пошел по пути федерации, а предался преступности, убийствам, анархии и гражданской войне, что и привело его к многолетнему тоталитарному рабству, нисколько не смущает их. Они готовы «начинать сказку сначала». Их утопическое государство должно быть построено в виде корпорации ничем не стесненных «вкладчиков» и стать чем-то вроде потребительской кооперации. Меньше этого максимализма они не способны думать и делать. А того обстоятельства, что государство всегда было и всегда будет учреждением, они не постигнут до самой смерти.

Эта юридическая и историческая слепота должна быть раз навсегда преодолена в России.

В действительности же самая принадлежность гражданина к какому-либо государству определяется отнюдь не его свободной «оптацией», а законами самого государства и решением власти, применяющей эти законы. Возьмем любую, самую свободную и демократическую конституцию, и мы тотчас же убедимся, что принцип «добровольного самопричисления» и «нестесненного самоотчисления» не признается в ней. Люди приобретают права и обязанности гражданина при самом своем рождении, когда оптация им решительно не по силам. Государства считаются с тем, от кого ты родился, где ты родился, когда ты родился, а впоследствии с тем, сколько лет ты прожил в стране и как ты вел себя при этом. Каждого из нас причисляют к гражданам и отчисляют из состава граждан по законам данной страны, и нигде одностороннее волеизъявление не решает этого вопроса. Найдите хотя бы одно государство, которое предоставляло бы всем желающим входить в свой состав и выходить из него односторонним заявлением; или еще — такое государство, которое давало бы своим гражданам право по взаимному соглашению «отложиться» от него и присоединиться к другому; или же право учреждать в своих пределах новые государства или «государствица». История знает односторонние отказы от гражданства, но они сопровождаются удалением за кордон и создают бесправный статус «беженца» или «эмигранта». История знает и односторонние отпадения городов, общин и целых стран (например, Ирландия). Но эти акты совершаются вне права и с нарушением лояльности. Это внеправовые деяния, это нарушения, потрясения или прямые восстания; это революционные акты, которые могут повести к усмирениям или гражданским войнам. Но право на односторонний выход из государства, или право на отложение и отпадание не признано нигде; о нем не знает ни одна демократическая конституция.

Но расчленители России, желающие превратить ее в федерацию, призывают именно к таковым внеправовым потрясениям, к отпадениям, к актам «свободной» измены, к революционным восстаниям. Они мечтают о том, что после падения большевиков граждане единой России опять провалятся в хаос и вседозволенность, безнаказанно разложат свое государство и осуществят по своему произволу столько «общественных договоров», и учредят, ни с чем не считаясь, столько новых «государствиц», сколько им заблагорассудится, с тем, что каждое из этих новообразований будет иметь свое правительство, свою армию, свою монету и свою дипломатию. Им мало тридцатилетней революции: они хотят длить и углублять ее после падения большевиков. После бесконечного неистовства «монтаньяров» (революционеров-централистов-объединителей) они желают еще бесконечного неистовства «жирондистов» (революционеров-децентрализаторов-расчленителей). Именно поэтому они желают, чтобы «российские народности» не считались больше с существованием единого русского народа и государства, а воспользовались послебольшевистской смутой для осуществления всеобщего произвола и распада — на основании ложно понятой доктрины «общественного договора».

Каждому жителю России должно быть предоставлено право определить по своему усмотрению, к какому такому государству ему угодно принадлежать — к России или к какому-нибудь иному: кто хочет, потянет к Турции, кто к Китаю, кто к Польше, кто к Германии. Иные пусть учредят новые государства — Тунгузию, Чувашию, Черемисию, Украину, Белоруссию, Зырянию, Грузию, Крымию, или, подобно тому, как было в 1917 году — Моршанскую Республику, Саранскую Федерацию, Сычевскую Демократию, Чухломской Кантон, Новоржевский Штат, Пошехонскую Советию, Бузулукское Ханство, Иваново-Вознесенскую Социалистическую Олигархию и Минское Прелатство. Фанатики «общественного договора» доселе мечтают, что после революции тоталитарной тирании начнется революция всеобщего развязывания, меньшинственной анархии и разложения России во имя ложной доктрины, — эпоха погубления «каторжной» Империи... Эпоха завоевания ее окрепшими и хищными иноземцами. Они мечтают превратить Россию

во множество политически ничтожных и стратегически бессильных карликов — и тем предать ее на завоевание и порабощение западным и юго-восточным государствам. Достояние России станет, в сущности, «ничьим», а по старому римскому праву «ничья вещь принадлежит первому захватчику»... Но фанатики федерализма идут и на это...

Нетрудно догадаться, из какой среды идет эта программа, и кто за ней стоит... Но Россия сама скажет за себя свое последнее слово.

ЧТО СУЛИТ МИРУ РАСЧЛЕНЕНИЕ РОССИИ

1. — Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями — духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов»; мало того — выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония на дальневосточные берега и т. д.). Россия превратится в гигантские «Балканы»; в вечный источник войны; в великий рассадник смуты. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры») — уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимою язвою мира.

2. — Установим сразу же, что подготовляемое международною закулисою расчленение России не имеет за себя ни малейших

оснований, никаких духовных или реально политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство, как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на прутики, переломать эти прутики поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленить Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязывание, и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. — Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»: «национальная свобода» требует-де «политической самостоятельности»... Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Вся история дает тому живые и убедительные доказательства. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственному самостоянию: проследите тысячелетнюю историю армян, народа темпераментного и культурно-самобытного, но не государственного; и далее, спросите — где самостоятельные государства фламандцев (4,2 милл. в Бельгии, 1 милл. в Голландии), или валлонов (4 милл.)? Почему не суверенны уэльские кимры и шотландские гэлы (0,6 милл.)? Где государства кроатов (3 000 000), словенцев (1 260 000), словаков (2,4 милл.), вендов (65 000)? Французских басков (170 000), испанских басков (450 000), цыган (до 5 милл.), швейцарских лодинов (45 000), испанских каталонцев (6 милл.), испанских галлегосов (2,2 милл.), курдов (свыше 2 милл.) и многого множества других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак: племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с государственными границами. Многие малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупно-сильным народам, государственным и толерантным: отделить эти малые племена — значило бы или предать их новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем, что было бы духовно разрушительно, хозяйственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю древней Римской империи — это множество народов «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская Империя? И вот именно таково же культуртрегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знают такого правила: «сколько племен, столько государств». Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленить единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

4. — Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стонали под гнетом русского большинства и его Государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализировала свои малые народы, в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768—843 по Р. Х.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славян-

ская «Лаба»!), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю — сидели славянские племена: Абодриты, Лютичи, Линоны, Гевелы, Редарии, Укры, Поморяне, Сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно германизировались. «Обезглавление» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который был позднее применен и к чехам, а в наши дни опять к чехам, полякам и русским... <...>

Видано ли, слыхано ли что-нибудь подобное в истории России? Никогда и нигде! Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

И вот доказательство: население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности, а в России общие переписи установили сначала свыше ста, а потом до ста шестидесяти различных языковых племен; и до тридцати различных исповеданий. И господа расчленители забывают, что племенной состав для затеваемого ими политического расчленения соблюла именно Императорская Россия.

Вспомнить хотя бы историю немецких колонистов в России. Подверглись ли они за 150 лет денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине XVIII века и позже (1765—1809) — в числе 40—50 тысяч. К началу XX века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1 200 000 человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда, доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением услышали в их устах исконные — голштинские, вюртембергские и иные диалекты. Все сообщения о принудительной русификации были этим опровергнуты и посрамлены.

Но политическая пропаганда не останавливается и перед явной ложью.

5. — Далее, надо установить, что самое расчленение России представляет задачу территориально неразрешимую. Императорская Россия не смотрела на свои племена, как на дрова, подлежащие переброcу с места на место; она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный, не сводимый ни в какие географические размежевания: это был процесс колонизации, ухода, переселения, рассеяния, смешения, уподобления, размножения и вымирания. Откройте дореволюционную этнографическую карту России (1900—1910) и вы увидите необычайную пестроту: вся территория наша была испещрена маленькими национальными «островками», «ответвлениями», «окружениями», племенными «заливами», «проливами», «каналами» и «озерами».

Всмотритесь в это племенное смешение и учтите следующие оговорки: 1) все эти цветовые обозначения условны, ибо никто не мешал грузинам жить в Киеве или Петербурге, армянам — в Бессарабии или Владивостоке, латышам — в Архангельске или же на Кавказе, черкесам — в Эстонии, великороссам — повсюду и т. д.; 2) поэтому все эти краски на карте обозначают не «исключительную», а только «преимущественную» племенную заселенность; 3) все эти племена за последние сто-двести лет вступали друг с другом в кровное смешение, причем дети от смешанных браков вступали в новые и новые племенные смешения; 4) учтите еще дар русского духа и русской природы непринудительно и незаметно обрусевать людей иной крови, что и передается в южно-русской поговорке «папа — турок, мама — грек, а я русский человек»; 5) распространите этот процесс на всю русскую территорию — от Аракса до Варангерской губы и от Петербурга до Якутска — и вы поймете, почему провалилась большевистская попытка показным образом размежевать Россию на национальные «республики».

Большевикам не удалось отвести каждому племени его особую территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

Политически обособляясь, каждое племя претендует, конечно, на течение «своих» рек и каналов, на плодородную почву, на подземные богатства, на удобные пастбища, на выгодные торговые пути и на стратегические оборонительные границы, не говоря уже о главном «массиве» своего племени, как бы малочислен ни был этот «массив». И вот, если мы отвлечемся от малых и рассеянных племен, как-то: вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки, черемисы, мордва, чуваши, ижора, талыщинцы, крызцы, долгане, чуванцы, алеуты, лаки, табасаранцы, удины... — и взглянем только в национальную гущу Кавказа и Средней Азии, то мы увидим следующее.

Расселение более крупных и значительных племен в России таково, что каждое отдельное «государствице» должно было отдать свои «меньшинства» соседям и включить в свой состав обильные чужие «меньшинства». Так обстояло в начале революции в Средней Азии с узбеками, таджиками, киргиз-кайсаками и туркменами: здесь попытки политического размежевания вызвали только ожесточенное соперничество, ненависть и неповиновение. Так же обстояло и на Кавказе. Застарелая национальная вражда между азербайджанскими татарами и армянами требовала строгого территориального раздела, а этот раздел оказался совершенно неосуществим: обнаружились больные территориальные узлы со смешанным населением, и только присутствие советских войск предотвращало взаимную резню. Подобные же больные узлы образовались при размежевании Грузии и Армении, уже в силу одного того, что в Тифлисе, главном городе Грузии, армяне составляли почти половину населения, и притом наиболее зажиточную половину.

Понятно, что большевики, желавшие под видом «национальной самостоятельности» изолировать, денационализировать и интернационализировать российские племена, разрешали все эти задачи диктаториальным произволом, за которым скрывались партийно-марксистские соображения, и силою красноармейского оружия.

Так, национально-территориальное размежевание народов было делом искони безнадежным.

6. — Ко всему сказанному надо добавить, что целый ряд

российских племен живет доныне в состоянии духовной и государственно-политической малокультурности: среди них есть такие, что пребывают религиозно в самом примитивном шаманстве; вся «культура» сводится у многих к кустарным ремеслам; кочевничество далеко еще не изжито; не имея ни естественных границ своей территории, ни главных городов, ни своих письменных знаков, ни своей средней и высшей школы, ни своей национальной интеллигенции, ни национального самосознания, ни государственного правосознания, они (как это было известно русскому Императорскому Правительству и как это подтвердилось при большевиках) не способны к самой элементарной политической жизни, не говоря уже о разрешении сложных задач судопроизводства, народного представительства, техники, дипломатии и стратегии. <...>

Неизбежен вопрос: после отчленения этих племен от России кто завладеет ими? Какая иностранная держава будет разыгрывать их и тянуть из них жизненные соки?.. <...>

Вторая мировая война сдвинула с места всю западную половину Европейской России, уводя одних (украинцев, немецких колонистов, евреев) на восток к Уралу и за Урал, а других на запад, в качестве пленных «остарбайтеров», или беженцев (в том числе добровольно ушли в Германию целою массою калмыки). Немцы заняли тогда русскую территорию с населением около 85 миллионов людей, массами расстреливали заложников и истребили около полутора миллиона евреев. Этот режим расстрелов и передвижений продолжался затем при большевиках после обратного занятия ими отвоеванных у них территорий. Потом начались расправы с национальными меньшинствами: надо считать почти погубленными — немцев-колонистов, крымских татар, карачаев, чеченцев и ингушей; а ныне расправа продолжается в Эстонии, Латвии и Литве. Представители УНРА исчислили погибших жителей Белоруссии в 2,2 миллиона, а на Украине — в 7—9 миллионов. Помимо этого, нам достоверно известно, что выбывающее население Украины, Белоруссии и Прибалтики пополняется населением из центральных губерний, с иными национальными традициями и тяготениями.

Все это означает, что процесс вымирания, национальной перетасовки и племенного смешения достиг в России за время революции небывалых размеров. Целые племена исчезли совсем или сведены к ничтожеству; целые губернии и области очнутся после революции с новым составом населения; целые уезды окажутся запустевшими. Все прежние планы и расчеты господ расчленителей окажутся беспочвенными и несостоятельными. Если же советская революция закончится третьей мировой войной, то в племенном и территориальном составе русского населения произойдут такие изменения, после которых сама идея национально-политического расчленения России может оказаться совершенно нежизненной химерой, планом не только изменническим, но просто глупым и неосуществимым.

8. — И тем не менее мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма»: российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество. Мы должны быть готовы к этому, во-первых, потому, что германская пропаганда вложила слишком много денег

и усилий в украинский (а может быть, и не только в украинский) сепаратизм; во-вторых, потому, что психоз мнимой «демократии» и мнимого «федерализма» охватил широкие круги пореволюционных честолюбцев и карьеристов; в-третьих, потому, что мировая закулиса, решившая расчленить Россию, отступит от своего решения только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение.

9. — И вот, когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «народы бывшей России, расчленяйтесь!», то откроются две возможности:

или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои крепкие руки «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия.

Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали в пункте 1; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», то есть в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши «добрые соседи»; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом «самоограждения», «замирения», «водворения порядка» и т. д. Вспомним 1917—1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они «революционно-опасны», а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот «добрые соседи» снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение «концессий», расхищение военных запасов, одиночный, партийный и массовый подкуп, организацию наемных сепаратистских банд (под названием «национально-федеративных армий»), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу. А новая Лига Наций попытается установить «новый порядок» посредством заочных (Парижских, Берлинских или Женевских) резолюций, направленных на подавление и расчленение Национальной России.

Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократические» усилия временно увенчаются успехом и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам и соседним державам?

10. — При самом скромном подсчете — до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав (из русской эмиграции); в-третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и «миссионеры» (перечитайте «Бориса

Годунова» Пушкина и Исторические хроники Шекспира). Все это будет заинтересовано в затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде, в политической и религиозной коррупции.

Медленно, десятилетиями будут слагаться новые, отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России.

Будут появляться все новые жадные, жестокие и бессовестные «псевдо-генералы», добывать себе «субсидии» за границей и начинать новую резню. Двадцать государств будут содержать 20 министерств (20×10, по меньшей мере 200 министров), 20 парламентов (20×200, минимум 4000 парламентариев), двадцать армий, двадцать штабов, двадцать военных промышленностей, двадцать разведок и контрразведок, двадцать полиций, двадцать таможенных и запретительных систем и двадцать всемирно разбросанных дипломатических и консульских представительств. Двадцать расстроенных бюджетов и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов; займы будут даваться «державами» под гарантии — «демократического», «концессионного», «торгово-промышленного» и военного» рода. Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами». Известная нам из истории федеративная неспособность русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к «самостоятельному фигурированию» довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению.

11. — Чтобы наглядно вообразить Россию в состоянии этого длительного безумия, достаточно представить себе судьбу «Самостийной Украины».

Этому «государству» придется прежде всего создать новую оборонительную линию от Овруча до Курска и далее через Харьков на Бахмут и Мариуполь. Соответственно должны будут «ощетиниться» фронтом против Украины и Великороссия и Донское Войско. Оба соседних государства будут знать, что Украина опирается на Германию и является ее сателлитом; и что в случае новой войны между Германией и Россией немецкое наступление пойдет с самого начала от Курска на Москву, от Харькова на Волгу, и от Бахмута и Мариуполя на Кавказ. Это будет новая стратегическая ситуация, в которой пункты максимального доныне продвижения германцев окажутся их исходными пунктами.

Нетрудно представить себе и то, как к этой новой стратегической ситуации отнесутся Польша, Франция, Англия и Соединенные Штаты; они быстро сообразят, что признать Самостийную Украину значит отдать ее германцам (то есть признать первую и вторую мировые войны проигранными!) и снабдить их не только южнорусским хлебом, углем и железом, но и уступить им Кавказ, Волгу и Урал.

На этом может начаться отрезвление Западной Европы от «федеративного» угара и от общерусского расчленения.

12. — Из всего этого явствует, что план расчленения России имеет свой предел в реальных интересах России и всего человечества. Доколе ведутся отвлеченные разговоры, доколе политические доктринеры выдвигают «соблазнительные» лозунги, делают ставку на русских изменников и забывают империалистическую

похоть предприимчивых соседей; доколе они считают Россию конченою и похороненною, а потому беззащитною, — дело ее расчленения может представляться решенным и легким. Но однажды великие державы реализуют в воображении неизбежные последствия этого расчленения, и однажды Россия очнется и заговорит; тогда решенное окажется проблематичным и легкое трудным.

Россия как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся, которая вызовет к жизни неимоверные и неприемлемые опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед закреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Расчленение России не даст ничего далеким державам и невероятно укрепит ближайших соседей — империалистов. Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдо-федерации»: это значило бы «списать со счета» первую мировую войну, весь междувоенный период (1918—1939) и всю вторую мировую войну — и открыть Германии путь к мировой гегемонии. Самостийная Украина только и может быть «трамплином», ведущим немцев к мировому водительству.

Именно Германия, восприняв старую мечту Густава Адольфа, силится отбросить Россию до «Московской эпохи». При этом она, рассматривая русский народ как предназначенный для нее исторический «навоз», совершенно неспособна понять, что Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново; она, как великий «организм», снова примется собирать свои «члены», продвигаясь по рекам к морям и горам, к углю, к хлебу, к нефти, к урану.

Легкомысленно и неумно поступают враги России, «впрыскивая» российским племенам политически безумную идею расчленения. Эта идея расчленения Европейских держав была однажды выдвинута на Версальском конгрессе (1918). Тогда она была принята и осуществлена. И что же? В Европе появился ряд небольших и в самоотстаивании слабосильных государств: Эстония, Латвия и Литва; многоземельная, но неудобозащитимая Польша; стратегически безнадежная, ибо всюду удобопроломимая и внутренно разъединенная Чехословакия, маленькая и разоруженная Австрия; урезанная, обиженная и обессиленная Венгрия; до смешного раздувшаяся и стратегически ничего не стоящая Румыния; и не по-прежнему обширная, но по-новому оскорбленная, мечтающая о реванше Германия. С тех пор прошло тридцать лет, и когда мы теперь оглядываемся на ход событий, то невольно спрашиваем себя: может быть, версальские политики хотели приготовить для воинственной Германии обильную и незащищенную добычу — от Нарвы до Варны и от Брегенца до Барановичей? Ведь они превратили всю эту европейскую область в какой-то «детский сад» и оставили этих беззащитных «красных шапочек» наедине с голодным и обозленным волком... Были ли они столь наивны, что надеялись на французскую «гувернантку», которая «воспитает» волка? Или они недооценили жизненную энергию и горделивые замыслы немцев? Или они думали, что Россия по-прежнему спасет европейское равновесие, ибо воображали и уверяли себя, что Советское государство и есть Россия? Что ни вопрос, то нелепость...

Трудно теперь сказать, о чем именно эти господа тогда думали и о чем не думали. Ясно только, что приготовление ими расчленение Европы, заключенной между германским и советским империализмом, было величайшей глупостью XX века. К сожалению, эта глупость их ничему не научила, и рецепт расчленения опять извлечен из дипломатических портфелей.

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно — о пан-европейском объединении и о всероссийском расчленении! Мы давно прислушиваемся к этим голосам. Еще в двадцатых годах в Праге видные социалисты-революционеры публично проболтались об этом замысле, избегая слова «Россия» и заменяя его описательным выражением «страны, расположенные к востоку от линии Керзона». Мы тогда же отметили эту многообещающую и, в сущности, изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: мировая закулиса хоронит единую национальную Россию...

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

О СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Россия, как национально-политическое явление, была создана сильной государственной властью, которая, однако, никогда (даже при Иоанне Грозном!) не покушалась на тоталитарное ведение жизни, культуры и хозяйства. Так было в прошлом. Так будет и впредь. <...>

Строго говоря, самое выражение «сильная власть» должно бы считаться странным и излишним: ведь власть сама по себе есть общественно-выделанная и организационная сила — в этом ее сущность и назначение; она есть живое средоточие уполномоченной и могущественной воли, которую все признают, уважая ее, подчиняясь ей и исполняя ее требования и законы. Что же означает выражение: «сильная власть»?.. «Сильная сила»? Однако исторически и политически это выражение полно глубокого и сложного смысла.

В истории народов государственная власть нередко преувеличивала свое призвание и свою сферу действия; она направляла свою энергию к неверным целям, попирала свои правовые формы и злоупотребляла своею мощью. Это вызывало протест и борьбу. Но борьба эта, движимая страстями, — открытым честным возмущением и откровенным личным честолюбием, — не только стремилась умерить преувеличения, исправить заблуждения, прекратить бесправие и злоупотребления исторической власти, но расшатывала и ослабляла самую власть. Борьба за «новую», «лучшую» государственность вела к подрыву самой государственной организации. Создавали не просто «лучшую власть», а слабую власть, бессильную, беспомощную, раздробленную. Опасались злоупотребления властью, а вместе с тем подрывали и внутренний порядок и внеш-

нюю обороноспособность государства. Придумывали такие формы власти, которые затрудняли и волевую концентрацию, и принятие решений, и проведение их в жизнь. Вводили в государственное устройство всевозможные «поправки», не замечая того, что эти поправки подтачивают действия власти, но не обеспечивают ни от безвластия, ни от ошибочных целей, ни от злоупотреблений... Так, ввели состязание государственных органов друг с другом (глава государства, министерство, верхняя палата и нижняя палата); ввели многоголовый сговор и взаимную борьбу многих партий; полномочия главы государства ограничили избираемостью его и срочностью и тем поставили его под контроль и увеличили медлительность в течении дел; стали выделять к власти людей слабых, безвольных, незначительных, зависимых от политической кулисы; конституционно закрепили недоверие народа к власти, — и не заметили, что всем этим создали сущее государственное безвластие и безволие. Замесили современное государство на дрожжах взаимного недоверия, классовой борьбы, тайных соглашений и закулисных интриг, — и не сообразили, что все это соответствует идеям анархизма, а не идее здоровой государственности. Боролись с бесправием и произволом преувеличенной власти — и были в этом правы; но пришли к бесправию от растраченной власти, к распаду, к всеобщей политической интриге всех против всех, к тайновластию всевозможных интернационалов, к «перманентной революции», к гражданской войне, к анархии... И что всего поучительнее, что этому ослаблению государственной власти исторически соответствовало не сужение государственных задач, не сокращение их объема и размаха, а возложение на государственную власть новых непосильных ей задач: началось притязание на великодержавие, на колониальное водительство, на мировое преобладание и даже на социалистическое регулирование хозяйства... Всего противоречивее и даже комичнее оказалась позиция социалистов: «последовательные демократы», сто лет делавшие все, чтобы расшатать и ослабить государственную власть, они все время носились с планом реорганизации всей жизни, предполагавшим монопольно- и тоталитарно-сильную государственную власть... И когда такая уродливая и болезненная власть, которая им была необходима, оказалась предвосхищенной у них большевиками, тогда обида их оказалась пожизненной и неисчерпаемой...

Есть государства, которые могут существовать при сравнительно слабой власти. Но и в их истории может пробить час, который потребует единства, волевой энергии, доверия, повелительности, быстроты, сильных людей и ответственных решений. И тогда все будет зависеть от их способности быстро и успешно перестроить свой порядок, свой ритм и свой привычный отбор людей...

Бывают исторические условия, при которых государство может плести ткань своей жизни, не имея сильной власти. Вот эти условия (перечисляю их с оговоркой — «при прочих равных условиях»).

1. — Малый размер государства. Чем меньше государство по территории, тем легче ему обойтись без сильной власти. Пространство требует, чтобы излучения власти пронизывали, прорабатывали его; оно поглощает и ослабляет их действие. Чем бо́льшая территория подчинена единой власти, тем сильнее, тем авторитетнее должна быть эта власть, тем более она должна импонировать гражданам. Поэтому территориальные размеры России (перед революцией — 22,4 миллиона кв. км) требуют сильной власти.

Достаточно сообразить, что территория Швейцарии составляет одну десятую часть Кавказа (вместе с Закавказьем); что территория европейской Франции составляла одну сорок четвертую тогдашней России; что Россия по пространству впятеро больше Китая, почти втрое больше Соединенных Штатов, и вчетверо больше всех (нерусских) государств Европы, взятых вместе. Сможет ли слабая власть пронизать своими организующими и упорядочивающими лучами такое пространство?

2. — Малочисленность населения. Чем меньше население государства, тем легче ему обойтись без сильной власти. Наоборот, чем больше людей входит в государство, тем труднее создается политическое единодушие и единоволение, — особенно на путях сговора (будь то «непосредственный» или «представительный» сговор). Голос слабой власти всегда утонет в шуме «сговаривающихся» миллионов. Поэтому численность русского населения требует для России сильной власти. Население коренной России (160—170 млн.) численно почти соответствует населению всей Северной Америки и значительно превосходит все население Африки. При слабой плотности расселения (в дореволюционной России 29 человек на кв. км в Европейской России и 2,3 чел. на кв. км в Азиатской России), русский народ всегда склонен к состоянию полу-анархии и лишь с большим трудом приучается к правопорядку. Чего же достигнет в России слабая власть?.. Февральская революция это показала наглядно.

3. — Обилие средств сообщения. Чем легче людям сноситься друг с другом в пределах единого государства — передвижением (железные и шоссейные дороги, автомобили, пароходы, аэропланы), устно (телефон, радио) и письменно (почта, телеграф), тем более страна оказывается спаянной общением, бытом и хозяйством; тем легче может справиться со своей задачей слабая власть; и обратно. Средства сообщения в России пребывали ранее и пребывают и ныне на весьма низком уровне. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить Россию и Германию. В России 1 километр железнодорожных линий приходится на 262 км площади, а в Германии на 7 км (кв.); в России 1 автомобиль обслуживает в среднем 295 человек, а в Германии 22 человека. Все эти данные относятся ко времени до второй мировой войны и основываются на, как всегда пропагандных, подсчетах советской статистики, в действительности все обстоит, вероятно, еще хуже. И тем не менее эти данные достаточно показательны. И вот, Российская власть должна быть тем сильнее, чем труднее ей прорабатывать человеческую разъединенность страны.

4. — Слабая дифференциация страны. Чем меньше в стране национальных, языковых, религиозных, бытовых, климатических и хозяйственных различий, тем легче управлять государством, тем удовлетворительнее справится со своей задачей слабая власть; и обратно. Маленькая приморская Португалия (величиной с нашу самую малую — Черноморскую губернию), с ее 7 миллионами единоплеменных, единоверных жителей, говорящих на одном языке, и не затронутых ни климатической, ни хозяйственной дифференциацией, — и та создала свою сильную власть и внутренно замирилась. Уже в соседней Испании слабая власть обычно ведет к распаду и гражданской войне. Что же сказать о России?.. Число ее национальностей и языковых групп доходит до 170. Число ее религий и исповеданий до 30. Климат ее знает все колебания от вечной

ночи до полуденной пустыни. Ее природа требует от нас органического и хозяйственного приспособления — и к тундре, и к солончаку, и к винограду, и к полярному мху, и к тайге, и к горам, и к океану. Кровь и язык, вера и быт, хозяйственный уклад и культурный уровень дифференцированы в России в высочайшей степени. Государственное единство возможно здесь только при наличности сильной и мудрой власти.

5. — Свобода от великодержавных задач. Чем проще национальная, культурная, хозяйственная и международная проблематика страны, тем легче ее государственные задания, тем уместнее во главе ее слабая власть. И обратно: только сильная власть справится с великодержавными задачеми страны. Спаять внутренно множество в органическое единство; поднять культурный уровень народных масс; вызвать к жизни хозяйственный расцвет большого народа; установить трудовое равновесие и возможно большее хозяйственное самопитание (автаркию) страны: найти верное торговое взаимодействие с соседями и ввести страну в меновой дипломатический организм мирового общения, — все это требует сильной власти, независимой от партийного прилива и отлива, не опасающейся «сроков», не трепещущей перед новыми выборами, прозорливо ведущей свою линию из десятилетия в десятилетие. Именно так создавалась Россия. Удельно-вечевая власть была слаба и не могла противостоять монголам. Московская власть не собрала бы Русь, если бы не окрепла. Россия нуждалась в Иване Васильевиче Третьем, чтобы покончить с татарами. Иоанн IV подготовил смуту не только опричниной и свирепым правлением, но больше всего — подрывом царского авторитета, то есть ослаблением власти. Россия нуждалась в Петре Великом, чтобы осознать и развернуть свое великодержавие. Дворцовые перевороты XVIII века (1725, 1730, 1740, 1762, 1801 и 1825) расшатывали и ослабляли российскую государственную власть и готовили России, по плану декабристов, в начале XIX века дворянскую республику с освобожденным без земли, то есть пролетаризованным и подготовленным к новой пугачевщине крестьянством. Только сильная, эмансипированная от заговорщических партий, сверхсословная и сверхклассовая власть могла дать России великие реформы шестидесятых годов. Так и в будущем: слабая власть не поведет Россию, а развалит и погубит ее.

6. — Высокий уровень народного правосознания. Чем выше уровень народного правосознания, тем легче слабая власть справится со своей задачей; и обратно. Правосознание есть умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности и частные обязательства, строить свою жизнь, не совершая преступлений; в основе его лежит чувство собственного духовного достоинства, внутренняя дисциплина воли, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, граждан к власти и власти к гражданам. Чем сильнее и глубже правосознание в народе, тем легче править им, тем менее опасна слабая власть; и обратно. Русское правосознание имеет тяжелое историческое наследие: удельные раздоры, татарское иго, смуту, кочевой и разбойничий юго-восток, восстания Разина и Пугачева, дворцовые перевороты, революционные движения XIX и XX века, правление большевиков. Все это нарастало на тот особый уклад души, который можно охарактеризовать как равнинную недисциплинированность, как славянский индивидуализм и славянскую тягу к анархии, как

естественную темпераментность, как дыхание Азии. Все это, вместе взятое, выработало в русском народе такое правосознание, которому импонирует только сильная власть («строгое начальство», по выражению Шмелева). Слабая власть всегда вызывала и долго еще будет вызывать в России чувство вседозволенности и общественный распад.

7. — Отсутствие военной угрозы. Чем замиреннее границы государства, чем менее грозят народу войны и нападения, тем легче справится слабая власть со своей задачей; и обратно. Слабая власть вообще не способна вести войну, ибо война требует воли, дисциплины, подготовки, концентрации и сверхсильных напряжений. Именно поэтому римская республика назначала на время войны (а также и внутренних затруднений) — диктатора, осуществлявшего единую, сильную и концентрированную власть. Обычный расчлененный и сложный аппарат государственной власти должен без труда упрощаться, сосредоточиваться и приобретать некую элементарную динамичность в трудные и опасные периоды: и чем легче происходит этот процесс упрощения и сосредоточения, тем боеспособнее угрожаемое войною государство. История России была такова, что в первый период своей жизни (1055—1462) она имела в среднем один год войны на один год мира (данные С. М. Соловьева), а во второй период своей жизни (вплоть до XX века) она имела в среднем два года войны на один год мира (данные генерала Н. Н. Сухотина). Нам не дано предвидеть будущего, но мы не имеем никаких оснований считать, что русская граница замирена, что государственное достояние России закреплено в международном отношении и что нам не грозят новые оборонительные войны. По-видимому, дело обстоит как раз обратно, и сильная власть будет необходима России, как, может быть, еще никогда..

Все законы общественной жизни могут быть выражены так: чем труднее народу дается государственное объединение и чем необходимее оно в данный период его истории — тем сильнее должна быть его государственная власть. Слабая власть есть своего рода «роскошь», которую может себе позволить только народ, находящийся в исключительно благоприятных условиях; не тот народ, которого все еще тянет в анархию, то есть к безвластному замешательству, а тот народ, которому маловластие или безвластие уже не грозит замешательством; не тот народ, внешнее расстояние и державные задания которого намного опередили силу и гибкость его правосознания, а тот народ, который духовно дорос до своих численно-пространственных размеров, который идейно, технически и организационно справился с бременем своих государственных задач. Народ, не могущий позволить себе этой роскоши, не должен и посягать на нее, ибо это посягание будет жизненно-беспочвенным и опасным и непременно приведет к образованию утопических партий и к гибельным попыткам с их стороны.

Силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины русский народ поставлен в условия, требующие не слабого, а сильного государственного центра. На протяжении своей истории он не раз обнаруживал и ныне, в революции, вновь обнаружил тягу к безвластному замешательству, к страстному разрушительному кипению, к хаотическому имущественному переделу, к противогосударственному распаду. Рус-

ский человек способен блюсти порядок и строить государство; он способен держать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды не тогда, когда она предоставлена самой себе, а тогда, когда она вызывается к жизни, закрепляется и ведется импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом.

Именно поэтому России необходима сильная власть. И она будет ее иметь.

Однако идея «сильной власти» совсем не так проста и общепонятна, как это многим кажется. Она должна быть верно и глубоко продумана. Она окружена соблазнами. Она может неверно истолковываться, противоправно строиться и дурно применяться в жизни. Здесь необходима большая предусмотрительность и ясность в определениях. Здесь преувеличения столь же вредны и опасны, как преуменьшения...

Принципиально говоря, государственная власть имеет вполне определенное и ограниченное призвание. Она совсем не «все может» и совсем не призвана «всем распоряжаться». Напротив — все то, что требует свободного дыхания, добровольного самоопределения со стороны человека, его творческой инициативы, не подлежит произволению и властному распоряжению государственной власти. Человек не машина, а живой организм. Дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению. Заменить хозяйственно-трудовую инициативу человеческого инстинкта — нельзя ничем; предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совестные движения души, чувство достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания — противоестественно и нелепо. К добродетели и верности можно призывать; их преимущества можно показывать и разъяснять; злые деяния можно воспрещать и наказывать. Но «Царство Божие» и духовная культура не вызываются к жизни государственным поведением. Это не означает, что государственной власти совсем «нечего делать»; но дело ее здесь ограничено, оно сводится к правовому обеспечению свободы, к препятствованию всем злым и соблазнительным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению людей благой воли.

Это означает, что сильная власть совсем не то же самое, что «тоталитарная власть». <..>

Сила власти определяется совсем не размером ее посяганий и не готовностью ее прибегать к любым и даже самым дурным средствам. Сила власти совсем не сводится к тому, что она готова истощать народное терпение и растрачивать народное уважение и доверие.

В чем же состоит сила государственной власти?

Сила власти есть прежде всего ее духовно-государственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинство, ее способность импонировать гражданам. Поставить себе неосуществимую задачу не значит проявить силу; растрачивать свой авторитет не значит быть сильным. Сила власти проявляется не в крике, не в суете, не в претенциозности, не в похвальбе и не в терроре. Истинная сила власти состоит в ее способности звать не грозя и встречать верный отклик в народе. Ибо власть есть прежде всего и больше всего —

дух и воля,

то есть достоинство и правота наверху, которым отвечает свобод-

ная лояльность снизу. Чем меньшее напряжение нужно сверху и чем больший отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть. Принуждение бывает необходимо; но оно есть лишь техническое подспорье или условно-временная замена истинной силы. Государственная власть есть прежде всего —

явление внутреннего мира,

а потом только внешнего. Власть сильна не штыком и не казнью. Штык нужен тогда, когда власть недостаточно авторитетна; казнь говорит о недостаточной лояльности снизу. Власть сильна своим достоинством, своею правотою, своею волею и ответом народа (то есть блюдением закона, доверием, уважением и готовностью творчески вливаться в начинания власти).

Эту основную природу свою — духовную и волевую — власть должна помнить, беречь и укреплять. В ее распоряжении всегда остается аппарат принуждения — то есть возможность поддерживать свои веления внешней силой. Но внешняя сила никогда не заменит внутреннюю, — ни ее достоинства, ни правоты, ни ее духовного импонирования. Пугачевский бунт свидетельствовал о том, что духовный авторитет русской государственной власти вновь (после Петра!) поколебался; что народный «идеал царя» не воплощался петербургским троном того времени... Лучшие люди той эпохи понимали это: А. И. Бибиков, которому Императрица поручила усмирение пугачевского бунта, писал фон Визину: «Не Пугачев важен, важно общее негодование!» Исторически дело обстояло так, что лояльность русского простонародья пыталась поставить трону свои условия. Бунт, конечно, надо было подавить. Но штык Михельсона и казни графа Панина не разрешали вопроса: надо было принять «корректуру» народного правосознания и творческими реформами восстановить истинную силу императорской власти. Ибо государство держится не штыком, а духом; не террором, а авторитетом власти; не угрозами и наказаниями, а свободною лояльностью народа.

Поэтому, говоря о сильной власти в грядущей России, я разумею прежде всего и больше всего — ее духовный авторитет. Этот духовный авторитет предполагает наличность целого ряда условий.

Так, прежде всего, необходима та особая национальная вдохновенность власти, которая должна излучаться из нее: народ должен уверенно чувствовать, что это есть наша, русская, национальная власть, преданная историческому делу, верная, неподкупная, блюдущая и строящая; без этой уверенности не будет ни доверия, ни уважения, ни готовности «аккумулировать» и служить. Сильная власть есть национально-убедительная власть.

Далее, в России необходимо религиозное доверие народа к власти: власть инославная, иноверная или безверная всегда будет пользоваться в России скудным, урезанным, сомнительным авторитетом. Власть, оторванная от Бога, не может знать, что полагается «по-Божьи»; она будет чужда верующему сердцу, а потому вообще не привлечет к себе сердец. Сильная власть есть религиозно-убедительная власть.

Далее, духовный авторитет власти будет тем больше, чем независимее будет эта власть. Зависимая власть не будет пользоваться ни уважением, ни доверием. Человек, который сам не стоит и не идет, не сможет и вести: за ним не пойдут. Всякая зависимость будет подрывать авторитет власти: зависимость от иностранных войск, от своей армии, от каких-либо международных явных или

тайных организаций, от партий, от капитала, от всяких ультимативных «нажимов» и т. д. Даже зависимость от церкви была бы нежелательна и противоречила бы древней, русско-православной традиции. Русская государственная власть может определяться только верою, совестью, честью и российским всенародным благом. Это должна быть автономная и предметно-убедительная власть.

Наконец, эта власть должна быть в государственных делах волевым центром страны. Безволие и слабоволие не импонирует русскому человеку. Сам не имея зрелого волевого характера, русский человек требует воли от своего правителя. Он предпочитает окрик, строгость, твердость — уговариванью, «дискуссиям» и колебаниям; он предпочитает даже самоуправство — волевому ничтожеству. Ему необходима императивная убедительность власти.

Таковы основные условия внутренней силы власти. Им должна соответствовать ее внешняя форма. Отчетливо вычертить эту форму можно было бы только в виде конституционного проекта с подробным объяснительным комментарием. Здесь можно установить только основы грядущего государственного устройства России, и то лишь вкратце. Вот эти основы.

1. — Сильная власть грядущей России должна быть не внеправовая и не сверхправовая, а оформленная правом и служащая по праву, при помощи права — всенародному правопорядку. России нужна власть не произвольная, не тираническая, не безграничная. Она должна иметь свои законные пределы, свои полномочия, обязанности и запретности, — во всех своих инстанциях и проявлениях. Это относится и к органу верховной власти, как бы он ни назывался и кем бы ни был представлен. Русский народ должен осознать себя как правовое единство, как Субъекта Права, состоящего из множества субъектов права: как живую Всероссийскую Личность, которую строит и ведет сильная правовая власть.

2. — Итак, русское государство будет субъектом права, юридическим лицом. А юридическое лицо организуется или по образцу корпорации, или по образцу учреждения.

Корпорация строится снизу вверх равноправными членами: это есть осуществленное самоуправление. Каждый участник ее есть полномочный член целого, решающий о своем участии в корпорации, о ее целях и задачах, о ее уставе и правлении. Правовая жизнь корпорации строится через тех, кого она объемлет и обслуживает. Так, последовательная демократия пытается построить государство по принципу строгой корпорации, сводя принцип «учреждения» к минимуму.

Учреждение строится сверху вниз, учредителем и группою назначенных им лиц; это есть осуществленное попечение о людях. Цель и задачи учреждения устанавливаются с самого начала учредителем; он определяется уставом; уставом же определяется структура учреждения и способы его действия. Одни люди ведут учреждение, и в этом состоит их служба; другие люди пользуются благами этого учреждения, но полномочными членами его не являются. Правовая жизнь и деятельность учреждения строится не теми, кого она обслуживает (например, школа, больница). Так, абсолютная монархия пытается построить государство по принципу строгого учреждения.

В действительной жизни государство никогда не бывает ни последовательной корпорацией, ни последовательным учреждением.

Государство всегда строится — не только сверху вниз, но и снизу вверх. Оно всегда осуществляет властное попечение; и всегда имеет сферы народного самоуправления. Понятно, что государство, нуждающееся в сильной власти, будет более склоняться к форме учреждения, а государство, удовлетворяющееся слабой властью, будет более походить на корпорацию.

В грядущей России необходимо будет найти верное, жизненно целесообразное, для русского правосознания подходящее сочетание из учреждения и корпорации. Участие русского гражданина в строительстве русского государства будет драгоценно, жизненно, необходимо; но оно не должно будет ослаблять силу государственной власти. Это участие не должно колебать и разлагать ее единства, авторитета и ее силы. Составитель будущей русской конституции должен понять и запомнить, что все установления, правила и обычаи демократического строя, которые усиливают центробежные силы в политике или ослабляют центростремительные тяготения народной жизни, — должны быть специально для России обезврежены и заменены иными, закрепляющими национальное единение. Здесь потребуется творчество новых государственных форм: нового избирательного права, новых партийных принципов, новых форм контроля, единения и водительства. Русский гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, — даже и там, где он не участвует в делах формальным голосованием. Форма «общественного договора» неосуществима в России: всенародный сговор с арифметическим подсчетом голосов быстро развалит русское государство. Но именно поэтому «общественый договор» должен стать живой, всепокрывающей, непоколебимой предпосылкой русского правосознания.

Задача нового государственного устройства России состоит в том, чтобы найти такую форму, при которой дух братской корпорации насытит форму попечительно-ведущего учреждения, — при обеспеченном и непрерывном отборе качественно лучших людей к власти. Это учреждение должно быть несомо тем корпоративным духом, который оно само питает и насаждает, приучая народ к самоуправлению, но не рабствуя корпоративной схеме и доктрине.

Новая конституция России должна совместить преимущества авторитарного строя с преимуществами демократии, устраняя опасности первого и недостатки второй.

3. — Государственный строй новой России должен быть по форме унитарным, а по духу федеративным. Единство державы и центральной власти не может зависеть от согласия многих отдельных самостоятельных государств (областных или национальных); это развалит Россию. Но единая и сильная центральная власть должна выделить сферы областной и национальной самостоятельности и насытить всенародное единение духом братской солидарности.

4. — Сильная власть отнюдь не должна привести в России к формам централизации и бюрократизма. Русское государство должно быть единым, но дифференцированным. Оно должно иметь сильный центр, децентрализующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России. Центральное управление не сможет обойтись без назначаемого чиновничества, но надо будет найти новые формы для выдвижения снизу людей талантливых и достойных назначения. И в то же время бюрократии центра должно соответствовать широкое — местное, сословное и профессиональное самоуправление. Россия должна иметь сильный центр, формально-авторитетный, но по существу и по духу — народный и всенародный.

5. — Все государственные дела должны быть разделены на две категории: центрально-всероссийские, верховные, и местно-автономные, низовые. К первым должны принадлежать все дела общегосударственые, единые для всех, субстанционные для России, как великой державы. Ко вторым — все остальные. Делами первой категории должен ведать сильный, авторитетный центр (отнюдь не исключающий народного представительства и питаемый свободным всенародно-корпоративным духом). Делами второй категории должны ведать органы самоуправления, работающие в согласии с децентрализованными, местными органами центра (что обеспечит им органическую поддержку центральной власти). Должна быть найдена такая форма государственного устройства, при которой низовая сила будет вовлекаться в работу авторитарного центра, а авторитарный центр будет иметь возможность влить свою оздоровляющую силу в то низовое место, которое потребует этого своею слабостью или своим расстройством.

В этом органическом единении важнее всего, чтобы сильная власть верно соблюдала меру своего проявления: все, что может делаться нецентрально, должно совершаться автономно; сила центра не должна подавлять автономное творчество людей и корпораций; но в части необходимости свободные люди и автономные корпорации должны получать опору и оздоровление из сильного центра. Тогда сильная власть окажется примиримою с свободною самостоятельностью народа.

6. — Что касается верховного органа власти (Глава государства) в грядущей России, то необходимо помнить следующее. Коллективное (не единоличное) строение этого органа ослабит его политическую силу: при прочих равных условиях единоличный глава государства представляет более сильную волевую власть, нежели совокупный орган. Точно так же избираемый Глава в полномочиях своих срочный (или тем более — краткосрочный), сменяемый (или тем более — легко сменяемый), зависимый от других пресекающих или авторитетно контролирующих органов, лишенный самостоятельной инициативы, явит власть слабую. По общему правилу, он создает на ответственнейшем месте государства — центр безволия, интриг и замешательства.

Таковы общие основы, на которых может и должно покоиться государственное устройство грядущей России. Современные поколения русских людей сумеют найти соответствующие формы государственного бытия, творчески-новые и национально-спасительные.

Окончание следует

Наши публикации

Имя прекрасного русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, ушедшего из жизни в 1953 году и похороненного в Париже, все чаще в наши дни привлекает внимание любителей литературы. И интерес этот не случаен. Возвращение в страну «эмигрировавшей культуры» — процесс необходимый. Александр Трифонович Твардовский писал: «В смысле школы, в смысле культуры письма в стихах и прозе молодому русскому, и не только русскому, писателю невозможно миновать Бунина в ряду мастеров, чей опыт попросту обязателен...»

Настоящая поэзия никогда не увядает, не исчезает ее обаяние и свежесть. Публикуемые сегодня стихи впервые увидели свет 95 лет назад в литературном приложении «Нива» и позже никогда не переиздавались.

И. А. БУНИН

* * *

Февральский ветер по вершинам
Ветвями сизыми шумит;
Он дышит влагою лесною,
Весенней сыростью пьянит.

Тепло — и глохнет под дугою
Звон колокольчика в тиши...
Как ярко ельник зеленеет!
Как бледен снег в лесной глуши!..

А там, в конце ее аллеи, —
Простор безбрежный... Церкви шпиц,
Голубоватые равнины
И даль лугов, и стаи птиц!..

И слыша ветра гул невнятный,
Обвеян воздухом весны,
Опять я сердцем молодею,
Опять зову былые сны...

И стаи птиц, и эти дали...
О, как отрадна их тоска!..
И верю я в забвеньи сладком —
Придет весна, — она близка!..

* * *

Ни песен, ни солнца... О, сердце мое!
Ты песней звенело, ты солнцем лишь жило,
Ты жаждало веры, чтоб верить любви,
Но долгая ночь для тебя наступила...

О, если б забвенье!.. В душе — тишина,
Но сном благодатным забыться нет мочи:
Печально мерцает свеча до утра
И медленно тянутся скорбные ночи...

И только порой, на мгновенье одно,
Поникнув в молчаньи, в раздумьи глубоком,
Я слышу -- опять эта песня звучит
О чем-то родимом... далеком, далеком...

И только порой в ней надежду ловлю,
Что ветер внезапный развеет ненастье
И дверь распахну я на солнечный блеск
Для новых миражей, для нового счастья.

Публикация Евгения ЮШИНА

Дмитрий МИЩЕНКО

ЛИХОЛЕТЬЕ ОЙКУМЕНЫ

*Исторический роман**

Утигуры и кутригуры

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Послание императора Юстиниана хану утигуров Сандилу:

«Если ты, зная намерения кутригуров, сознательно не действовал, то я, естественно, удивляюсь как твоему предательству, так и самому себе — хотя бы в том, что недостаточно распознал твои намерения и заблуждался в суждениях о тебе. Если же ты и вправду не осведомлен о том, что делается, то тебя можно и простить. Однако ты докажешь нам свое незнание умыслов кутригуров твердым обещанием: в дальнейшем не будешь допускать подобной нерадивости... Хотя бы сейчас не опускайся ниже самого себя. Тебе предоставляется благоприятная возможность заставить врага ответить (за вторжение) и, победив его, получить то, что принадлежит тебе по заслугам. Если же ты позволишь себе успокоиться или бесстыдно признаешь за необходимое не действовать, то мы лишим тебя субсидии».

Агафий Миринейский. «О царствовании Юстиниана»

Ответ хана Сандила Юстиниану:

«Было бы непристойно, к тому же беззаконно под корень уничтожать людей одного с нами племени, которые не только разговаривают на одном с нами языке, но и живут по тем же обычаям, носят такую же, как мы, одежду и даже являются нашими родичами, хотя и подвластны другим вождям.

«Я уж лучше отниму у кутригуров коней и присвою их себе, чтобы им не было на чем ездить и вредить римлянам».

Менандр Протиктор. «История»

«Обессиленные набегами врагов своих, анты послали к аварам посольство во главе с Мезамиром, сыном Идарича и братом Келагаста... Авары, поддавшись наговору Котрагира, невзирая на то, что это посол, что к нему надо относиться с уважением, убили Мезамира».

Менандр Протиктор. «История»

I

То была воистину летняя ночь: теплая и тихая, с бесконечно высоким и чистым небом над землей, густо усеянным звездами. Запахи переполняли степь, распирали грудь неземными соблазнами. Уже одних только запахов было бы достаточно, чтобы чувствовать себя познавшим радость земного бытия. Но люди есть люди, им всего мало. Доступность степного приволья возбуждала новые желания, — они упивались запахами разомлевших к ночи степных трав, и ни один не сказал: хватит, пресытились. Впрочем, жизнь, несмотря на это, текла своим чередом.

* Первая книга исторической дилогии Д. Мищенко «Синеокая Тиверь» опубликована в журнале «Молодая гвардия» в № 8—9 за 1990 г.

Молодые степняки разжигали костры, запасались на ночь дровами, кто постарше — хлопотали возле баранины, что жарилась на огне. Скоро ужин, а ужин в степи, под погожим летним небом — одна из тех радостей, без которых немыслима кочевая жизнь. Ужин собирает в круг всех: и молчунов, и балагуров, и тех, кто любит только послушать беседу, и тех, чье веселое слово сближает людей.

Огонь то угасает, то вспыхивает снова, разгорается, отгоняя ночную тьму, прибавляет тепла. Разговор пастухов, гораздых на выдумку, не смолкает не только за ужином, но и после — в тепле, у костра, хорошо говорится. Тишина и покой, разлившиеся вокруг, вдруг взрываются хохотом, а чуть погодя хохот снова уступает место тишине, негромкому разговору или протяжной, приглушенной песне. И так до глубокой ночи. Набегавшись за день, кое-кто уже начинает дремать, кто-то еще прислушивается, через дрему, ловя краем уха обрывки веселых или грустных историй, и только старики привычно следят за огнем, за конями, что пасутся поодаль, до самого рассвета. Лишь под утро позволят они себе сомкнуть веки и заснуть, хоть и ненадолго, крепким, непробудным на заре сном.

Спали и тогда, когда в степи поднялась тревога.

— Э-гей, кутригуры! — Кто-то гнал из балки коня и кричал что было сил. — Беда! Наших коней умыкнули тати! В погоню, скорей! В погоню!..

Этого было достаточно, чтобы вмиг проснулась вся степь. Поскакали гонцы степью — от стойбища к стойбищу, от аджака к аджаку. Тревога сзывает всех, кто может держать меч в руках, — собирает их в сотни, сотни — в тысячу. Воины встают каждый на свое место, кмети — на свое, нередко и хан появляется среди них.

— Кто видел татей? — спрашивает. — Кто знает, куда погнали наших коней?

— Видеть не видели, — находятся знатоки, — а следы ведут к Широкой реке, не иначе как к утигурам.

Хана ведут к следам, чтобы сам убедился в этом. И тогда хан, подняв на дыбы застоявшегося за ночь коня, показывает рукой: вперед, кутригуры! Там ваш обидчик, ваш враг!

Конь для кутригура все: он и кормит род, дает и мясо, и набел, и перевозит род из дола в дол, с выпаса на выпас, он же — самый надежный друг и спаситель

в сечах. Что пеший против конного и что кутригур без коня? И от своих отстанет, и чужих не догонит, в ряды мечников не врежется и не поразит мечом нападающего, который сидит на коне. Это другой кто — ромеи там или анты могут сражаться и так, и сяк, кутригуры же — воины конные и только конные. Потеря коня для него — потеря всего, с чем связана жизнь кутригура в этом мире. Вот и пылает жгучим гневом сердце каждого кутригура, вот и стремится каждый найти, догнать татей, что посягнули на их добро.

Гудит под копытами земля, свистит в ушах прохладный ночной воздух, а кутригуры пришпоривают и пришпоривают коней, стелют и стелют им под ноги встревоженную степь. Они уверены: тати не могли убежать так быстро, они вот-вот будут настигнуты.

Но... этого не случилось. Когда преследователи убедились, что это именно так, они не знали, что и думать. Следы ли обманули их, или пастухи поздно заметили пропажу? Скорее всего опоздали с погоней. Кто же задумывает такую татьбу на рассвете? Еще с вечера, видно, увели табуны и погнали на восток. А пастухи небось лясы точили в это время у костра или спали сном праведников.

Что теперь будет? И что решит молодой хан? Отец его не испугался бы речной шири, нашел бы способ переправиться и разыскать кутригурских коней в стойбищах утигуров. А этот стоит, смотрит за реку и думает о чем-то. Неужели же не отважится?

— Прикажи, хан, — подсказывают ему. — Вели переправиться ночью и вызнать, где кони, какие утигурские стойбища причастны к татьбе. Узнаем — ни только свое вернем, но и ихнее тоже прихватим.

Повернулся, посмотрел на советников.

— Так, считаете?

— А не так разве? Только бы знать, кто причастен!

— А я о другом думаю: до каких пор так будет? Утигуры к нам будут ходить с татьбой, мы — к утигурам. Что это даст нам и что — утигурам?

Молчали кмети. И хан молчал. Смотрел за Широкую реку и, видно было, сильно гневался на татей, а совета не принимал. Может, передумает еще? Молод еще, горяч, а от молодого всего можно ожидать. Но хан не передумал. Велел дать коням отдых и возвращаться назад.

Знал, от него ждут заступничества. Не раз и не два

выезжал после того в степь, стреноживал коня и отпускал пастись, а сам, раскинув на траве попону, ложился навзничь и думал, где тот путь, который может привести его племя к покою и миру? Нередко досада брала его — утешительная мысль не давалась, ускользала, но однажды показалось, что надежда все же есть. Прискакал вечером к стойбищу и сразу повелел собрать малый совет из кметей.

— Хочу сам поехать к утигурам, — сказал он им. — Не с тысячами, — пояснил, что не о сечи ведет речь, — а с сотней верных и лучших. Пусть утигуры видят и знают, кто мы.

— Надеешься, это даст что-нибудь? — спросили те, кто был уверен, что хан едет к Сандилу на переговоры.

— Надеюсь.

Советники, однако, в успех не верили. «Молодость, молодость, — думали они. — Только ею и можно объяснить такое легкомыслие». Но вслух не перечили Завергану. Пусть поедет, если так хочет, пусть подпалит крылья своих надежд.

Случилось же так, что хан спалил недоверие, которое прочно сидело в головах кметей. Возвратился через седмицу-другую и огласил: берет себе в жены младшую дочь хана Сандила — Каломелу. А раз он высватал у утигуров жену, то означать это могло только одно: быть миру и согласию между утигурами и кутригурами, быть счастью на земле!

Породнившись, люди должны жить между собой так, как и положено родственникам. Тем более что для мира причин всегда больше, чем для войны. Кто не знает, что утигуры — одной крови с кутригурами? Были времена, когда жили одним стойбищем, вместе ходили в походы. Это после того, как рассорились между собой ханы-братья и разделились на два племени, народы-братья словно с пути сбились. Воруют друг у друга девиц, как тати, крадут коней друг у друга, угоняют отары овец, коровьи стада. А где татьба, насилье — там и злоба, где злоба — там и месть. Вот и дошло между кровными когда-то племенами до настоящей войны. Хан положит конец этому.

Совсем недавно стал Заверган на место отца, предводителя кутригуров, и хотя он молод еще годами, но поступил воистину мудро: не местью ответил Сандилу за

татьбу, а сватовством. Это хорошая примета. Мудрый хан будет у кутригуров. Он принесет им самое заветное — мир, согласие, счастье.

Пусть поможет ему небо в желанном браке, а им, кутригурам, — в добрых делах. Если все будет именно так, может, остановятся они на этой земле, перестанут кочевать, как перекати-поле, натыкаясь то на меч, то на петлю ненадежных соседей. Да и куда еще дальше идти, на что надеяться, если дошли до края? Были хозяевами земель на Дону — и пошли с Дона, были на северных и южных берегах Меотиды — и снова ушли. Ныне не лучшие времена переживают. С востока обры давят на утигуров, а утигуры — на них, кутригуров. В северной стороне давно и твердо уселись анты, на западе, чуть не до моря — снова анты, за антами сидят ромеи и склавины. Кто пустит в те земли, если там сидят свои люди? Нет, надо искать союза с утигурами, тогда и обры поубавят наглости, и анты признают их за соседей, достойных уважения.

Стойбища хана не узнать. По одну и другую сторону широкого, хорошо утоптанного за время стоянки подворья, стоят устеленные цветными коврами, обитые изнутри белым войлоком фургоны. Это для гостей, которые привезут избранницу хана. Чуть в стороне от повозок — тоже двумя рядами — праздничные ковры уставлены яствами и питьем. Здесь будут пировать гости с ближайшими родственниками и кметями — содругами хана. Остальное подворье, околии стойбища — отданы званым и незваным, тем, кто пришел погулять на свадьбе или просто хочет посмотреть на избранницу хана. В глубине подворья, ближе к Онгул-реке, на просторе возвышается ярко-розовый, величественный ханский шатер. Сюда, в это жилище, поведет после веселья свою жену хан.

Слуги то и дело снуют по подворью, спешат успеть сделать все, что положено сделать до появления гостей. А бубны, сопели, рожки не умолкают уже, и кутригуры собираются и собираются к тому месту перед стойбищем, где восседают на возвышении веселые потешники, куда зазывает народ их веселая музыка. Кто-то из молодцов, словно подогретый музыкой, подходит к девицам, что собрались в сторонке, приглашает глянувшуюся ему красавицу на танец. И немного проходит времени, как весь круг заполняется молодой порослью кутригурских

родов, для которой свадьба хана — лучший повод отвести душу в веселых игрищах, среди забав и потехи.

Танец сменяется танцем, меняются девчата и парни в кругу, как меняется и сам круг. Много народа собралось возле музыки. Но и по другую сторону от въезда в стойбище, обозначенного свежесложенными копнами из сухого бурьяна и хвороста, хватало людей. Там собрались в основном люди почтенные, которым не грех было, в ожидании праздника, присесть в сторонке, отдохнуть, переброситься словом.

— Пора бы уж быть хану со своей утигуркой, — замечает кто-то.

— Терпи, — успокаивают его. — Богатую невесту долго ждут.

— А что, правда, богатая?

— А то нет? Не табунщицу же берет Заверган — ханову дочку!

Коротают в беседе время, но все же не так быстро, как хотелось бы. Однако всему бывает конец, пришел конец и этому ожиданию.

После полудня на ближайшем к стойбищу холме появился всадник — он дал знак: хан приближается, вот-вот будет. Стихли бубны, рожки и сопели, остановились танцующие. Зато оживились слуги, особенно те, кому надлежало встретить хана и его нареченную. Одни спешили к кострам, чтобы выхватить пылающие головешки, стать с ними наготове: как только хан приблизится к стойбищу и возьмет под свое прикрытие невесту, они зажгут кучи сухого хвороста; другие стали при въезде в стойбище, чтобы встретить с достоинством и почетом ту, которая с сегодняшнего дня войдет в род Заверганов и станет хозяйкой его очага.

Хан ехал впереди, в сопровождении воинов и своих кметей, его избранница была в одной из повозок, следующих за конниками. Когда они приблизились к стойбищу, торжественно затрубили трубы. Заверган сошел с коня и направился к передней повозке, где женщины хлопотали возле его нареченной. Подождал, пока поправят на ней убранство, молвят с ласкою слово напутное, и уже потом сказал, чтобы было слышно всем, Каломеле:

— Пусть нареченная моя не пугается, что пойдем между огней, — кивнул на костры, которые уже полыхали языками пламени. — Я буду рядом.

— Таким, как наша Каломелка, — заступилась ее

старшая сестра, — огонь не страшен. Она у нас непорочная.

Девушка ничего не сказала на это. Она лишь потупила встревоженный усмешкою хана взор и молча пошла рядом, когда хан взял ее за руку.

Сестра говорила правду: ей нечего бояться огня, хранителя рода Завергана. Всем и каждому может поклясться: ничего плохого не замышляет против рода его. Если так вышло, что хан выбрал ее, а отец повелел быть хановой, она и в жилище, которое назовет он их домом, не понесет ничего порочного или злого. Идет не в охотку, это правда, наперекор сердцу — это так, но уж если должна идти, то пойдет такой, как мать родила. Уйдите прочь, страхи! Уймись, сердце! Если что и может подвести ее, так только то, чего она и сама не знает. Что несет сейчас в дом Завергана она, дочь чужого рода и чужих обычаев? Что, если думает о себе одно, а на самом деле она совсем другая? Что, если огонь, хранитель жилища хана, узрит это и не пропустит ее? Если духи рода встанут против воли самого хана, против ее воли? А встанут — испепелят заживо.

Робость сковала ее, казалось, она шла ни жива ни мертва. И даже не видела, как встречает ее собравшийся по сторонам огненного пути народ. Знала, что людей много, но все и всех заслонил для нее огонь и страх перед огнем. Пламенеющие языки так и тянутся к телу, норовят лизнуть своим горячим дыханием ее и без того пламенеющее тело. Кажется, она уже второе огненное кольцо прошла. А сколько их еще впереди — не сосчитать. У нее рябило в глазах, ни воли, ни силы в теле, сердце ушло в пятки. Если бы не хан, не его твердая рука, наверное, упала бы здесь, меж огнями, а то и пошла бы, с затуманенной головой, прямо на огонь.

И вдруг она услышала, как кричит, ликует молчавший до сих пор народ. Что случилось? Чему радуются? Ее, ее красоту славят? Да. Все взгляды прикованы к ней, все улыбки — ей, все здравицы — тоже ей! Да и хан Заверган доволен, не знамо как. Прижимает ее, свою нареченную, к себе, успокаивает:

— Не бойся теперь. Ты прошла сквозь огонь, тебя приняли духи нашего рода, а значит, принял и род. Будь свободной среди свободных и достойной среди достойных. Отныне — ты жена хана, а значит, и госпожа на кутригурах.

Ночь давно опустилась на землю, а народ, что пришел к хану на свадьбу, только разгулялся. Не кончается трапеза у костра, не кончаются шутки и прибаутки, громче разгорается смех, веселее становятся игрища. Каломела держалась сколько могла. Сидела рядом с мужем, пока ночь не сморила ее вконец. Тогда позвала сестру, шепнула ей:

— Я уже без сил. Скажи хану, чтобы позволил уйти в шатер.

Заверган не перечил. Он был хмельной и почти не обращал внимания на свою избранницу. Он был занят родственниками и своими кметями. Однако, когда Каломела поднялась, чтобы уйти, подозвал ее сестру и что-то шепнул ей.

Но какая женщина, даже если она совсем еще юная, удержится, чтобы не полюбопытствовать, что скрывает от нее муж. Не была исключением и Каломела. Сестра усмехнулась на это и отделалась шуткой:

— Сама не пойму. Или Заверган так уж дорожит тобой, или не уверен за своих. Велел беречь тебя, чтоб не выкрали.

В шатре она сняла с сестры убранство, потом, отведя в сторонку, сделала омовение. Принесла Каломеле тунику из тонкой ромейской ткани и велела отдыхать.

— Я побуду с тобой, газелька моя, — сказала ласково и поцеловала Каломелу, как делала это мать, желая ей доброй ночи.

— И тогда, когда он придет? — встревоженно спросила Каломела.

— Ну что ты, только пока он придет.

Что делать, думала Каломела, рано или поздно ей все равно оставаться с ним. И сестры, и мужи, что сопровождали ее к кутригурам, и даже челядь — все сядут завтра-послезавтра на коней и поедут за Широкую реку, в родные стойбища. Только она никуда не поедет, останется в Кутригурах, на ласку или гнев хана Завергана. Как-то будет ей здесь, в чужой земле, среди чужих людей? Хорошо, если так, как обещает хан, а если нет? Ни отца, ни матери, даже совета уже не услышит от них. Единственное, что ей остается — уповать на доброту тех, кто, как говорит хан, принял ее в этом роду, и принял приветливо. Отчего же тогда у нее мороз по коже, как только подумает, что должна принадлежать ему? Не принимает его сердце, желает другого? Караул, кого еще желать ей в свои шестнадцать лет! Кроме подруг, матери-советчицы да бесконечной степи, которая засевала думы и сердце перезвоном ковыля, никого и ничего не знала. Не иначе, как не принимает Завергана ее сердце. Чужой он ей. Что же будет, если и не примет? Она же так погубит себя, видит бог — погубит!..

Кажется, она выскользнула бы сейчас, пока пьют-гуляют, за стойбище, взяла бы первого попавшегося коня и подалась бы куда глаза глядят. Да куда подашься со своей болью, если ей даже в родную землю, к отцу-матери нет возврата. Говорила им: «Не хочу!» Криком кричала: «Не пойду!» Кто ее послушал, кто посчитался с ней? «Едь и будь ему женой», — сказали, и сказали твердо.

— Сестра, — позвала Каломела. — Ты слышишь меня, сестра?

— Слышу, — отозвалась та. — Чего тебе?

— А ты не уходи, когда придет хан.

— Разве можно?

— Можно. Скажешь, я так хочу.

— Он муж тебе, Каломелка. Ты должна принадлежать ему.

— Если и должна, то пусть потом, не сейчас.

Сестра тихонько засмеялась. Чувствовалось: шутит над Каломелой. По-доброму, а все же шутит.

— Думаешь, не послушается?

— Думаю... — Сестра хотела еще что-то добавить, но замолчала на полуслове: послышались чьи-то шаги, открылся полог, и в шатер вошел хан.

— Каломелка спит уже? — спросил он.

— Да нет, — поспешно и, как показалось Каломелке, с радостью ответила охранница. — Она ждет хана.

Каломелка даже вскинулась от неожиданности и обиды. Хотела вскочить, крикнуть: «Неправда! Ты обманщица!» Но еще и подумать об этом не успела, как хан перебил ее мысль своей.

— Так она у нас такая разумница?

Поняла: он очень доволен, что она ждет его. И сестре что-то ласковое сказал, словно давал понять той, что сделала свое дело и может уходить.

Каломела не видела, как вышла сестра, — она лежала притихшая, испуганная. Слышала только, что хан уже возвратился, проводив сестру. Он посидел немного, помолчал, потом поднялся, позвал челядника.

— Сделаешь мне омовение, — сказал привычно и пошел туда, где была перед тем Каломела.

Плескался он долго, с наслаждением. Но вот и челядника проводил. Зашел и долго стоял посреди ложницы, то ли смотрел на свою избранницу, которая лежала рядом и молчала, ожидая, то ли просто вытирался после омовения. Наконец погасил огонь, приблизился к ложу.

Каломела чувствовала себя как натянутая стрела. Казалось, дотронется Заверган — и она лопнет, как лопается тетива, если от нее хотят больше, чем она может.

Хан не замечал этого, да и не хотел замечать. Обнял ее сильной, покрытой жесткими волосами рукой и довольно-таки грубо прижал к себе.

— Ты чего? — спросил, почувствовав сопротивление.

— Боюсь хана.

— Ах, так?! — дохнул в лицо хмельным перегаром, вызывая у нее такое отвращение, что чуть сердце не остановилось. Собравшись с силой, она неожиданно выскользнула из его объятий и даже отбежала в сторону.

Такая дерзость пробудила в нем не столько мужа, сколько зверя. Он сгреб ее обеими руками, вернул на ложе, так сильно и порывисто стал добиваться своего, что у Каломелы перехватило дух, она едва не задыхалась от страха и безысходности.

— Прошу тебя, не надо! Пусть потом, когда-нибудь потом!..

И уговаривала, и пыталась защищаться руками — напрасно. Что ему ее сила, если у него она в стократ больше, и что просьбы, если загорелся огнем? Заложил за ворот пятерню и так рванул старательно сшитую матерью тунику, что она разошлась до самого подола и явила Каломелку во всей ее нетроганной красоте и таинственности.

Оцепенела от ужаса и тем, наверное, решила свою судьбу. Почувствовала и поняла: ее освободили из материнского прикрытия. А такой уже не позволено принадлежать другому. Такая может принадлежать только тому, кто добился своего, смог освободить.

II

На третий день после свадьбы все, кто сопровождал Каломелу к стойбищу хана кутригуров, возвращались за Широкую реку, к своему роду. Хан устроил им пышные

проводы, сам сел на выгулянного за эти дни коня и Каломеле велел подать — проводят ее родственников до переправы, а оттуда поедут в сопровождении доверенных мужей («верных» — как называет их Заверган) по границам Кутригурской земли: хочет показать земли жене своей, и заодно — жену показать кутригурам. На это уйдет столько дней, что успеет родиться, наполниться и снова родиться месяц. Во всяком случае, к ханскому стойбищу под Онгулом возвратятся лишь тогда, как объедут всю землю от восточных до северных границ и от северных до западных. Южные границы посмотрят напоследок. Они идут вдоль моря, поэтому скрасят Каломеле путешествие, а может, и удивят.

На первую ночевку остановились в степи, на вторую вышли к одному из кутригурских стойбищ над Широкой рекой и там, в стойбище, хан снова устроил утигурам прощальный ужин, а Каломеле позволил побыть с сестрами столько, сколько позволяла ночь. Жена разлучается с кровными надолго, и кто знает, может, и навсегда. Пусть побудет с ними напоследок, пусть порадуется, что ей это позволено.

Прощаясь, Каломелка так горько, по-детски, плакала, что даже у него, равнодушного к женским слезам, шевельнулось сердце, он расщедрился на ласку и уговоры. Она была благодарна ему за это и только теперь по-настоящему поняла, что, кроме хана, у нее нет и не будет на этой земле человека роднее, — и доверчиво прижалась к нему.

Кто-кто, а Заверган знал: путь у них долгий и утомительный. Он осмотрительно не спешил, давая время на отдых, на встречи и торжества, на которые не скупились стойбища, встречая хана и его молодую жену. Чтобы порадовать Каломелу, он тайно от нее высылал вперед разъезды, предупреждая родичей о своем приближении. А уж те знали, где и как встретить хана с ханшей: выезжали далеко навстречу им, чтобы устлать путь до стойбища сладкими речами, а хану и ханше вручали богатые подарки.

Сначала Каломела смущалась: похоже, хан Заверган нарочно повез ее по границам своей земли, чтобы собрать со стойбища больше подарков, потом стала удивляться — откуда стойбищане знают о ней, даже в самых отдаленных уголках? Поглядывала на хана, стараясь понять, что к чему, но хан делал вид, что не понимает ее крас-

неречивых взглядов, и отделывался смехом. Это, похоже, нравилось Каломеле: она перестала сторониться его, а хвалу и подарки принимала уже как должное. С каждым днем, незаметно для себя, она стала все больше тянуться к нему. То вдруг принималась расспрашивать, где едут, далеко ли отсюда анты и что это за люди, а то, когда останавливались на отдых, не доверяясь челяди, сама ставила перед ханом еду, спрашивала, нравится ли ему то или другое яство. Заверган радовался таким переменам. Радовался, хотя и не удивлялся, что жена быстро привыкла к верховой езде. У своего отца, там, на берегах Белой реки, небось не только в стойбище сидела, а носилась, наверное, как и все в ее возрасте, на молодой кобылице по степи. Удивляло другое: просто и по-мужски стойко переносила она изнурительный путь, подтянулась в пути, стала похожей на отрока-воина.

Чтобы убедиться, какой из нее наездник, он показал однажды на синеющий вдали плес и приказал кому-то из мужей:

— Проскачи туда, хоть ты, Коврат, вместе с Каломелой, и узнай, годится ли там вода для питья и варева. Стойбища все нет и нет, а уже время поить коней, да и самим не мешало бы устроиться на ночлег.

Знал, конь у Коврата быстрый, да и муж не из тех, что ездят шагом. Когда Коврат пустит своего быстрохода вскачь, Каломела пойдет следом или отстанет? А если пойдет, то как? Остальным повелел спешиться и ждать. Пока ждали, только и делал, что поглядывал в ту сторону, куда послал гонцов.

Туда ехали вровень и, к его удивлению, легкой рысью. Оттуда же, будто знали, чего ждет хан — пустили коней вскачь. Каломела чуть поотстала от Коврата, но не настолько, чтобы сомневаться в ее способности быть рядом с ханом не только в шатре, а и в походах. Едва ли не вместе с Ковратом поставила на дыбы свою кобылицу и поспешила сказать хану:

— Вода пресная. И людям, и коням будет чем утолить жажду — родники бьют у берега.

— Тогда поехали.

Осмотрел, как прибыли, степное озерцо, сочные травы по его берегам — там, оказывается, брала начало одна из речек, что текли в море, и повелел путникам разбить стойбище.

— Отсюда на запад, — пояснил Каломеле, — пойдет

ничейная земля, которая лежит между нами и тиверцами. Туда не поедем. Дадим отдых коням и направим их к морю.

Путь к побережью оказался неблизким, а стойбища попадались все реже и реже. К тому же грянула гроза, их захватил долгий, с порывистым ветром дождь. Хан сначала не придал этому значения. Когда же понял: туча не из тех, что налетела — и нет, решил ставить шатры, но было поздно. Ливень промочил всех до костей.

Мужам-то что! Разложили, как распогодилось, костер, обсохли, сами обогрелись хмельным — и ладно! А Каломела держалась только до ночи. Ночью проснулась от удушья, подступившего к горлу. Нечем было дышать. Почувствовала жар на губах и поняла: дождевая купель не прошла для нее даром, схватила огневицу.

Испугалась: как это не ко времени. Степь безлюдна, стойбищ близко нет, значит, некому будет посмотреть за ней, помочь. Что же будет? Задержится хан, ожидая ее выздоровления, или привяжет к коню и поскачет искать знахарей?.. Хотела было окликнуть его, но что он может сделать ночью? Удержалась. А дышать уже совсем нечем стало. Она и покрывало с себя сбросила, нащупала завязки, на которых держалась на шее туника, рванула на себя.

«Мамочка! — простонала или подумала только. — Что же это такое? Я задыхаюсь... Я задохнусь до утра!»

Пошевелила губами — во рту все пересохло.

— Воды! — попросила и, не услышав ответа, снова повторила: — Воды!

Хана разбудил этот стон. Он приподнялся на локоть, прислушался. Протянул в темноте руку, коснулся Каломелы.

— Что с тобой, жена? Ты вся горишь...

— Пить... — простонала она. — Пить!

Он вскочил, быстро засветил огонь, выбежал из шатра и вскоре вернулся с водой. Поднял ее, поднес к устам обжигающе студеную воду, стал что-то приговаривать, утешая. Наконец уложил на ложе, проверив, хорошо ли постелено.

— Ну как ты, Каломелка, что с тобой? — склонился над ней.

— Огневица у меня, — она едва раскрыла глаза, с болью и умоляюще посмотрела на него. — Дышать нечем.

Больше он ни о чем не спрашивал. Уже сквозь забытье она слышала, как он поднял людей, что-то приказывал им, повелев седлать коней и скакать на все четыре стороны света, искать любое стойбище, баянов-лекарей или басих-знахарок.

— Ночь, хан, — ослушался было кто-то, — разве в темноте найдешь стойбище? Может, подождать до утра?

— До утра огневица может спалить Каломелу. Скачите, приглядывайтесь — огонь ночью дальше видно, чем дым днем. Останавливайтесь время от времени, слушайте. По лаю собак, по крику петухов ночью легче найти стойбище, чем днем.

И уже не отходил, кажется, от нее. Когда бы ни очнулась — все видела его перед собой склоненным. Наверное, что-то говорил ей, — она не слышала, но лицо видела, оно светилось, сияли глаза. Лишь днем вернулись его гонцы с теми, от кого ожидали спасения. Заметив их приближение, хан даже полог открыл, потом взял ее на руки и вынес из шатра, чтобы видела, как спешат к нам со всей степи баяны-лекари, басихи-знахарки, а вслед за ними и растревоженные послами целые кочевья с детьми, с женами, со всем скарбом, повозками, с приготовленными от недугов и болезней травами и настоями.

— Крепись, Каломелка, — радовался и подбадривал ее хан. — Вернем твоему телу силу, а сердцу покой. Видишь, все кутригуры поднялись, спешат тебе на помощь.

Их было немало, баянов, басих, но среди них были такие, которым в стойбище особенно верили, — им-то и передали на руки Каломелу. Разбили другой, более просторный шатер, постелили другую — мягкую и теплую — постель. Растирали Каломелу настоянной на зелье огненной водой, поили каким-то отвратно-горьким зельем, укутывали потеплее и велели спать. Едва очнется — снова то же самое, с той только разницей, что сначала поили парным молоком кобылицы. Знахари советовались между собой, снова растирали и поили зельем ханскую жену да наставляли: делай то-то и так, покоряйся и слушайся, если хочешь быть здоровой, а баяны и басихи знают, что говорят.

Она и слушалась, подчинялась им. А что еще оставалось? Огонь все еще жег ее, но потихоньку ослабевал. Она перестала бредить, уже не застилало туманом взор. Вернулась бы сила — и встала бы на ноги! Но на хотенье надобно и терпенье. Пока будет в теле жар, до тех пор ей лежать и лежать.

— Бабусь! — позвала она старшую из баянок, которую все тут слушались.

— Чего тебе, дитя?

— Это который день вы возле меня?

— Пятый, голубонька, пятый.

— А огневица все не отступает.

— Отступит, лебедонька. Ты молодая еще, сильная, одолеешь ее.

— Почему ж не одолела?

— Потому что это огневица. Ее одолеть — не только зелье надо, не только здоровое тело, нужно и время.

— Сколько же мне лежать?

— А сколько надо, столько и полежишь. И не думай пока о дороге, да еще верхом.

Помолчала Каломела, подумала, опять спросила:

— Хан знает об этом?

— А как же.

— И что говорит?

— Ничего пока не говорит. Ходит — думает, сядет — тоже думает.

«Ему не терпится, он спешит в стойбище. А как же она, если не успеет выздороветь, а его терпение лопнет?»

— Бабуся, можете позвать ко мне хана?

Старая помешкала в нерешительности, потом кивнула. Позовет.

Заверган пришел сразу же. Вид у него был довольный: коли жена позвала — значит, выздоравливает.

— Тебе лучше, Каломелка?

— Да.

— Я рад. Если бы ты знала, как рад! Так напугала меня...

— И все же я еще больна, хан. Потому и позвала... Хочу знать, как ты надумал поступить со мной. Будешь ждать, пока встану, или уедешь в стойбище без меня?

Не ожидал, видно, что она спросит об этом. И сам не знал еще, как поступит, если придется выбирать между тем и другим.

— Сознаюсь, Каломела, — сказал наконец, — мне край как надо быть там. Через седмицу-полторы возвратятся наши люди из чужого края, соберутся кмети на важный совет. Однако и тебя боюсь оставить тут.

— И не оставляй. Прошу тебя, будь со мной.

— Пока не поправишься, не оставлю, Каломела.

— И тогда не оставляй. У меня сердце разорвется от страха, я не смогу без тебя.

Заверган замер, удивленный, не зная, что сказать ей.

— Ты среди своих, жена моя, тебя никто не посмеет обидеть. Или забыла: ты — госпожа на Кутригурах.

— При хане все помнят, что госпожа, без хана могут забыть.

Понял: это для нее много значит, и поспешил успокоить.

— Хорошо. Видишь, я не еду еще, остаюсь и жду.

Он стал чаще наведываться к ней. Только старуха закончит свое баяние, только Каломелка откроет глаза, он уже тут. Когда молока принесет, даст ей из своих рук, когда слово ласковое скажет, когда развеселит чем-нибудь. Приметил уже: Каломелка больше всего любит смеяться, вот он и старался, чтобы настроение у нее было хорошее.

И все же наступил день, когда надо было серьезно поговорить с женой.

— Баянка поведала мне, — сказал, — немощь отступилась от тебя. Но и другое поведала: тебе, Каломелка, долго еще придется быть здесь. Потому и пришел сказать тебе: должен ехать.

— Немощь отступила, а мне тут быть? Не хочу.

— Это не огневица. Она может вернуться, если не уберечься от нее. Не гневайся. Не на произвол оставляю. Возьму с собой нескольких воинов, остальные будут при тебе. Кметь Коврат будет командовать ими. Стража надежная, будь уверена: довезут до стойбища так же, как и я — бережно.

— А может, подождешь?

— Нет, жена, все сроки кончились. Должен вернуться к ханству и обязанностям, что лежат на мне.

III

У Каломелы теперь только и радости было, что беседы со старухой баянкой. И о чем бы ни говорили, она все возвращалась к одному: когда позволят ей выйти из шатра, когда можно будет сесть в седло? Старуха отговаривалась как могла, а то и ругалась: об этом лишь Небо знает. Наконец смилостивилась и сказала:

— Из шатра, горлица, можешь теперь выходить, а в седло сядешь не раньше, чем пройдет слабость.

— Да я давно не больна! Жара нет, сила к рукам вернулась!

— Это-то все так, но в глазах болезнь еще видна, и лицо бледное. Говорила тебе и опять скажу: пей больше кобыльего молока, пей сколько сможешь. Травы одолевают болезнь, а молоко возвращает силу.

Что оставалось ей? Только слушаться. Вот и пила молоко, которое ей не забывали подносить, да заглядывала в воду, чтоб увидеть, не возвращается ли румянец.

А дни текли, на удивление, долго и тоскливо. Чтобы скоротать время, ходила за стойбище, и только Небо знает, о чем она говорила там со степью. По правде говоря, она верила, что именно небо и степь могут заглушить тоску в ней. Хоть это и не родные места, но глянет в одну сторону — такие же долы стелются без конца и края, глянет в другую — такое же небо синеет над долами, глянет вокруг — как и там, за Широкой рекой, буйнотравье роскошествует до горизонта. Правда, травы под солнцем уже поблекли, выгорели, но и пора такая. Веселой, цветущей, как в брачном уборе, степь бывает только весной да ранним летом, а сейчас осень. Погасли синие глаза васильков, отцвели-оталели маки, сбросили золотое убранство нарядные донники. Поникли степные цветы и травы, меньше стало вокруг веселых красок и птичьего гомона, — это все правда, но зато таким выбеленным, голосисто-звонким стал под солнцем ковыль и как по морю бегут по нему поднятые ветром волны. Нежностью и покоем наполняет сердце ковыльная степь. Видно, степь всюду такая же родная, как и за отцовым стойбищем на берегах Белой реки.

И все же, как ни мила ей эта мысль, а печали она не убавляет, — Каломела вздохнула: «Ох, горюшко! Было бы лучше всего, если бы мне до конца дней своих не разлучаться с кровными, со всем, что было утехой и радостью под надежным крылом отца-матери».

Задумчивая, поднялась она на взгорок. Думы думами, а когда окинет взором землю — светлеет на сердце. Как бы там ни было, а хочется ей не холодных туманов, не беспросветной осенней мороси, а погожего дня, бесконечных и ясных далей, приволья. Чего-то недостает ей в этих раздольях, отчего-то неполна ее радость. Может, реки нет такой, как дома? Стойбище хана Завергана на-

ходится над синим Онгулом, таким же глубоким и тихим, как и ее Белая. Или не успела она привыкнуть к Онгулу? Или Белая лучше чем-то, милее? Наверное, так. Сколько на свете синих рек, а Белая — одна такая! И отец не раз говорил то же, и седобородые кмети. Седобородым нельзя не верить — они век вековали, знают все былины рода своего. Знают и то, как самая могучая река земли утигурской Белой стала.

Когда-то, еще до утигуров, жили на берегах Меотиды тавры. С древних времен жили и имели обычаи такие же древние, как мир. Один из обычаев повелевал: что бы ни случилось с родом, с каждым в роду, рука тавра никогда не должна подняться на корову, у которой такое же имя, как у племени. Это значило бы поднять руку на самих себя. А кроме того, корова — тварь священная, она дарована людям богами, чтобы сопровождать их от первого до последнего дня, быть второй матерью и младенцам, и детям, которые лишь становятся на ноги, и старым, которые доживают век. Она неприкасаема и должна жить столько, сколько назначат боги.

Каждый из тавров знал эту заповедь предков. И были многочисленны их стада, и были богаты тавры на сыр, масло, набел. Но однажды случилась беда: пришли из чужих краев злые люди в шлемах и сели в их землях. Увидев многочисленные стада коров в степи, они стали ловить их и резать. Сколько хотели и когда хотели. И так продолжалось до тех пор, пока не разгневали таким насилием Небо, и тогда боги явили гнев свой. Когда чужеземцы резали горло одному из самых сильных и непокорных быков, коровы учуяли запах крови. Подняв рев, они выставили рога и стадом двинулись на чужеземцев-насильников. Никто из пришельцев не посмел дать отпор — в страхе бросились они кто куда: одни — в степь, другие — в реку. Думали, вода спасет их, остановит разъяренных коров. Да где там. Тех, кто кинулся к реке, было больше, и почти все стадо, гоня обидчиков, оказалось в реке. Чужеземцы гибли в волнах, гибли и коровы. И так много, что вода побелела от выпущенного перед смертью набела из вымени. Побелела да и стала с тех пор навечно белой.

Говорят, будто неспроста все это. Это было предостережение роду тавров и всем, кто будет жить по берегам Белой реки: помните, коровы погибли в борьбе с насильниками. Будьте мужественными и не покоряйтесь насилию.

«А я покорилась, — думает Каломела. — Надо мной надругались — и я не смогла подать голос против. Почему так? Не хватило духу или, может, потому, что насилие содеяли кровные? Сказали: идти — и я пошла...»

Долго стоит она, одинокая, на холме, что поднялся над степью, вглядывается в ту сторону, где Онгул-река, за ней Широкая, за Широкой — Белая, и думает. Новая, неожиданная мысль приходит ей: а может, потому она не противилась воле кровных, что увидела в Завергане не такого уже и чужого сердцу мужа? Разве не так? И сердце подсказывает, что тут она ближе к правде!

От стойбища долетает до нее приглушенный расстоянием клич, обрывает мысли. Оглянувшись, видит: зовут ее, ханскую жену. Машут чем-то над головой, дают знать: «Возвращайся в стойбище!»

«Чего это они?»

Когда Каломела стала перед мужами и узнала, зачем звали, разгневалась, даже взъярилась:

— Какая нужда ходить за мной по пятам? Или я для стражи — все еще дитя неразумное? Я — жена хана!

— Мы это знаем, однако помним и другое: хан повелел беречь молодую жену свою пуще глаза во лбу.

— И не считаться с ее волей, так?

Мужи промолчали.

— Тогда знайте, — по-своему поняла их Каломела, — моя воля такая: собирайтесь в путь и везите меня к хану. Сейчас, немедленно!

Ей не перечили, однако собираться не спешили.

— Ханша должна знать, — сказали наконец, — не мы выбираем, когда идти с ней на Онгул. Это право дано баянке.

— И мне, жене ханской. Вот и повелеваю: собирайтесь в путь, баянку я уговорю.

И заварилось у них. Старая стоит на своем: «Нельзя, рано еще». Каломела на своем: «Я чувствую в себе такую силу, как до болезни, а это верный признак — значит, здорова».

«Первая холодная ночь, первая ночевка под небом — и огневица опять напомнит о себе».

«Не беда. Я оденусь в теплое. А кроме того, на месте ночевки, как и здесь, мужи будут разбивать для меня шатер».

«Ну а что будет, если застигнет посреди степи дождь, если не успеешь спрятаться в шатре и промокнешь?»

«В стойбище есть крытые повозки. Если баянка так боится за меня, пусть велит стойбищному дать жене хана такую повозку. Хан не останется в долгу, щедро отблагодарит».

Старой и отпираться нечем. Каломела действовала именем жены хана, и действовала напористо. В конце концов баянка уступила.

Каломела видела, что люди ее не чураются, охотно вступают в разговор, потакают первому капризу. Это стало нравиться ей, с каждым разом приятнее грело сердце.

«Они видят, — решила она, — как благосклонно относится ко мне хан. Чем же еще могла бы я заслужить их доброту?»

Она уже иначе смотрела на себя, на свое положение среди кутригуров. Ее собственный род, род утигуров, не переставал оставаться для нее родным. Что бы там ни было, мать всегда останется матерью, и память о зеленых берегах Белой реки, прохладные воды которой так приятно освежают в жару, никогда не угаснет. «Но даже зов родства, — думала она, — который стал памятью крови, не изменит моего положения ни здесь, ни в отчем роду. Я — отрезанная от него ветка, и отрезанная навсегда».

В свои шестнадцать лет она уже убедилась, что память дана ей хотя и не в наказание, но и никогда не сможет утешить ее. Если не жалость, так печаль вызывает она в ее сердце, если не печаль, то боль. Иногда даже казалось, что все ее естество — это одна сплошная, прикрытая кровавой коркой рана: и дотронься — болит, и не дотрагивайся — ноет. Да и что может быть больнее, если понимаешь, что от тебя отреклись мать с отцом? Они, самые родные ее, взяли и откупились собственной дочерью от кутригуров, как молодой кобылой из табуна...

День был как день: погожий, солнечный, может, только слишком жаркий. Каломела сидела под тенью распахнутого шатра, подставляя ветру жаждущее прохлады тело и занималась, как обычно, рукоделием, вышивала сшитую матерью епанчу. Она увлеклась, не заметила, как прискакал в стойбище гонец, как поднялась из-за этого кутерьма. Но ржание коней и оживленная беготня челяди, а потом, кажется, и всех, кто был тогда в родовом

стойбище хана Сандила, удивили ее. Она отложила работу, и кто-то сказал ей, что к ним, утигурам, едет, оказывается, молодой хан из-за Широкой реки.

Такое нечасто бывает, и Каломела вместе с подругами, которые собрались отдельно своим девичьим гуртом, с любопытством разглядывала высокого гостя.

Кутригурский хан заверял, что прибыл в земли утигуров с добрыми намерениями, хан утигуров отвечал, что рад гостю — его стойбище, как и вся земля утигурская, берут молодого хана соседнего племени под защиту и заверяют: пока он будет гостить у них, ни с него, ни с его челяди волос не упадет. Отец поцеловал кутригурского предводителя и повел в стойбище.

Зачем прибыл Заверган, никто из стойбища, да и сам хозяин, похоже, не знал. Может, только старики догадывались о чем-то, переговариваясь между собой. Когда люди, утолив первое любопытство, стали расходиться по своим делам, Каломела тоже вернулась к своему вышиванию. О госте из кутригуров она почти не думала: разве это ее касается, кто приехал да почему, зачем, и разве впервые приезжают к хану Сандилу? Она тихонько напевала что-то, как вдруг, совершенно неожиданно для нее, за ней пришли.

— Бросай скорее все, — торопила старшая из сестер, — идем со мной.

— Куда? Зачем?

Сестра, уже вытащив ее из шатра, пояснила: после полудня отец дает в честь гостя из кутригуров званый ужин. Будут там люди со всего стойбища, будут игры, танцы. Кутригурскому хану покажут дочек хана Сандила. Поэтому надо приготовиться, выбрать наряды получше, примерить, договориться, кто за кем будет выходить в круг, когда начнутся танцы.

К волнению сестры Каломела отнеслась спокойно. У хана шесть дочек, она среди них самая младшая. Знала, что за старшими ей не угнаться. Они и красивее ее, и в танцах, в играх куда проворнее. А ее потому только и берут в свой гурт, что нужен именно гурт — ведь и игры своего порядка требуют.

С мыслью, что ей надо выручать сестер, она и наряд себе выбрала, с этим чувством и в круг вышла пред очи высокого гостя. И только когда заиграли гуды даперегудинцы, когда подзадорили бубны, только тогда и забыла, что она — младшая, дала волю сердцу, а сердце

уж знало, как ей танцевать! Она, Каломелка, может позвать Небо в свидетели: все было именно так. А когда отгремели бубны, отзвенели песни и стихли игрища, отец именно ее позвал к себе и сказал: «Жаль будет, доченька, разлучаться с тобой, утехой очей наших и радостью нашего сердца, но что поделаешь: тебя выбрал хан кутригуров и желает взять в жены. Муж он достойный, и я не осмеливаюсь противиться его воле. Лета, как и жалость наша, не препятствие. Иди и будь ханшей на Кутригурах, а хану достойной женой». Она не верила тому, что слышала. Стояла, словно в тумане, перед отцом, перед кметями, что сидели с обеих сторон от отца, и молчала. Ответа от нее и не ждали. Повелели идти к матери и готовиться с ней, с сестрами к заручинам, а там и к свадьбе.

Вышла из шатра и только тогда поняла, что случилось. Испугалась и — бегом к матери, к самому близкому ей человеку в мире. А мать, как и все матери, расплакалась сначала, сочувствуя дочери, но спасения не обещала. Да и не спасла, и не могла спасти от того, что определил род.

Говорят, это судьба. Возможно. Вон как боялась тогда Каломела Завергана, его рода-племени, а пожила с ним две-три седмицы — и уже не уверена, кто ей роднее: те ли, кто правом кровных назначил — вот твоя доля, или те, с кем породнило названное долей насилие. Нет, не уверена.

Убаюканная своими мыслями, Каломела не заметила, как отделились от ее сопровождения два конника и поскакали к едва заметному в долине стойбищу над Онгулом. Очнулась, когда мужи рядом заговорили между собой.

— А смотрите, не только вестники, там еще кто-то скачет.

— Чьи вестники? — спросила она. — Хана?

— Да, нет, наши. Мы послали их оповестить хана, что твоя милость приближается к стойбищу. Вон они возвращаются, но не одни. Видно, хан с ними.

«Вон как!» — сладко легла на сердце мысль и уже не переставала утешать: он рад ей, он ждет ее!..

IV

С тех пор Каломела уже не сомневалась: она люба хану, он нашел в ней свою охрану, не может не нарадо-

ваться ей. Видит Небо: это самое большое утешение для нее. А все же нет-нет да и закрадывается в остуженное одиночеством сердце холодный порыв ветра: разве так надолго оставляют жену, если она — самая желанная? Что из того, что ханское стойбище — не безмолвная пустыня, что народ в нем всякий раз занят новыми, но бесконечными хлопотами? Она, Каломела, в стороне от этих забот, ее никто не замечает. И хан не с ней. Мужи да кмети как в плен взяли его, с утра до ночи держат на своих советах. Ну, день еще — куда ни шло. Пусть бы два — и то можно стерпеть. А что ей думать, если держат хана в своих сетях чуть не седмицу? И кумыс пьют — спорят, и не пьют — тоже спорят. Спросит мужа, о чем можно так долго говорить, он только посмотрит на нее пристально и махнет рукой. Лишь глубокой ночью, когда никто не слышит, когда расчувствуется возле нее, упьется ею, прижмет крепко и выдохнет:

— Хотят разлучить меня с тобой, Каломелка.

— Как это?

— В поход зовут. Поход далекий, радость моя, значит, и разлука надолго.

Каломела сникла. Она, дочь хана, хорошо знала: женам не пристало интересоваться тем, что знали мужи, да еще прежде времени. А знать так хотелось. Вот и не удержалась, спросила:

— На антов или еще дальше?

Заверган засмеялся и ласковым поцелуем закрыл ей уста.

— Мы еще спорим, как видишь. После узнаешь. Если вообще что-нибудь решим. Может, я отстою в спорах с кметями себя, тебя, наше с тобой счастье.

Он обнимал и целовал ее, где сам того хотел и где только ночь могла позволить. А Каломела задыхалась от прилива чувств. Еще немного таких ласк-поцелуев — и ее не будет, растворится в этом наслаждении, утонет в сладких волнах забытья.

С тех пор как она вернулась из степи и недвусмысленно показала своему мужу и повелителю, что она уже не та, какою была когда-то, другим в отношениях с ней стал и хан. Идет к кметям — досадует, что идет, возвратится от кметей — никого и ничего знать не хочет, кроме Каломелы. Радуется, смеется, видя ее улыбающейся, а прикоснется к ней — так и не знает, кажется, где уди-

ниться со своей Каломелой, как дождаться того часа, когда можно быть только с ней одной. Сердцем своим хан слышит: нашел для себя такую, какую желал, а может, и лучше, чем надеялся.

Каломела старалась во всем угодить мужу. Едва ли не раньше его она убедилась, что Заверган с каждым днем все роднее и ближе ей, и не только в брачном таинстве. Она увидела в нем красоту, увидела, поняла, что он один способен защитить ее в этом суровом мире, что он заменил ей отца и мать, стал единственной ее опорой в жизни, надеждой из надежд. Потому так и всполошилась, услышав, что может покинуть ее.

По обычаю утигуров в отсутствие хана хозяйкой земли рода становится его жена. У кутригуров обычаи почти не отличаются от утигурских. Очень может быть, что пойдет Заверган в поход и повелит ей, жене своей, управлять стойбищем, родом, землей. Что она станет делать тогда? Разве она знает, что это такое — управлять, разве знает, как относиться ко всем, чтобы чувствовали: над ними — надежный разум и твердая рука хозяйки?

— Не оставляй меня, муж мой! — умоляюще прошептала, прижимаясь к нему дрожащим телом. — Я не то что долго, а дня не смогу без тебя.

— Говорю же, мы еще спорим.

— Все сделай, чтобы одолел кметей своих и остался. Пусть... потом. Потом когда-нибудь, когда приживусь и привыкну к роду, а сейчас не оставляй, а то пропаду без тебя.

— Правда?

— Правда. Ты — единственный, кому могу довериться, ради тебя живу. Не станет тебя — не будет и у меня защиты-опоры.

— А родичи?

— Они отдали меня тебе и этим отрезали от себя, сказали: «Отныне принадлежишь ты другому роду».

— Я буду спорить с кметями, буду возражать им и убеждать их, чтоб они отказались от задуманного. Слышишь, утеха моя?!

Она поверила. Порывисто обняла Завергана, словно сказала ему: «Ты не пожалеешь, что сделал так. Небо свидетель тому: не пожалеешь!»

Обещание это сделало Завергана более твердым в спорах. На другой день он вышел перед кметями и сказал:

— Говорили достаточно. Пришло время решать, что будем делать. Пусть каждый встанет и скажет.

Он был почти уверен: скажут совсем не то, что ему хотелось услышать. И вовсе не потому, что кмети привыкли действовать наперекор хану, что не хватает ума на старости лет. Кроме привычки и здравого смысла, есть еще причина — бедность, которую запустил в кутригурские стойбища его отец и оставил гостьей на долгие годы. Виноват, конечно, и он, молодой хан кутригуров. После смерти отца он ничего лучшего не придумал, как согласиться, не поразмыслив, с советами кметей: будто земля кутригурская уже не может прокормить всех кутригуров, будто надо искать другую. Но легко ли, даже послав самых бывалых и мудрых искать эту землю по свету, найти ту, которая избавила бы от бедности, наградила бы достатком и благодатью?

Оно будто и так: обеднела степь, не та, что была когда-то. К тому же солнце жарит нещадно. Чуть не каждое лето выгорают травы, а нет трав — нет поживы для коней, коров, овец, начинаются болезни и падеж скота. Но и те, кого посылали искать лучшую землю, вернувшись, ничем не утешили. Три лета ходили, выдавая себя за калик перехожих, а что выходили? «Лучшей земли, чем на Дунае, — сказали, — нет, хан. Это не земля — дар Неба. Одна беда: усажена вся. Если захотим сесть на ней, должны идти и брать силой или же проситься у императора в подсоседи. Он позволит поселиться, если возьмем на себя повинность беречь границы его империи от вторжения славян».

В другое время он огорчился бы, слыша такие слова. Теперь же, после разговоров с Каломелой, воспрянул духом: вот те преграды, которые заставят каждого, у кого есть хоть капля ума, удержаться от похода. Кто же отважится бороться с такой силой, как ромейская, кому придет в голову идти под ромеев, быть холопами у них или рабами из благодарности за то, что позволят жить на щедрой злаками земле?

Он ждал, что скажут кмети. Но первыми неожиданно заговорили другие соглядатаи, сообщившие, что ромеи увязли в затяжной сече, собравшись покорить Западную Римскую империю. Если кутригуры на самом деле намерены идти за Дунай, надо воспользоваться этим и идти сейчас. Склавины, кстати, так и делают, и очень успеш-

но: идут в Иллирик со всеми своими родами, добывают с оружием землю и садятся на ней.

Вот тогда и заговорили кмети.

— А мы чем хуже? Или у нас мало силы, чтобы потеснить ромеев из Подунавья и сесть на Дунае? Идти — и только! Подниматься всеми родами и идти в Мезию, а то и дальше — во Фракию!

— Это нам на руку, братья! Как не воспользоваться такой выгодой? Другого случая может и не быть.

— А что, если у ромеев отыщется сила, которая выгурит нас оттуда? — возражали более осмотрительные. — Это могучая империя, кмети. Не забывайте об этом.

Опять завязался спор. Каждый стоял на своем. Одни не хотели срываться с насиженных мест, другие были бы не против остаться пока на Онгуле, а воины пусть пойдут и добудут для них землю. Разве тогда, как добудут и утвердятся, нельзя переселиться?

И все обращались к хану: скажи, достойный, что это так, что правда на нашей стороне. Но хан отмалчивался. Видел, кмети еще не разделились между собой так, чтобы на чьей-то стороне был уже верх, а кроме того, он брал под сомнение слова и тех, и других. Что-то не замечал он, будучи на границах, чтобы народ там так уж сильно изнемог, терпя беду, что был бы готов отречься от земли своих отцов. Другое видел: стойбищане хвалили хана за то, что замирился с утигурами и этим утвердил их на мысли: пора положить конец кочевью. До каких пор скитаться им по свету и искать лучшего места на земле? Не время ли замириться и с другими соседями, посмотреть, как живут люди, сидя на одном месте, да, может, и самим так — сесть и множить на дарованной богом земле роды свои?

«Это вам, кметям, все мало, — с обидой думал Заверган. — Это вы жаждете походов и наживы в походах. Так и скажите. А зачем же пугать старыми бедами и накликать на себя новые?»

Однако он не спешил говорить это вслух.

— Не кричите все враз, — поднял он руку. — Пришло время стать на твердой мысли. Говорите каждый отдельно. Свое решение скажу после того, как вы скажете все, что считаете нужным.

Кмети не скоро угомонились. Наконец они выставили перед ханом самого старшего среди них — Котрагига.

— Я был бы трижды проклят родом своим, — сказал

он, — если бы потерял рассудок и согласился с теми, кто хочет подняться со всеми пожитками, с детьми и стариками и идти, не зная куда. Твой дед, хан, да пусть будет благословенным имя его, как и память о нем, говорил в свое время: «Не тот отважен, кто может стать с более сильным противником на бой, а тот, кто уверен, что одолеет его». Поэтому советую полагаться сначала на мудрость, а потом уже на отвагу. Не содействуй тем, кто не думает, что делает.

За ним говорил Коврат, верный побратим и приближенный к хану кметь — кавхан.

— Я тоже был бы трижды проклят родом своим, — начал он, — если бы забыл о его беде и стал бы обращать внимание на то, что могу быть убитым на сече за землю обетованную. Не надо забывать: печемся не об одном хлебе насущном, печемся о жизни или смерти народа кутригурского. Тот, кому кажется сегодня, что не то говорю, завтра сам увидит, что я сказал правду. Роды изнемогают, кмети! От суховеев, жары, падежа. А если так, надо ли уподобляться зайцу, который ищет куст, называемый мудростью? Все, кто слышал здесь наших разведчиков, убедились — богатая на злаки и другие дары земля есть, больше скажу: сейчас подходящий момент сесть на ней хозяевами. Скажете, у нас не такая сила, как у склавинов? Так нам же и земли надо меньше, чем склавинам!

От кого угодно ожидал хан услышать такое, только не от Коврата. Неужели спятил, поверил, что хан именно этого хочет? Проклятье! За Ковратом стоят многие, могут взять верх.

Обычай не позволяет хану возражать советникам, даже показывать свои симпатии и несимпатии к их речам. Но когда выскажутся все, он должен подняться и сказать свое слово — такое, чтобы всех убедило в правоте хана. На что сошлется он, доискиваясь этого слова, если большинство будет думать иначе? Назовет это большинство недостойными быть предводителями родов своих? А пристойно ли ему, молодому хану, выставлять себя так перед кметями?

— Все сказали? — хан поднялся во весь рост.

— Все!

— И каждый сказал, что хотел сказать?

— Как будто так.

— Тогда слушайте, что скажу я. Разделяю намерения ваши улучшить долю народа кутригурского. Разделяю и

ту, признанную всеми, мысль, что сейчас удобный момент пойти за Дунай и сесть на лучших, чем у нас, землях. Но не разделяю всего остального, кмети, и в первую очередь не одобряю поспешности. Говорите, должны подняться всеми родами и идти с пожитками немедленно. А я спрашиваю: как пойдем с детьми, стариками, пожитками, на зиму глядя? Успеем ли и землю взять на меч и сулицу, и стойбища разбить в отобранной у ромеев земле, и о тепле в шатрах позаботиться? Холода там такие же лютые, как и тут, на Онгуле, и еды для себя, корма для коней и скотины, и много чего другого нам нужно будет не меньше, чем тут. А еще хотел бы знать и такое: посягаем на Задунавье и не думаем почему-то, что, прежде чем выйти в ромейские земли и утвердить себя в них, должны пройти по антской земле. Почему никто из вас не сказал, как пройдем, если анты сели уж на самом Дунае и перекрыли когда-то доступный всем гостиный путь? С мечом и сулицей? А хватит ли у нас силы и на антов, и на ромеев? Не хватит, кмети. Вот и думаю: уж если мы нацелились идти в ромейские земли, сначала надо пойти к антам и заключить с ними договор на мир и согласие. Без этого поход наш в ромеи не будет успешным и добычливым.

— До сих пор все ходили за Дунай и обратно и не спрашивали разрешения.

— До сих пор — да, а отныне ходить не будут. Сказал же, анты стали там ратной силой, надеюсь, понимаете, что это значит.

Кмети не ждали такого — снова заговорили. Но гомон их уже не обещал бури.

— Кто же пойдет с посольством? На кого возложим повинность ублажать антов, чтобы позволили идти через их землю с миром?

И тут снова вызвался сказать Котрагиг.

— Сольство, как и всю выправу, возглавь, хан, сам. Ты дважды уже явил нам мудрость свою, думаем, явишь ее и дальше.

На этот раз никто не отважился перечить старому, кроме самого Завергана. «А это я и не хотел бы брать на себя, кмети», — подумал он, но промолчал. Как бы там ни было, а посольство долгим не будет, до зимы, пожалуй. Зато зиму они проведут с Каломелой вместе. Она должна понять: большего от кметей не добиться, во всяком случае, сейчас.

V

Отгремели бубны, отпели сопели и в стольном городе тиверцев. Два года тому — одни, вчера — другие. От тех, первых, осталось у князя Волота лишь приятное воспоминание, от этих — и чувство причастности. И дело не в том, что те гремели и пели давно, эти — вчера. Суметь сдержать данное когда-то слово — тоже что-то значит. Сколько раз он говорил себе: «Заботы — заботами, уставы — уставами, а о том, что обещал Малке, не забывай». Кажется, все сделал, чтобы было так, как она хотела. Свадьба — последнее, что мог сделать для детей Малкиных, и прежде всего для самой меньшей из них — Миланы. Так повернулось, что не звал он ни одну, ни другую дочь и не говорил им: «Любись ты с этим, а ты с тем». Мужей выбирали себе сами, по сердцу, и, кажется, не ошиблись. Златка живет с Ближикой своим как за каменной стеной, и Милана выходила за Кушту радостная, как цветок распустилась от счастья. Доволен и он, князь Волот! Что еще отцу надо, коли дети судьбой довольны! Выбрали себе не худших, а лучших, достойных. И на вид бравые молодцы, и умом бог не обидел. Такие и в ратном деле последними не будут. Кушта, правда, молод еще, чтобы ставить его во главе тысячи или воеводой на границах. А впрочем, молодость — не порок и не помеха. Была бы рука тверда и голова на плечах, остальное все приложится. Ближика тоже был ненамного старше, когда пришлось поставить его во главе заставы в Тире и заодно — властелином подаренной дочке земли между Днестровским лиманом, Третьей рекой и Третьим озером. Сомневался князь, понимал, что рискует, больно молод казался зять, а поставил — и не ошибся. Ближика такой порядок навел в Тире и на границах возле Тиры, о каком Вепр только мечтал. И начал Ближика с того, что забрал туда жену, Злату, потом то же повелел своим советникам и воинам: «Забирайте жен и детей, отныне ваше место здесь! Укореняйтесь и запомните: другого места для вас в Тиверской земле нет и уже не будет». Сказал то же самое и поселянам, которые согласились сесть в его волости. А слова свои стал подкреплять разными выгодами для людей, наградами. И люди зашевелились, появилась уверенность: с таким воеводой и властелином не пропадешь. На Кушту у Волота тоже есть свои думки. Подождет немного и посадит его по соседству с

Ближикой — в отобранном у Вепра, как у изменника, Холмогороде. Как бы там ни было, а кровное единение — самое надежное. Ему же, князю, надежда на воевод, особенно на границах Тиверской земли с юга, край как нужна. Есть у него Власт, Чужкрай, Ближика. Если посадит там Кушту, еще двух-трех сыновей, кого ему тогда бояться! Твердь будет надежная.

Довольный таким раскладом, Волот направился к дверям, что вели из опочивальни, и только приоткрыл их, как сразу же увидел Миловиду в окружении детей. Старшие — Радим и Добролик — еще спали, наверное, после шумной свадьбы Миланы, а эти, самый младший и два средних, были как петушки, им бы только на волю с утра пораньше.

— Не ко мне ли, сыны? — пропустил в опочивальню и присел перед ними, усмехнулся приветливо.

— Да. Пришли поприветствовать вас, отче, с добрым утром, и побежим на улицу.

— Спаси бог, соколята. Вы тоже будьте здоровы и счастливы. Да не очень озорничайте на воле, чтоб не обижали друг друга.

— Мы не одни, мы с няней-наставницей пойдем.

Посмотрел, проводив детей, на жену и невольно залюбовался ею. Всегда спокойная, освещенная тем внутренним светом, что истекал от нее, словно почайна из земли, и говорил о доброте и щедрости натуры. Миловида была сейчас такой умиротворенной, что Волот подумал: такою он еще не видел ее. Она вся светилась, мягкий и нежный свет исходил от ее лица, особенно из глаз, и князю невольно захотелось ответить ей такой же щедростью, такой же отзывчивостью на добро и ласку, на ее нежность.

«Это она за детей так радуется», — благодарно подумал он и спросил:

— Жена тоже идет с малыми на приволье?

— Да нет, — улыбнулась она. — Мне не до приволья. Вон какой беспорядок кругом после свадьбы. Надо прибрать, поставить все на место.

— Скажи челяди, пусть уберут, да пойдем ко мне.

Посмотрела на него удивленно, выжидательно, потом кивнула:

— Сейчас!..

Это сколько же лет уплыло, как идут они вместе? Кажется, восемнадцать. Да, их старшему, Радиму, семнадцать минуло... Страшно подумать, а они мужем и женой как следует не набылись. Вроде и мирными были эти годы, ни сами не ходили на соседей, ни соседи на них, а забот не убывало. Оно и неудивительно. На его плечах — земля и народ Тивери, на плечах Миловиды — терем с его многочисленными «надо», с челядью и детьми. Когда ей было оглянуться, подумать о чем-то другом, кроме них? Одно дитя не успевало встать на ноги — другое рождалось, за ним — третье, и каждый раз его княгиня, его жена как бы отходила от него, все с младенцем да с теми, что подрастали уже, но требовали ее забот. Зато никто не скажет, что она не хозяйка в княжем тереме, не мать детям. И Малкиных вырастила, до ума-разума довела, и своих растит достойно.

— Пусть простит князь, — смутилась Миловидка, входя к нему. — Заставила его ждать.

— Не беда, — он протянул ей руки, усадил напротив. — Знаю, сколько на тебе забот, потому и не сержусь. Скажи, все ли и всем довольны?

— Ты что, княже! — удивилась она. — Разве на такой свадьбе могли быть недовольные? Весь Черн и вся округа гуляли!..

— Вот-вот. Людей было много, могли кому-то не угодить.

— Я все делала, княже, чтобы угодить.

— Знаешь, что поведала мне Милана, когда уходила от нас? — спросил он.

— А что?

— Созналась, что прикипела сердцем к нашему роду. Если бы не веление Лады да не долг перед мужем и его родом, ни за что не пошла бы из дома. «Пусть матушка знает, — сказала, — кому я больше всего благодарна, так это ей. Потому что сумела быть родной на месте неродной и такими радостями наградила за эти годы, какими, может, не наградила бы и родная».

— Так и сказала?

— Да.

— Вот видишь...

— Я только собирался благодарить тебя за твое сердце, а Милана опередила. Это правда говорит ее устами. Ты не только отрада, ты — божья награда всем нам. Слышишь, услада моя!..

— Как и князь для меня.

— Правда?

— Не было б правдой, разве родила бы ему шестерых сыновей?

Улыбнулся и невольно поправил:

— Пятерых.

— Будет и шестой, княже. Знай, в положении я.

Князь замолчал от неожиданности. Но, отбросив сомнения, засветился от радости, стал целовать жену, да так жарко, сладко так, будто впервые. Теперь-то понял, почему она показалась ему сегодня такой необычной! Точно, в положении.

— Так, может, в этот раз девка будет? — заглянул ей в глаза.

— Хотела бы и я дочку. Знал бы, как хочу! Да нет, не будет ее.

— Откуда ты знаешь?

Как объяснить князю свою уверенность?

— Еще в Выпале, когда девчонкой была, приснился мне сон. Будто рву на воде лилии, кладу на руки, а это не цветы, а мальчики. Один, второй, третий... Испугалась, проснулась и к бабушке. Старая выслушала и говорит: «Лилии — дети русалки, негоже срывать их. А раз ты брала их, то знай, будут у тебя одни мальчики». Пророчество, как видишь, сбывается.

— Но ты же только трех взяла!

— Трех.

— Во-от, а среди остальных может быть и девка.

Ей тоже хотелось верить в это. Но договорить им не дали. Кто-то подъехал к терему и дал знать челяднику, что хочет видеть князя.

Это был гонец от сторожевой вежи на Днестре. Прибыл предупредить князя, что к нему направляется с миром и согласием кутригурский хан Заверган и просит позволения на въезд в стольный город Черн.

Волот распорядился принять хана, дать ему почетное сопровождение, сам же подумал: «Что-то стряслось. Не обры ли воду мутят?»

Кочевья кутригуров не доходили до Днестра, ссор с ними у тиверцев не было. Только когда восемь лет назад пустили их за Дунай, император выразил неудовольствие: «Зачем пустили? Разве союзники так поступают?» Кутригуры, однако, к ромеям не порывались, и все успокоились. Так что же теперь? Неужели в самом деле зашевелились обры и угрожают походом через кутригурские земли? Может быть. До сих пор, сидя на Днепре,

обры ходили на уличей и полян как тати, теперь могли пойти к Днестру через кутригурскую землю. Сколько тех кутригуров и что они для обров? Эта саранча и не таких способна сожрать.

Хан не торопился объявиться в гриднице Черна, но и не медлил. Когда же пожаловал, был вежлив, щедр на похвалу. И поразил Волота своей молодецкой статью. Не только кровь, сила и здоровье бурлили в нем.

— Принес я князю на Тиверп, — склонил покорно голову и прикладывал руку к сердцу, — жене и детям его низкий поклон и наилучшие пожелания здоровья, покоя от себя и от всех людей на Кутригурах. Пусть славится в мире имя его, как победителя ромеев, и будет доброй память о нем не только среди живых сегодня, но и среди потомков.

— Спаси бог.

— Кланяюсь мужам его воеводам, всем, кто является опорой князя в делах ратных и вечевых.

«А он хорошо знает нас, как и то, что делается у нас», — отметил Волот.

— Благодарю хана за доброе сердце и за добрые пожелания. Предводитель кутригуров, кажется, впервые на нашей земле?

— Да.

— Так пусть знает хан: на добро земля наша всегда отвечает добром. Чистосердечная здравица хану, всему роду его, мужам ратным, советникам его. Будьте у нас как дома. Садись, хан, на главное место, пусть садятся по обе стороны мужи твои, и говорите, что привело вас в землю нашу.

Заверган не заставил хозяина просить во второй раз.

— Князь должен знать: у предводителей народа нет ничего выше, чем потребности народа. То, что подняло меня и моих кметей с насиженных мест и привело в Тиверскую землю, не исключение.

Он опустил глаза, как бы вернувшись мысленно к родному стойбищу, потом начал рассказывать, какие беды преследуют его народ. Долго думали кутригуры, что им делать, и решили: а не поискать ли им более щедрой и благодатной земли? Да, они прибыли к тиверцам, как к добрым соседям, и не скрывают, с чем прибыли: самое благодатное место сейчас — задунайские земли Византии, и уж если идти куда-то, то только туда.

— Чем же Тиверь может услужить вам? — князь делал вид, будто совсем не понимает хана.

— Пришли просить князя, чтобы пропустил нас туда, не вставал на нашем пути с ратью. Зла к тиверскому народу за пазухой не держим. Пройдем до Дуная и исчезнем за Дунаем.

— А что скажет нам Византия?

— Не вы же идете — мы пойдем! И пойдем с миром, чтобы поселиться.

«Он неискренен со мной», — подумал Волот и уже не сомневался в этом.

— Не дело говоришь, хан. У нас с Византией давно положен ряд на мир и согласие. Мы не можем нарушать его и тем ставить себя под угрозу ромейского вторжения.

— До сих пор и за Дунай, и из-за Дуная вольно было ходить всякому. Неужели князь не может согласиться на это из-за того, что будет роптать Византия?

— Тем, кто идет с добрыми намерениями, и сейчас вольно идти. Кутригуры же хотят сесть на ромейских землях насильно — как склавины. А между склавинами и ромеями — хан, надеюсь, знает это — идет настоящая сеча. Как же мы, ромейские союзники, напустим на ромеев еще и вас?

Заверган переглянулся с кметями.

— А если за Дунай захотят пойти не только кутригуры, — сказал и глубоко заглянул Волоту в глаза, — а и утигуры, и обры? Неужели князь встанет всем на пути? Неужели он захочет обескровить себя лишь потому, что у него с ромеями договор?

Волот почувствовал себя загнанным в угол. Смотрел на предводителя кутригуров и отмалчивался, возразить было нечем.

Хан воспользовался этим.

— Кутригуры бы не хотели проливать кровь в сече с тиверцами, — сказал вкрадчиво. — Как были добрыми соседями, так и хотели бы ими остаться. Сошлись, князь, на стародавний обычай — вольно ходить гостиным путем на границах — и ромеев тем успокоишь, и между нашими народами сохранится мир и согласие.

— Нет, хан, о согласии тогда и не помышляй.

Это было похоже на отказ, и Заверган упал духом. Смотрел на предводителя тиверцев стушевавшись, и Волот понял это, но он понимал и беду, что не давала хану покоя.

— Пусть хан погостит у нас день-другой, — сказал чуть погодя. — Надо собрать лучших мужей Черна и его околий и посоветоваться, как нам повести себя в этом деле, чтобы с ромеями не разбить кувшина и с вами, соседями в Поморье, тоже. А теперь прошу всех за княжий стол, отведать угощение моей хозяйки, повеселить сердце...

Прибыли на княжий пир главные мужи тиверской дружины, было немало и из городских, особенно советников, из Волына приехал как раз нарочитый муж князя Добрита Мезамир. Щедрое застолье не прерывало беседу, которая велась вокруг все того же: как быть с кутригурами? Надо ли ссориться с ними? В конце концов, разве издревле не было так: кто хотел, тот и шел за Дунай или из-за Дуная? В конце концов, соседи не отвечают за тех, кто идет мимо! Хан верно говорит: одной Тивери на всех не хватит, она собой всех не прикроет. Так надо и сказать ромеям: вы за своим смотрите, мы — за своим. А то, что с ромеями есть договор, так он и остается в силе: Тиверь не вторгается, это кутригуры пошли, пользуясь обычаем вольно ходить по границам чужой земли.

Хан, слушая такие рассуждения, расчувствовался, порывался клясться на крови, что будет Тивери и тиверцам за добрых соседей как ныне, так и в веках. Ему поддакивали, соглашались с ним, щедро угощали. Но на другой день князь собрал совет уже без гостей. Как быть с кутригурами, братья?

Думали и говорили долго, и так, и этак прикидывали, чего хочет хан и что из этого выйдет, а сошлись на неожиданной и, как казалось всем, единственно возможной мысли: пусть кутригуры идут за Дунай, однако не там, где тиверские сторожевые вежи, где пути проторены. Пусть сами проложат их и переправляются там, где их никто не ожидает. Тиверь делала вид, что не ведает о замыслах кутригуров.

Не сразу, но все же князь Волот вынужден был признать: совет правильный. Это и стало ответом тиверцев предводителю кутригуров.

VI

У Флавия Петра Саватия Юстиниана не было причин обижаться на давно умершую и забытую в житейских

заботах мать. Как бы там ни было, не кто-то другой, а она, убогая поселянка с Верхней Македонии, наградила его не только ликом и статью Аполлона, а и счастливой судьбой, если начистоту — может, самой счастливой среди смертных. Кто он был, когда отправился из затерянного в горах, никому не известного селения в таинственную столицу Византийской империи? Обыкновенный пастух: босой, полуодетый, с выгоревшей от солнца копной волос на голове и с полотняной бесагой за плечами. А вон как повернулось: стал императором самой могущественной в мире империи, полновластным хозяином чуть ли не половины света — всей Ближней Азии с многочисленными провинциями, начиная от Палестины, Сирии, Аравии, Финикии, Месопотамии и кончая Арменией, а еще Понта Пелемона, Еленопонта, Дакии, Фракии, древнего Иллирика и еще более древних греческих провинций Северной Африки, чуть ли не всей Италии. Не само по себе это все ему свалилось. Ему, конечно, повезло, что в Константинополе сидел тогда, в день его, Юстиниана, появления кровный дядька — император Юстин. Но главное — на все была еще и воля всевышнего. Видно, дошли до него молитвы матери, с которыми провожала она сына в далекий и неизвестный путь. Счастлива и добра была и дарованная той же матерью в день появления его, Флавия Петра Саватия, на свет всеблагая судьба-заступница. Это она позаботилась, еще когда Флавия качали в колыбели, чтобы Анастасий не оставил для трона, на котором столько восседал, наследника, чтобы среди тех, кто только что оплакал его, возникли вражда и ненависть, да такие, что не оставили никакой надежды на примирение. Сенат, цирковые партии, аристократы Константинополя уповали на Ипатия, племянника Анастасия, а всесильный Амантий, временный правитель после Анастасия, на разбуженную в нем и кое-кем умело подогретую жажду власти — ни в коем случае не выпустить власть из рук! И пошло, завертелось. Пока аристократы справляли по Анастасию поминки да обхаживали Ипатия, чтобы знал, зачем садится в императорское кресло, чью сторону должен держать, когда сядет, Амантий приметил Юстина, тогдашнего предводителя императорской гвардии, на которую опирался трон, и дал ему гору солидов, а заодно и приказ: не скупиться на золото, сыпать щедро направо и налево, но чтобы гвардия посадила на трон не Ипатия, а Феокрита, близкого и во всем послушного Амантию.

«Хватит аристократам править нами!» — сказал заговорщицки и гневно, надеясь, ясное дело, на то, что дядька, как плебей в прошлом, примет этот гнев за чистую монету и позаботится, чтобы на трон сел именно Феокрит, коли уж он, Амантий-евнух, не может занять его сам. Но всесильная и всемогущественная судьба надоумила в те дни и сенаторов не поступаться своим. Они готовы были отдать скипетр императора кому угодно, только не Амантию, не его ставленнику Феокриту. «Прочь евнухов!» — бросили они клич и стали соображать, кто бы мог помешать Амантию. «Юстин, предводитель императорской гвардии!» — подсказала та же судьба, и поскольку другой силы при Августионе на самом деле не было, а дядька Юстин тоже был не дурак, повернулось так, что гвардейцы стали не на сторону Феокрита и Ипатия, а провозгласили самого Юстина императором Византии. Амантий спрятал голову в плечи, а сенаторам, как и цирковым партиям, ничего другого не оставалось, как поддержать гвардейцев. «Лучше будет, — решили они, — если империей будет править покорный нам смерд, к тому же пожилой и бездетный, чем властный и подлый евнух».

Быстро перетасовали между собой места в сенате, подняли паруса и, убедившись, что корабль идет своей, раз и навсегда выбранной дорогой, стали петь новому императору осанну. И воин, каких свет не знал, и державный деятель, каких империя до сего дня не имела. Никто не удивился, когда этот воин и деятель укоротил век сначала Амантию, потом Феокриту, а затем снял головы популярному в то время предводителю палатийских легионов Виталиану и инициатору финансовых реформ, очень влиятельной особе в империи — префекту преторин Морину. Важно, что их, сенаторов, обошел карающий меч и что достигнуто главное — нет Амантия. Одно только сбивало их с толку: новый император, оказывается, был не просто малограмотным, он был не способен даже поставить подпись под эдиктами, которые готовили ему другие.

Сначала только таращили глаза, пожимали плечами, потом стали шептаться: как быть? Низшие шли к высшим, те — к еще более высшим, а эти, не зная, что тут можно сделать, с суровым видом говорили: вы об этом не слышали, вам это приснилось.

Но не спит человеческая мысль, когда знает, что над

ней висит угрожающий карой меч. Все же нашелся в сенате человек, который прибежал однажды утром и выкрикнул, подобно Архимеду:

— Эврика! Я нашел!

— Что именно? — недоуменно посмотрели на него.

— Изготовим для императора печать из четырех букв: legi («я читал») — и этого будет достаточно. Она засвидетельствует подданным и всему свету его грамотность и компетентность в делах империи. Ну а поставить такую печать нетрудно.

Потеха — большое искушение, а желание видеть себя мудрее самого императора — тем паче. Вот и состязание сената с императором-смердом чем дальше, тем больше набирало силу, и кто знает, чем кончилось бы, если бы та же судьба опять не стала на сторону дядьки Юстина и не шепнула ему: сенаторы подсовывают тебе посмешище вместо эдиктов, а ты раскинь мозгами и сам подсунь сенаторам что-то такое, от чего бы у них не только в носу засвербило. Первое, что сделал Юстин, стал бывать — и довольно часто — на цирковых представлениях, стал собирать у себя и щедро награждать поэтов, которые нравились публике, которым она особенно аплодировала. Не зная до тех пор, что такое наука и культура, император стал довольно основательно заботиться об их расцвете в империи, заложил и воздвиг на своей памяти больше, чем кто-нибудь, научных и учебных заведений, церквей; как искренний христианин, стал преследовать ересь и еретиков и тем заставил служителей церкви, и даже цирковые партии, пялить на него удивленно глаза и говорить восторженно: «О-о!», а остальная просвещенная братия, в первую очередь поэты и актеры не замедлили подхватить это «о-о» и возвеличить императора Юстина в глазах непросвещенных как мудрейшего среди мудрых и просвещеннейшего среди просвещенных.

Никто не смел уже подсовывать императору лживые письма вместо эдиктов. Напротив, все свидетельствовали искренность, клялись в верности, хотя за глаза и уповали на время. Юстин, думали, преклонного возраста, к тому же наследников нет. Отойдет — и сделают по-своему: наденут императорский венец особе императорской крови.

Но и тут ошиблись: Юстин в самом деле оказался мудрейшим из мудрейших. Еще когда сел на трон, он послал

в Верхнюю Македонию гонцов с повелением: пусть кто-нибудь из племянников бросит пастушью палку, с которой ходит за овцами, и идет в Константинополь. А когда племянник прибыл, сказал ему: «Я уже стар, чтобы садиться за парту и овладевать науками, тем более в университете. Сядешь ты. Времени у тебя мало, поэтому не теряй его, день и ночь сиди над книгами — мудростью веков. А более-менее постигнешь их — придешь и станешь рядом со мной, будешь помогать править империей, может, и сам научишься. Не бряцай там, среди учителей и тех, с кем будешь учиться, именем моим, а вместо того старайся разумом охватить побольше других и стать под конец учебы выше всех».

Недаром он, Юстиниан, был того же теста, что и дядька его, — успел понять, куда клонит император, особенно когда тот позвал его и еще нескольких таких же, как он, молодых людей в Августион и повелел им быть его доверенными в Августионе. Может, кто из сенаторов и понял потом, к чему идет, но было уже поздно. Император Юстин почувствовал к тому времени, что дни его сочтены, и усыновил поднаторевшего в науках и в сенаторской премудрости племянника своим едва ли не последним эдиктом, тем, на котором стояло не привычное для всех «Я читал», а намного более значительное: «Я передал власть над вами и всей империей своему племяннику Юстиниану Первому».

Пусть эта воля императора не нравилась кому-то, пусть кто-то рвал на себе волосы, поняв, что случилось в империи и в чьи руки она попала, — все уже напрасно. Таким было веление судьбы, так должно было быть: отныне на императорском троне будут сидеть не наследники Зенона и его вдовы Ариадны, даже не родственники Анастасия, а сядет род Юстина из далекой Македонии, и сядет надолго. И кто осмелился бы пойти против завещания, если этот преемник Юстина уже имел своих сторонников и в сенате, и среди гвардейцев?

Юстиниан останавливается перед глубокой нишей окна в стене императорского дворца и долго смотрит вдаль, через Босфор и дальше. Сколько лет уже минуло с тех пор, как надели на него императорский венец и посадили на место покойного дядьки? Шутка ли — больше тридцати! За это время умерли не только те, кто рвал на себе волосы из-за того, что какой-то проходимец из иллирийцев сумел оставить всех в дураках, умерли даже

те, кто помнил, из какого рода-племени император Юстиниан, как стал он предводителем крупнейшей во всей ойкумене империи. Давно, еще в первые годы правления, кричали на ипподроме: «Было бы лучше, если бы не родился твой отец Саватий! Он не породил бы убийцу!» Теперь некому кричать. Да и не посмеют. Вон какой след оставил после себя в империи, а значит, и в памяти человеческой. «Какой? — выкрикнет кто-нибудь из тех, кто бросал в его сторону оскорбительные фразы на ипподроме. — Тот, что остался от крови, которой ты залил землю в многочисленных битвах в Северной Африке, Италии, в многолетней резне с готами, персами, где полегли по твоей милости сотни и сотни тысяч, или тот, что укоротил жизнь тысячам, а то и миллионам граждан империи, не говоря уже о рабах, из-за неслыханных до тебя поборов, изощренно выдуманных тобой податей?»

«Не только, — Юстиниан поворачивается в ту сторону, откуда его будто дернули за руку, и принимает позу легионера, готового к бою. — Вы только и знаете, что попрекать меня податями и войнами! Да, обкладывал вас налогами, обирал, посылал на смерть. А почему? Вы хоть раз задумались: почему? Хотите жить в богатой, прославленной на весь мир империи и не лить кровь, не терпеть от податей? Не было так до меня, не будет и после меня. Слышали, не будет!»

Кому, какому призраку возражал, зачем? — сам не ведал, однако был уверен: сказал правду. Как правда и то, что не за подати и не за пролитую на поле брани кровь будет помнить его империя. Подати — это не главное, главное было — творение самой империи. Дядька Юстин лишь заигрывал с поэтами и актерами, он же, Юстиниан, во имя развития самой поэзии и науки не только окружил себя сонмом блестящих поэтов и ученых мужей, но наступил ради этого на горло собственным убеждениям. Он жестоко преследовал и карал всех за отступление от христианской идеологии, только на отступ поэтов и ученых закрывал глаза, только им позволял пользоваться языком эллинов-язычников. Разве того не помнили когда-то и не вспоминают ныне хотя бы и Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, поэты-эпиграммисты Павел Силенциарий, Юлиан Египетский, Македоний, братья схоластики?

Высшие школы — университеты — были и до него, это так. Но кто более его способствовал развитию науки в

университетах — и не только в Константинопольском, а и в Бейрутском, Александрийском, Афинском, Эдесском, в школе риторов и софистов в Газе, в медицинском училище в Нисибиси? Именно при нем, Юстиниане, забурлила там жизнь, стали возможны дискуссии между учеными-философами и учеными-богословами, между блюстителями права и законодателями, историками и географами. Где еще есть такие библиотеки, как в Константинополе, Александрии, Бейруте, во многих ли странах христианского мира появились такие, известные среди ученых и неученых, просто просвещенных мужей, труды, как «Христианская топография» Индикоплова, трактаты его оппонента, александрийского философа Филопона, научно аргументированные рекомендации медикам теоретика медицины из Эмиды Аэция? А чьими усилиями сотворен свод законов Византийской империи? Да, чьими?

После много чего могут приписать императору Юстиниану: и то, что собранный на ипподроме восставший охлос плавал в собственной крови и просил пощады, а он не позволил оставить в живых ни одного из тридцати пяти тысяч, и что лил ромейскую кровь в многочисленных побоищах за пределами Византии, но не забудут, не могут забыть, что свод юридических законов его эпохи именуется Кодексом Юстиниана. Не профессоров права Феофила, Дорофея, Стефана, Фалалея, которые немало потрудились над ним, складывая и комментируя Дигесты, а Юстиниана. Потому что этот исключительного значения и значимости памятник юридической мысли создан при нем и благодаря ему.

Подати, пролитая на поле брани кровь... А вы как думали? Границы Византийской империи почти безмерны, их до сего времени не смогли сосчитать. Кто будет заботиться о них, кроме императора, и кто остановит варваров, которые зарятся и зарятся на богатства империи? Вы? Нет, император. Вот и дайте императору, чтобы было у него, кем закрыть варварам путь в земли империи, чтобы было за что соорудить крепости, через которые не смогли бы пройти те же варвары, чтобы, наконец, заботился о спасении душ ваших.

Скажете, не думал обо всем этом? А чьими заботами и солидами обновлены сотни старых и построены новые крепости на границах, сооружены города, церкви, монастыри по всей империи и среди них краса православия —

храм святой Софии в Константинополе? Разве кто-то когда-то смог возвести такое диво или приложил столько же усилий, чтобы процветало христианство, чтобы церковь и империя стали единым целым? Все это мои заботы и моя гордость. Слышали, моя и ничья другая! Сколько будет стоять храм святой Софии и сооруженный для обездоленных и голодных дом Сампсона, столько и будут помнить Юстиниана. Да, я не жалел для этого ни вашего пота, ни вас самих. А разве я сам мало пролил его? Может, чревоугодничал, владея такой империей, может, позволил себе лишний раз побыть на отдыхе, по-человечески выспаться? Не было этого, вы это знаете, как и то, что я никого не отталкивал от себя, был доступен для всех и щедр со всеми, если речь шла о созидании империи, а не о разрушении ее. Кто, кроме Юстиниана, заботился так о ратной выучке ромеев, о развитии ремесел, торговли? Разве не моими усилиями добыта золотая жила византийского благополучия — шелк-сырец? Разве эта, самая большая добыча за все века, мало дала вам? Такое не забывают, вельможные и невельможные крикуны, как не забудет народ византийский и того, сколько силы и ума приложил император Юстиниан, чтобы осуществить долгожданные законодательные реформы, ограничить власть сената и сенаторов, запретить крупным землевладельцам иметь свои тюрьмы, творить самим суд над подчиненными, чтобы прекратить, остановить пагубное для империи запустение земель в провинциях.

Конечно, найдутся и такие, кто будет упрекать. А как же, ввел мыто в таможнях для тех, кто привозит и продает в его гаванях товары, сдирал высокие проценты с должников, сберег рабство и ни на йоту не облегчил долю рабов, ввел принудительную скупку хлеба, поднял старые и выдумал новые подати, среди них даже налог на воздух — аэрикон, был жесток как со знатью, так и с охлосом, не брезговал доносами тайных слухачей, карал по их доносам всех, даже тех, кто создавал с ним империю и был в свое время любимцем. А разве власть не является насилием, может, самым большим и самым жестоким? Разве такой империей, как Византия, можно управлять без тайных осведомителей? Всем нравится, что силой меча он одолел варваров и возвратил в лоно империи Северную Африку, Италию, обновил, по сути, древнюю Римскую империю в ее исторических границах. Разве все это можно было сделать без соответствующих затрат? Разве государственная казна бездонная бочка, из которой можно без конца черпать и черпать солиды? Вон сколько их идет на величие и славу Византийской империи — то самое величие, которое всем веселит сердце и плодит гордыню. А за какие такие дары небесные можно делать все это? Или у кого-то повернется язык сказать, что все подати и обдираловку император вводил для себя, для своего благополучия?..

Юстиниан покидает наконец место, облюбованное возле окна, выходящего на Босфор, и медленно идет через просторный зал. В один угол, затем — в другой.

«Почему прошлое так неотступно преследует меня, вызывает беспокойство, больше того, оставляет неприятный осадок на сердце? Постарел, видно, недалеко тот час, когда придется встать перед всевышним и держать ответ за все свои деяния. Господи, неужели это случится, и случится в недалеком времени? А-а... — Он довольно решительно срывается с места, идет к двери. — Этим ли должен сушить себе голову? Живой заботится о живом, а наделенный властью император — о власти».

— Позовите ко мне настоятелей храмов святой Софии и святой Ирины. Скажите, пусть прибудут с ученой братией, и немедленно.

В последнее время положение империи, а соответственно и церкви в империи, едва ли не больше всего беспокоит его. Уверен, не такое оно прочное, как кое-кому кажется. Западные земли долго пребывали под варварами. Кто исчислил, какой вред за это время нанесен христианству, а еще больше народу христианскому, его быту, верованию, морали? Варвары, как и варварские обычаи — исчадие ереси, которой и без того достаточно. Одни манихеи чего стоят. А монтанисты, самаритяне, а монофисты, которым, чего греха таить, потакает сама императрица и к которым причастна чуть ли не вся знать? Там, на западе, с переменой власти само по себе мало что переменится, и он, император, как глава державы и церкви, не может не думать об этом. И думать должен, и заботиться.

Расхаживая, Юстиниан размышлял, с чего начнет беседу, а может, и спор с богословами. Но собраться с мыслями ему не дали, более того, он вынужден был перенести встречу на другое время. В Константинополь прибыл гонец из Фракии и принес в Августион тревожные вести: варвары перешли Истр не только в среднем, но и

в нижнем течении, опустошают Скифию и Нижнюю Мезию.

— Кто такие? Наши неверные союзники анты?

— Нет, на этот раз не они. Вторглось известное императору по недавней сече племя, называемое гуннами-кутригурами.

— И только? Что сделал наместник, чтобы остановить их? Почему не остановил, а шлет ко мне гонца с плохими вестями?

— Потому что варваров не так уж и мало. Они обошли крепости и пошли гулять по провинциям. Берут у поселян одну живность, самих не трогают, и говорят, будто пришли выбрать себе землю и сесть на ней.

— Собираются сесть, а тем часом грабят народ?

Император был явно недоволен вестником, как и вестями.

— Чего хочет наместник?

— Просит помощи, василевс. Так и сказал: самим не сдержать, пусть император шлет палатийские легионы.

Юстиниана даже передернуло от такого наглого требования.

— Все ищут защиту у императора, всем подай палатийские легионы! А где провинциальные? На что надеялся наместник Фракии, защищая северные границы, если не способен защитить себя даже от кутригуров?

На крик его подвернулась, и подвернулась, как всегда кстати, императрица.

— Что случилось, Божественный? Кто прогневал тебя и нарушил твой покой?

— Вот, послушай и полюбуйся, — показал он на посланца из Фракии и отошел в сторону.

Феодора — само любопытство и внимание. Ни в глазах ее, больших и настороженных, ни на лице ни тени гнева и недовольства, лишь удивление и просьба, просьба и удивление. Это и подкупило, конечно, посланца. Без восторга, запинаясь, он, однако, пересказал императрице все, что поведал императору, добавил и подробности, каких от испуга или по торопливости не удостоил императора.

— Сколько же все-таки войска у кутригуров? Сказал или не сказал это наместник?

— Точно никто не знает. Судя по тому, как густо и неудержимо идут по провинциям, не меньше десяти тысяч.

— Бог милостив, управимся. Иди и отдохни с дороги, а

император подумает тем временем, что сделать, чтобы выдурить варваров, уберечь Фракию и фракийцев от напасти.

Ждала ли василиса, когда утихнут шаги вестника или собиралась с мыслями — трудно сказать. Стояла у входа, мерила Юстиниана испытующим взглядом и отмалчивалась.

— Эти варвары не дадут век спокойно дожить, — первым нарушил молчание император. — Всем глаза ест богатство Византии, норовят поживиться. Лезут и лезут, как саранча.

— Если пришли за богатством — полбеды. Хуже, если в самом деле хотят поселиться.

— На что они мне, рабы и конюхи! — рассердился Юстиниан. — Своих, что ли, мало?

— И я говорю: гнать надо, и немедленно.

Василевс не отозвался. Мерил просторную залу Августиона и думал что-то свое. Наконец остановился, позвал придворных.

— Где сейчас полководец Велисарий?

— Наверное, отдыхает после изнурительных походов.

— Скажите ему: повелеваем видеть у себя.

И, когда придворный собрался идти, добавил:

— И племяннику моему Герману то же самое скажите.

Федора, как и всегда, осталась не по-женски сосредоточенной и задумчивой. Но вот глаза ее вспыхнули и, как показалось Юстиниану, даже расширились.

— Кого пошлешь, василевс, с Велисарием? Те жалкие остатки, что в Константинополе и вокруг него, или отзовешь когорты от Норсеса?

— Может, и остатки, что поделаешь. Важно, чтобы было кому вести их. Там, в провинциях, соберут, что можно, из провинциальных когорт. Думаешь, нет их там? Предводители олухи и трусы — вот в чем беда. Попрятались в крепостях и ждут милости от императора.

— Возможно, и так. Появление Велисария среди тех, кто должен дать отпор кутригурам, не помешает. Однако я на твоем месте позвала бы сначала послов, которые не так давно подписывали договор с утигурами и обрами. Пусть бы напомнили и обрам, и утигурам: брали солиды, давали обещание быть на стороне Византии, бороться со всеми, кто будет идти в ее границы с севера — пусть теперь подтвердят свои слова делом.

Юстиниан не спешил радоваться находчивости императрицы.

— Это давно было, Феодора. Утигуры вычерпали солиды из наших мехов и забыли про обещание. Они уже заключили другой договор — именно с кутригурами: Сандил отдал за их хана свою дочь.

— Но кто сказал, что он забыл о нашем договоре? Ведь не пошел же Сандил с кутригурами! А если так, не совсем, выходит, забыл.

Император зыркнул на нее и задумался.

— Не пойдут, Феодора, утигуры на кутригуров. Где ты видела, чтобы родич шел на родича?

Василиса не усмехнулась, однако что-то похожее на улыбку промелькнуло у нее на устах, заискрилось во взгляде.

— Ну а обры?

— Обрам, чтобы идти на кутригуров, надо вторгаться в земли антов или утигуров.

— Ты забываешь, божественный, что это варвары — безбожники, к тому же гуннское отродье. Они на все способны. Если думаешь, что они забыли о солидах, высыпанных перед их жадными очами, высыпь еще, или хотя бы позвени золотом, и увидишь, что из этого будет.

«А в самом деле, — склонился к ее мысли Юстиниан. — Варвары на все способны. Пусть Велисарий идет во фракийские провинции с когортами, а послы с солидами — к утигурам и обрам. Одно другому не мешает».

«Подожди!.. — промелькнуло сомнение. — Где возьму столько солидов? Чтобы удержать отвоеванные у варваров западные провинции, чтобы стоять против склавинов, которые наводнили Иллирик, тоже нужно золото. Не много ли все хотят?»

Феодора же все не умолкает, новые и новые доказательства готовы у нее, чтобы переубедить императора, а он стоит, словно обшарпанное ветром дерево, и не может ни на что решиться. Туда солид, сюда солид — так можно раскидаться всем добром, а ведь за каждую монету по три шкуры содрал. Пошлет обрам, пошлет утигурам, а тогда что? Снова повышать налоги или придумывать новые? «А-а, — махнул, наконец, рукой и велел позвать кого-нибудь из посольства. — Есть у подданных аэрикон, и если надо — будет еще и налог на воду, которая бьет из имперской земли, на дым, который идет из домов... Не могут или не хотят отстоять отчую землю сами, пусть дают солиды».

VII

Самолюбие молодого хана могло быть вполне удовлетворено. Он взял верх над кметями! Во-первых, отстоял для себя и жены своей свободу — всю осень и зиму был с Каломелой, во-вторых, поднял себя в глазах кметей. Еще когда возвратился из Тивери, собрал их и сказал: «Нам и дозволено, и не дозволено идти землей Тиверской. Думайте, как пройдем. Даю вам на это осень и зиму, потому что пойдем весной». Думали кмети или нет, но с тем, что они надумали, он согласиться не мог. Все, что угодно, говорили они ему перед походом, на все указали, каждую мелочь назвали, не сказали лишь, а где же нужный им путь?

— Может быть, так сделаем, — вынес он на их суд свою думу. — Пойдем за Дунай не после паводка, а сразу, как потают снега, но лед на Дунае будет еще крепким, такой, что выдержит и воина, и коня.

Какое-то время совет молчал, потом кмети заговорили разом, наперебой, начали вскакивать и провозглашать здравицы своему предводителю.

— Слава мудрому хану!

— Слава и хвала! Хвала и слава!

— С таким — хоть на край света!

Не кривя сердцем, он рад был слышать такое. И еще больше радовался потом, когда замысел его оказался не просто удачным, а счастливым для всех. И Днестр перешли по льду — нежданные, никем не были замечены, и Приднестровье и Придунавье одолели, удачно избежав занесенного снегом распутья, и на Дунае вышли в том месте, где не было ни тиверских сторожевых веж, ни ромейских крепостей. Зато река лежала еще скованная льдом — от берега до берега поблескивала под косыми и холодными весной лучами солнца.

— Слава хану Завергану! — кричали тысячеголосо, уже не обращая внимания, что где-то кто-то услышит их. Пусть попробуют теперь ромеи остановить такую лавину — десять тысяч, и все мечники, под каждым горячий степной конь. Пока разберутся, что к чему, пока соберутся с силой, кутригуры уже свое дело сделают. Когда под копытом твердь, их уже ничто не остановит.

Хан целиком полагался на свою силу. У него не было здесь разведчиков, как у ромейского императора, согля-

датаи которого несут ему вести со всего света, поэтому Заверган не рассчитывал узнать заранее, что предпримет Юстиниан, услышав о вторжении. Пусть что хочет, то и предпринимает, разговаривать все равно придется после того, как кутригуры соберут свою дань. Другого условия для переговоров с ромеями нет и быть не может. Силой и только силой можно их заставить говорить с варварами.

Самому себе Заверган мог бы сказать, что он не знал, на чем остановится, чего будет добиваться от ромеев: облюбует ли, гуляя по Мезии, землю и скажет императору: «Уступи ее мне», — или возьмет, что можно взять мечом, и повернет за Дунай. Кмети еще надеются, что сядут здесь, в ромеях, с родами навечно, а он сомневается, что будет именно так. Пусть и про себя, но все же склонен думать иначе: с богатой добычей, взятой на этих землях, и на Онгуле неплохо будет.

Тысячи недолго шли скифским трактом. Нагулявшись по околиям и не встречая сопротивления со стороны ромеев, разбились на сотни и ринулись дальше — в широкие и бесконечные, как и там, на Онгуле, степи. Не останавливал, пусть идут. Ромеи не ожидали вторжения. Теперь, пока соберут силы, не одна седмица пройдет. Так пусть ловят свою удачу кутригуры, пусть гуляют, пока гуляется, пусть берут все, что можно взять у тех, кто бежал или прячется по оврагам. Глядишь, наберутся и на том успокоятся, довольные.

Он не подгонял свои сотни, но они и без приказа знали, что надо идти вперед. Единственное, чем поинтересовались перед тем, как выступить — где встретятся с ханом?

— На тракте, что ведет к Маркианополю или под самим Маркианополем.

Войска были послушны: ждали его всегда там, где велел ждать. И раз, и второй, и третий. Оставят в обозе награбленный товар — и снова исчезают на несколько дней, оставят — и исчезают. Но настал день, когда ромеи перекрыли им путь.

Хан не полез на рожон. Остановился и решил присмотреться, что бы это значило. А тем временем разослал во все концы гонцов, собирая рассыпавшиеся тысячи. К счастью, ромеи пока не рвались в сечу. Перекрыли дороги, ведущие в горы, и явно чего-то выжидали.

«Не иначе как на помощь надеются. Так, может, воспользоваться этим, начать переговоры о поселении?»

Снарядил нарочитых мужей.

— Хочу поговорить с предводителем, — сказал через них.

— О чем?

— Пусть выходит на поле боя перед воинами своими, там услышит.

Ответили ему не сразу, думали.

— С татями один разговор, — сказали наконец, — меч и сулица.

— Кто предводитель легионов?

В ответ — молчание.

И Заверган понял: это недобрый знак. Похолодело сердце. Он не впервые выходил на сечу, однако и не так часто, чтобы чувствовать себя непобедимым. И потом, раньше он ходил как сотенный, теперь же предводитель всей рати. Кто, кроме него, подумает, что замышляет враг, кто скажет, куда и какие силы он бросит, чтобы ударить там, где не ждут? Хан и только хан.

В этот решающий момент хан прежде всего позаботился о тех тысячах, что были при нем. Распорядился усилить дозоры и разведку, чтобы ромеи не обошли их и не ударили в спину. А все же былой уверенности уже не было. Если еще и не пал духом, то занервничал, стал срываться, орать на всех подряд из-за пустяков.

— Вы зачем шли сюда? — допытывался, хотя сам позволил им до того промышлять в околиях, подбирать все, что плохо лежит. — Думаете, ромеи до самого Константинополя будут бежать, заслышав о вас? Становитесь там, — показывал, — вы воины, а не тати, готовьтесь к сече.

Из десяти тысяч мечников, что шли с ним через Дунай, теперь было при Завергане меньше половины.

— Олухи! Крохоборы! Бабники! — ругал отсутствующих. — На советах орали громче всех: «Народ изнемогает от бедности! Не для себя, для народа кутригурского должны идти и добывать землю, которая стала бы кормилицей не на годы — на века!» А пришли на такую землю — и забыли о народе, за бабскими юбками погнались!..»

Единственное, что утешало, — его почитали в рати. Не перечили, если ругал, и старались помочь, когда видели, что помощь нужна. Знали, что хан их умен, но не понимали, почему он так неуверен в себе?

Ромеи тоже не сидели сложа руки. Они расставляли свои когорты так, чтобы сподручнее было отразить кутригурские сотни, а если придется наступать самим, исход-

пая позиция позволила бы атаковать не только головными, а и фланговыми когортами.

Чувствуя опасность, самые опытные воины хана пробирались как можно ближе к ромейскому табору, приглядывались, что делается в лагере. Кто-то из них заприметил однажды соблазнительную щель в рядах ромеев и поспешил к хану с вопросом: нарочно ли оставили этот проход императорские стражи, как ловушку, или не заметили, сами не знают, что допустили промашку?

Заверган долго изучал эту лазейку с холма, спускался в долину и смотрел оттуда, пытаясь поставить себя на место ромеев, но полной уверенности не было.

— Позовите сюда кавхана, — наконец повелел он.

Сам толком не знал, почему он зовет именно Коврата. Однако, когда тот подъехал и стал перед ханом, подумал, что только Коврат и сможет сделать то, что он задумал, если это вообще возможно.

— Видишь ту балку, густо поросшую кустарником?

— Вижу.

— Похоже, ромеев там нет. Понаблюдай денек и разведай, так ли это? Надо найти хоть какую-нибудь щель в их таборе. Неплохо было бы просочиться ночью в эту щель, затаиться за спиной когорт и посмотреть, что делается в таборе, какая у них сила, ждут ли подмоги... Если узнаем это, будем знать тогда, где ждать ромейского нападения и куда самим лучше ударить, если отважимся начать первыми.

Коврат, не раздумывая, согласился исполнить повеление хана. Хоть это успокоило Завергана. Теперь он радовался каждой прибывающей сотне и даже гонцам от тех сотен, что были на подходе, и все же напоминал и напоминал своим людям, чтобы глаз не спускали с вражеских когорт. «Ромеи, — говорил, — искусно владеют мечом, но еще искуснее хитростью. Остерегайтесь ее».

Кмети между тем укрепляли табор, ставили дополнительные караулы. Правда, хана не беспокоили, все делали сами, на свое усмотрение.

«Не беда, — успокаивал он себя, решив хоть немного вздремнуть. — Лишь бы делалось так, как надо».

Он и не знал, заснул ли — казалось, только забылся, уже и разбудили.

— Хан, — сказали ему, — кметь Коврат желает видеть тебя.

Поднялся рывком, сгоняя с себя остатки сна.

— Зовите.

Была еще ночь, и то, что Коврат осмелился будить среди ночи, могло означать только, что он недаром ходил к ромеям.

Однако услышанное превзошло все его ожидания.

— Хан, — негромко, но торжественно и твердо сказал Коврат, — есть возможность захватить ромейский табор, и без большой крови.

— Что, он так малочислен?

— Нет. Числом их немало. Может, и меньше, чем нас, однако немало. Пробравшись к ромеям, я узнал, где предводители табора, как подойти к ним и ударить внезапно. А возьмем предводителей, возьмем и весь табор.

Он был не так уж красноречив, этот Коврат, зато смелости и решительности ему было не занимать. Он не просто рассказывал хану о результатах своей разведки, он с жаром убеждал его, что можно и как можно сделать. Хан будто шел по следам речей его и видел стезю, которая выведет к шатрам, в которых отдыхают ромейские предводители, видел, как отделены они от когорт, нацеленных на кутригуров, понимал, что это будет значить, если кутригуры вдруг поднимутся ночью и пойдут на ромеев, а от ромейских предводителей ни звука. Это и в самом деле может быть удача, и немалая.

— Ты уверен, что там, где прошло несколько человек, пройдут десятки и даже — сотня?

— Пройдут, хан, правда, только без коней.

Заверган задумался, но ненадолго.

— А что будет, если кто-то даст знать ромейским когортам, что предводители их в беде, и они бросят против нас конную сотню, а то и две? Успеете ли затаиться в яругах вместе с пленными предводителями, пока подойдут наши?

— А мы не будем прятаться. Мы ударим ромеям в спину и пойдем навстречу нашим силам, которые будут ломиться в ромейский табор.

Уверенность Коврата обнадежила хана.

— Дело говоришь, Коврат. Только хватит ли на это сотни?

— Возьмем больше, хоть две, хоть три. Где пройдет сотня, там и остальные пройдут.

И то правда. Ночь долгая, многое можно успеть. Остается только решить: кто поведет эти сотни? Дело достойно твердой руки хана, но хан едва ли не больше необхо-

дим здесь. По всему, вести сотни за спину ромеям, кроме Коврата, некому.

Чтобы подготовиться к задуманному, точно указать, кто, где и как будет действовать в ночном походе, хан дал день и полночи. А на само дело времени отводилось в обрез. Ведь не так на силу и знание рассчитывал хан, как на внезапность, позволить которую может себе лишь тот, кто смел и мудр, и безоговорочно отважен.

Не раз и не два напоминал об этом каждому, а будут ли такими, когда Коврат и его сотни подадут знак, кто знает? Пробиваться придется ночью, почти вслепую, да и ромеи могут оказаться не такими беспечными, как надеются. Откуда знать, как сложится все, что будет на самом деле?

А впрочем, чего теперь сомневаться? Коврат пошел, возврата нет уже и быть не может. Коль ромеи отказались от переговоров — сеча неминуема, и будет лучше, если он начнет ее именно так.

Тихо в таборе, тихо окрест. Ромеи, наверное, спят, почему бы им не спать? Его же воины не должны спать. Там, куда пошел Коврат, вот-вот запылают костры, поднимется к небу тремя языками огонь — это будет знак, который всех поднимет на сечу.

Заверган стоял под звездами, прислушивался. Поднял глаза к небу, на зарю, которая должна сказать ему, долго ли ждать еще условного знака.

— Хан так и не заснул, наверное?

За шатром, у почти угасшего костра, сидело несколько человек, и среди них кметь, которому положено сегодня быть при хане, чтобы оглашать войску его повеления.

— Не заснул, да теперь и не придется. Воз на небе уже опустил дышло, скоро начнет светать.

— И все же звезды, которая благословляет свет, нет еще, хан.

— Оно так.

Постоял, задумавшись, и свернул к костру. Ему уступили место.

— Не желает ли хан окропить себя ромейским кумысом?

Зыркнул на кметя, потом спросил:

— Тем, что греет кровь, или тем, что с ног валит?

Кметь засмеялся и, не отходя от костра, достал баклажок с вином.

— Это вино, хан, и греет, и веселит. Того, что валит с

ног, при себе не держим. То разве после дела будем пить, когда станем надолго.

Хан слушал эту не ко времени веселую болтовню кметя, не зная, поддержать беседу или отругать за преждевременное веселье.

«Он не один такой — подумал. — А что, если воины его развеселились до потери сознания? Ведь не поднимутся на ноги!..»

Ему уже подали в руки братницу. И в этот миг он увидел: там, куда пошел Коврат, поднялось, озаряя небо, зарево.

Заверган вскочил, жадно вглядываясь туда, тревожась и радуясь одновременно.

— Похоже, наши подают знак?

И кметь, и воины вокруг выжидательно молчали. А там, впереди, вспыхнул второй, за ним и третий костер.

— Так и есть! — Хан посветлел лицом и быстро поднял братницу. — За успех, кутригуры!

Все остальное делалось как бы без его участия. По обе стороны ханского шатра, бывшего центром кутригурского табора, послышались зычные голоса, суета, бряцанье оружием, и, пока хану подавали коня под седлом, меч, щит, все остальное облачение, кажется, пробудилась уже сама ночь вокруг — слышался топот конских копыт, горячее дыхание людей и коней, и все ощутимее становился отдаленный, нарастающий гул потревоженной в сонной тиши земли.

Заверган выехал впереди сотен, бывших при нем, поднял меч.

— Вперед, кутригуры! Лавою, как один!..

Слышал, как содрогнулась земля под копытами, как норовят настичь его и никак не настигнут в неудержимом порыве несущиеся вперед всадники. И его самого как бы подстегнуло этой волной, прибавило силы, уверенности и того страстного желания полета и мести, которое не знает ни сомнений, ни меры. В этот миг Заверган не думал, как поведет себя, что будет делать, когда доскачет до ромейского табора. Схватится ли в борьбе, как любой другой муж, или ему лучше встать над сечей, чтобы видеть, что творится вокруг, чтобы своими повелениями влиять на исход схватки, — что будет, то будет! Одно он знал точно, в одно верил: скачет не напрасно. Неожиданное и стремительное вторжение в табор ночью не может

Рис. Ю. Макарова

не вызвать страх, страх, этот погонит хваленый ромейский разум в пятки, заставит дрогнуть дух. Да, так будет!..

Когда же, почти без сопротивления, вломились в лагерь ромеев, когда он очутился среди всполошенно кричавших врагов, среди ржания смертельно раненных коней, когда он очутился в самой гуще бурлившего побоища, уже не до того было, чтобы думать обо всей рати. Хан едва успевал отбивать мечом нацеленные на него сулицы, снимать головы неосмотрительным и рассекать подставленные под удар щиты. Топтал конем лежащих без памяти, снова поднимал и опускал на чью-то шею меч, слышал предсмертные стоны и сам хрипел от злости и ярости, от чрезмерного в молодом теле удальства.

Остановился он лишь тогда, когда не увидел впереди себя ромеев. Кто-то из кутригуров поджег в это время наготовленный для костров хворост — огонь осветил поле брани и сразу же явил хану неоспоримость его победы: кутригуры были повсюду, они запрудили ромейский табор, и если кто-то и защищался еще, то защищал уже не табор — собственную жизнь.

— Хан! — К нему подъехал всадник в бараньей шапке и бараньей шкуре через плечо. — Кметь Фемаш велел сказать тебе: там, — показал в сторону, — ромеи обставились возами и не дают подступиться к ним, засыпают стрелами.

— Ну так что?

— Как быть с ними? Пока будем возиться с ними, остальные опомнятся и пойдут лавой на нас.

— Скажи кметю, пусть окружит их сотней-другой и держит за возами. Остальных преследовать! Прикончить или взять в плен — мне без разницы, лишь бы перевес был наш!

Теперь только заметил: сотня, которой велено быть при хане, охранять его и передавать все его повеления, — была при нем, ждала его приказов.

— Где Коврат? Не объявлялся еще?

— Не видели, хан.

— Повелите первой же сотне идти навстречу Коврату! Во что бы то ни стало разыскать его в этой круговерти. С ромейским табором и без них управимся.

Напрасно переживал Заверган, как будет управлять в предутренней темени сечей. У кого была особая нужда в его помощи, тот разыскивал его и в круговороте побои-

ща, остальные же обходились без хана. Так издавна повелось и сейчас ведется: что ни род, то своя сотня, а у сотни свой кметь и помощники — из тех, у кого сильное сердце, кто умеет держать в руках не только меч, а и сотню, видеть зорко и мыслить остро.

Правда, не только кутригуры умели воевать. Ромеи в сечах были едва ли не более искусны. Пока те из них, на чью долю выпало стать первыми против кутригуров, падали, поверженные мечами, пока на их место становились другие, чтобы как-то сдержать натиск, остальные в это время успевали собраться в манипулы и, прикрываясь щитами, засыпали нападавших стрелами, разили сулицами, а успевшие добраться до коней шли на кутригуров с мечами. С ромейскими же мечниками не так просто управиться. Вот тогда и звали на помощь хана и запасные сотни, что были у него под рукой

Заверган, посылая других на выручку, и сам ходил во главе сотен. Воин он был отменный — и сила, и сноровка в руках, да и сердце железное. Потому и страшились его ромеи, рано или поздно расступались перед ним. А в бою этого уже достаточно, чтобы организованные для обороны манипулы теряли порядок, рассыпались и громились ханскими воинами поодиночке.

После одного из таких ударов на ромеев Завергана настиг гонец и крикнул:

— Хан! Коврат здесь! Взял двух ромейских стратигов. Спрашивает тебя: что делать с ними?

— Вот как! — повернул к гонцу распаленное в сече лицо и повелел: — Веди!

Коврата уже окружила толпа воинов. Он стоял спешенный, то ли рассказывал что-то, то ли кого-то слушал. Хан соскочил едва ли не на полном скаку с коня, спросил кавхана:

— Это правда?

— Правда, хан. Воины исполнили твою волю: ромейские стратиги в наших руках.

Коврат был весел и доволен собой. Но не меньше доволен им был и хан.

— Это самая большая наша удача, Коврат. То, что сделал для этого ты, перевешивает все.

Он подумал, потом отстегнул кинжал, что висел у него на поясе. Решительно протянул Коврату.

— Бери, кавхан. В знак моей особой благодарности и

признательности. А теперь веди и показывай: где они, кто они, твои пленные.

VIII

Сеча продолжалась до утра, и лишь утром начала угасать. Заверган, может, и не заметил бы этого, но угасала она как-то уж слишком ощутимо и зримо. Ромеи, видно, только теперь, с рассветом, поняли, на табор навалилась сила, сопротивляться которой бесполезно, и сложили мечи, сняли перед кутригурами шлемы.

Хан торжествовал. Кому-кому, а себе он мог признаться: не думал, что так стремительно возьмет верх. И над кем? Над самими ромеями! Сколько же их было здесь? Убитых — не сосчитать, раненых — тьма, а пленных еще больше. Тех же, что удрали, воспользовавшись темнотой, и подавно. Нет, такое предводителю кутригуров и во сне не могло присниться. Видит Небо: свои сотни, как были, так и есть, ромеев же ведут и ведут под кнутом. А еще соберут и переправят в табор неисчислимые возы, заарканят оставленных на поле брани коней, сгонят скот... Кто мог надеяться, что за одну ночь привалит столько добра, упадут с неба такие дары? Однако и они меньше значат, чем отправленные в табор стратиги — Сергий и Эдерман. Вместо разбитых когорт император соберет среди своих многочисленных подданных новые, коней, что стали добычей кутригуров, так же найдет где взять, как и возы, и скарб на возах. А стратигами не поступится, за стратигов начнет торговаться. Разве же это не счастливый случай: изменить судьбу кутригурских родов, выторговать у императора за пленных стратигов землю-плодоносицу? А почему бы и нет? Или он, Заверган, не за этим шел сюда? Или ему нечем будет припереть императора к стене и сказать: или — или? Пленные могут подтвердить: не раз и не два хан предлагал переговоры, хотел договориться о переселении родов своих, не чиня насилия, уповая на добрую волю императора.

Такие мысли не покидали молодого хана кутригуров. Радуясь удаче, он был не только весел, но и щедр с кутригурами, и кмети отважились воспользоваться этой щедростью.

— Хан, — сказали. — Воины наши бились с ромеями как туры. Много сил потратили, много пота пролили, до-

бывая себе славу, а родам благодать. Позволь им повеселиться после такой кровавой бойни.

Заверган вспомнил поднесенное вино, разговор у костра.

— А вы уверены, что все стратиги побеждены и поблизости нет других?

— Откуда им взяться, хан? Это вся сила, которую выставил против нас император. Пленные сокрушались между собой: теперь, говорили, кутригурам открыт путь до самой Длинной стены.

— Живности много взяли?

— Больше, чем можно было ожидать. Коней тысячи, быков и коров тоже. Об остальном, как и о бочонках с вином, говорить нечего.

— Воины заслужили отдых, это правда. Однако пусть веселится половина сотен, другие будут тем временем сторожить. Через сутки пусть поменяются: те — сторожить, а эти — гулять. Чтобы не было потом споров, даю на отдых седмицу. Хватит?

Кмети встретили его слова криками радости и восторга.

Пили ромейское вино и жировали с ромейскими женами день, пили-жировали второй. Не сплоховали и на третий, четвертый. А на пятый Заверган заметил: того вина, что взяли в ромейском таборе, и тех жен, что были в селении, оказалось мало. Воины его везли и везли из соседних селищ и вино, и жен, и девиц, прихватывая даже тех, что отмаливали свои грехи за монастырскими стенами.

Это насторожило хана. Своеволие охмелевших может набрать такую силу, что потом не остановишь. Было видно, что и гулявшие, и сторожившие их — все у пьяного гурта, все — под хмелем.

«Надо положить этому конец, — решил он. — Но как? Отругать кметей, что забыли об обязанностях? А что толку хмельных ругать? Найдут, чем оправдаться!..»

Даже самые верные и надежные забыли обо всем, пили и веселились как у себя дома.

Заверган позвал к себе Коврата.

— Что случилось, достойный?

— Всем, кто еще стоит на ногах — на коней!

Коврат помолчал некоторое время.

— А обещание?

— Разве бы я потревожил кого-нибудь, если бы не повеление Тангры и долг?

Этого было достаточно: самые надежные воины были посажены на коней и выстроены на площади. Хан выехал перед ними и пригляделся, да и не мог не заметить: хмельные, и довольно сильно, есть и недовольные тем, что оторвал их от вина.

— Я когда-нибудь обижал вас, мужи? — спросил Заверган.

— Нет, — отозвалось несколько голосов.

— Так знайте: и не позволю себе такого. А то, что прерываю сейчас ваше веселье, не берите к сердцу. Вы свое нагоните.

Пришпорил коня, увлекая всех за собой. Конников было немало. Позади — пыль столбом, впереди — торная дорога, свежий ветер в лицо. Этого всаднику достаточно, чтобы забыть обиды, почувствовать себя окрыленным.

Хан не думал, куда ведет их, что скажет им, когда дальше вести будет некуда. В одном был уверен: надо идти, пока не остудят головы, пока не развеют по ветру хмель.

Проскакали какое-то селение — не остановился, проскакали другое — снова не остановился. Потому что видел: здесь уже навели порядок его сотни. А приближаясь к третьему, заметил в распадке между невысоких гор постройку, похожую на христианскую обитель, и осадил взмыленного коня.

— Кажется, то, что надо.

Добирались туда пешком, и не пожалели: в храме кутригуров еще не было. Выделив нескольких воинов, хан повелел старшему из них:

— Забрать все, что есть ценного.

Хозяйничали долго, зато, когда снесли добро в кучи и увидели, как это много, протрезвели все.

— Поняли теперь, почему я положил конец вашему веселью и повел сюда?

Сказать им было нечего.

— Вижу, не совсем поняли. Ну, так берите это добро, дарю его вам. Об остальном скажу, когда возвратимся в табор. Но пока истечет подаренная рати седмица на веселье, все должны знать, что ждет их впереди.

Так поднял он свои тысячи на ноги.

— Кутригуры! — обратился к ним. — До сих пор мы шли по ромейским долинам и надеялись, что договорим-

ся с ромеями о поселении в их земле без крови и разрушений. Но вы сами видели: ромейские стратиги не захотели даже разговаривать с нами. Так пусть знают: мы заставим их пойти на разговор! Сделаем так. Все, что взяли доныне, а взяли немало — нет нужды таскать за собой. Здесь, где теперь стоим, будет наш табор. Одни останутся и будут сторожить его, остальные пойдут к Длинной стене и потрясут ромеев, которые по эту сторону Константинополя, так, чтобы и в Константинополе задрожали и сами захотели говорить с нами. А уже тогда скажем, зачем пришли и кто мы есть. Пойдете двумя колоннами. Одна — прибрежными, другая — глубинными провинциями Фракии. Я остаюсь в таборе и жду вас, сородичи, с перелятою славой и победой! Одну колонну поведет кавхан Коврат, другую — кметь Котрагиг.

Последние его слова потонули в море единодушного ликования. Хан лишний раз убедился, что наступила пора действовать.

И кутригуры действовали. Шли побережьем и глубинными провинциями Фракии и всюду сеяли страх. Дошли до Длинной стены и заставили дрожать сам Константинополь. Улицы его, что ни день, то больше и больше заполняли беженцы. Император раздумывал, как ему быть. В страхе перед вторжением он повелел выносить из ближних к Константинополю храмов ценности и перевозить на противоположный берег Босфора. А выставить против варваров — и это все знали — было некого. Шестисотсорокапятитысячная армия Византии во время ее расцвета в пору молодости Юстиниана уменьшилась из-за упадка духа как престарелого императора, так и самой империи до ста пятидесяти тысяч, да и та была где-то. Одни легионы — в Италии, другие — в Ливии, третьи — в Испании, в египетских Фивах или в битвах с персами. Всего лишь и войска в столице империи, что недостаточно обученные ратному делу горожане — димоты и схоларии. А кутригуров, говорили, тьма, и кутригуры такие, что отведи боже и заступи. Ничего святого за душой, варвары из варваров. Не иначе, как кара небесная. Давно ли пережил Константинополь землетрясение, потом моровую язву, названную чумой? Теперь кутригуры... Боже праведный! Что будет и чем кончится все? К погибели идет, погибель грядет.

Но именно тогда, когда воины Завергана стали табором

в ста сорока милях от Константинополя, к нему прискакали отчаявшиеся гонцы из Онгула:

— Беда, хан! Утигуры пошли в нашу землю. Сжигают стойбища, берут всю живность и полон!

Не мог поверить тому, что слышал. Что за чушь порют эти перепуганные гонцы с далекого Онгула? Как это — утигуры пошли, сжигают стойбища, берут полон? Или хан Сандил не знает, что пока муж его дочери ходит за границами своей земли, то жена кутригурского хана — дочь Сандила! — в ответе за ту землю?

— Вы понимаете, что говорите?

— Лучше бы не говорить, лучше бы не знать тебе этой черной вести, но что поделаешь, если это — правда?

— А что же Каломела? Не сумела или не захотела поднять воинов на защиту людей и земли?

— Звала, хан, но ее клич не дошел до ушей защитников. Нападение было повсеместным и беспощадным, многие и опомниться не успели, не то что за меч взяться.

— Проклятье! Как это могло случиться? Отец пошел против дочери. Или он в сговоре с ней? Что толкнуло его на предательство? Или он думает, нет хана — можно чипить разбой с его людьми? А кровные связи? А месть и расплата — об этом он подумал?..

«Ты даже не представляешь себе, степной желтобрюх, — подумал в ярости Заверган, — какою может быть месть Завергана! Волком завоешь, змеей извиваться будешь, ища спасения, но будет поздно!»

Таким вышел он перед своими воинами, спросил:

— Слышали, что содеял с нами хан Сандил и его ненасытная на поживу воронья стая?

— Смерть за это! Месть и смерть!

— И я говорю: месть и смерть! Можно понять врага: он дышит злым духом, от него нечего ждать, кроме зла. Можно понять татя: он затем и стал им, чтобы думать о черных делах. А как понять тех, кто раскрывает перед нами братские объятия, а сам жалит, как змея? Разве может быть таким прощение и пощада?

— Нет и нет! Месть и смерть! Месть и смерть!

— Вы доказали хану своему и кметям своим, какая у вас твердая рука, какие стальные сердца. Вволю погуляли по ромейским землям, нагнали страха на прославленных в сечах ромеев. Под вашим ударом могла рухнуть Длинная стена, мог пасть или разве откупиться сам Константинополь. Но не то время, кутригуры. Нас ударили

мечом в спину, и мы вынуждены повернуть коней и пойти на защиту кровных своих, ответить ударом на удар. Хватит ли силы? Наша сила после добытых побед удвоилась. Вдвое больше стало коней в рати, а воинов на этих коней найдем в своей земле. Повелеваю: хватит тешиться чужими женами и чужим вином. На коней, кутригуры! Кровь кровных и горькая их судьба зовут нас вернуться на Онгул. Сердце и разум повелевают: месть и смерть!

— На Онгул! На Онгул! Месть и смерть!!! Месть и смерть!!!

IX

Хан не строил догадок, что заставляет кутригуров размахивать бичами и быть одинаково жестокими как с обессилевшим в пути скотом, так и с пленными ромеями. Обоз тормозил продвижение, а желание ускорить его переполняло каждого. Ведь столько тревог и страхов посеяно в сердцах. Кому не захочется пустить вскачь коней, чтобы не мерить обратный путь из ромеев медленными и долгими парасангами-переходами. Одного днем и ночью не оставляет тревога, что с девушкой, которую приглядел на Онгуле и собирался взять в жены сразу же по возвращении, другого — страх за жену, детей, за все, что имел в стойбище, а теперь не уверен, отыщет ли место, где стлался дым от обжитого когда-то стойбища. Хорошо, если старейшины рода и жена успели спрятаться хотя бы сами, с детьми, в нехоженых степях. А если нет, если утигуры прошли лавиной, не оставив даже надежды на спасение? Стал ли род на защиту слабых стариков и детей, выстояли они или пали, сраженные, ушли ли оставшиеся в живых за Широкую реку, а оттуда — в земли, где много золота, где сила и разум раба обеспечивают достаток разжиревших и обленившихся на золоте? О Небо! Как перенести такую беду, можно ли стерпеть и стерпят ли? Надеялись: утигуры — кровные, за утигурами — как за крутыми горами. А вон как все обернулось.

Тяжелый бич знай взлетает над чьей-то головой и падает куда придется — на голову зазевавшегося ромея или на запавшие бока непоеной и некормленой скотины. И ромеи, и скотина после этого удара ускоряют шаг, цепляют обессиленными ногами перетертую в пыль землю, давят на идущих впереди, и тем ничего не остается, как тянуть из себя последние жилы, торопливо сбивая пыль заплетающимися ногами.

Крик, гам, стоны, рев чуть ли не на всю Нижнюю Мезию, а пыль — от края до края, дальше, чем способен обозреть привычный к степным просторам взгляд.

Хан с верной тысячью — далеко впереди, чтобы не слышать саднящего душу рева, скрипа нагруженных ромейским добром возов, не глотать пыль, которую взбивает людской и скотский поток. Остальные тысячи идут с обозом и полоном, прикрывают пленных с тыла. Погоня, если случится, настигнет прежде всего задних. Потому и основная сила кутригуров находится там, в охвостье всего обоза.

Чтобы не задремать от размеренного покачивания в седле, хан время от времени пришпоривает коня. Сопровождение спешит за ним. «Вперед. Оторвемся от обоза, от тех, кто должен о нем заботиться, и развеем по ветру печаль. Где-нибудь впереди зальем вином остатки печали!..»

Одну из таких скачек хана остановили высланные вперед дозорные:

— Достойный! Будь осторожен, впереди ромеи.

Знал: и такое может случиться. Ведь он, возвращаясь назад, шел Мезийской землей, а кроме Нижней Мезии у ромеев есть земли Дакии Прибрежной, Дакии Внутренней, есть, наконец, Скифия; в тех землях — крепости с обойденными в свое время заслонами. Разве не должны были бы ромеи соединиться, узнав, с каким полоном возвращаются кутригуры, и стать на пути их? Во-первых, достойно отблагодарит император, во-вторых, еще лучше отблагодарят стратиги, коли вызволят их из неволи, в-третьих, все, взятое у кутригуров, станет, по законам войны, их добычей. И все же, могла ли собраться по соседним крепостям сила, которая отважилась бы пресечь путь кутригурской силе? Что-то не верится. Много времени надо для этого, со многих земель пришлось бы собирать.

— Сколько их, ромеев?

— Этого не знаем. Но стали заслоном, по всему видно, собираются дать бой.

— Скачите и предупредите тех, которые ведут полон. Пусть надежно запрут его в горах, сами же станут в круг за возами и готовятся к сече. Мы пойдем на сбли-

жение с ромеями. Посмотрим, кто и какими силами заступает нам путь.

Только теперь, хорошо оглядевшись, хан словно очнулся и понял: ему и его воинам приготовлена здесь ловушка. По одну сторону гор заросли непроходимого леса и крутопади, по другую то же самое. Единственный проход — узкое ущелье. Здесь можно стать, можно обороняться, даже лучше, чем на равнине, но вперед можно пройти только по трупам тех, кто устроил заслон.

Разведчики сказали правду: ромеи вышли на сечу с твердым намерением — победить. Завалы из камней, земли и бревен перекрывали ущелье. Кое-где между завалами оставлены ворота-проходы — наверное, на тот случай, если потребуется пустить конные лавы на обессилевших или обезумевших в бойне кутригуров. За завалами видны толпы щитоносцев и метателей сулиц. Чувствуют себя вольно. Одни лежат, греясь на солнце, другие попрятались в тени. Все это, ясное дело, до первого сигнала трубы. Подадут голос трубачи — всполошится ромейское воинство, облепит завалы, выставит сулицы, щиты и станет если не неприступным, то и не легким заслоном для кутригуров. А где-то же еще есть и мечники — эти налетят из засады на конях. Где они сейчас?

Да, ромеи знали, где навязать сечу кутригурам. Отсюда разве только назад, к Эмимонту и его долинам, и можно отступать.

Высматривая из укрытия ромеев, хан думал, как быть, но ничего утешительного для себя так и не смог придумать.

— Коврат, — сказал он лучшему из своих воинов. — Подбери себе надежных воинов и иди к ромеям как посол. Спроси, чего хотят, почему преградили путь.

Коврат не задержался у ромеев, да и дальше заслона его не пустили. Вышел на его зов центурион и велел передать предводителю кутригуров: из ущелья он выйдет лишь тогда, когда возвратит все, что взял в земле ромейской.

— Наш предводитель, — кавхан взял на себя смелость сказать то, чего ему не поручали, — желает сначала увидеться и переговорить с предводителем ромеев, а тогда уже будет решать, как быть. Может ли достойный муж сказать, кто стоит во главе воинов, которые ставят нам такие условия?

— Почему нет? Скажи всем, кто с тобой: против вас вывел легионы сам Велисарий.

В его словах было слишком много самоуверенности и неприкрытого высокомерия. Коврат почувствовал это и подобрал повод.

— Скажу. Однако и ты передай своим: предводителем у кутригуров хан Заверган, тот самый, что разгромил и везет в обозе двух византийских стратигов — Сергия и Эдермана.

И добавил:

— А еще скажи Велисарию: мы уважаем его старость и оставляем за ним право назначить время и место встречи.

Нарочитых мужей Велисария ждали в тот день, ждали на следующий. Но их не было. Это встревожило всех, особенно Завергана.

«Что же делать, — думал он, — если эта старая лиса не захочет говорить? Готовиться к затяжной сече с ромеями или отдать им то, что взял, и уйти прочь? Что-то не верится, чтобы Велисарий не захотел поквитаться с кутригурами за все, что содеяли здесь по-настоящему. Не иначе, как готовит капкан: и полон хочет забрать целым и невредимым, и кутригуров разгромить, когда пойдут через ромейский табор. Отец говорил, уходя в иной мир: «Из всех соседей самые подлые ромеи. Кому-кому, а им не верь, на них ни в чем не полагайся». Однако сидеть в этих горах не годится, а вести затяжные бои тем более. Воины не выдержат этого. Они скорее пойдут на смерть, только бы знать, что не сидят сиднем, а идут на помощь кровным. Придется идти к Велисарию самому. Такой поклон — позор ему, хану, а что остается? Если сегодня Велисарий не пришлет нарочитых мужей, завтра Заверган опять пошлет своих, но уже с другой речью: отдаст Сергия и Эдермана, отдаст, наконец, всех пленных, присягнет памятью отцов, что больше не пойдет в ромеи, однако остальных со всем добром Велисарий должен выпустить, иначе между ними будет сеча, иначе напрасно прольется кровь.

Так и поступил бы, но от тысяч, что охраняли пленных с другой стороны ущелья, прискакал всадник с вестью, которой хан больше всего опасался: ромеи перекрыли выход из ущелья, и там стали заслонами.

«Вот она, ромейская подлость, — понял хан. — Вели-

сарий потому и не шел на переговоры, что не успел запереть нас с тыла. Теперь придет».

Заверган не думал о том, каким предстанет перед ним прославленный в Византии и далеко за Византией стратег Велисарий. Другое заботило: признает ли тот хана как равного? Ведь за ним слава стратега, взявшего верх над готами и вандалами, положившего к ногам Юстиниана чуть ли не всю прославленную в веках Западную Римскую империю — Северную Африку, Сицилию, Италию, кроме ее северных земель. Посчитает ли он нужным разговаривать с ханом, у которого только-только ус высеялся!

Когда же хан сошелся с Велисарием за три стрельбища до табора и увидел, какой тот из себя — едва не утратил дар речи: перед ним предстал начисто высушенный годами, вызывающий не только удивление, а и жалость, старец.

— Ты и есть хан Заверган, предводитель кутригуров? — спросил, не поднимая по-старчески прищуренных и, как показалось Завергану, по-человечески добрых глаз.

— Да, я — хан Заверган.

Велисарий помолчал, борясь с мыслями, потом заговорил снова:

— Зачем пришел в наши земли? На что надеялся со своими немногочисленными тысячами?

Хан встрепенулся, слыша желанную сердцу речь.

— Буду откровенен с тобой, герой, увенчанный славою: я не собирался нападать на вас, ромеев. Сам видел: шел и не трогал крепостей, залог в крепостях. Потому что шел с добрыми намерениями — облюбовать на окраине империи свободную землю и сесть на ней родом своим.

— Вот как? Почему же стал на сечу с Сергием и Эдерманом, зачем разгромил их, обобрал людей и храмы господни аж до Длинной стены? Разве мог после этого сесть на нашей земле?

— Так сложилось, достойный. Я посылал к Сергию и Эдерману, как и к тебе, послов, чтобы сказать, зачем пришел. Но меня не захотели слушать.

Велисарий усмехнулся.

— Урок достойный. И меня разгромил бы вот так, если бы не вышел и не выслушал?

— Да нет, — поспешил сказать хан. — Сам видишь: возвращаюсь в род свой и тороплюсь.

— С нахапанным татьбой?

— Лишь с тем, что добыл в сече. Говорил и снова скажу: я не на татьбу шел.

На этот раз Велисарий посмотрел на Завергана внимательнее.

— Империя не просила хана, чтобы он шел в ее границы, даже на поселение, и потому вправе расценивать его появление здесь как татьбу. Но я милостив к победителям, тем более что хан в самом деле возвращается обратно. Но выпустить его с полоном не могу.

Теперь думал, что сказать Велисарию, Заверган.

— Я возвращу предводителю ромейских воинов стратигов Сергия и Эдермана, возвращу и пленных, даже скот. Все остальное, особенно коней, вернуть не могу: это уже стало собственностью воинов.

— На том и порешим. Передашь пленных стратигов — и я уберу заслон, освобожу путь.

Хотелось радоваться такому, на удивление, счастливому завершению переговоров с Велисарием, но что-то сдерживало хана.

— Раз мы так быстро и мирно договорились с тобой, прославленный стратег, может, договоримся и обо всем остальном? Пленных бери сейчас, а Сергия и Эдермана возьмешь, когда воины мои будут по ту сторону ромейского табора.

Другой мог бы и разгневаться, а в гневе выбрать не тот, что выбрал перед этим, путь. Велисарий же был слишком стар и опытен, чтобы позволить сердцу взять верх над разумом.

— Хан хочет быть уверен, что все будет, как договорились? А кто мне даст такую гарантию?

— Я.

Предводитель ромеев поднял брови выше, чем позволял себе до сих пор.

— Как это?

— Оставлю нескольких своих кметей заложниками.

Что-то похожее на разочарование промелькнуло в глазах и на лице Велисария.

— Это ненадежная гарантия, хан. Среди воинов твоих есть твои кровные?

— Нет. Но если ты сомневаешься, — сказал Заверган, — если так, то заложником у тебя останусь я.

И снова Велисарий не скрыл удивления, а удивляясь, молчал.

— Правда, — пользуясь этим молчанием, уточнил

кутригурский хан, — остаюсь с одним условием: и я, и воины, которых возьму с собой, должны быть на конях и при полной броне.

Велисарий, соглашаясь, кивнул.

— Смелость молодого хана, — сказал Завергану, — достойна уважения и хвалы. Пусть будет так.

И, уже, собравшись уезжать, добавил:

— С этого следовало бы начинать, молодец. Такого стратига, как ты, я советовал бы императору посадить в границах своей земли.

X

На смену дням приходили теплые весенние ночи, на смену ночам — дни еще теплее, а встревоженная кутригурская рать думала только об одном: как быстрее дойти до Онгула. Пока шли землями ромеев, было проще — путь торный, дорога открыта. Хуже стало за Дунаем. Шли то в обход непроходимых зарослей, то сторожевые вежи обходили, то озера. Лишь за Днестром, когда открылась глазу бесконечная степь, а кони почуяли под копытами знакомую твердь, с новой силой всколыхнул воинов дух, что рвал их к отчей земле. О себе не думали, останавливались только напоить и накормить коней или сменить под обессилевшими седло. Все остальное время — и днем, и ночью — стелились и стелились под копыта травы, били в лицо прохладные ветры, дрожала уже просохшая под солнцем земля. Безудержно гнала вперед тревога: что с родом?

От Днестровского лимана до Куяльника гостиный путь шел степью, за Куяльником свернул к морю. И там, в степи, и здесь, над морем, ни единой приметы человеческого присутствия. Лишь птицы поют, радуясь безопасному приволью, да чуткие сайгаки срываются время от времени испуганным табунцом. А впрочем, только ли сайгаков и птиц потревожила кутригурская рать? Впереди, где изгибается морской берег, темнеет под крутопадью лодья, в которую поспешно садятся мужи с женами и детьми. Не иначе, как рыбаки-уличи, а может, и уличи-изгои, от кого отрекся род и кто боится теперь попасть на глаза не только своему, а и чужому человеку. Кутригуров тут не должно быть. Кутригуров если и встретят, то за Тылигулом, а еще вернее — за Бугом, где были и стойбища, и выпасы. Однако, смотрите, как спешат те, что в лодье. Испугались рати и теперь думают, что в море спасут себя, детей своих.

— Угомонитесь, боягузы! — крикнул им кто-то из ратников. — Кому нужна такая голь, как вы?

Воины шутят, сдерживают коней, сбавляют угрожающий сам по себе бег. Беглецы, отплыв немного от берега, дальше не торопятся.

— Заверган! Заверган! — вдруг закричал кто-то на лодье и стал грести к берегу.

Всадники, заслышав имя своего хана, начали останавливаться.

— Не наши ли?

— О Небо, наши!

Отыскали стежку, спустились по крутопади на берег. Кто такие? Какого рода? Почему очутились так далеко от отчей земли и обжитых кочевий?

Догадка удесятерила страх. И то, что услышали от заброшенных так далеко родаков, не опровергло, а подтвердило поведанное гонцами в далекой Мезии.

Они, те, кто стоит сейчас перед ханом и жалуется ему на свое горе, не одни такие. Все, кто мог убежать, убежали за Буг, а то и дальше — аж за Куяльник, прячутся в балках и ярах, в диких или обжитых уличами степях, вблизи морского побережья. Кто где и как сумел. А родные их степи преданы огню и татьбе. Это только кажется, что степь безлюдна. Была безлюдной, теперь уже не такая. Пусть хан порыщет, найдет балки в степи и там увидит свои рода. А что не слышно их, то и не удивительно: беда заставила всех притихнуть.

— Где же ханша? Что с моим стойбищем?

— Об этом не ведаем. Иди степью и спрашивай тех, кто был ближе к твоему стойбищу, может, и скажут.

Совет родаков оказался верным. Разбил тысячи на сотни, сотни на десятки, повелев искать и собирать уцелевших от нашествия: «Возвращайтесь в свои стойбища и знайте, с вами ваш хан, а с ханом сила, способная защитить». С собой взял лишь верных и подался на Онгул.

Он был почти уверен теперь: нет его стойбища. Там, где высились над Онгулом шатры, а в шатрах услаждал сердце уют, где мягко спалось на перинах из лебяжьего пуха, — руины и пожарища; где стояли повозки его рода и челяди — погром, да разве еще кровь непокоренных вставших па защиту рода, кто полег, защищая род. Одно-

го не хотел, не мог допустить — что такая же судьба постигла и Каломелу. А впрочем, все зависело от того, как повела себя Каломела. Могла же и сдаться на милость отца, пойти за Широкую реку. Если все взвесить, ей, может, ничего другого и не оставалось.

Кутригуры обычно ставили свои стойбища у воды и непременно в ложбине, чтобы не сразу бросались в глаза постороннему. Его, хана, стойбище не было исключением. Знал: тогда только увидит его, как обойдет прионгульский взлобок и спустится почти к Онгулу. Там, за холмом, и будет конец всему, что мучило от самой Мезии. А обошел и глянул — и вынужден был подобрать повод: стойбище стояло, как прежде, на своем месте.

«Отец, выходит, пожалел дочку, всех и все разгромил, а ее не тронул. К лучшему ли это, Каломела? Зову в свидетели Небо и тени предков своих: уверен, что нет».

Оглянулся на своих воинов и по их лицам еще раз убедился: было бы лучше, намного лучше, если бы его жену постигла та же, что и всех кутригуров, судьба.

XI

На этот раз кмети спорили не между собой, спорили с ханом. Это неправда, будто жена его не успела бросить клич и собрать всех, кто способен был выйти против утигуров. Она и не собиралась делать этого. Она была в сговоре со своим отцом и потому умышленно ничего не делала!

Кричали один сильнее другого, а все одно и то же. Заверган сидел, подобрав ноги, и тупо смотрел в распаленные гневом лица.

— Ханша заверяет, что посылала гонцов по стойбищам. И гонцы говорят то же самое.

— Может, и посылала, но когда? Когда гонцы уже не могли разыскать стойбища? Когда наших кровных вели за Широкую реку на арканах? Она в сговоре со своим отцом, ей не место среди нас!

— Да! Она в сговоре, ей не место среди нас!

Видел: злобе их нет меры. Погасить ее может лишь месть. Но кому отомстят сейчас кмети, кроме Каломелы? Сандилу? Он далеко, да и не так слаб хан утигуров, чтобы на нем могли выместить злобу, тем более после такого нашествия и таких потерь. Тогда что же они себе думают? Достойно ли мужам мстить жене? Неужели не

видят, не понимают: она не могла быть в сговоре! Хан вспоминает, как Каломела встретила его, по-детски доверчивая и испуганная, и ему хочется встать и бросить кметям в их разинутые от злобы или бессилия пасти: «Вы в своем уме? Вся ее вина в том, что она не понимает ничего в ратном деле. Кто сказал, что за это карают, да еще изгнанием?»

А сказал все же другое:

— Вы можете доказать, что был сговор? Есть доказательства?

— Ханшу проведывала перед этим мать. Твое, хан, стойбище, осталось нетронутым!

— Это же мать, а не тайный послух, кмети! — оставил без внимания стойбище. — Разве матери нельзя проведать дочку? Кто-то из вас может заподозрить в злых намерениях мать?

Он вскочил-таки и встал перед ними, суровый и грозный, вот-вот, кажется, выхватит меч и скажет: «Только через мой труп!»

Но кметей не остановило и это.

— Отца ее тоже нельзя было заподозрить, хан! — бросил кто-то в тишине. — А видишь, что сделал.

— Вот с него и спрашивайте! Кто запретит вам, мужам, собраться с силой и пойти на утигуров на расправу? Я или жена моя? Дайте лишь навести в родах хоть какой-то порядок, дайте собрать ее, силу. Сандил дорого поплатится за подлую измену и коварство. Это говорю вам я, хан Заверган!

Кмети молчали. Видно, они еще не вполне утвердились в своих мыслях. Чтобы окончательно отвести их подозрение от Каломелы, надо было, однако, убеждать и убеждать их новыми доводами, а у Завергана их больше не было. Слишком велико древо тех бед, что упали на людей кутригурских — хан понимал это, но чем еще было утешить ему кметей?

— Знаю, — говорил он, чтобы не молчать, — верю, что вам больно. У каждого кровоточит рана, кровь зовет к расплате и мести. Но до того ли сейчас? Надо поднять рода, накормить жен, детей. И потом, невелика радость будет, кмети, если отберете у меня жену и спровадите к изменнику-отцу, хану Сандилу. Мала и позорна.

Было бы лучше, если он откусил себе язык прежде, чем сказать такое. Кметям будто только этого упрека и

не хватало сейчас. Вспыхнули и полезли на рожон, вылупив дикие в злобе глаза.

— Позор, говоришь? Да нет! Это ты позоришь себя, ложась спать и услаждаясь ласками той, на чьей совести кровь и муки родаков наших! Позор будет ныне и вечно, если не отомстим ей. Слышишь, хан, ныне и вечно, в памяти родов, всего племени!

Напрасно пытался он возразить что-то. Его не слушали. Они требовали и угрожали. Пока не вышел вперед один из кметей и не сказал за всех:

— Если так, оставайся со своей утигуркой, хан. Мы покидаем тебя и на совет к такому больше не придем.

Он понял: потерял власть над ними. Хорошо, если на время. А если навсегда? Даже самые верные заколебались, с ним почти никого не осталось.

Каломела не знала, о чем шла речь на совете и чем он завершился. Но, взглянув на мужа, увидела: тучи кружатся прежде всего над ней. Но только ли над ней? Кмети, покидая ханское стойбище, были в такой злобе, что даже она, Каломела, не могла не заметить этого. Или она так глупа, так глухо ее сердце, чтобы не почувствовать: ей, утигурке, не могут простить утигурского вторжения, в нее мечут громы и молнии, ей угрожают карой.

О, Небо всесильное! Небо всеблагое! Что же сделать ему, чтобы и кмети успокоились, и жена изгнала из сердца страх? И что будет, если Тангра отвернется от него и не вразумит кметей? Утешит ли он тогда свою Каломелу? На чью сторону станет, если придется выбирать между нею и кметями?

— Утешь меня, жена, — мучаясь, сказал хан. — Можешь ли объяснить, почему твой отец так жестоко расправился с нашими родами, с тобой, наконец? Или он не знает, что за такое рано или поздно придется расплачиваться?

— Если бы я знала.

Вскинула на него смиренно-тихий, на что-то надеющийся и боязливый в этой надежде взгляд и уже не отводила от него очей своих. Она ведь до сих пор не может поверить, что насилие совершили утигуры, ее родаки. И если это так, если это правда, ее отец не может больше называться отцом. Если хан позволит, она поедет в сопровождении его людей за Широкую реку и спросит отца-изменника, зачем содеял такое, скажет ему, пусть возвратит все, что взял!

— Не надо было отдавать, Каломела. То, что взяли у нас, никто уже не вернет. Людей давно отправили на сарцинский торг, товар разобрали кмети.

И опять она смотрела на него доверчивыми и умоляющими глазами, как бы спрашивала: «Что же теперь будет? Скажи, ведь никаких сил нет видеть злые взгляды родаков твоих и думать, что живешь как среди врагов. Я же не виновата, что так случилось. Клянусь Небом: не виновата!» Что он мог сказать ей на эти взгляды? Что он, хан, верит ей? Но если бы все зависело только от его слов! Он и сам до этого дня думал, что хан — великая сила, что его слово и его желание — закон для кутригуров, а теперь вот сомневается. Есть еще и другая сила — кмети в родах, и каждый род племени — тоже сила. Пока они с ханом, до тех пор и хан стоит, как твердыня, а откажутся от хана — догадывается ли Каломела, что будет тогда и с ним, и с нею?

Молчал хан. И молчание его было красноречивее слов. Муж не берет ее под защиту. Увидев это, Каломела сникла. Побледнели и без того бледные щеки, встрепенулся было и тут же погас живой огонь в глазах. Лишь печаль переполняла их.

— Ты, как и они, в гневе на меня?

— Не в гневе, Каломела, однако и радости нет. Кмети, даже самые верные и преданные мне, отреклись от меня, сказали, что отрекаются из-за тебя.

— О Небо! — простонала она, закрывая лицо руками. Сжалась, словно ожидая удара, и заплакала. Чем еще могла она облегчить свою боль? Растаял последний луч ее надежды. Теперь ни здесь, в кутригурах, ни за кутригурами ей больше не на кого опереться, она даже думать об этом не может. А что без этого остается делать человеку в этом несправедливом и безжалостном мире?

XII

В то лето Небо не скупилось на щедроты свои. Из-за гор часто набегали тучи, трещал, раскалывая поднебесные скалы, гром, и сразу же за раскатами грома обрушивались проливные дожди. Земля гнала буйнотравье, веселясь сама и веселя все сущее на ней. Насытятся травами овцы, коровы, кобылицы, дадут вдоволь набела, а

набелом будут и люди сыты. Всякая водяная и земная тварь нагуляет жир и, опять-таки, не только для себя, а для людей. Размножится птичье царство — от крякв, до гусей, лебедей и дроф. Это тоже пожива, и немалая, во всяком случае — надежда на благополучие. А где надежда, там и уверенность, и покой.

Хан Заверган живет с думой, что благополучие сделает людей добрее, но не проходит и дня, чтобы он не задавал себе вопрос: как вернуть расположение кметей, как склонить их на свою сторону? Они все ждут, когда он переломит себя и поступится Каломелой. О, тогда бы они быстро переметнулись к нему, вдвое покладистей бы стали, чем прежде. Но нет, этого от него не дождутся. Каломела — законная жена! Она — награда Неба, единственная, может быть, и самая большая его радость. Как отдаст, может ли отдать такую на суд озлобленных и кровожадных?.. Нет, нет, пусть и не помышляют о Каломеле. Что-то другое надо бросить этим псам на потеху. Что? Очередной совет? Они на него не придут. Нет, еще до совета ему надо повернуть их мысли, угомонить сердца. И прежде всего надо дать понять кметям, что хан Заверган не оставил мысли о мести утигурам, ищет для этого союзников. Слух об этом сделает свое дело. Какой род захочет остаться в стороне от расплаты! Хотят того кмети или нет, он вынудит их прийти на совет. А там, когда речь пойдет о походе на утигуров, им уже не до Каломелы будет.

Первое, что сделал — пошел к роду своему, сказал тем, на кого больше всего полагался:

— Готовьте коней, пойдете в дальний путь — звать тиверцев и уличей в поход на утигуров. Вы, — кивнул другим, — тоже собирайтесь, поедете со мной по земле Кутригурской собирать под ханскую руку всех, кто еще не раздумал отомстить татям.

Слух не замедлил разнестись между родами, и хан Заверган не отказался от того, что говорил: сам всадил ногу в стремя и поехал по Кутригурской земле искать союзников и послов своих послал по соседям. Одна беда: толку от всего этого не было. В одном из родов, на который так надеялся, сделали вид, будто не слышат, что говорит; в другом — посмотрели на хана как на чудака, который несет чепуху, и тоже отмолчались. Третий, четвертый и пятый были более милостивы — выслушали, а потом сказали:

— Покарай, хан, жену, изменницу утигурку, или верни ее изменнику-отцу, тогда мы придем к тебе и посоветуемся, когда и как отплатить утигурским татям за кровь и слезы наших кровных. Видишь, что осталось от нас с ее помощью?

Он видел, как не видеть. Остатки погрома успели убрать. Но и живых, и немых свидетелей татьбы не стало меньше. Вместо шатров, в которых жили кмети, воины рода, их жены и дети — торчали лишь колья, вместо походных жилищ — крытых повозок — обгоревшие оси, разводы, колеса. Люди только тем и занимались, что чинили то, что можно было починить, гнули сырое, только что срубленное дерево, которое потом станет остовом фургона, или вкапывали то же дерево на месте бывших шатров, носили с речки камыш и обкладывали дерево камышом. Тут станут вместо шатра в два, а то и в три ряда, курени. В них можно будет перебиться, перезимовать, однако каждый шелест ветра в камышовых стенах и старому и малому будет напоминать, как они говорят, о ласке его жены-утигурки и ее рода.

Из скотины если и уцелело что, то разве для приплода. А главное — чуть ли не каждый род поредел наполовину. Разве это не печет сердце, не распирает болью и злобой грудь? Смотри, хан, и помни: в каждом роду только и мужей, что ходили с тобой за Дунай, только и жен, что малые да старые. Как жить дальше? Где взять жен мужам, отрокам? Погибель ждет роды твои, хан, племя твое, а ты греешь у бока ту, что накликала на людей беду.

— Она не виновата. Потому и не отдаю на суд вам, что знаю: не виновата! Не забывайте: над нами есть Тангра, он не простит нам невинной жертвы! За одной карой пойдет другая, за другой — третья. И так до погибели.

— А что ж он утигуров не карает, а, хан? Забрали наше добро, кровных наших и пьют себе кумыс, греясь на перинах.

Резко бросил на это: еще покарает, — с тем и уехал в свое стойбище. Хмур был, как туча, налившаяся гневом. Каломела, посмотрев на него, даже не спросила, что выездил. Видно, нечем хвалиться хану, как не похвалились и послы, возвратившись от антов. Тиверцы не осмеливались идти на утигуров и хану не советовали, а уличи больше сказали: над ними и полянами висит меч обров,

только и делают, что вторгаются в их земли. Обры же приятели с утигурами, вместе с ними склоняются к щедрой на золото Византии. Не уверены, что все так, как говорят, но трогать утигуров опасаются, чтобы не накликать на себя гнев обров. Вот и выходит, что не на кого надеяться хану. О каком же тогда покое ей, Каломеле, думать? И что ей теперь еще — ждать, пока смилостивится над ней Небо, или идти к отцу? Знала бы, что хоть какая-то польза от этого будет — и пешком пошла бы, ползком поползла. Но нет надежды на это. Хан правду сказал: над тем, что взято у кутригуров, уже и отец ее не властен. Бралось мечами, а в родах на то издавна есть обычай: кто что взял, тому то и принадлежит.

И Заверган уже не засиживается возле нее, как прежде, особенно днем. Надо и не надо — все куда-то идет. Ее же, Каломелы, точно нет в шатре. Родаки его и вовсе не замечают ее. Смотрят искоса и отворачиваются. У каждого на лице будто написано: это из-за тебя все!..

О Небо! То хоть Заверган был ее утешением, знала: за ним, всесильным, будет на Кутригурах как за каменной стеной. А ныне и он не просто сторонится ее, остывает сердцем. Плохая примета. Если это на самом деле так, то это — конец.

Как ни старалась угодить ему во всем, чувствовала: нет прежней взаимности. Что-то терзало и мучило Завергана, не позволяло быть ему таким, как прежде.

Понимала, что сама сохнет, точно срезанная былинка, нет тверди в душе, нет уверенности, что все пройдет и образуется к лучшему. И именно тогда, когда боль, казалось, готова разорвать грудь, а отчаяние дошло до предела, в глубине ее существа вскинулось что-то и напомнило о себе раз, другой.

«Дитя!» — мелькнула сразу же мысль, а вслед за ней возникла и разлилась по всему телу радость. Она понесла, у нее будет дитя! Небо высокое, Небо чистое, Небо всеблагое! Да это же и есть оно, спасение. Вот только дождется своего мужа и повелителя и скажет: «Свет мой ясный, радость моя, защитник мой! Знаешь ли, что у нас с тобой будет скоро дитя, сын-первенец, опора рода и утеха сердцу? Дай руку, если не веришь, послушай, как стучится он уже, просится на свет!» Заверган оживет, услышав это, сбросит с себя камень забот, воздаст должное жене и станет таким же добрым и ласковым с ней, как до этого проклятого похода и до этого распроклятого вторжения. Может, и кутригуры успокоятся, а успокоившись, одумаются, а одумавшись, скажут: «Она — мать сына хана, не смейте думать о ней плохое».

Ждала ночи, дрожа всем телом и светясь той тревожной радостью, что жила под сердцем. Ждала хана на ложе. Думала, прильнет к нему и скажет: «Молю Небо, чтобы это был мальчик, надежда и опора рода твоего». Была натянута, словно тетива на луке. Казалось, не выдержит, ожидая. А хан зашел, улегся в ложе и молчит.

— Ты так и не рассказал мне, повелитель, — она заговорила с ним первая, и заговорила таким голосом, что и камень, казалось, не остался бы равнодушным. — Говорю, так и не поведал, что видел там, в ромеях. В самом ли деле та земля так хороша, что наши кмети тянутся к ней, как к меду, согласны идти в чужой народ, лишь бы туда.

— Земля вправду богата. — Не сказал, как обычно: Каломелка!.. Да это не беда, зато вон как умиротворенно говорит. — Степь там меньше чем у нас, и степь более плодоносная. Есть покрытые непроходимыми лесами горы, а в горах тьма зверей, птиц, медоносных пчел. Есть благодатные долины в горах, текут медоносные реки с гор. Там не бывает знойных дней, не дуют опустошительные суховеи — на пути им встают море и горы.

— Однако такая земля не может пустовать, правда? — поднялась на локте, придвинулась ближе, обдавая мужа теплом своего дыхания.

— В том-то и дело, что на такую землю непросто прийти и сесть. Кмети этого не понимали, во всяком случае, до похода... Обозлились они на нас, Каломелка, за подлость и татьбу отца твоего, если бы знала, как обозлились!

Не нашла, что сказать ему на это, но благодарная нежность к мужу охватила ее — все-таки сказал ей сладкое слово: Каломелка! Она ткнулась вымытой пахучим зельем головкой в плечо ему и притихла, ожидая, как хан откликнется на это: обнимет, приголубит или останется холодным к ее чувствам.

Да нет, не остался. Повернулся к ней, запустил под покрывало руку, обнял ее, нагую и горячую.

— А у меня радость для тебя, — словно выдохнула вместе с теплом, что распирало грудь.

— Радость?

— Да. Непраздная я. Ношу под сердцем дитя твое.

Кажется, и вымолвить еще не успела, а уж почувствовала: хан не рад ее исповеди. Вздрогнула и обмякла сильная перед тем рука, обнимавшая ее, одеревенело тело, — хан будто окаменел на какое-то время. Молчание его как льдом обдало Каломелу.

— Ты... не рад нашему дитяти? — наконец еле выдавила она из себя, а показалось, что крикнула во весь голос.

XIII

Жгучая боль раздирает сердце Каломелы, жгучая обида, и кажется — только безнадежность ее отрада. Но не сняла она ни один из кинжалов хана, которыми будто нарочно все стены увешаны, не проткнула себя, пользуясь отсутствием хана, не пошла, в плену отчаяния, к Онгулу и не стала искать утешения в его тихих водах. И не села тайком на подаренную ханом и привыкшую к ней кобылицу, не умчалась, пока спит неблагодарный кутригурский род, к Широкой реке, не переплыла, держась за гриву, широкие воды, не пошла на поклон к отцу-матери, чтобы приняли и утешили свою несчастную дочь. «Чем так, — думала, — чем у матери жить с рожденным без мужа дитем, лучше в Онгул, чтобы уж сразу всему конец!..»

И сердцем, и умом понимала Каломела, что она здесь всеми унижена, затоптана, терпит невыносимый стыд и муку, а еще надеется на что-то. На что? На мужа?! Так он и вовсе теперь не считается с ней. Уже и по ночам не бывает дома. Где ездит, чего ищет — одно Небо знает. О чем он думает день и ночь, кого ненавидит, если не ее, жену-утигурку, пообещавшую родить ему сына, в крови которого будет примесь крови ненавистного ему племени? Видно, рассказал уже об этом в роду, небось ответили ему: мало суки-утигурки, так будет еще и щенка из утигуров иметь.

«Отец, отец! — плачет безутешным плачем. — Зачем отдавали меня в чужие люди, если такое учинили потом с ними? Правду сказал Заверган: такого не прощают, за такое придется расплачиваться. Вот я и расплачиваюсь».

Живой, говорят, думает о живом, а Каломелу уже и думы оставили. Все, что можно было передумать в ее положении, не раз передумала, во все щели, которые могли быть спасительными, заглянула. Только спасения нет. А если нет спасения, что остается? Дождалась дня, будет

ждать ночи. А с ночи снова будет ждать дня, и так, кажется, до бесконечности.

Она не помнила, когда наконец заснула — днем или поздним вечером уже, когда темень накрыла своим пологом ханское стойбище. Во всяком случае, когда в шатер к ней осторожно вошла старшая сестра Завергана, и, разбудив ее, велела одеваться, — на улице накрапывал дождь и стояла непроглядная темень.

— Зачем? — не поняла Каломела.

— Хан так велел. Бежать тебе надо.

По тому, как она вела себя, стараясь, чтобы и шепот ее не был слышен, все было похоже на правду. Но сомнение все же закралось Каломеле в сердце. Ведь до сих пор ханский шатер был ее единственным убежищем, здесь никто не мог посягнуть на нее. Куда же убегать, если за шатром кругом враги и враги?

Вздрагивая от страха, едва не теряя сознание, вопреки своим предчувствиям, она одевалась. Может, и вправду так надо. Может, и ханская крыша уже не спасет ее от обезумевших в жажде мести? Мог же Заверган, узнав, что беда на пороге, договориться с кем-нибудь из надежных и верных мужей, чтобы спрятали его жену.

Люди, что вывели ее из шатра и посадили на загодя оседланную кобылицу, все из рода Завергана, — не было причин не доверять им, и Каломела послушно исполняла то, что ей говорили. Лишь перед тем, как пришла пора трогаться, она спросила:

— А где же муж мой, хан Заверган?

— А там, у друзей своих. Поехали.

Долго гнали коней вскачь, пока не почувствовали: и сами устали, и кони притомились. Дали пройти им для роздыха шагом, и снова вскачь. Так до самого рассвета. Лишь на рассвете спутники ее вздохнули облегченно:

— Все, теперь мы в безопасности.

Ни ночью, ни сейчас она не спросила, где они, куда везут ее? Что толку спрашивать, раз не говорят сами, то и не скажут. Под копыта стелилась старая, давно не езженная никем, поросшая вездесущим спорышем дорога; ровная, разве что кое-где перебитая мелкими урочищами степь лежала вокруг. И ни одной знакомой приметы на всем пути.

— Долго ли еще ехать? — спросила старшего среди сопровождавших ее мужей.

— Устала? — ответил он вопросом на вопрос. — По-

терпи, вон там отдохнем, — показал кнутом вдаль. — Там должна быть низина. Коням нужен хороший выпас, а нам водопой и укрытие.

Он хорошо знал путь, как и степь вокруг. За взгорком открылась глазу довольно-таки глубокая долина, блеснула под солнцем вода.

— Вот здесь и расположимся на отдых.

Теперь только, освободившись от стремени и став на ноги, почувствовала Каломела, как она устала. Надо было бы прилечь, передохнуть у воды, но она, пока мужи расседлывали коней и выводили их перед водопоем, приглядывалась к далям и думала, какое это благо — вольная земля и чистые воды на ней. Что было бы с ней днем, под палящим солнцем, когда надо ехать и ехать, а вокруг ни капли воды? Кони, и те упали бы без сил от удушья, а за конями пришел бы черед и путников. Еду можно взять с собой; еду можно добыть и в степи — дроф нынче много, достаточно подкрасться, метко прицелиться — и будет у тебя вкусная печенка. А водой много не напасешься, хорошо, если наткнешься на речку или на почайну в низинке.

Заглядевшись на реку, она подумала, что, будь здесь сейчас одна, с какой радостью сбросила бы с себя пропитанные потом одежды и накупалась бы всласть, как когда-то на берегах Белой реки. И тут вдруг цепенящий холодок пробежал у нее в груди: стой, а тот густо поросший камышом островок, который отбежал, как разыгравшееся дитя от матери, на добрый десяток шагов от берега, — она, кажется, видела уже? Да, да, видела! Вот только где?! И тогда ли, как объезжали с мужем землю его после свадьбы, или раньше, когда родаки везли ее на Онгул? Страшась догадки, поняла, что узнала путь к утигурам. Значит, хотят возвратить свою ханшу изменнику-отцу и тем навечно разлучить ее с Заверганом?

Откуда только силы взялись! Вскочила, точно вспугнутая перепелка, кинулась берегом в одну сторону, в другую, что-то сказать хочет, что-то сделать, крикнуть, наконец, а крик застрял комом в горле, и все отчаяние ее вылилось в протестующий, застывший на губах стон — «нет!», и стон этот, и бессилие ее — как петля на шее. Рванулась было пойти к старшему из мужей, да вовремя передумала: что скажет? Ведь ему поручено переправить ее. Подумала о других мужах — и тоже остановилась. Разве они пойдут против воли старшего?

Выбор ее пал на самого младшего — отрока Саура. Он давно бросал на нее тревожные взгляды, задерживал повитые печалью глаза. Может, сочувствует ей, а может, глянулась ему за время дороги, а скрыть этого не умеет. Он — хоть какая-то надежда для нее, не должен обмануть.

— Саур, — она подошла, когда тот поил коня и родаки не могли услышать их разговор. — Не скажешь ли мне, Саур, куда мы путь держим?

Он посмотрел на нее внимательно, взгляд его был сочувственным и печальным, вздохнул, потом ответил:

— Далеко, Каломела.

— Ты... не хочешь сказать или тебе не велено говорить мне?

Он сделал вид, что расчесывает, оглаживает мокроватые бока гнедого.

— Что говорить, сама скоро увидишь.

— Выходит, это правда: везете к хану Сандилу?

Взгляд его стал добрее, но и только.

— Я же вижу, — простонала она. — Я узнала это место, отдыхали здесь, когда везли меня к кутригурам. Теперь... обратно. Скажи, это Заверган повелел, или вы содеяли все против его воли? Сжалься, — просила, — пусть уж буду все знать, убивайте, так до конца!

Но не сжалился Саур. Смотрел на воду, на коня, который опустил морду в реку, и молчал.

Крикнула бы, да кого звать? Предателя-мужа или изменника-отца? Все отвернулись от нее, все только о себе думают. Уйти бы куда глаза глядят: в степь — так в степь, в воду — так в воду. А сделала несколько шагов — и упала, сломленная бедой, как подкошенная.

— Чего это она? — сурово спросил старший.

— Узнала дорогу, по какой ехала к хану, ну и догадалась, куда везем ее.

Старший посмотрел на убивавшуюся ханшу, потом на Саура:

— А ты, как нюня, помог узнать?

— Не я, — огрызнулся отрок, — низина помогла узнать.

Когда подошли и сказали: «Пора, едем дальше», — Каломела не сопротивлялась. Однако и не обронила уже ни слова. Тупо смотрела под ноги кобылице и молчала,

вытирая время от времени обильные, душившие ее слезы. Только когда подъехали уже к Широкой реке и стали думать, как переправиться через нее, сказала:

— Делайте плот. Вплавь я не доберусь.

— Не бойся, — смилостивился старший, — вплавь не пошлем, поищем перевоз.

Поиски эти заняли едва ли не больше времени, чем путь из Онгула. Пошли вниз — нет нигде ни кутригурских стойбищ, ни самих кутригуров. Лишь следы, что стояли здесь когда-то люди, ловили рыбу, плавали этими широкими водами вниз или к тем же утигурам, и ничего больше. Пришлось подниматься в верховья, чуть ли не до порогов. Путь не близкий и не из легких. Объезжали непролазные чащи, продирались прибрежными зарослями, пока напали на стойбище и только именем хана добились перевоза на противоположный берег. Люди, наслышанные о татьбе, сами жили по соседству не с лучшими, чем утигуры, татями — обрами, вот и опасались всего и всех, не хотели связываться. Лишь имя хана да нешуточные угрозы заставили их идти к реке.

Жившие на побережье, они привыкли к плаванию, и построить плот для них дело нехитрое. Стоило им взяться за дело, как скоро все было готово. Заминка вышла, когда повели на плот кобылицу — та никак не хотела разлучаться с другими конями. Уперлась — и хоть бы что! Затолкали кое-как, завели силой, так она чуть не перескочила через ограду. Так бы и не успокоили ее, если бы Каломела не подошла, не уговорила ее ласками и слезами.

Знала бы Каломела, что ожидает ее на родной земле! Да где там, если не знала даже, что ждет на том берегу. Едва она ступила на твердую землю, те, кому поручено было выполнить волю кметей, схватили ее, бросили на спину кобылицы и стали увязывать. Ноги туго стянули под брюхом, руки — под шеей, сыромятными ремнями перетянули и тело.

— Что же вы делаете?! — только и простонала она.

— Так надо! — грубо отрезали ей. — Пусть хан Сандил знает: начинается кара за его татьбу в земле нашей. И будет она более жестокой, чем он может себе представить.

Сняли с кобылицы повод, узду и наотмашь стегнули кнутом.

XIV

Шли дни, а хан Заверган все не решался вернуться в свое стойбище под Онгулом. Смелости не хватало. Он не сомневался, что после его отъезда из стойбища кмети немедля содеяли с Каломелой то, чего так долго и упорно добивались, был уверен, что это так, и боялся этой уверенности. Он объездил стойбища в степи, спрашивая у кметей, сколько воинов могут выставить, когда придет час отплатить утигурам за подлость и разбой, все ли готовы к отмщению, а мысленно был там, у ханского своего шатра, и не понимал, как это может быть, чтобы Каломелы там не было?

«О, будь ты проклят, Сандил! — думал он, и восклицание это иногда срывалось с его уст. — Дорого заплатишь ты мне за Каломелу. Ой, дорого!»

На кметей уже не злился и свое согласие отдать им Каломелу, чтобы залучить их на свою сторону, не вспоминал. Во всем винил Сандила и его продажное племя, на них острил разум, сердце, меч. Но, как ни оттягивал срок своего возвращения в стойбище на Онгуле, а срок этот пришел. По дороге придумывал себе то одну причину, то другую, только чтобы не ходить в шатер, где ждет его вместо жены холодная пустота, но как не пойдет, если там его жилье. В другом не примут, а если и примут, то засмеют: хан тоскует по изменнице? Хану жалко, что она получила по заслугам?

И стиснул зубы, пошел. Сидел при свече до глубокой ночи, тоскуя, как, может, не тосковал по отцу и матери, которые рано или едва ли не одиноким оставили его на этом свете. Только под утро забылся он в коротком, полном нервного возбуждения сне.

...Когда-то, в раннем отрочестве, из всех увлечений Заверган отдавал предпочтение охоте. Собирал в гурт нескольких ровесников, седлали престарелых, отбывших свой срок в походах коней и отправлялись в верховья Онгула, где не было стойбищ, где привольно чувствовало себя птичье царство — гуси, кряквы, лебеди. Коней пускали пастись, сами же забирались в камышовую чащу и ждали, когда приблизится облюбованная добыча. Поражали ее в основном стрелами, но, когда хотелось привезти домой живого лебедя или отборную гуску, пускались на хитрость. Разденется донага, притаится у самой воды, в камышах, и ждет, пока подплывет поближе ни-

чего не подозревающая стая гусей или пара слюбившихся лебедей. Тогда, взяв в рот заранее приготовленную камышинку, осторожно подныривал под птиц и, когда видел над собой их красные лапки, хватал руками добычу.

Гуси обычно разлетались, пойманная птица трепыхалась недолго, лебеди же боролись так упорно, что не у каждого хватало силы и сноровки удержать добычу, особенно когда приходилось и лебедя держать, и к берегу грести.

Этой ночью ему как раз и приснилась одна из таких забав, что случилась когда-то наяву. Замерев, сидел он в камышах, терпеливо выжидая, когда приблизится снежно-белая, с царственной короной на голове лебедушка. Он стерег именно лебедушку, хотя лебедь был рядом, — очень уж красива была и статью, и какой-то изумительной чистотой и невинностью. А та будто чувствовала что, сторонилась камышей, и все обнималась с лебедем, изгибала шею и подставляла голову, когда лебедь миловал ее, то вдруг порывалась взлететь на радостях, то передумывала и только била крыльями по воде, как бы отзывая лебедя за собой, в сторону, то снова возвращалась к нему, подставляя себя под широкие и нежные взмахи его крыльев.

Достало терпения, в этих любовных утехах он и выстерег ее, радуясь, что схватил мертвой хваткой. И не выпустил бы из рук, если бы не случилось то, что случилось: лебедь взмахнула сильными крылами и понесла Заверганa над рекой, а потом и дальше — над степью. Он глянул вниз, и сжалось сердце: так высоко поднялся, что уже нельзя было разжать пальцы. Тогда он решил упросить лебедушку отпустить его, — вскинул глаза на нее и... закричал неестественным криком: не птица несла его, а Каломела на широких и белых крыльях.

«А-а-а!» — услышал он сквозь сон свой голос и открыл глаза, облитый холодным потом. Кто-то рядом толкал его за ногу, звал по имени.

— Вставай, хан, жены твоей кобылица вернулась.

Он долго не мог понять, где сон, где явь. Был в своей ложнице. На столе горела, как и с вечера, свеча, а рядом сидел челядник и бормотал что-то перепуганным, как и у хана, голосом.

— Какая кобылица? Откуда вернулась?

— Та, на которой всегда ездила ханша, которая была

переправлена вместе с ханшей через Широкую реку. Оттуда и вернулась, подошла к шатру и зовет тебя своим ржанием.

Поняв наконец, что говорят ему, засуетился, стал торопливо одеваться.

— А ханша? — вдруг опомнился он. — Что с ханшей?

— И ханша при кобылице.

По тому, как ему ответили, понял: ему принесли черную весть. Он не стал переспрашивать. Вышел из шатра и тут же остановился: рядом призывно заржала кобылица, потянулась и ткнулась мордой в грудь, потом в лицо Завергана.

Мороз по коже прошел от этой ласки. Сдерживая дрожь в теле, хан стал ощупывать животное. Руки наткнулись на связанную Каломелу, неподвижную, и, наверное, безжизненную, — он сразу понял это и в ужасе отшатнулся.

— Огня сюда! — крикнул челядникам. — Скорей огня!

Челядники стояли как вкопанные.

— Надо ли, хан? — глухо спросил один из них. — Сбегутся люди, пойдет по земле слух. И без огня ясно.

— Что? Что ясно?

— Жена твоя мертва. Она, как видишь, связана по рукам и ногам, не иначе, как захлебнулась, когда кобылица плыла через реку.

— Как мертва? Надо проверить!

— Проверял уже... Сделай другое, хан: лучше похорони ее, пока спит стойбище, по обычаю нашего рода. Пусть хоть после смерти не глумятся над ней.

Нет, он не верил. Стал торопливо развязывать путы, чтобы внести Каломелу в шатер, но путы были крепки, требовался нож, чтобы разрезать их, и когда Заверган подумал об этом, до сознания его наконец дошло, что все напрасно — Каломела мертва.

«О Небо! — простонал он. — Неужели этому суждено было случиться? Разве я думал, что все кончится именно так?»

Он заметался, как раненый зверь, потом словно окаменел на какое-то время. Челядники терпеливо ждали его распоряжений, и он, взяв себя в руки, сказал им:

— Седлайте коней. Берите кобылицу с усопшей, лопаты, поедем за стойбище.

Куда он вел их — знал ли хоть сам? Подальше от рода, от тех, кто и мертвым не даст покоя? Искал ли такое место, где похоронит Каломелу по обычаю предков, чтобы никто не потревожил ее? Или бежал от самого себя, от преследовавшей его мысли: как случилось, что Каломела столько дней скиталась по утигурской земле и никто не вызволил ее из пут? Неужели никого из людей не встретила кобылица? Не далась людям? Знала, где дом, и подалась за теми, кто оставил ее в утигурах, назад? Отчего же долго так добиралась? И в каких муках погибла Каломела — то ли захлебнулась волной, то ли голод и жажда уморили ее?

Есть о чем думать Завергану и есть от чего убегать. Потому и гонит так коня — все вскачь и вскачь. Челядники едва поспевали за ним. И когда он остановился, при розово-голубом свете занимающегося восхода они увидели, что хан знал, куда везет жену. Это было самое высокое место над Онгулом, отсюда Каломела будет видеть утренние зори и восход умытого росами солнца за Широкой рекой, отсюда видны ей будут степи свои от края до края.

Челядь, как никогда, старалась во всем услужить хану. В то же время люди не спускали с него глаз (пусть простит Тангра за то, что и молвить страшно, однако что поделаешь, если это истина: челядники всегда внимательнее к своим господам, чем господа к челядникам). И когда наконец отвязали ханшу от кобылицы, когда разрезали стягивавшие ее путы, поняли: хан не может смотреть на нее. Или вид Каломелы, вчера еще такой прекрасной, а теперь изуродованной смертью, пугал его, или что-то еще не давало ему покоя, только он не знал, куда себя деть, пока не вспомнил, что надо копать яму, и взялся за лопату.

Что думал, копая, только он да, наверное, Небо и знали. Во всяком случае, что-то думал, что-то отвлекало его — лопату вгонял в землю с такой силой, что сломал одну, согнул другую.

А небо уже пылало над степью, из розовато-голубого сделалось непривычно багряным, невыносимо тревожным, — похоже, что там, за Широкой рекой, кто-то невидимый и могучий раздувал и раздувал гигантский, озаривший собой полнеба костер.

— Буря идет, хан, — показал в ту сторону один из челядников.

— Да, идет. Кровавая будет буря, и как раз там, за Широкой рекой.

Выбросив порушенную лопатой землю, вылез из ямы, повелел челядникам:

— Нарвите мягкой травы, выстелите ханше ложе и положите здесь на вечный покой. Имя ее, как и память о ней, увековечим после, когда поквитаемся с утигурами. Придем со всеми своими тысячами, насыплем на этом месте высокий курган — такой, чтобы далеко виден был, чтобы и через века напоминал людям: была у хана Завергана любимая жена и была кровавая месть за ее мученическую смерть.

XV

Теперь знал, что делать, чтобы вернуть себе завещанную отцом и приумноженную за Дунаем славу: пока сердца кутригуров пылают ненавистью, пока сам горит желанием мести, поведет их за Широкую реку. Пусть не только земля, пусть само небо над утигурами пылает огнем. Там отойдут кмети от своей злобы, снова станут покорными хану, послушными каждому его повелению.

Недолго он думал, показать ли кметям кобылицу, на которой возвратилась Каломела, или скрыть пока ее возвращение. Для начала решил, хватит с них и того, что скажет: «Я выполнил вашу волю, пришло время выполнять мою!» «Потом, когда насытятся кровью врагов, когда сердца отойдут от злобы, приведет всех на место, где похоронил жену, и скажет: «Если уже и мертвой Каломела возвратилась к нам, она не виновата. Слышишь, проклятый род, воздай должное ей хоть после смерти, если не умел воздать при жизни!»

Гонцы его без устали собирали степь. Кмети немедля откликнулись на зов хана. Прибыли с мужами, отроками, даже старцев прихватили — всех, кого еще мог выделить род, кто был способен мстить за позор и насилие. Видя это, Заверган, вместо того чтобы держать совет с кметями, выехал перед примолкшей тот же час ратью и сказал:

— Кутригуры! Вольные сыны вольной степи! К вам будет слово мое. Все вы знаете, какой славой покрыли себя наши воины за Дунаем, какую выгоду имели бы мы, когда бы не злые собаки. Богатую добычу и сытую землю взяли бы, ту, что дала бы нам достаток и сча-

стье. Но утигуры, эти подлые шакалы, татьбой испоганили нашу землю. Встали на защиту стойбищ и пали мертвыми ваши родаки, другие взяты в полон; не стало в кутригурских родах достатка — увели тати табуны наших коней, стада коров, отары овец. Голыми и голодными оставили нас в степи. Деды и прадеды такого не прощали. Никому, никогда! Что скажете вы, их наследники? Склоните покорно головы или соберетесь с силой и поквитаетесь с татями-утигурами?

— Чего нам ждать? Нет!! Пока горячи раны, пока кипит кровь, веди, хан на утигуров. Кара и смерть им! Кара и смерть!

— Сейчас самое время! — продолжал хан, перекрывая крик тысяч. — В степи нагулялись на приволье овцы, растелились коровы, ожеребились кобылицы. Дозрела засеянная утигурами нива. Потому и говорю: сейчас время. Отары, стада, табуны сгоним к Широкой реке и переправим на свою сторону, нивы и стойбища предадим огню. Лучшего случая отомстить не будет. Сила у нас есть, а жажды мести кутригурам, думаю, не занимать.

— Верно! Веди, хан, на утигуров. Пусть торжествует месть!

— Пусть торжествует месть!

Они выполнили данное хану слово. Шли, как и за Дунай, десятью тысячами. Когда переправились через Широкую реку, разбились на сотни и пошли лавами по всей Утигурии. Сжигали поля и стойбища, перенимали отары овец, уводили табуны, угоняли стада коров. Не было пощады и утигурам, особенно тем, что первыми попали под руку. Отсекали головы, говоря: «Это за наши раны, это за нашу кровь!» Молодым набрасывали на шею арканы и снова приговаривали: «Будете, подлые изменники, рабами, если не захотели быть родаками и добрыми соседями».

Больше всего досталось тем, чьи стойбища стояли над Широкой рекой. А все же утигуры на то и утигуры, чтобы, живя на границах, знать, что делать, когда разбойничают тати, а когда вторгается нацеленная на поголовное истребление рать. Поскакали с предупреждением гонцы в ближние и дальние стойбища, а от тех — в еще более дальние; люди уходили и прятались в степи, а по ночам жгли предупреждающие костры на вежах.

Впрочем, и без этих огней степь уже знала о нашествии. Кутригуры сами известили о себе незатухающими кострами мести, которые ширились по земле и вздымались высоко к небу, говоря тем, до кого еще не дошло: идет страшная расплата и погибель. И случилось то, что не раз уже было. Единый до сих пор род без чьего-либо понукания поделился на два: те, кто мог держать лук и меч, собирались в десятки, а десятки — в сотни и спешили навстречу незваным гостям; те же, кто был немощен или мог справляться только с конями, отходили за Белую реку, по опыту зная, если чужеземец идет с запада — дальше западного берега Белой реки не пойдет, если с востока — дальше восточного. Ибо на противоположной стороне уже будет стоять хан с воинами, а с ханом у нападающих будет не тот разговор, что с перепуганными и разрозненными стойбищанами.

Хан Сандил — в летах и куда более опытный воин, чем Заверган. Он не ужасался, слыша крики напуганных и потерявших веру единоплеменников. Он только спрашивал каждого, кто приходил из-за Белой реки: где кутригуры, сколько кутригуров, что делают они с их родами, с их скотом, куда нацелены передние лавы, и тут же звал кметей, что стояли во главе тысяч, и приказывал им, кому и куда идти и что делать.

Кто разбирался в ратном деле, тому нетрудно было понять: хан знает, что делает. Пусть немного там, за Белой рекой, сотен, пусть рассеяны они и потрепаны, но все же они могут чувствительно покусать кутригуров и сбить с толку. А сбитого с толку Завергана легче заманить в пасть и прихлопнуть. На что он надеется, этот задиристый зятек? На те недобитые тысячи, которые привел из-за Дуная? Видит Небо, совсем потерял разум от злости. Да у него же, Сандила, воинов чуть не вдвое больше! Должен бы знать, прежде чем идти на утигуров, должен бы понимать, поганый мальчишка, что утигуры не одни. На их стороне Византия, а с кем Византия — с тем и соседние обры. Все предусмотрено, Заверган, на все есть договоренность через ту же Византию и самого императора. Достаточно слово сказать — и обры будут тут как тут. Но он, Сандил, и сам управится с кутригурами. А приберет их к рукам — иначе заговорит и со своими слишком хитромудрыми соседями.

— Хан! — появился один, потом другой гонец. — Кутригуры, что держали путь в верховья нашей реки, по-

вернули на юг. Похоже, идут на объединение с Заверганом.

— А те, что шли к морю, где сейчас?

— Передовые сотни вышли на Овечий Брод, ждут остальных.

Хан довольно покачал головой.

— Минавр! — позвал одного из мужей. — Бери свою тысячу и не дай сотням у Овечьего Брода перейти Белую. А если повернут к Завергану — прегради им путь.

— Всего лишь тысячу даешь? — удивился тот.

— Возьмешь под свою руку все сотни, что встретишь на пути. Этого тебе хватит, чтобы сделать, что говорю.

Потом сказал другому мужу:

— Те тысячи, которые идут с севера, поручаю тебе, Благой. Бери тридцать сотен, перейди Белую и сделай все, чтобы остановить или разгромить — это уж как получится у тебя — тех, кто повернул сюда с верховий. Но с ханом кутригуров соединиться они не должны. Завергана я беру на себя.

...Ржали раненые и взбешенные сечей кони, звенели, высекая искры, мечи, иногда слышно было, как вскрик, вырвавшийся из самого горла, припечатывал удар меча. Не слышно было лишь убитых и стона раненых. Не было сил перекричать гул побоища, тех исторгаемых нутром человеческим угроз и проклятий, на которые не скупились ни утигуры, ни кутригуры. Ненависть шла на ненависть, гнев — на гнев. И не было места для страха, как не было его и для пощады. Сошлись не на жизнь, а на смерть. Сердца кутригуров жаждали мести. Утигуров же приводила в ярость отчаянная и бессмысленная смелость кутригуров, казалось, уже поверженных, уже разбитых в прах. И сцепились, и закрутились вихрем на стрелке

Продолжение на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

Хотите — спорьте, хотите — нет, а при демократии стало жить не только трудней, но и веселей. Ну, скажите, пожалуйста, разве не забавно наблюдать за теми, кто совсем недавно, прорываясь к власти, метал громы и молнии в сторону бюрократов и административно-командной системы, кто ратовал за широчайший плюрализм, а теперь становится сторонником жесткого курса?

ВОТ ТАКИЕ ОНИ, НАШИ НЫНЕШНИЕ ДЕМОКРАТЫ

Вот, скажем, нынешний председатель Моссовета Г. Попов во время выборной кампании прослыл борцом с этим монстром. А теперь сам создает проекты административной реформы. В одном из них, в частности, говорится о необходимости предоставить полномочия по общему руководству столичным городским хозяйством самому председателю Моссовета и назначенным им городским советникам. Не удержались руководители столичных райсоветов, заклеймили мэра, посчитали такой проект неприкрытым властолюбием и правовым нигилизмом.

Как известно, председатель Ленсовета А. Собчак тоже люто ненавидит аппарат. Но тем не менее за последние полгода штат Ленсовета и исполкома вырос с 430 до 644 человек. Фонд окладов увеличился на 1 миллион 648 тысяч рублей. А расходы на проведение сессий выросли более чем в 10 раз — с 21 тысячи до 213 тысяч.

Нельзя без умиления наблюдать и за теми, кто активно выступал против каких-либо привилегий, закрытости, а сегодня требует бронированные машины. По этому поводу возник даже конфликт между генеральным директором объединения ГАЗ Б. Видяевым и Верховным Советом РСФСР, который заказал изготовить бронированные «Волги» ГАЗ 31-02 для Б. Ельцина и И. Силаева. Генеральный директор отказался выполнять заказ. Дело в том, что автозавод никогда не изготовлял не то что бронированных «Волг», но и «Чаек» ГАЗ-14. Ну а если браться за изготовление бронированной «Волги» в варианте хорошо известного всем легкового автомобиля, то необходимо разрабатывать совершенно новую конструкцию машины. На это надо ухлопать не менее трех лет.

А разве не любопытно узнавать, что люди, еще вчера выступавшие на массовых митингах и божившиеся, что всю оставшуюся жизнь будут глядеть народу в глаза, ныне, организуя многотысячный митинг, прячутся от людей. Именно так было на митинге в Москве 16 сентября — в разгар уборки урожая. Митингующие стояли на Манежной площади, а ораторы вещали свои пламенные речи с седьмого этажа гостиницы «Москва», где находится ресторан. После митинга его организаторы не обошлись без традиционной трапезы в самом ресторане...

Говорят, что свобода слова — единственное пока достижение перестройки. Заслуги этой свободы очевидны. Но и это достижение уже под угрозой. Вот, например, пресса. Не успела она вызволиться из плена цензуры, как ее пытаются захватить в другой плен. Делается это по-разному. Но единообразие в одном: не сметь говорить то, что расходится с нашим мнением. Стоило лишь еженедельнику «Гласность», учредитель которого ЦК КПСС, опубликовать критический материал о мэре Москвы Г. Попове, как депутат Моссовета, специальный корреспондент «Известий» В. Выжутович разразился грозной статьей, встал грудью на защиту своего патрона. Материал «Гласности» без всяких аргументов был назван «наспех сколоченным «компроматом», фото, иллюстрирующее материал, «глумливым снимком».

А, скажем, ленинградские журналисты объективно стали рассказывать о жизни города, о деятельности Ленсовета. Увидели ленинградцы заплеванный семечками зал заседаний президиума Ленсовета, превращенные в пепельницы осколки блокадных снарядов, которые хранились в здании Ленсовета. Узнали ленинградцы, что их избранники заняты не вопросами благоустройства города, не проблемами быта и улучшения продовольственного снабжения, а подписанием ходатайства об отмене статьи 121 УК РСФСР, карающей гомосексуализм. Возмутились не только ленинградцы, но и сами народные избранники, которые приняли документ, отразивший неприкрытую попытку обуздать местную прессу. Обращение к ленинградцам, принятое депутатами, в частности, гласит о том, что средствами массовой информации будто бы «развернута кампания по дискредитации Совета», что «некоторые журналисты пытаются голословно обвинить депутатов», что главное оружие в их арсенале — «уничтожительная критика».

Пожалуй, поволновались и главные редакторы газет «Правда», «Советская Россия», «Рабочая трибуна» и «Красная звезда» после публикации о «Программе действия-90» Российского демократического форума, поставившего своей целью осуществить государственный переворот. Как они смели напечатать программу демократов без ведома самих демократов?! Комитет Верховного Совета РСФСР по средствам массовой информации стал оперативно вызывать главных редакторов на ковер, требуя объяснений. Ничего не скажешь, очень демократично поступил самый демократичный парламент!

В Риге Совет Министров республики принял решение о национализации Дома печати, принадлежавшего до этого ЦК Компартии Латвии. Согласно этому решению издательство ЦК КПЛ должно стать акционерным обществом, Компартия при этом получит менее трети акций.

Дело дошло до того, что прекратили было печатать еженедельник «Московский строитель». В начале августа главный редактор этого издания Л. Калинина получила письмо от директора издательства «Московская правда» В. Переля, где печаталась газета. В. Перель

сообщал, что «согласно решению директивных органов в издательстве начинается выпуск новых периодических изданий Моссовета и Мособлсовета», а поскольку производственные мощности перегружены, выпуск еженедельника «Московский строитель» на базе «издательства «Московская правда» начиная с 1 сентября 1990 года прекращается». Л. Калинина сначала не придала этому предупреждению особого значения. Как-никак, а с издательством заключен договор до конца года, согласно которому редакция перечислила более 55 тысяч рублей за полиграфические услуги, а издательство, в свою очередь, обязалось до конца года печатать еженедельник. Но каково же было удивление Л. Калининой, сотрудников газеты, подписчиков и полумиллионной армии московских строителей, интересы которых представляет газета, когда она перестала выходить, а на ее полиграфической базе начали тиражировать новый еженедельник Моссовета «Куранты». Возмущенные подписчики в начале октября вышли с транспарантами к зданию Моссовета. На одном из них обвинялся в причастности к прекращению печатания «Московского строителя» первый заместитель председателя Моссовета С. Станкевич.

Оказавшись в ранний час около Моссовета, я, отложив все дела, направился в приемную С. Станкевича, чтобы, как говорится, из первых уст узнать, причастен ли первый заместитель председателя Моссовета к закрытию еженедельника или нет. Но только я открыл дверь Моссовета, как меня тут же остановили, потребовали документ. Я достал удостоверение. Но этого оказалось недостаточно, у меня попросили пропуск. Я начал было объяснять, что раньше, до того, как власть в Москве получили представители «Демократической России», вход в Моссовет был демократичнее — достаточно было показать редакционное удостоверение. Меня слушать не стали. «Таков порядок теперь», — был ответ. Делать было нечего, я направился выписывать пропуск. Наконец бюрократический заслон одного из самых демократических Советов народных депутатов был преодолен, и я оказался в приемной С. Станкевича. Представился, сказал о цели визита и услышал: «Сергей Борисович так просто никого не принимает, тем более представителей печати». Оказывается, сначала необходимо встретиться с его помощником А. Атаевым и изложить ему свою просьбу. Пошел искать помощника. На месте его не было. Пришлось полчаса ожидать. А. Атаев, узнав, в чем дело, отправил меня в пресс-центр Моссовета. Его сотрудник С. Ступарь попросил приготовить вопросы для С. Станкевича в письменном виде. Я как мог стал объяснять, что пришел не интервью брать, а лишь узнать, причастен ли Сергей Борисович к закрытию «Московского строителя» или нет? С. Ступарь взялся сам выяснить у Станкевича об этом и попросил перезвонить ему на следующий день.

Ждать следующего дня сложа руки я не стал, а отправился к директору издательства «Московская правда» В. Перелю в надежде, что он прояснит ситуацию. И не напрасно это сделал. Оказывается, 26 июля прошлого года состоялось совещание по организации издания газеты Моссовета «Куранты» на полиграфической базе издательства «Московская правда», на котором присутствовали С. Станкевич, заведующий производственным отделом партийных издательств ЦК КПСС В. Костров, управляющий делами МК и МГК КПСС В. Чубаров, заведующий идеологическим отделом МГК КПСС А. Смирнов, редактор «Курантов» А. Панков и другие. Вот на

этом-то совещании и было принято решение о выводе из издательства ряда изданий. Ну а что выбор пал на «Московский строитель», то заслуга в этом, как удалось выяснить, С. Станкевича. Именно он указал на него. Все при этом дружно согласились. И никто даже не заикнулся, что таким образом нарушается Закон о печати и других средствах массовой информации, в котором, в частности, написано, что прекращение выпуска или издание средства массовой информации возможно по решению учредителя либо органа, зарегистрировавшего средство массовой информации, или суда. Но участники совещания пошли на явное беззаконие, по сути, благословили произвол.

На следующее утро я позвонил С. Ступарю. Он сказал, что Сергей Борисович никакого отношения к закрытию «Московского строителя» не имеет.

Что ж, будем снисходительны к сотруднику пресс-центра Моссовета. Он сообщил мне то, что ему сказали. Откуда ему знать, что существует протокол совещания, на котором С. Станкевич сделал свое предложение относительно «Московского строителя» и которое вскоре было реализовано? Откуда простому сотруднику пресс-центра ведать, что на том совещании присутствовал редактор «Курантов», но отсутствовал редактор «Московского строителя», судьба которого решалась? Да и почему, собственно, сотрудник пресс-центра должен нести ответственность за то, что произошло на закрытом совещании, на котором в пору хваленой гласности вынесено решение о выдворении еженедельника из издательства?

Почему же С. Станкевич остановил свой выбор на «Московском строителе»? Ведь в издательстве печатается более 150 многотиражек. Не потому ли, что газета критиковала непродуманные решения, исходящие от отцов города, не поддерживала некоторые сомнительные начинания, связанные, в частности, с переходом к рынку, к частной собственности, развитию кооперативов? Верится с трудом, но факт — группа московских депутатов с требованием прекратить распространять «Московский строитель» обращалась даже в «Союзпечать»! Что же не устроило народных избранников? Видите ли, газета подрывает устои демократического движения. А может быть, С. Станкевичу и его сотоварищам не понравилось то, что газета поддержала Инициативный съезд российских коммунистов, который состоялся в Ленинграде, Учредительный съезд Компартии РСФСР, о котором не очень лестно отзывался первый заместитель председателя Моссовета в одном из своих интервью, называя собравшихся в июне прошлого года в Кремлевском Дворце съездов ортодоксами и консерваторами? Как бы там ни было, но в какой-то степени мнение С. Станкевича попало в тон голосу радио «Свобода», которое в любом проявлении национального самосознания видит возрождающийся шовинизм и даже русский фашизм. Чуть ли не с первого номера «Свободе» не понравилось направление, выбранное «Московским строителем».

Однажды С. Станкевич обронил удивительную фразу: «Если бы мы были сильнее, нам не надо было бы разыгрывать карту гласности». Нетрудно догадаться, что гласность, свобода слова и прессы для него и его соратников по «Демократической России» всего лишь карта в игре, с помощью которой шельмуются армия, милиция, служба безопасности, охаиваются традиции и нравы русского народа.

Да, в нашей жизни совершаются удивительные метаморфозы.

Помнится, совсем недавно многие радикально настроенные демократы требовали полной гласности и свободы слова. Во многом благодаря печати была разрушена монополия на власть компартии. Сегодня власть перешла или переходит в руки приверженцев «Демократической России», Межрегиональной группы, и уже иной взгляд на свободу печати, да и на демократию в целом. Все это напоминает начало века, когда социал-демократы, пробиваясь к власти, требовали полной свободы прессы и слова. Но когда они получили власть, то одним из первых декретов Советской власти был декрет о печати: были закрыты органы прессы, в которых выражались иные мнения, не совпадающие с правительственным. Правда, в декрете оговаривалось, что такая мера носит временный характер. Но мы-то хорошо знаем, сколько продлился этот период.

Вот такие они, наши нынешние демократы.

В. ЗАБУРДАЕВ

РАСПОЯСАВШИЕСЯ...

18 сентября 1990 года в помещение редакции газеты «Молодежь Молдавии» вломилось около 60 человек, назвавших себя «сторонниками Народного фронта Молдовы». Угрозами, оскорблениями, нецензурной бранью и мордобоем они вынудили сотрудников редакции и посетителей покинуть кабинеты, обещая главного редактора повесить на глазах у толпы.

Тучи над газетой собирались давно. У новоявленных «демократов» вызывали открытую неприязнь ее острые материалы о ситуации в республике, о подлинных целях НФМ, его методах политической борьбы. Не могли им прийтись по душе и защита прав русского населения Молдовы, подвергающегося настоящей дискриминации.

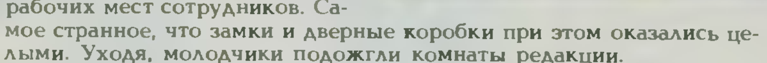
Поводом для захвата редакции явилась публикация на первой полосе газеты снимка, на котором был запечатлен премьер-министр Молдовы Мирча Друк, обращающийся к Великому национальному собранию. При подготовке материала фотографом не были применены ни фотомонтаж, ни какие-либо искажения лица, фигуры и композиции реального события. Конечно, снимок получился не самый удачный. Но вспомните, как изощрялась наша пресса, создавая образ врага из И. Полозкова. Раз за разом публиковались самые отталкивающие фотоснимки. И ничего.

...Семеро сотрудников редакции (из них четыре женщины) были захвачены в качестве заложников и заблокированы в одном из кабинетов редакции. Их согласились освободить при выполнении следующих условий: закрытие газеты «Молодежь Молдавии», выступление по национальному телевидению Молдовы одного из руководителей редакции с публичными извинениями молдавскому народу и лично премьер-министру, визирование впредь всеми русскоязычными редакциями любых снимков, на которых изображены руководители и другие официальные лица Молдовы.

Учитывая реальность расправы, ответственный секретарь газеты, находившийся среди заложников, был вынужден заявить об удовлетворении всех предъявленных требований. После этого энфээмовцы покинули помещение редакции, угрожая в случае выхода очередного номера газеты применить силу к сотрудникам «Молодежи Молдавии» и их близким. Наряд милиции, прибывший в самый разгар событий, спокойно наблюдал за происходящим, даже не пытаясь пресечь бесчинства толпы.

В ту же ночь, неизвестно каким образом миновав милицейский пост на входе в Дом печати, неустановленные лица пытались вскрыть сейфы в кабинетах главного редактора, его заместителя и коммерческой службы редакции. Был также произведен тщательный обыск рабочих мест сотрудников. Са-

мое странное, что замки и дверные коробки при этом оказались целыми. Уходя, молодчики подожгли комнаты редакции.

Подобные методы борьбы с оппозиционной печатью практиковались в одном из государств Европы в 30-е годы, и любой демократ вам скажет, как это называется... Любой, но не советский. Сегодня ни в одном издании так называемой леводемократической прессы не найдете вы правдивого описания или объективного анализа событий, происходящих в союзных республиках. Русских убивают, травят, изгоняют с работы, оскорбляют, но «советикус демократикус» делает вид, что ничего не происходит.

В мае прошлого года в центре Кишинева подогретая энфээмовцами толпа зверски убивает 18-летнего Диму Матюшина. Убивает за то, что позволил себе разговаривать по-русски... Милиция задерживает нескольких подонков из толпы убийц, но... тут же отпускает. Руководство Молдовы в лице Мирча Снегура и Мирча Друка делает вид, что ничего страшного не произошло. «Огонек» в то же самое время с упоением рассказывает о еврейских погромах в дореволюционной России. До русского юноши, ставшего невинной жертвой разгула «демократии», никому нет дела!

А. ПРОЦЕНКО

На снимке: Дмитрий Матюшин.

Объединенный фронт трудящихся СССР (ОФТ), один из митингов которого прошел у Парка культуры и отдыха в Москве, предлагает альтернативный вариант экономического развития — в интересах людей труда.

Фото А. СТЕПОВОГО

ТРЕБУЕМ ОТСТАВКИ!

Это письмо адресовано Московскому городскому комитету КПСС. Его авторы обнажили свою позицию, свой взгляд на ситуацию, которая сложилась в Москве. Они требуют отставки народных депутатов — председателя Моссовета Г. Попова, его первого заместителя С. Станкевича, а также депутата-публициста Ю. Черниченко, которые, по их мнению, не справляются с возложенными на них обязанностями. На наш взгляд, авторам письма следовало бы обратиться не в горком партии, который вряд ли сможет что-либо сделать по затронутой проблеме, а непосредственно к избирателям, тем, кто отдал на выборах за данных кандидатов свои голоса и кто вправе отозвать их. Поэтому мы и посчитали необходимым предать это письмо огласке.

В МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ КПСС

По сообщениям всех советских средств массовой информации, в нашей стране выращен небывалый урожай. Никогда прежде наши труженики-земледельцы не выращивали столько зерна, картофеля и овощей. Призывы руководителей партии и государства народ услышал и сработал отлично. Казалось бы, и жить начнем лучше, ведь в прошлые менее урожайные годы народ всегда обеспечивался хлебопродуктами. В достатке были крупы, сыры, конфеты и многое другое.

Однако в Москве крупами, хлебом, мукой и табаком стали торговать с перебоями, а торговля мясом, колбасами и яйцами почти полностью свернута. По распоряжению Моссовета жители Москвы оформили «визитные карточки покупателя». Но на деле они оказались ненужными, потому что из торговли исчезли не только промтовары, но и продовольствие. Жители Москвы снова лишились покоя, мечутся от магазина к магазину в поисках хоть какого-нибудь продовольствия, выстаивают огромные очереди, в том числе в рабочее время. Не стыдно ли, граждане «народные» депутаты Моссовета! Вас, демороссов, контролирующих деятельность Моссовета, более уместно называть антинародными депутатами! Ведь вы уже давно известны избирателям как голые короли, все насквозь видно же. Всем ясно, что вы ведете дело к введению карточной системы, и это при изобилии продовольствия в стране.

Более сорока лет народ не знал карточной системы, начиная с первых послевоенных лет — позднего периода «культа личности», затем периода «волюнтаризма», «застойно-запойного периода» и в первые годы эпохи «перестройки»—«гласности»—«демократии»—«плюрализма»—«многопартийности»— и бурного, неудержимого нарастания социализма сверху. Казалось бы, угроза массового голода отступила от нас окончательно.

Как это прикажете понимать, граждане «народные» депутаты, что именно в самый урожайный год снова замаячила угроза голода, в частности в Москве! Ведь этому парадоксу не может быть теперь никакого оправдания! Как же не зародиться мыслям о

вредительстве, о происках врагов народа, в лучшем случае, о махровой некомпетентности и безответственности, граничащей с уголовным преступлением!! Ведь ничего случайного в жизни народов не бывает! Видимо, кому-то это нужно, например, для того, чтобы создать в стране обстановку хаоса, неуверенности и неустойчивости, недоверия и недовольства руководством партии и государства.

Размышляя над причинами изложенного, мы приходим к выводу, что, по крайней мере, в Москве новые советы с «демороссами» во главе охотно приняли передаваемую им партией власть в свои руки, но распорядиться ею по-деловому не могут, не спешат, потому что некомпетентны. Еще хуже, если эта антиторговля является результатом плохо замаскированной, сознательной диверсионной деятельности.

Мы констатируем, что «народные» депутаты Попов, Станкевич и Черниченко обманули своих избирателей-москвичей, обещая им в своих предвыборных платформах накормить, напоить, одеть и обуть народ в случае избрания. Теперь мы знаем, чего стоили эти обещания! Конечно, эти депутаты найдут тысячи отговорок, чтобы попытаться оправдаться в этой криминальной ситуации.

Во избежание хлебных бунтов, хаоса и кровопролитной гражданской войны требуем незамедлительной отставки Попова, Станкевича и Черниченко и замены их людьми, способными навести в Москве элементарный порядок.

Сколько можно издеваться над трудолюбивым советским народом-пленником!

Р. КОСОЛАПОВ, доцент МГУ, Ю. КАТАСОНОВ, кандидат экономических наук, Г. РЕБРОВ, доцент МГУ, Б. ИСКАКОВ, заведующий кафедрой МИНХ имени Г. В. Плеханова, С. ЖДАНОВ, профессор. Всего 15 подписей.

ИНИЦИАТИВА

ДЕРЗАЙТЕ, ЮНЫЕ!

В восьмом номере «Товарища» за прошлый год мы рассказали о первых шагах объединения «Отчизна», в которое входят известные музеи-заповедники «Поленово», «Абрамцево» и культурно-исторический центр «Талицы».

Сегодня мы рады сообщить о новой инициативе «Отчизны», воскрешающей полузабытые традиции русского меценатства. Объединение объявляет конкурс на лучшее прозаическое и поэтическое произведение среди воспитанников детских домов и интернатов РСФСР. Цель конкурса — выявить одаренных ребят, помочь им в дальнейшем творческом становлении.

На конкурс принимаются: повести, рассказы, новеллы, сказки, пьесы и поэтические произведения любого объема. Все поступившие на конкурс работы будут прорецензированы профессиональными поэтами и прозаиками, а авторам дана исчерпывающая оценка их произведений. Лучшие работы будут опубликованы в журналах «Игрушечка» и «Витязь».

Для победителей установлены: две первые премии по 500 рублей; две вторые премии по 250 рублей; две третьи премии по 100 рублей.

Итоги конкурса будут подведены 1 июня 1991 года. Не забудьте указать адрес и возраст автора. Работы высылать не позднее 15 апреля по адресу: 141270, Московская область, Пушкинский район, с. Талицы, объединение «Отчизна».

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ВЕРНУЛИ ЖИЗНЬ ДЕРЕВНЕ

Вам приходилось видеть деревни без жителей! Печальная картина. Стоит такая горемыка в стороне от дорог, прикрыв глазницы окон досками крест-накрест, и тоскует по хозяину. Ни петушиного пения, ни собачьего лая, ни веселого дымка из печной трубы, ни единой тропинки — все утонуло в снежных сугробах...

Вот так или приблизительно так выглядело Беспятово шесть лет назад. А ведь не на краю земли расположено — всего-то в ста — ста десяти километрах от столицы, в Ступинском районе Московской области. Принадлежало оно свиноводческому госплемзаводу «Большое Алексеевское». Из-за отсутствия дорог, социально-культурных и бытовых условий постепенно обезлюдело, а близлежащие земли его оскудели и все больше зарастали кустарником. К 1984 году, когда Беспятово обрело нового хозяина, здесь насчитывалось лишь семь обитаемых дворов.

Новым хозяином «неперспективной» деревни стал колхоз имени Ленина пограничного с

Москвой Люберецкого района. Раньше его центральная усадьба размещалась в Выхине. Близ одноименной станции метро еще и теперь сохранились остатки яблоневого сада, принадлежавшего этому хозяйству. Сначала колхоз был вытеснен в Люберцы, а затем на окраину города Лыткарина. К чести коллектива и его руководителя Героя Социалистического Труда И. Н. Якушина, хозяйство, лишившись основных земель, не только не прекратило своего существования, но и постепенно превратилось в многоотраслевое, со своим перерабатывающим производством. В пойме Москвы-реки выросли тепличные комбинаты, дающие огурцы, томаты, зеленый лук, рассаду для полей. Затем был построен животноводческий комплекс. Хорошо оборудован бытовой корпус. Здесь и красный уголок с телевизором, и комната приема пищи, куда привозят обеды из колхозной столовой, и баня-сауна. Стоит ли после этого удивляться, что в животноводство потянулись парни?! Сейчас здесь только дояров более десяти.

Одна трудность была — негде заготавливать сено, силос, растить кормовую свеклу. Но поскольку колхоз стал давать молоко, ему прирезали в Ступинском районе 500 гектаров малопродуктивных земель. Так в 70 километрах от центральной усадьбы появилось Беспятовское отделение.

Начали с сооружения дороги, ведущей к шоссе. Нелегко было ее прокладывать по болотистым местам, где, случалось, и тракторы тонули. Одновременно осваивали заброшенные земли. И, конечно же, заботились о будущих новоселах.

За пять лет Беспятово преобразилось, словно в него вдохнули животворящий дух. Весело взбегают на пригорок дома усадебного типа. Их уже более двадцати. «Приосанились» и старые: коренным жителям колхоз помог сделать ремонт. Появились магазины, медпункт, столовая, клуб с молодежным кафе.

Каждый год в Беспятове отмечается новостройкой. Недавно сдан в эксплуатацию животноводческий комплекс, и колхоз имени Ленина стал в Люберецком районе одним из самых крупных поставщиков молока. Минувшей осенью завершено строительство хранилища на 3 тысячи тонн картофеля и овощей. На очереди — школа, а пока ребятишек (их становится все больше) на занятия в соседнюю деревню возит колхозный автобус.

Пожалуй, нет у человека ничего дороже, чем то, во что вложены его душевные и физические силы. Для И. Н. Якушина — это воскрешенные из мертвых деревни. Будучи народным депутатом СССР, Иван Никитович главным своим делом считает восстановление насильственно разрушенного уклада крестьянской жизни.

Раиса ФАТЮЩЕНКО

Н а с н и м к а х: новостройки в деревне Беспятово; председатель колхоза И. Н. Якушин (второй справа) на заготовке силоса; работница фермы В. Плужникова.

В 1991 году исполняется 250 лет со дня открытия экспедицией русского мореплавателя В. Беринга северо-западных берегов Американского континента. В минувшем году по приглашению командования береговой охраны США в этих местах побывали члены экипажа сторожевого корабля «Волга» Камчатского пограничного округа.

Шесть дней длился визит советских моряков-пограничников в Сан-Франциско. Сотни интересных встреч, бесед, десятки протокольных и импровизированных мероприятий. Но хочу рассказать о самом памятном и незабываемом — посещении национального заповедника «Форт-Росс».

Русская Америка

Сразу же по приходе в Сан-Франциско мы поинтересовались у офицера связи БОХР США: можно ли посетить «Форт-Росс»? Нам объяснили, что район, где находится заповедник, закрыт для посещения иностранцев. Даже представители советского генконсульства не бывали там. Но обещали посодействовать.

И вот разрешение американских властей на экскурсию получено. На специальном автобусе члены экипажа «Волги» и мы, журналисты, выехали в форт.

...Справа и слева за окнами автобуса мелькают животноводческие фермы и ранчо. Все аккуратно убранные, выделяющиеся зелеными оазисами на выгоревшей от солнца калифорнийской земле.

Разговор в автобусе переключается на темы сельского хозяйства: Мы недоумеваем — как можно выращивать скот, если степь выгорела и никаких запасов кормов вблизи не видно?!

— Корма фермеры заготовили заранее, когда трава была зеле-

ной,— разъясняют гиды.— Есть и специальные фирмы, которые доставляют корма по заявкам фермеров.

Есть фермы небольшие — на 10—15 голов скота, но встречаются и на полторы-две тысячи. Вся земля, даже в высокогорье, разделена невысокими заборами из колючей проволоки — частные владения американцев.

А мне вспомнилось письмо бывшего директора Русско-Американской компании графа Николая Петровича Резанова, написанное после посещения в 1806 году испанского форта Сан-Франциско в Петербург:

«...Если б равее мыслило правительство о сей части света, ежели б уважало его как должно, ежели б беспрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого при малых тогдашних способах Берингову экспедицию для чего-нибудь начертавшего, то утвердительно сказать можно, что Новая Калифорния никогда бы не была Гишпанскою принадлежностью, одних миссионеров сей лутчей кряж земли навсегда себе упрочили. Теперь остается еще не занятой интервал, столько же выгодной и весьма нужно нам, и так ежели и его пропустим, то что скажет потомство?..»

И думалось — прислушайся тогда к словам Резанова русское правительство, кто знает, возможно, ехали бы мы по калифорнийской земле не гостями, а гидами... Но, увы, правительство России было занято в те времена другими заботами — на политическом небосклоне поднималась звезда Наполеона.

Первые русские поселенцы, переселившиеся в 1812 году из Аляски по указанию Резанова, выбрали для жительства исключительно красивую, в 18 милях к северу от Сан-Франциско, местность: невдалеке уютная бухта, с высоких гор по распадку спускается хвойный лес, через большое плато в многоцветье трав тянется степь. Нам рассказывали, что русские поселенцы в те времена владели 48 тысячами гектаров земли. Сеяли рожь, занимались животноводством, промышляли морского зверя.

У входа в форт встречает комендант в форме рейнджера, со звездой шерифа на груди и с неизменным кольтом на широком поясе. Проводит в залы культурного центра, где расположен небольшой музей «Русская Америка», зрительный зал, сувенирные киоски, бытовые помещения для туристов.

Пока идет подготовка к показу заповедника (а она заключалась в переодевании самого коменданта и двух его помощников — таков штат администрации заповедника — в форму русских: офицера и солдат 40-х годов XIX века), мы знакомимся с экспозицией музея.

Не завоевателями пришли русские на калифорнийскую землю, а просветителями и землепашцами. Американцы рассказали нам сохранившееся сказание о жене основателя форта И. Кускова — Екатерине, которая быстро изучила язык местного индейского племени, основала в русском поселении школу не только для детей поселенцев, но и для малышей аборигенов.

Благодаря миролюбию россиян взаимоотношения с местными жителями были на всем протяжении существования форта самыми добрыми. До сих пор рядом с заповедником проживают потомки племен тех индейцев. Их женщины завязывают платки на голове по русскому обычаю, да и детей называют русскими именами. Сказывают, есть среди них и русые индейцы — результат смешанных браков далеких наших предков.

Последним правителем форта Росса был Александр Ротчев. Наши американские коллеги рассказали легенду о его жене, красавице Еле-

не, занимавшейся исследованиями жизни и быта индейских племен, флоры и фауны Калифорнии. Летом 1841 года по ее инициативе была организована экспедиция в глубь материка. В ее состав, кроме Александра Ротчева, входили русские ученые-исследователи Вознесенский и Черных, несколько алеутов. Экспедиция совершила подъем на гору Майякмас, что недалеко от теперешнего городка Петалума. Ее вершину жена Ротчева «окрестила», дав ей новое название — гора Святой Елены. Так до сих пор она и носит это название, а река, что протекает рядом с заповедником, именуется Русской.

Наиболее яркой фигурой среди русских миссионеров в Русской Америке был священник Иннокентий Вениаминов. С 1824 года по 1834 год он нес слово Божие жителям Уналашки. В сане протоиерея был затем направлен на Ситку, где обосновал собор святого Михаила в г. Ново-Архангельске. В 1840 году состоялась хиротония его в епископы под именем Иннокентия Камчатского, Курильского и Алеутского. Закончил свою жизнь прославленным митрополитом Московским и Коломенским, избранным на этот пост в 1868 году.

Говорят, что преподобный Иннокентий побывал и в форте Росса. Ученые подтверждают, что епископ оставил бесценный материал по истории, этнографии, минералогии, флоре и фауне Русской Америки. Стал он и первым составителем грамматики алеутского языка, перевел на него Священное Писание и много другой религиозной литературы. Православной церковью Иннокентий Вениаминов канонизирован в святые.

После осмотра музея идем по тропинке, через лесок, к самому форту, находящемуся в 300 метрах на пригорке. Справа от тропинки протекает ручеек, тянутся огороды со знакомыми каждому из нас пугалами от птиц. Пьянит до боли привычный каждому русскому запах полыни, ромашки и мяты...

Есть здесь и своя церквушка, больше напоминающая крепость. В 1970 году ее старая постройка сгорела, но энтузиасты русской старины по сохранившимся чертежам полностью ее отреставрировали. Рядом с церквушкой, как экспонат, выставлен церковный колокол с надписью: «Русская Московская патриархия...»

Входим в сторожевые башни. В их бойницах застыли пушки калибром помельче. Они-то и контролировали подступы к форту. Историки утверждают, что русская артиллерия за все годы жизни поселенцев в Калифорнии ни разу не использовалась. Россияне с индейцами не просто ладили — дружили. Об этом свидетельствуют редкие фотографии, выставленные в экспозиции музея.

В ходе экскурсии мы узнали, что в 1841 году форт Росс, как «убыточный», был продан за мизерную плату Русско-Американской компанией швейцарскому капитану Скутерру.

Казалось, что этой продажей была поставлена точка в истории этой русской колонии в Америке. Однако благодаря энергии и неутомимой деятельности русских эмигрантов, коих в Калифорнии десятки тысяч, форт ожил опять, но теперь как памятник-заповедник. В послевоенный период он был частично восстановлен в том виде, каким выглядел почти 150 лет назад. Немало сил для этого приложили истинные патриоты России — члены Русско-Американского исторического общества Сан-Франциско, и прежде всего М. Седых и В. Петров.

Летом 1990 года Виктор Петров посетил СССР и побывал на родине

Резанова в деревне Тотьме Вологодской области. Историк и писатель продолжает исследование Русской Америки.

Конец русскому периоду владения Аляской и Алеутскими островами пришел, как известно, в 1867 году. Решением царя Александра II Русская Америка была продана Соединенным Штатам за 7 миллионов 200 тысяч долларов.

...Прощались мы с фортом и его гостеприимными хозяевами тепло. В честь русских пограничников, впервые за всю историю форта посетивших бывшее русское поселение, и в память мужества наших предков был дан салют из крепостной пушки. Обязанности канонира выполнял командир морской пограничной части капитан 1-го ранга Олег Свистунов. В минуте молчания у могилы наших предков склонили мы головы.

В тот же день на борт ПСКР «Волга» вместе со своими прихожанами поднялся настоятель церкви святого Николая Московской патриархии отец Владимир (в миру — О. Верига). Моряки-пограничники тепло встретили бывших соотечественников — показали корабль, а затем два часа в офицерской кают-компании шел разговор о Родине.

— Целью своей деятельности здесь, в Сан-Франциско,— сказал тогда отец Владимир,— считаю возрождение русского патриотизма у наших соотечественников за рубежом. Судьба поступила с ними жестоко — лишила Родины. И церковь святого Николая стала для многих из них не только местом свершения религиозного культа, но и центром общения, частицей русской культуры, обычаев и традиций.

Среди прихожан встречаем немало патриотов России, переживающих за наши беды. Тревога за судьбу Родины — то общее, что объединяло нас в те майские дни.

В дни визита русский писатель В. Томич подарил членам экипажа корабля свою книгу «Русский императорский флот», семья Соколовых — репродукции картин своего отца, известного художника Анатолия Соколова, выставки которого, кстати, успешно прошли в прошлом году в Москве и Ленинграде.

10 мая на корабль пришли проводить нас в неблизкий путь все наши новые друзья — и американцы, и наши соотечественники. Прибыл и отец Владимир. И, наверное, впервые в истории пограничных войск на корабле состоялось богослужение — благословение на удачное океанское плавание.

Под звуки полюбившегося американцам марша «Прощание славянки» отдаются швартовы. Спасибо за гостеприимство, Русская Америка!

Капитан 2-го ранга
В. ШАРАНДАК

Н а с н и м к а х: комендант форта со своим помощником в форме русского солдата и офицера; советские пограничники осматривают бортовой катер американского сторожевика; река Русская; могила русских поселенцев форта; военно-морской флаг — в дар музею.

Фото Г. БИБИКА

Н а п е р в о й о б л о ж к е «Т о в а р и щ а»: пикет у памятника Я. Свердлову в Москве.

Фото Е. ЛУГОВОГО

Алексей ВИНОГРАДОВ

«ЧЕРНАЯ РУКА» МАСОНОВ

«П р е д с е д а т е л ь: Масонство ратует за покушения на властителей престола? По крайней мере, что-нибудь вы об этом знаете?

Ч а б р и н о в и ч: Оно за это ратует. Циганович сам мне говорил, что эрцгерцог Фердинанд был приговорен к смерти масонами».

(Из стенограммы судебного процесса над убийцами Франца-Фердинанда. Октябрь 1914 года. Сараево)

О причинах и предыстории возникновения первой мировой войны — события, во многом предопределившего ход человеческой истории в XX столетии, написано за прошедшие годы немало. Но создается такое впечатление, что за всеми экономическими, социальными, военными, дипломатическими и прочими хитросплетениями кто-то пытается надежно упрятать коварные тайные пружины, в действительности раскручивавшие сложный механизм этой грандиозной бойни. Настырным исследователям, в разное время пытавшимся приподнять железный занавес над истиной, приоткры-

валась столь жуткая картина глобального заговора, в клубке которого свились и революционеры разных стран, и секретные фонды германского генштаба, и сионистский конгресс 1903 года, и толстые щупальца международных банковских воротил, что приходилось в ужасе этот занавес опускать... А тайна войны так и оставалась неведомой человечеству, скрытой стеной молчания и завесой лжи.

28 июня 1914 года, в Видов день — день славянской скорби по трагедии на Косовом поле — размеренную тишину узких улочек боснийской столицы Сараева раскололи выстрелы из браунинга, начавшие еще более страшную трагедию мировой войны. Убийцы австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда и часть их сообщников были схвачены и в октябре того же года, когда пламя сражений уже озарило всю Европу, предстали перед судом в том же Сараеве. Непосредственные организаторы покушения были уже к тому времени известны, но им удалось ускользнуть от австрийского правосудия.

Возникшая в период патриотического подъема 1908 года южнославянская культурно-просветительская организация «Народна Одбрана» на самом деле служила ширмой для тайного союза «Объединение или смерть» (или «Черная рука»), поставившего целью создание независимого южнославянского государства. Этому мешала Австро-Венгрия, подчинившая себе большую часть южных славян и покушавшаяся на независимость Сербии. Объяснить этим выстрелы в Сараеве было бы проще всего. Однако причины, заставившие одного из вождей «Черной руки» майора Танкосича и его соратника Цигановича вложить злосчастный браунинг в руку сербского студента Гаврилы Принципа, были иные...

Утром 17 октября адвокат Премузич задал неожиданный вопрос первому из покушавшихся — Неделько Чабриновичу: «Войя Танкосич был масоном?»

(Цитирую дальше по стенограмме *.)

«Чабринович: Почему вы задаете мне вопросы о масонах? Да, он им был.

Председатель суда: Откуда вы это знаете?

Чабринович: Я это знаю достоверно потому, как «Цига» (Циганович.— **А. В.**) рассказал. Он тоже был масоном...»

Этот неожиданный поворот придал процессу совсем иное направление. Стало выясняться, что за кулисами убийства стоит не узкая группа сербских националистов, а международная масонская ложа «Великий Восток Франции» с центром на улице Каде, 16 в Париже.

«Председатель: Закончим с вопросом, который был задан утром со стороны защиты. Знали ли вы до покушения, что Танкосич и Циганович были масонами? Знали ли вы об этом перед принятием вашего решения?

Чабринович: Я узнал об этом после.

Председатель: Факт того, что они были масонами, и возможность того, что вы сами масон, сыграли роль в вашем решении убить наследника?

Чабринович: Да, это имело свое влияние... В том смысле, что мы сторонники масонских идей.

Председатель: Масонство ратует за покушения на властителей престола? По крайней мере, что-нибудь вы об этом знаете?

Чабринович: Оно за это ратует. Циганович сам мне говорил, что эрцгерцог Фердинанд был приговорен к смерти масонами. Он мне об этом сказал после того, как я принял решение.

* **Mousset** A. J'attentat de Sarajevo. Paris, 1930.

Председатель: Ты тут немного не фантазируешь? Где он был приговорен?

Чабринович: Я представлю доказательства...»

«Черная рука» сама, в сущности, оказалась лишь прикрытием масонов. Два 19-летних сербских патриота — Чабринович и Принцип — оказались лишь пешками, которые эта рука безжалостно двигала по полю большой политики. Первоначально оба юнца — члены сербского студенческого кружка Д. Илича — и не думали об убийстве эрцгерцога. Их террористические помыслы не шли дальше боснийского губернатора Потиорека, которого они и собирались убить летом 1914 года. Однако масоны в руководстве «Черной руки», выполнявшие, в свою очередь, указания «Великого Востока» и подыскивавшие людей для ликвидации Франца-Фердинанда, внушили членам подчиненного «Руке» кружка совсем иное направление мысли. Принцип и Чабринович узнали о том, чью волю фактически исполняют, случайно, но, ослепленные фанатизмом, игнорировали это известие...

«Председатель: Знаете ли вы Танкосича и Цигановича?

Принцип: Да, я их знаю.

Председатель: Знаете ли вы, что они оба являются масонами?

Принцип: Циганович сказал мне однажды в кафе «Моруна», когда он говорил о покушении, что масоны в том-то или предшествующем году приговорили Франца-Фердинанда к смерти.

Председатель: Но это произошло после того, как вы приняли решение осуществить покушение?

Принцип: Да.

Председатель: Это обстоятельство не повлияло на ваше решение?

Принцип: Нет. Циганович сам говорил, что он масон, и я удивился, что Чабринович об этом ничего не знает. Я не придавал этому значения. Он добавил вскользь, что разговаривал с человеком, который нам может предоставить средства...

Председатель: А вы сами масон или нет?
Принцип: Я не масон.
Председатель: Знаете ли вы, что Чабринович масон?
Принцип: Он сказал, что принадлежит к одной ложе, но я не знаю, что он там делал.
Председатель: Как называлась эта ложа?
Принцип: Я не знаю.
Председатель: Это обстоятельство, связанное с масонами, не повлияло на ваше решение?
Принцип: Что касается лично меня, Циганович не согласился с первого раза дать оружие и только со второго раза уступил. Он сказал, что говорил еще обо всем в деталях с кое-кем...»

Оружие террористам (и цианистый калий, так как им предполагалась роль смертников — она, правда, не удалась) достали по масонским каналам Танкосич и Циганович. Террористам было велено ждать, пока не вернется с инструкциями глава заговора Р. Казимирович, отправившийся за указаниями в масонские ложи Европы. Указания были даны, детали согласованы, и Циганович вернулся в Сербию.

«Чабринович: Мы нуждались в оружии, и у нас не было средств. Тогда Циганович поговорил с Танкосичем, и Танкосич посовещался с другим, который затем уехал в путешествие. Через несколько дней после возвращения Циганович пришел и сказал, что мы получили все необходимое.

Адвокат Перузич: Следует ли из этого, что он отбыл за границу именно для целей покушения?

Принцип: Когда Циганович намекнул на масонов, он мне сказал, что говорил о Войе Танкосиче и об этом человеке. Но я старался его от них отклонить, чтобы дело не предавалось огласке, на что он мне заявил, что этот человек надежен. Я возразил, что не приму участия в покушении, если другие будут знать об этом; он повторил, что этот человек надежный, что он его хороший друг и его зовут Казимирович...

Чабринович: Когда я говорил о Цигановиче, в разговоре, что надо было исполнить покушение и что я нуждался в средствах, он мне ответил, что некоторые люди их дадут и что он с ними поговорит. Позже он мне дал понять, что он говорил с Танкосичем и с другим, который также был масоном и был, так сказать, одним из их вождей. Непосредственно после переговоров этот последний уехал за границу и пропутешествовал по всему континенту. Он был в Будапеште, во Франции и в России. Каждый раз, когда я спрашивал, где будет осуществлено дело, тот отвечал: «Когда этот другой вернется».. Циганович рассказал в тот момент, что вот уже два года, масоны приговорили престолонаследника к смерти, но что у них нет людей. Когда он мне передал браунинг и боеприпасы, он сказал: «Этот человек вернулся вчера вечером из Будапешта». Я знал, что его путешествие было связано с делом и что он вел совещания с некоторыми кругами. ...Принцип был недоволен, что столько людей об этом знает, но Циганович уверил, что нельзя без этого обойтись.

Председатель: Это не сказки, что ты нам рассказываешь?

Чабринович: Это чистая правда, и это в сто раз более правдиво, чем все ваши документы о «Народна Одбрана».

Окончание в следующем номере

На снимках: скульптура Г. Паршина «Жертвоприношение»; суд над участниками убийства Франца-Фердинанда.

«ЗАН ДЕН» — КОРОЛИ СПЕКУЛЯЦИИ

Около тысячи вьетнамцев трудятся на предприятиях Липецка. Выгодно ли использовать иностранную рабочую силу?

«Льенсо» — в переводе на русский значит «советский». В значение этого слова вьетнамцы вкладывали еще и дополнительный смысл — благодарность и признательность нашему народу за помощь в годы войны. Липчане с не меньшим уважением относились к людям, сумевшим отстоять независимость собственной страны. Но за время проживания в Советском Союзе вьетнамских рабочих, с

которыми заключили договор липецкие предприятия, слово «льенсо» стало исчезать из лексикона, а с ним и прежние открытость и доверие во взаимоотношениях.

Где чаще всего можно встретить вьетнамцев в Липецке? В центральном универмаге, магазине «Энергия», на рынках и, наконец, почтамте или вокзале. В свободное время они делают деньги. Шьют брюки и юбки, продают привезенные с родины товары, покупают советские. Комнаты в общежитии они переоборудовали в складские помещения или швейные мастерские. В коридорах горой громоздятся мотоциклы, мопеды. Проходя по общежитию, испытываешь ощущение, будто оказался на вокзале и вот-вот объявят отправление поезда.

— Мы не раз задерживали спекулянтов из Вьетнама,— говорил работник ОБХСС Н. Богатиков.— Только в прошлом году Советским нарсудом Липецка расследовались шесть дел, связанных со спекуляцией вьетнамскими гражданами. Дела, правда, прекращались, но «бизнес» продолжался.

Ежегодно вьетнамцам разрешается высылать на родину разовую посылку весом полтонны, каждый месяц льготную — по десять килограммов. Вьетнамцы успешно освоили внутренний рынок. Имея дефицитные компакт-кассеты, косметику, им не составляет труда приобрести товары, не имеющиеся в свободной продаже. Они переплачивают, отправляются за сотни километров в поисках товаров. Пересылают вьетнамцы товары из Липецка в другие регионы страны. Некоторые вьетнамцы скопили уже целые состояния. У одного, по рассказам граждан СРВ и работников милиции, уже более 60 тысяч рублей. Нет сомнений и в предприимчивости других. И вот почему. На родине вьетнамским рабочим зарплаты хватало в лучшем случае лишь на полмесяца. Поэтому они были вынуждены подрабатывать — выращивали рис, делали бижутерию, дома собирали блоки телевизоров. По традиции граждане Вьетнама продолжали жить и в Советском Союзе. Но, не имея возможности выращивать рис у порога общежития или собирать блоки трактора в коридоре, парни сосредоточили внимание на простом способе зарабатывания денег — торговле. А проще говоря, приобщились к спекуляции. Электроприборы, холодильники, мотоциклы, перевезенные через границу, обретают двойную цену. Дома, продав добытый в СССР товар, вьетнамцы вкладывают сбережения в строительство жилья, развитие мелкого производства, покупку мебели.

Фон Хи Хиен, вернувшись из Вьетнама, сказал, что в магазинах в широком выборе промышленные товары, продовольствие. В словах звучала гордость за страну, поднимающуюся из руин и выходящую на мировой рынок. Похоже, есть в этом заслуга и тех, кто работает в нашей стране. Экспорт дешевой рабочей силы не только решил проблему безработицы в стране, но и послужил подспорьем республике.

По межправительственному договору, заключенному несколько лет назад, вьетнамцы направлялись в СССР для приобретения специальности. Советский Союз согласился подготавливать специалистов для народного хозяйства. Но пригодятся ли полученные специальности во Вьетнаме? Скажем, что будут делать вьетнамские крестьяне на рисовых чеках после того, как они обучатся специальности на Липецком тракторном заводе? Вьетнамцы, или как они себя называют «зан ден» — чернорабочие, преследуют единственную цель — скопить капитал и выполнить программу по посылкам. Именно ради этого они согласились на шестилетнюю разлуку с родиной, оставили семьи, женщины обещали не рожать детей — запрещалось по контракту. И даже эти принесенные жертвы не так страшны, как другие. Смена климата сказалась на здоровье. Туберкулезом заболели пять вьетнамцев. Один умер. Сразу после его смерти начальник бюро по работе с гражданами СРВ предприятия Лариса Викторовна Толстых настоятельно просила всех пройти медосмотр, опасалась, что вдруг кто-то скрывает свое заболевание.

Местные жители всю вину за опустошение прилавков магазинов свалили на «зан ден». Но это далеко не так! Вина в этом тех руководителей, в частности, Липецкого производственного швейного объединения и производственного объединения «Липецкий тракторный завод», которые пригласили вьетнамцев. Ни горисполком, ни тем более сами жители Липецка не приглашали их. А почему в таком случае липчане должны расплачиваться?

Я попытался было выяснить, выгодны ли вьетнамские рабочие, но не удалось. Такими подсчетами никто не занимается. Правда, меня старались убедить, что, несмотря на все расходы, связанные с переездом, обучением, жильем, вьетнамцы выгодны. В среднем, как сказали мне, все затраты окупаются через полтора-два года. Выплачивают вьетнамцам не все заработанные деньги, часть из них перечисляется на строительство жилья, реконструкцию предприятия, соцстрах и так далее. Но «зан ден» не интересуют будущие новостройки. Временные они люди на предприятиях. Не это ли толкает их к спекуляции, к перепродаже товаров? Не бизнес ли, в свою очередь, отвел производственные дела на задний план, а на первое место выдвинул торговлю? Прогуливают вьетнамцы, трудятся без особого желания. Шестеро, например, находятся в бегах. Объявлен всесоюзный розыск. С одним, успевшим поколесить по стране от Урала до Черноморского побережья, удалось встретиться. Парень вернулся в Липецк вовсе не с повинной, а для того, чтобы отправить посылку.

Что и говорить, в плачевном состоянии сегодня производство многих липецких предприятий. Не исключение — швейное объединение и тракторный завод. Скажем, на заводе до сих пор можно встретить немецкие станки довоенного выпуска. Много ручного, неквалифицированного труда. Все это требует дополнительной рабочей силы. Сегодня нехватка рабочих рук, помимо швейного объединения и тракторного завода, на Новолипецком металлургическом комбинате, на заводе «Свободный сокол», на станкостроительном. На этом фоне приглашение иностранных рабочих несколько снимает напряженность. Но в таком случае предприятия, заключающие контракты с иностранцами, должны создать все необходимые условия как для их работы, так и для отдыха. И уж, конечно, позаботиться, чтобы не было конфликтов и социальной напряженности. Тогда не придется приставлять к общежитиям, где живут иностранные рабочие, милиционеров, как это намереваются сделать в Липецке.

Ю. КРАСНИКОВ,
Липецк

Коллаж И. АНДРЕЕВОЙ

В ИЗРАИЛЕ НЕ С КЕМ ВЫПИТЬ?

В газете «Вестник еврейской советской культуры» (1990, № 16) представлена карикатура со следующей подписью:
— Почему ты вернулся назад из Израиля?
— Так там же выпить не с кем — кругом одни евреи...

В силу своих научных интересов я внимательно слежу за процессом возрождения сионизма в нашей стране, в котором «Вестник еврейской советской культуры» и лично его редактор Т. Гоменпольский принимают живейшее участие. Ведется массированная психологическая обработка населения в духе лояльности к сионизму, ставится под сомнение известная резолюция ООН, признавшая сионизм формой расизма и расовой дискриминации. Так, в частности, газета охотно перепечатала выдержки из статьи Н. В. Юхневой, которая утверждает: «Мои оппоненты ссылаются на резолюцию ООН от 11 ноября 1975 года, в которой сионизм приравнивается к расизму. Что ж, эта резолюция не является истиной в последней инстанции. Ведь, даже осуждая агрессивные или террористические акции Израиля, нельзя связывать их с сионизмом в целом» (ВЕСК, 1990, № 11). В № 7 адвокатом сионизма выступает сам Т. Голенпольский. «Сионизм,— поучает он,— это **система взглядов** (выделено автором.— **В. Б.**), суть которой — объединение евреев диаспоры на родине их предков». Итак, сионизм, как утверждают его защитники, бывает разный, к тому же он безобиден, ибо сводится в основном к вопросам выезда евреев в Израиль. Вроде бы нет повода для беспокойства. Но так ли это?

Публикации в нашей прессе, в частности такие, казалось бы, незначительные, как упомянутая выше карикатура, убеждают в обратном. С легализацией сионизма идет возрождение сионистской идеологии в ее классическом виде, которая сводилась отнюдь не только и не столько к переселению евреев в Израиль. Никто из нынешних защитников сионизма не в силах будет опровергнуть, что ведущие идеологи сионизма, например Ахад Гаам, Макс Нордау (именно он сочинил первую программу Всемирной сионистской организации), исходили из признания «особой еврейской нации», превосходящей все остальное человечество по своим расовым качествам. И речь идет не о случайных оговорках. Ахад Гаам провозгласил евреев «сверхнародом» (Achad Haam. Am Scheidewege. Berlin, 1913, Bd. S. 262). Макс Нордау подчеркивал, что еврей обладает «большей предприимчивостью и большими способностями, чем средний европеец, не говоря уж о всех этих инертных азиатах и африканцах» (Nordau M. Zionishsche Schirflen. Berlin, 1923, S. 53). Он, кстати, задолго до Гитлера предрекал скорую гибель низших рас (см.: Собрание сочинений Макса Нордау в двенадцати томах. Киев, 1902, т. 1, с. 214).

Но исключительно любопытен следующий пассаж Макса Нордау, имеющий прямое отношение к рисунку в «Вестнике еврейской советской культуры». Идеолог сионизма рассуждал: «Другим народам, вырождающимся физически, необходимо внушить, чтобы они отучались от убийственных пороков, чтобы они не пили через меру, не предавались излишествам, не развратничали, не играли азартно, не мотали, не жили в неопрятности, не боялись воздуха и воды. Нам от таких пороков, разрушающих здоровье и жизнь, отучаться не приходится, так как их у нас нет».

Итак, через много лет после смерти лидера Всемирной сионистской организации нам, во-первых, опять пытаются навязать пресловутую идею о превосходстве евреев, хотя бы потому, что они — за исключением выродка, вернувшегося из Израиля,— трезвенники. Во-вторых, иронизируют над нашей общей бедой — пьянством, что по меньшей мере некорректно делать в контексте отношений евреев и неевреев. Не вызывает ли это искусственно враждебность к евреям?

Что же касается мифа о еврейской исключительной трезвости, то, как и многие другие мифы, он опровергнут ныне израильской действительностью. Есть, ох, есть в Израиле люди, с которыми можно сегодня выпить.

Чтобы не быть голословным, приведу следующий сюжет из буквально первой взятой с полки израильской книжки «Призмы»— творчество писателя Ашера Лода. Так, он описывает, например, в ней телевизионное знакомство с одним из современных героев Израиля — основателем товарищества художников в Эйн-Ходе Ицхаком Мамбушем. Послушаем Ашера Лода: «...писатель Йорам Канюк привел разные примеры магнетической власти Мамбуша над людьми. В том числе и над гарсонами парижских кафе, где Мамбушу отпускали коньяк в долгосрочный кредит — вещь просто уму непостижимая для прочей израильской богемы, мытарствовавшей тогда во Франции.

— Все официанты Монпарнаса сволочные антисемиты,— откомментировал Мамбуш, наливая себе стакан хорошего виски из бутылки, предусмотрительно приготовленной телевидением...

В Париже Канюк остро завидовал успехам невзрачного Мамбуша у лиц женского пола. По его словам, Иче производил неизгладимое впечатление не только на старых дев и консьержек, но и на девиц, куда более сведущих в любви.

— При всей моей большой скромности я вынужден признать, что во мне что-то есть,— согласился Мамбуш и опрокинул второй стакан» (Лод А. Призмы. Библиотека — Алия. 1989, с. 47—48).

Такова реальность. Но книгу Лода, как и другие издания, не имеет возможности прочесть широкая публика. «Вестник еврейской советской культуры», напротив, доступен. А значит, пропагандируемые им сионистские идеи получат распространение. На это, очевидно, и рассчитывают издатели газеты.

В. БАБИНЦЕВ,
кандидат философских наук,
Белгородская область

ЗАЧЕМ МОГИКАНИНУ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ?

Окончив в 1987 году Академию художеств, Анатолий Набатов ныне имеет известность, далеко выходящую за границы родного города. Художник работает в классических русских живописных традициях, его конек — портрет. Слово «реализм», изрядно попорченное приставкой «соц», сегодня обретает нового заступника и продолжателя в лице этого живописца, который в море бесчисленных «передовых» течений и направлений утверждает знакомый всем нам с детства лик окружающего нас мира, лик родной земли, освященный кистью Нестерова, Репина, Сурикова...

Годы смутного лихолетья торопят творца — надо успеть, надо очень многое сказать людям — теперь, сейчас; завтра будет поздно. На фоне грозовых туч безвременья всегда ярко светили русские таланты, с отчаянной решимостью разрывающие оковы косности и невежества. В гибельной тьме лишь одно хранит их — путеводная звезда России,— хранит и зовет.

Стоит на берегу Онеги деревня Набатово, где многие сотни лет живут Набатовы, живут до сих пор, несмотря на все старания лжечеловеков, придумавших слово «неперспективная деревня».

Картины родных мест — картины сердца. На выставках зритель обращает внимание на эти неяркие небольшие полотна, объединенные общим названием «Спустя семьдесят лет»: сеновал с рухнувшей крышей, покинутая церковка на речном откосе, туман над лугом, заросшие буйной травой амбары, брошенная крестьянская утварь — знакомые и печальные сюжеты. Мотивы воспоминаний детства художника звучат в картине «Солнечный дождь». Старый сарай, где на груде пахучего сена сидят мать и сын, залит солнечным светом. Накопленное солнечное тепло — в душистой луговой траве, в темных досках сеновала — передается людям, сохраняя, согревая их, даря надежду, радость...

Азы живописи маслом будущий живописец изучал у А. П. Кузнецова, заслуженного художника РСФСР,— в средней художественной школе при Академии художеств СССР. Войдя в число лучших, Анатолий Набатов получал реальный шанс продолжить образование в самой Академии — старейшем и престижном учебном заведении российских художников. Но будущий художник вдруг слышит слова, подлинный смысл которых он понял значительно позднее: «Ты не из той семьи, чтобы учиться в Академии». Но, несмотря на та-

«И свили гнездо»

кое «напутствие», Академию Анатолий Набатов все-таки заканчивает, на последних курсах серьезно занявшись портретным жанром. В это время он пишет портреты Виктора Астафьева и Василия Белова и... получает распределение в далекий город Кяхту, в музыкальное училище. И это после живописного факультета (!).

Картины А. Набатова из цикла «Россия» — это картины-символы. Художник использует богатейшую смысловую палитру, заключая в вереницы знакомых и незнакомых зрителю образов глубинное содержание, многопланово отражающее личностное восприятие живописцем исторических событий.

Для Анатолия Набатова характерно олицетворение, ставшее традиционным в русской поэзии, народном творчестве — силы Света, Добра, образ России предстают перед зрителем в образе Матери, девушки; черные же силы — это змея либо воронье. Недаром в картине «И свили гнездо» изображены гигантские черные птицы, заполонившие некогда прекрасный город. Видны безобразные гнезда этих тварей с не менее безобразными птенцами и осклизлыми яйцами, свитые на мертвых и пустых площадях. Не так ли в душе человека вьют свои гнезда Ложь, Предательство, Алчность и Ненависть?

Выставка работ художника в Латвии (Юрмале и Риге) наглядно продемонстрировала острый интерес зрителей именно к циклу «Россия». В раздираемой противоречиями республике, на фоне национального возрождения и культур прибалтийских народов мощно и убедительно зазвучала тема, требующая возврата к исторической правде, к восстановлению исторической справедливости. Помочь людям обрести себя, понять и осознать себя частью народа с тысячелетними культурными традициями — значит вернуть им защиту и благодать Отечества. Не в этом ли и состоит высшее предназначение художника — отстаивать право своего народа на самобытность, на собственную культуру, без которой народ беззащитен под жерновами космополитических «общечеловеческих ценностей».

«Зачем могиканину общечеловеческие ценности,— говорит Анатолий Набатов,— если его народа больше не существует, если он — последний представитель своего рода — вынужден питаться отбросами в буквальном и переносном смысле от пиршества других народов, других культур?» И не стоит ли подобный вопрос перед русским крестьянином (картина «Хозяин»), да и сколько их осталось на Руси — не «механизаторов», а хозяев, имя которым всегда было — соль земли?

Картина «Пора, сыне» — один из главных смысловых центров выставок художника. Овеянная ветрами еще языческой Руси, поднимается на недосягаемую огню и удушью высоту фигура прекрасной славянской девушки-воительницы. Руки ее протягивают меч, словно призывая остановить разгул обнаглевшей бесовщины на святой русской земле. Меч этот — луч Света, спасительное и великое слово Правды о бедах и надеждах родной земли.

В. БЕЛЬКОВ

«Хозяин»

«Пора, сыне». Картина Анатолия Набатова. Материал о его творчестве читайте на стр. 157.

Фото Б. ЧЕРЕМИСИНА

ТОВАРИЩ

Дмитрий МИЩЕНКО

ЛИХОЛЕТЬЕ ОЙКУМЕНЫ

Исторический роман

Продолжение. Начало на стр. 38

между Широкой и Белой рекой. Ни те, ни другие не опускали мечей, ни те, ни другие не жалели стрел. Налетали сотня на сотню и один на одного, меч ударял о меч и падали то там, то тут убитые или раненые коням под ноги.

— Смерть предателям и конокрадам! — выкрикивал кто-нибудь из тысяч Завергана и, собрав возле себя остатки разбитых сотен, вел их туда, где было особенно туго его сородичам-кутригурам.

— Смерть татям и убийцам! — подхватывал клич другой воин, и там тоже усиливалось бряцание мечей, теснее становились кутригурские ряды и вламывались клином в утигурские сотни, заставляли их отступать или расступаться.

Но все больше становилось трупов вокруг, все труднее было коням подчиняться воле живых и не наступать на убитых. И вылетали со всего маху вперед, поднимались на дыбы и гарцевали, понуждаемые удилами и шпорами, храпели, разбрасывая во все стороны пену, и ржанье их было таким надрывным и диким, что у того, кто заносил меч, невольно вздрагивала рука, и этого было достаточно, чтобы недруг выиграл желанный миг.

Сандил не стал, подобно Завергану, во главе тысяч, не полез в сечу. Восседая в седле, он со стороны следил за побоищем. Верил, что перевес, рано или поздно, будет на его стороне. Те тысячи, которые должны были в решающий момент подойти к Завергану на помощь, не подойдут — им преградили путь, и надежно, а под рукой Сандила чуть ли не вдвое больше воинов, чем у Завергана. Одно беспокоило, даже не так беспокоило, как просто брало верх нетерпение: сеча продолжается с ут-

ра, а конца ей нет и нет. Почему так? И долго ли это будет продолжаться?

— Скачи на боролище, — повернулся к первому, кто оказался под рукой, — и узнай, долго ли они там намерены позволять, кутригурам топтать нашу землю? Не пора ли им убираться прочь?

Первый гонец возвратился со словами:

— Терпение, достойный. Еще немного — и побегут.

Второй был более сдержан:

— Лютую злобу имеют на нас кутригуры, потому и прут, как дикие, или стоят на смерть.

«А вы?!» — хотел было крикнуть Сандил, но его опередили.

— Хан Заверган сказал своим на поле боя: «Кутригур! Если ты не убил трех утигуров, считай, что ты не отомстил за кровь и слезы кровных». Они и стараются. Наших, хан, вдвое, если не втрое, больше полегло.

«Ах, так? — похолодел Сандил. — Ну, погодите же!..»

Он повернулся, чтобы дать новые распоряжения, и тут увидел, что с северной от побоища стороны выскочили всадники. Они остановились там, видимо, приглядываясь к свалке, которая катилась низом.

«Благой? — воспрянул духом Сандил. — О радость! Значит, успел управиться с кутригурами».

— Утигуры! — Хан посмотрел на стоявших рядом с ним. — Нам пришла подмога. Кметь Благой разгромил татей и теперь ждет нашего повеления. Скажите, пусть ведет свои тысячи вперед, на кутригуров. Добыча — ваша! И вся Кутригурия после победы — ваша!

Только теперь Сандил обнажил меч и пошел в передних рядах. Это ободрило утигуров.

— Хан с нами, — кричали они, — и Небо за нас! Слышали, Благой подоспел на подмогу. Смерть свинопасам! Кара и смерть!

Врезались в кровавую свалку, не сильно-то глядя по сторонам, пока кто-то из утигуров не разглядел-таки и не крикнул крайним, а те — в взвихренную круговерть боя:

— Обры!.. Это не Благой, это обры окружают нас! Разят всех подряд, утигуров и кутригуров!

Связанные до этой минуты смертельными узами боя, утигуры и кутригуры рассыпались, как вспугнутая волками отара. Гуртуясь отдельными кучками, они силятся сдержать обров, которые наседают со всех сторон как саранча, тьма тьмою.

— Круговая оборона! — зычно кричит кутригурский хан. — Отходи на заход солнца, оборону не терять!..

Воинам кутригурских родов, видно, не впервой попадаться в такой капкан. Они уверенно пробивали себе путь к Широкой реке, не забывали и о тех, что наседали на них со всех сторон. Словно сбитая воедино лавина, катились воины Завергана к реке, не позволяя аварам расчленить свои ряды.

Куда пропали утигуры, никто не заметил. Только когда обры во второй раз отрезали им путь к отступлению, когда бессмысленное кровопролитие стало очевидным, кутригуры остановились и увидели: утигуры удостоены той же чести.

— Мы шли не к обрам! — сказал Заверган. — Чего им надо от нас?

— Если ты и есть хан кутригуров, — ответили ему, — иди к нашему предводителю, он скажет, чего надо.

— Хан не пойдет, — поспешили возразить кмети Завергана. — На разговор, если он так нужен, могут пойти его доверенные.

Обрины, против ожидания, не злорадствовали над их словами.

— Жаль, если так, — сказали рассудительно. — Баян желает говорить только с ханом. Если боитесь или не верите, — прибавили, — пришлем заложников, тоже мужей главных.

Что толку было теперь сомневаться, досадовать, спорить и гневаться неизвестно на кого, — думай не думай, а ничего другого, кроме того, что предложили обры, не придумаешь. Обров тысячи, нечего и надеяться прорваться сквозь их ряды. А когда так, другого выхода нет: не кому-то другому, а Завергану, придется идти на зов хана Баяна.

Заверган отправился в сопровождении двух кметей и четырех отроков. Шли долго, едва ли не десять поприщ одолели, пока оказались перед шатром Баяна. Однако не это удивило и оскорбило их: возле ханского шатра уже стоял в ожидании приглашения хан Сандил.

— Старый шакал! — процедил сквозь зубы хан кутригуров. — Что ты наделал? Какую узду накинул своей татьбой на роды наши?

Сандил зыркнул исподлобья, собираясь ответить Завергану ядовито и зло, но не успел: из шатра вышел обрин и повелел им — и Сандилу, и Завергану — пред-

стать пред очи повелителя великого племени аваров, называемых в степях антского приморья обрами. Пришлось тому и другому перенести признание в любви между собой на более удобное время.

Хан был в шатре не один. По правую руку от него сидели три мужа, по левую — жены, тоже три, без сомнения — жены самого Баяна. Еще два мужа пристроились у ханских ног. Как оказалось, это были толмачи.

Годами Баян был ненамного старше Завергана. На вид, хотя он и выглядел слишком суровым, можно дать не больше тридцати. Во всей его фигуре угадывалась недюжинная сила. Старался показать, что недоволен, а на самом деле радовался. Вырядился в праздничное, в волосы заплел новые ленты. Еще бы ему не радоваться! Почти без боя, без потерь покорил две рати, поставил на колени предводителей обоих племен. И все с одного захода!

Что же он скажет им теперь?

— Хану племени утигуров, как и хану племени кутригуров, — услышали они наконец его голос, — не стоило бы так гневаться на меня и мои турмы.

Подождал, пока толмачи перевели его слова, и добавил:

— Турмы мои вмешались в сечу между вами потому, что видели: вы не разойдетесь, пока не вырежете друг друга до последнего, до ноги. А это не надо ни вам, ни женам, ни родам вашим, как не надо это и Небу, воля которого возлагается на всех нас.

Первым осмелился возразить Заверган.

— Мы не просили об этом ни хана, ни его турмы. У нас свой счет к утигурам, и ничто не заставит кутригурские роды забыть об этом.

— Знаю. И все же надо забыть.

— Утигуры нарушили законы предков. Они были нашими кровными, они, имея договор на мир и согласие, воспользовались отсутствием кутригурских воинов и пошли на нашу землю татьбой, пролили кровь наших родов, связали беззащитных и отвели их на сарацинские торги. За такое расплачиваются кровью и только кровью!

— На этот раз хан Сандил расплатится золотом — тем, что взял у ромеев за удар в спину своим сородичам, и тем, что выручил на торгах за распродажу тех же сородичей.

Сандил от неожиданности или с испугу вытаращил

глаза, хотел возразить что-то, но в этот момент Заверган взревел, как раненый бык, и с голыми руками бросился на хана утигуров.

— Проклятый шакал! Задушу, как змею!

— Стой! — Баян поднял руку, и этого было достаточно, чтобы на Завергана набросились сразу четверо обринов. С четырьмя же и Завергану, молодому и сильному, не под силу справиться. — Зарубите себе на носу: отныне вы — мои данники. За злодейства и провинности ваши караю лишь я, за то, что буду защищать вас от меча и поругания других, — будете платить дань вы. Если согласны — кладите к ногам смирение и будьте свободны, если нет... Если нет — идите к своим воинам и готовьте их к сече. Я и мои турмы будем брать это право мечом.

Оба хана стояли перед ним молча и понуро. О том, чтобы собрать сейчас свои жалкие остатки в войско, способное сражаться с обрами, нечего было и помышлять. В одиночку же ни утигурам, ни кутригурам обров не одолеть. Более благоразумным, как и подобает старшему, оказался Сандил. Шагнул, пересиливая немощь, вперед и ткнулся Баяну в ноги, бормоча что-то под нос. Заверган тупо смотрел на это и молчал.

— Я явлю смирение, — поднял он наконец на Баяна глаза, — когда буду знать, сколько золота возьму с хана.

— Треть от того, что взял он у ромеев — тридцать тысяч золотых солидов. Еще тридцать пойдет нашим родам, остальное — ему. Ну, а сколько хан Сандил выручил за распродажу своих родаков, он сам, думаю, скажет.

XVI

В конце того же лета, на собрании главных мужей всех трех племен хан Сандил передал Завергану все, что по решению Баяна должно было принадлежать кутригурам как возмещение за татьбу. А ранней весной обры перешли Широкую реку и затопили Кутригурскую землю как по одну, так и по другую сторону Онгула своими возами, табунами, стадами коров, отарами овец. Сначала хоть как-то утешенные собранной с утигуров данью, люди Завергана теперь оторопели от столь неожиданного явления обров и поспешили к хану: как понимать это нашествие, надолго ли оно?

Заверган и сам толком не знал, надолго ли, но все же пытался успокоить роды: пусть потеснятся на время. Обры идут за Дунай. Если поладят с антами и обеспечат надежные переправы, к зиме оставят их земли. Кроме того, кутригурам надо самим подумать, оставаться ли на этой земле. Давно ведь хотели осесть на Задунайских землях. Это едва ли не самый удобный случай. Вместе с обрами перейдут полноводную реку и сядут там. Другого такого случая может и не быть.

— Другого, может, и не будет, однако что даст нам такое переселение сейчас?

Кметь, который брал под сомнение намерение Завергана, не прятался за других, выступил вперед, ожидая, что скажет хан.

— Сами же, говорю, хотели этого!

— Хотели, когда были вольным, никому не подвластным племенем. А кем мы пойдем за Дунай вместе с обрами? Конюхами у них?

Заверган не сразу и нашелся, что сказать.

«И это правда, — думал про себя. — Но стоит ли оглашать ее при всех?»

— Я никого не неволю, — старался быть помягче с кметями. — Я же не говорю: пойдем — и все! Но если такое желание было, да и сейчас, знаю, есть, почему не подумать об этом?

Кмети заспорили. Одни звали в поход, а там, мол, посмотрят, кто у кого в конюхах будет, другие размахивали плетками и кричали: нет и нет! Это удобный случай оторваться от обров. Не воспользоваться им — глупо и только.

Заверган лишь усмехался, слушая это. «Пусть спорят, — не стал сдерживать их. — Пусть своим умом дойдут, как быть. То, что случится этой весной, может совсем иначе решить судьбу кутригуров».

И он не ошибся. Обры не остались между Широкой рекой и Онгулом, пошли дальше за Онгул и остановились лишь перед днестровским лиманом. Но они не забыли, что кутригуры и утигуры — их конюхи. Когда спала в степи жара, каган позвал на Куялик, где стоял его великолепный шатер, всех главных мужей и вместе с ними Сандила и Завергана.

— Император Юстиниан, — сказал не без удовольствия, — зовет вас, аваров, утигуров и кутригуров, сесть в его землях и стать второй Длинной стеной против славян — как антов, так и склавинов. Хочу услышать от вас, что думаете об этом, примете ли приглашение императора и согласятся ли на это роды кутригуров и утигуров?

Обры заметно оживились, видно было, они ждали этого приглашения, как и переселения в ромейские земли.

— Император лишь поселяет нас у себя, — спросили, — или будет платить нам за сторожевую службу на границах?

— Конечно, будет и платить.

— Сколько?

— Сказал, не обидит, — слукавил Баян, явно не желая называть при утигурах и кутригурах назначенную императором сумму.

Сандил, поняв это, решил слукавить:

— Хан утигуров сначала должен поговорить со своими родами. Как скажут рода, так и будет.

— Надо и мне посоветоваться, — сказал Заверган, но сразу же и добавил: — Хотя почти уверен: кутригуры согласятся на переселение. Они давно хотели этого.

Баян согласно кивнул головой.

— Земля там богатая. Я так думаю: именно там, за Дунаем, мы найдем наконец себе пристанище и сядем не на годы — на века.

Он расщедрился на слова, как никогда прежде. Говорил, где сядут, перейдя Дунай, какие выгоды будут иметь от земли, какие — от службы в богатой Византии, а Заверган, слушая, думал: «Знаем, как не скупится на обещания тот, кому край нужны чьи-то мечи. Посмотрим, что запоет ромейский император, когда придет время расплачиваться за пролитую на его границах кровь».

Себе он положил пока соглашаться с Баяном, делая вид, что покорен ему, а дойдет до переселения — может, и иначе придется поступить. Только обрам, что ли, позволено быть хитрыми змеями? Кутригуры, может, еще хитрее обров.

Мечтания Завергана были прерваны слишком уж самоуверенными, если не наглыми, словами Баяна:

— Отныне, — сказал он, — и, может, навеки самыми заклятыми врагами в сечах с нами будут славяне, и прежде всего анты. Только они могут помешать нам перейти за Дунай и уж, наверное, не захотят мириться с нами, если сядем за Дунаем. Но мы преградим им путь в благодатную Мезию и еще более благодатную Фракию.

Земли эти будут яблоком раздора между нами, таким, что о замирении не может быть и речи. Поэтому повелеваю: поход за Дунай начнем с внезапного удара по антам. Ты, Сумбат, — повернулся к одному из своих мужей, — пойдешь вместе с ханом утигуров на уличей, ты, Атель, собирай турмы из лучших, бери под свою руку кутригуров и веди эту силу на тиверцев. Где-где, а в Подунавье анты должны быть разбиты и откинуты от реки. Только это позволит нам спокойно переправиться на противоположную сторону, только это позволит нам быть сытыми там.

Все воодушевились, довольные, что теперь можно будет мечом и сулицей взять у антов все, что у них есть, а потом отгородиться от них широкой, как море, рекой, и там, за рекой, жить себе припеваючи. Лишь Завергана не радовало решение Баяна. Слушал, что тот говорит, и не верил тому, что слышал. Неужели это и вправду случится: он, который гостил недавно у князя Волота и был обласкан князем, награжден за обещание жить в мире и согласии правом пройти без всяких преград за Дунай, — неужели он поведет теперь свои тысячи на тиверцев и их князя? Это же последний, какой только может быть, позор, позор, который никогда и ничем нельзя смыть с себя — предательство!

XVII

Лодьи стояли у берега в таком беспорядке, как будто их выбросило на берег волной. Если бы не дым над хижиной, не расстеленные на песке снасти, можно было подумать, что на рыбачьей стоянке тиверцев нет ни души.

— Э-гей! — прокричал всадник. — Есть ли тут, кто живет с моря, никому не желает горя?

В ответ — ни звука.

— Заснули или мор вас побрал? — ругнулся подъехавший. Слез с коня и пошел к хижине. — Спрашиваю, есть ли кто? — заглянул он в проем двери и заметил, как кто-то шевельнулся на ложе. Тогда, по давнему рыбацкому обычаю, гость произнес: — Род славен трудом!

— И ратным подвигом, — отозвались наконец из хижины. — Ты, Вуй?

— Я. А где остальные, что никого не вижу?

— Море не щедрится на дары. Пошли за ними в степь.

— Нашли время. Знаешь хоть, где они?

— А как же.

— Так бери моего коня и скачи к ним. Скажи: Перун собирает тучи, обещает воробьиную ночь.

Те, кто ловил в низине гусей, тотчас, как услышали, что передал им Вуй, вернулись к своему пристанищу на побережье.

— Это точно? — спросили они. — Или и в этот раз лишь хвалятся?

— Куда уж точней. Аварский хан повелел одному из своих татей-предводителей идти с кутригурами на Тиверь, другому с утигурами — на уличей. Ударят от порогов, так задумал утигурский хан.

Рыбаки быстро снарядили одну из лодий, подняли парус.

— Дует острия, — сказали отправлявшимся к родным берегам. — Пока попутный ветер, постарайтесь уже сегодня быть в Белгороде.

— А как же.

Рыбаки сдержали слово. Сразу же после их появления в пристанище, из Белгорода понеслись вдоль лимана на север всадники — одни в Тиверскую, другие в Уличскую земли — с тревожной вестью: идут обры.

И побежала грозная весть от оседка к оседку, от веси к веси. Тиверцы были пока только напуганы обрами, а уличи уже натерпелись от них, особенно те, что сидели ближе к Днепру, по соседству с обрами. Шли в поле — приглядывались, нет ли где близко засады, ложились спать — прислушивались, не крадутся ли в темноте, и во сне с теми обрами не разлучались. Часто что-то стали наведываться. И весной, и среди лета. Теперь вот турмами идут. Боженьки, что же это творится такое, и в такую годину!.. Ведь поселянин только собрал урожай, перевез его в осины и начинал веректу. Что делать с ним и куда деть его, если придут обры? Община велит мужам садиться на коней и ехать на границы, старейшины велят женам и детям брать с собой все, что можно взять и уходить подальше, в самые глухие уголки земли. Что же будет с урожаем, с жилищем, со всем, что бросают на обжитом месте, на подворье? Неужели все возьмется огнем? Ой, боги, боги! Это же погибель для всех. Где жить тогда, и с чего жить? И оставаться нельзя. Разве от таких, как обры, защитишься? Разве такой силой, какую имеют роды, можно оборониться? Одна надежда — на ноги да на темные леса вдали от торных дорог, а кто

останется здесь — тому надеяться лишь на счастливый случай. Пронесет тех обров да утигуров стороной — хорошо, а нет — и подумать страшно...

— Торными дорогами не ходите, — наставляли старики, — минуйте их стороной, детки. А где нельзя будет обойти, прислушивайтесь к матери-земле. Она, кормилица, и там не оставит вас на произвол судьбы, заранее даст знать, есть погоня или нет.

— А вы, дедуня?

— Я буду беречь хату. Куда мне в мои лета?

И уговаривают, и плачут — напрасно. Разве посчитаются с уговорами, если это правда: куда им в такие лета?

Пока сидят по своим оседкам — будто и мало его, народа поселянского. А двинутся — о-о, нет этому потоку человеческому ни конца ни края. Одни уходят с границ, куда вот-вот явится супостат, другие, при полной броне, идут на границы, чтобы защищать их или дозором высматривать врага, давая знать тысяцким князя о приближении супостата. Грядет беда, и никому не хочется стать жертвой в круговерти, которая называется чужеземным вторжением.

Антские князья не менее, чем поселяне, встревожены тем, что делается на границах их земли. Неутешительно то, что ожидается. Сколько лет живут в мире и согласии с Византией, заключили договор и придерживаются его — не ходят через Дунай, не топчут друг другу конями землю, — они, анты, думали, что и дальше так будет. А ромеи, выходит, не хотят верить им, обров зовут и сажают не где-нибудь, а напротив антов — в Скифии. То ли так напуганы вторжением склавинов, что опасаются, если еще и анты пойдут через Дунай — не выстоять им в землях между Дунаем и Теплым морем, то ли кто оговорил антов перед ромеями?

Было чему тревожиться, слыша вести с границ. Пусть это правда, что обры идут в ромейские земли с согласия императора. Но почему путь через Антию они прокладывают мечом и сулицей? Сами решились на это, или и это повелел им император? Разве нельзя было договориться и пойти за Дунай мирно? Почему, наконец, нацеливаются на Задунавье, а турмы свои направили не только на Днестр, но и в земли уличей?

Тревога торопила время, тревога гнала гонцов землями тиверцев, уличей, на далекий Волын и Искоростень, на

Киев. Не разминулась она и с теми, кто был известен среди росов и уличей как беглецы с Тивери, а то и просто — беглые, втикачи или втикичи, как называли их иногда соседи. Сначала это обижало переселенцев — с чего это они — беглые, с чего это они — втикичи? Но со временем привыкли. Полян и росов тоже не особо разделяют между собой. Уличи и тиверцы называют их росами, а дулебы — русами. Да разве в названии суть? Важно другое: их, втикичей, не обошла доля, есть у них земля-кормилица и спокойное пристанище среди своего, славянского народа. Хотя само переселение и первые годы, как обживались на новом месте, дались им нелегко. До скончания века своего не забудут: были времена, когда хотелось заснуть и не проснуться.

Это только летом, по теплу, думалось: если уж поднялись со своей земли, то должны отыскать еще лучше — такую, что будет и кормилицей, и мироносицей. А чем ближе к зиме, тем призрачней становилась такая мечта. Долгим, слишком уж долгим и изнурительным было бездорожье между нижней Тиверью да Росью, а пришли в Полянскую землю, даже только на границы ее по Роси, пришлось остановиться и выпасать скот, пока князья договаривались да решали, что делать отселенцам: идти дальше или оставаться. Много дней ушло на те раздумья да переговоры, — пришла пора, когда всем стало ясно: если не остановиться, не позаботиться сейчас о жилище, не заготовить сено коням и скоту — и сами погибнут, и скот погубят. Да и поляне не советовали идти в радимичи, тем более на Ильмень.

— Пока дойдете, — говорили, — начнутся осенние дожди, разольются реки и могут преградить вам путь на Ильмень. Или снег захватит вас в пути. А от зимы разве спрячешься, если нет крыши над головой? Учтите, вас вон сколько, а скотины еще больше.

— Что же даст нам Киев, поляне росские, если сядем в границах их земли? Будет ли чем перезимовать и будет ли где зимовать?

— На все, что надо бы вам, рассчитывать не приходится, — ответили те, кого князь Острозор послал на разговор с отселенцами. — Однако и на произвол не бросим. Первое, что обещает князь Киева, — дать землю, от которой будете иметь потом хороший достаток. Обещает еще прислать в помощь вам своих поселян, наложит на них повинность до зимы построить вам хоть сколько-

нибудь пригодные для зимовки и обороны городища. Кому не хватит жилья, а всем, конечно, не хватит, пойдут на зимовку, как и на прокорм, по весям полянским. На это тоже будет повеление князя.

Богданко порывался спросить, где будет та земля, которую обещает князь отселенцам, но не хотелось выглядеть назойливым.

— За это великая благодарность князю от всех нас, — зашел издалека. — По правде говоря, ничего другого мы и не желаем. Одно хотим знать: какую повинность накладывает на нас князь за такую щедрость.

— Такую же, как и на всех поселян своих: обрабатывать землю, жить с земли и оборонять ее, если посягнет супостат-чужеземец.

— Ну а земля, которой вы награждаете нас, где она?

— В Заросье.

Богданко то ли не поверил, то ли не сразу сообразил, где это, и потому молчал дольше, чем следовало бы.

— Там, где мы и стоим сейчас?

— Почти. Если точнее — между россами и уличами. Будете и с нами по соседству, и от своих родаков недалеко, от тиверцев. Если потребуется помощь, за несколько переходов будете на Днестре.

Лучшего, казалось, и желать было нельзя. Ведь сколько думали до этого о поселении в земле полянской, столько и трепетали: если и окажут им такую милость, то поселят не иначе как за Днепром, ближе к степнякам-ассийцам и к недоле-беде, что подстерегает всякого, кто осмелится на соседство с ними. А князь Острозор вон как решил: не высовывает их, как щит свой, на восток, а поселяет между россами и уличами, да еще и не так далеко от родной Тивери.

— А что скажут те уличи и россы, — обратился Богданко к посланцам князя, — которые, пусть и не так много их, а все же сидят на этой земле?

— То беглый люд. Да и сколько их? Будут жить среди вас — должны и подчиняться вам.

На том и порешили, но если бы кончились на этом беды отселенцев!

Князь Богданко начал с того, что объехал с предводителями тысяч дарованную Киевом землю и обозначил места для построек: в первую очередь — княжьего детинца, что станет началом стольного города, затем — городищ и сторожевых веж.

— Делю всю пущу, — сказал после этого, — на десять вервей и посылаю в каждую из них по тысяче отроков и тысяче отроковиц. Кому какая выпадет — определит жребий. А уж как вытяните — пойдете каждый в свою вервь, построите себе городища, а обживая пущу, позаботитесь и обо всем остальном.

Они и пошли, одушевленные надеждой да тем еще, что не одни идут, а с помощью от ближайших соседей из полян. Но что можно было соорудить за короткую, как заячий хвост, осень? Единственное, что успели — выстроили гридницы на месте будущих городищ да поставили несколько теремов — для тысяцкого, сотников, слепили кое-как навесы для коров и коней. Потом зарядили осенние дожди, напомнил о себе Морозко, и поселяне из надросьских околий сказали отселенцам: «Хватит. Больше не можем пособлять вам. Свои дети и своя скотина есть».

Оно будто и так: зима вот-вот грядет. А все же, как быть им, бездомным?

То же самое спросили и тысяцкие, собрав всех на малое вече: что делать будем? В жилищах, которые построили, может пересидеть зиму лишь половина народу. Слышали: не жить — пересидеть. Куда остальных денем? Поселим на постой и прокорм к соседям или останемся вместе, положась на то, что не дело сидеть нам всем возле огня да греться? Пока одни будут отогреваться в гриднице, другие должны ходить за скотиной, добывать живность в лесу, стоять на страже. Давайте решать: зимовать в тесноте, зато вместе, или пойдем по чужим хатам и на чужой хлеб?

Многим припомнилось тогда, как неохотно шли россы на помощь, сколько нареканий было на князя за то, что силой посылает их за Рось, к отселенцам, потому и засомневались: а не скажут ли то же самое, если не хуже, россы, коли попросятся к ним на постой? Да ведь это же и мука, и стыд какой — идти и проситься! Ведь они дети славянского рода, а у славян издавна считалось позором заглядывать в чужой рот, надеяться на милостыню.

— Не посылай нас, тысяцкий! — первыми почувствовали беду и отозвались отроковицы. — Что будет — то и будет, да только среди своих. Пока мы молодые и сильные — как-нибудь перезимуем.

Князь, да и тысяцкие не сразу согласились с этим, но

пришлось. Ведь за время страданий и кочевья по нехоженым путям сколько уже пережито всего вместе! Многие отроки выбрали себе суженых. Как разъединить теперь таких? На дыбы встанут, если заставлять, и кто знает, покорятся ли. Сказать, чтобы шли парами? А кому тогда ходить за скотиной, добывать еду, заготовлять топливо, стоять на страже? Тем, что остаются на недостроенных городищах? И так тяжко, а то вдвое тяжелей будет. Когда же зима пройдет, не попрекнут ли эти, оставшиеся, тех, что вернутся из-за Роси, куском хлеба, не скажут ли: за вас спину гнули, вашего здесь нет? Пусть, видно, будет как хотят. Когда загремит веригами мороз, а прятаться будет негде, то и зимой будут строить халупы или тесниться среди коней.

Всякого лиха хлебнули тогда. И ели впроголодь, и в такой тесноте ютились, что дух спирало от задухи, и спать приходилось иной раз под открытым небом, у костра. Доходило и до того, что готовы были заснуть, чтобы не просыпаться. А все же, проснувшись, снова утверждались в мысли: хорошо сделали, что не пошли на постой и прокорм к чужим людям. Россы, как и уличи, поглядывают на них искоса. Хочешь не хочешь, а потеснили их. Терпят кое-как незваных соседей, а злость срывают на том, что надо и не надо, а называют их не переселенцами, не отселенцами, но только втикичами, беглецами. Им, бывало, и скажут: тиверцы мы, — напрасно! Отвернутся и снова свое: «Когда-то было в Заросье пристанище и людям, и зверю, теперь, как объявились там втикичи, никому и ничего нет».

Тем, кто родился уже здесь, может, и все равно: втикичи так втикичи. А кто постарше, кто знал себя тиверцами, тому нет-нет да и защемит сердце: почему так? Разве они виноваты, что убежали от голода? Разве это позор?

Раны сердечные, как и раны телесные, даже заживая, оставляют рубцы. И все же они — только рубцы, не раны. Шли годы, все дальше отдалялась та зимовка в пуще, забывались прошлые обиды. Да и могло ли быть иначе? Те, кто пришел из Тивери отроками и отроковицами, стали мужами и женами, обзавелись домами, детьми. А у кого дом и дети, что тому старые обиды? Потеснили от домов лес, обустроили подворья, на роздертях засевали ниву, кропили ее своим потом и жили, пусть медленно, но все же становясь на ноги. У каждого завелась на подворье скотина, захрюкала свинья, появилась птица. Ко всему и князь полянский сдержал слово: на десять лет освободил их, втикичей, от дымного и ролейного, если и взял что с общины, то только то, что давал в свое время, чтобы перезимовали первую, а потом и вторую зимы, чтобы было чем засеять ниву. А земля оказалась плодоносной. Может, не так припекало, как над Тиверью, но все же щедро светило солнце над ней, и Перун не забывал замолаживать небо тучами, поливать медоносными дождями. А где светит и греет солнце, где льют дожди, там и добрые урожаи, там и достаток. Пусть не называли их именем праотчей земли — синеокой Тиверью, ничего. Зато вон как крепко стали они, преследуемые голодом изгнанники, не неся к тому же ратных повинностей, кроме сторожевых. Воистину правду говорил князь Богданко: наилучшая земля та, на которой можно жить в мире и благодати.

За шестнадцать лет, что прошли после отселения, так укоренились на новой земле, что и думать, кажется, забыли, что когда-нибудь могут грянуть новые беды. А беда отыскала-таки их в отселенском Заросье, постучалась в дверь и в сердце каждого. Правду говорят: счастье да радостные дни — это лишь подарок человеку за его муки и беды.

Гонца, что подъехал к Роси и стал искать брод, сразу же заметили на противоположной стороне. Кто такой, что ему надо у втикичей?

— От киевского князя я, ищу вашего князя Богданко. Беда грядет, люди: обры идут.

И пошло, покатилось долами, от оседка к оседку, от городища к городищу: обры идут!

— Неужели это правда? — не поверил даже сразу Богданко.

— Были гонцы из Тивери, от уличей, вчера объявился нарочитый муж с Волына. Сказали, больше, чем правда. Одни турмы обринов вместе с кутригурами прут на Днестр, в земли тиверцев, другие вместе с утигурами идут от днепровских порогов на веси и городища уличей.

— Долго похвалялись и таки пошли. Каково же повеление князя Острозора?

— Велит взять с собой три тысячи воинов и не позднее как через седмицу быть под городищем Звенигора. Там дождетесь князя с ратью и вместе с ним пойдете навстречу обрам, которые идут от порогов. Остальные, ска-

зал князь, пусть сторожат границы земли со стороны уличей.

«Почему же не на Тиверь?» — задумался Богданко, но сразу же и успокоил себя: разве и без объяснения не ясно? В помощь Тивери пойдут дулебы, а в помощь уличам идет Киев и все, кто с ним.

— Передай князю: в назначенное время буду с воинами под Звенигорой.

XVIII

В который уже раз убеждался князь Волот: как хорошо, что у антов есть среди соседей свои глаза и уши. Что было бы, как поворачивалось бы все, если бы эти соседи объявлялись на границах Тиверской земли нежданно-негаданно? Да то же самое и было бы, что случилось в первый набег. Хильбудия. А предупрежденному загодя много легче. Давно разослал он своих гонцов по вежам и городищам, снарядил туда, где может быть труднее всего, отряды своей дружины, вот-вот выйдет и с большой ополченской ратью против степных татей.

Сторожевые вежи вряд ли помешают переправе обров через Днестр. Объединиться они не смогут, а своя сила в вежах слишком мала, чтобы препятствовать. Подумав, князь повелел им прежде всего следить за передвижением обринов, постоянно докладывать ему, сколько их, куда направляются. Сечу же им все-таки навязать, но не в степи, а когда пойдут через реку. На переправе обороняться всегда сложнее. Ну а есле переправятся — запереть ворота и оборонять вежи и гридницы до последнего.

И кутригуры, и обры, ясное дело, не олухи, чтобы идти в чужую землю там, где их ждут. Постараются разведать самое слабое место на Днестре, постараются прокрасться незамеченными. Вот и тревожно у князя на душе, ни себе, ни другим не дает покоя. Шлет гонцов во все стороны, а сам все думает, где объявится супостат.

Случилось пока не самое худшее: первыми шли кутригуры и выбрали для переправы пологий берег ниже Закрутской вежи. Конникам там было удобно выйти из реки, чтобы потечь потом лавою в глубь земли Тиверской. Но здесь кутригуров ждали. Поэтому когда на рассвете зашевелилась серая пелена противоположного берега, когда конные ряды вошли в Днестр, их встретили стрелами, падавшими довольно густо и прицельно. Среди кутригуров поднялся переполох, слышались вскрики пораженных, вопли и брань перепуганных людей. Переправа пришла в разлад. Кони, попавшие под меткие стрелы, ржали и бились в судорогах, тонули или, взбесившись от боли, разворачивались, напирали на задних, расстраивали ряды наступавших. Кутригуры, хотя и рассчитывали на внезапность нападения, однако не забыли прикрыть переправлявшихся через Днестр конников стрелами своих лучников. Но мало было проку от тех стрел, ведь тиверцы укрывались кто за деревом, кто за камнем, а кого и мать-земля прикрывала. Это уже потом, когда кутригурские всадники почти достигли тиверского берега и заставили оборону выйти из укрытий, стать грудью у воды, чтобы не дать супостатам ступить на родную землю, стрелы их сразили немало наших воинов. Сначала на них и внимания не обращали — не до осторожности было. Кутригуры одолевали Днестр сразу в нескольких местах и большими лавами. А это плохо. Как не выгодно было тиверцам в обороне, но все же их было мало, чтобы сдержать напирающие из-за Днестра лавы, которым, казалось, не будет конца. И кто знает, как повернулось бы, если бы кто-то не догадался приготовить степным татям западню.

Пока сотня Закрутской вежи защищала вместе с ополчением ближних весей тиверский берег, а гонцы гнали коней к князю и звали на помощь, поселяне верхнего городища спешно вязали у берега бревна в дарабы. Когда наблюдатели, которым велено было следить за сечей, дали знак, что у наших дела плохи, что тати вот-вот одолеют их, поселяне отрубили топорами концы и пустили дарабы по течению — так, что одна шла ближе к тиверскому берегу, другая дальше, третья — еще дальше, перекрывая реку едва не во всю ширь.

В вихре горячей сечи, когда оборона держалась из последних сил, а напиравшие видели, что они вот-вот возьмут верх, на дарабы никто не обратил внимания, по правде говоря, их не заметили. Только тогда и увидели, и закричали не своим голосом, когда эти безмолвные страшилища надвинулись на кутригурские лавы, когда деться от них было уже некуда. Кто-то пытался увернуться от них, кто-то порывался к тиверскому берегу, кто-то повернул назад, норовя спрятаться за конем или стать на

коня и броситься с него на дарабу, но напрасно. Словно неумолимая кара надвинулась на кутригуров, несколько мгновений — и дарабы всей своей массой смяли лавы, раскидали или накрыли собой кутригуров вместе с конями. Те, кому удалось спастись и прибиться к берегу, уже ничего не могли сделать. Тиверцы воспрянули духом, бросились добивать незваных гостей.

— Слава! Слава! — кричали что было сил. — Наш Днестр за нас. Он лишил кутригуров победы! Вперед, витязи! За нами слава, за нами победа!

— Побе-да-а!.. — эхом вторили приднестровские кручи, эхом вторили и сердца тиверцев, и желая ее, и надеясь на нее. Лишь самые отчаянные из кутригуров пытались достичь противоположного берега — почти без надежды на спасение. На этом же берегу уже поднимали руки и просили пощады. Видя это, их соплеменники на другой стороне Днестра раздумывали, идти ли на помощь своим или нет. А пока они раздумывали, подоспели отборные сотни княжей дружины и положили конец сомнениям. Конных тиверцев было тьма, все при полном ратном облачении, и были они такими, какими знал их весь мир — настоящими антами.

XIX

В то время, когда тиверская рать выходила в понизовье Днестра, стремясь перекрыть все возможные переправы, а обескураженные неудачей обры и кутригуры ломали голову над тем, где им сподручнее переправиться, князь Добрит успел преодолеть неблизкий путь и оказался со своими дулебами и двумя тысячами древлян под Черном.

— Что обры? — спросил он у воеводы.

Тот, зная от разведчиков, где вражеские турмы и чего следует ожидать от них, ответил:

— И пленные, и наши слухачи говорят одно: остановились пока что. Однако идти за Дунай не отказались.

— Почему же идут с мечом и сулицей? Разве не пустили бы их мирно?

— О том не ведаем, князь. Нас, тиверских мужей, удивляют не так обры, как ромеи. Имеют с нами договор на мир и согласие, а зовут против нас обров.

— Как это — против нас?

— Ромеи хотят поселить их на границах по соседству с антами, а не со склавинами, — в Скифии.

Добрит задумался, потом повелел позвать к нему сына Идарича — Мезамира.

Кому-кому, а князю это вторжение и рожденная вторжением тревога дали себя знать. Или года уже гнут к земле, или недуг? Пока сидел в Волыне да благоденствовал в тиши, отгороженный от тревог тысячами поприщ непроходимых пущ, — бодрился, предавался в свое удовольствие развлечениям, а пошел на зов тиверцев — и еле добрался до Тивери. Может, не сразу, но все же понял, почувствовал, как он уже стар для далеких походов, тем более для ратных дел. Чуть не растряс себя в пути. Лег бы сейчас в пуховики и отлеживался деньдругой. И дышать нечем, и согнуться не может, а согнется — не выпрямится. И откуда они только взялись, эти обры. Не было бы их, может, и век свой дожил бы в мире и согласии. Ведь все делал для этого. Пусть не для всей земли Трояновой, но для дулебского народа покоя добился. Если кто и посягал на антов, то дальше Тиверской, Уличской и Полянской земель не проходили, если и постигали беды, то чаще падали они на головы тиверцев, полян, уличей да еще воинов-дулебов, которые чуть что — шли на помощь соседям. Ни прежде, ни на его, Добрита, памяти дулебы не знали чужеземных вторжений, разора. И он, князь дулебов, так привык к покою, что позабыл, кажется, цену ему. А впрочем, так ли это? Дулебы беспечны, это верно. Князя же своего почитают за то, что добр, что умеет смирить свою гордыню, стать выше нее, когда речь идет о мире и благодати. Они и имя дали ему свое — вместо отчего — Добрит; со смыслом, конечно. И бывало, он не раз и не два удерживал себя от соблазна, и другим князьям земли Трояновой советовал, как старший: не будьте алчными, не стремитесь к чужому — давайте стоять на том, что завещал праотец рода нашего вещий Троян. И разве не доброта брала верх, когда он удерживал родовых князей от искушения набегов на соседние земли, когда его самого сдерживали: прислушайся к нашему слову, может, и в нем есть смысл? Ведь это князья настояли воспользоваться трудным положением ромеев и уложить с ними мир и согласие. Ведь это они сказали: подави соблазн, не иди со склавинами за Дунай, не для нас земли ромеев — и сделал, как хотели. Даже на раздор пошел со склавинами, а все-таки не соблазнился занять там, за Дунаем, плодоносную землю. Кто скажет теперь, кто может ука-

зать истину: мудро или не мудро поступил? И пошел бы за Дунай — обры ударили бы в спину, и не пошел — тоже ударили. Одна выгода — что не в спину ударили. Тогда бы молча оборонялся, теперь может спросить, не пряча глаз: пошто делаете так? И не только обринов, но и ромеев. Затем и зовет Мезамира: именно с этого начнет свои действия против прославившихся своим коварством обров.

XX

Мезамир, на зависть людей такого почтенного возраста, как у князя Добрита, был молод — ему всего лишь двадцать четыре года. Как и все анты, он высок и статен, весьма пригож собою. Всегда уверен в себе, может быть, потому, что природа наделила его не по летам смелым и гордым разумом. Еще когда жив был его отец, снискавший добрую славу своими делами Идарич, пошел как-то Мезамир вместо отца — а тот был болен, — на собранный князем совет мужей. Вот тогда он и запомнился всем. Молод был, а мудростью своей чести отца среди старейшин не уронил. На совете шел разговор о тех же обрах. Пока анты растили хлеб и укрепляли тверди на границах, аварский каган, постоянные набеги и татьба которого стали уже притчей во языцех, надумал удивить их, если не сказать сильнее, наглым требованием — пусть младший брат его Калегул сочетается браком с дочерью князя на улебах — Данаей.

Услышав такое, князь Добрит не знал, что и делать. Дочь у него солнцу подобна. Отдать такую за обрина, который живет с татьбы и сам первый среди татей, который считает жену за рабыню, — все равно, что утопить ее собственными руками в речке. Но и ссориться с грозным Баяном тоже было не с руки. Его обозлишь — так он может всю орду свою повести на антов.

Добрит не сказал послам аварским «нет», но не сказал и «да». Сослался на то, что должен подумать, посоветоваться с дочерью, а сам тем временем созвал на совет главных мужей своих и повелел им:

— Ищите спасение. У меня ум за разум заходит от беды, что нависла над моим домом, не знаю, как быть.

Мужи переживали не меньше князя, сочувствовали ему, а дошло до совета — развели руками: не знают, мол, какое из двух зол больше: если отдадут дочь князя

в неволю к обрам или если вынуждены будут сражаться из-за этого с обрами.

Тогда-то и поднялся Мезамир, обратился к совету:

— Если князь и его мужи посчитают достойным прислушаться к слову самого молодого среди них, я посоветую, что сделать.

— Говори! — вскочил князь, а вслед за ним закивали седыми головами и мужи.

— Мой совет такой, — совсем осмелел молодец, — сказать обрам, что князь Добрит соглашается отдать свою дочь за брата Баяна. А вместо княжны Данаи подставить Калегулу и всем, кто будет с ним на смотринах, самую страшную и уродливую из девок, что найдется на Волыни или за Волынью. После этого, думаю, брат кагана сам отвернется от княжны, а кагану не с чего будет гневаться на антов.

Мужи какое-то время молчали, потом заспорили. Одни говорили, что это не спасет, каган разгадает обман, и тогда уже не будет спаса от его гнева, другие нашли в себе мужество остановить их укором: если своего ума не хватает, соглашайтесь с тем, что вам советуют. Сын Идарича дело говорит!

Поначалу трудно было сказать, кто возьмет верх. Но мало-помалу прояснилось. Сторону Мезамира взяли самые мудрые, а главное — за его совет уцепился сам князь. Когда же случилось так, как и предвидел Мезамир, — сваты побывали на смотринах, а потом и след их простыл, когда вскоре после этого старый Идарич переселился с земли Дулебской на вечнозеленую поляну острова Буяна, — молодого Мезамира из рода Идарича признали достойным отца своего и приняли в круг княжьих советников.

Не забыл о Мезамире и князь Добрит. Догадывался он или нет, что между Данаей и Мезамиром дело давно идет к свадьбе, но только он не ограничился тем, что оставил его в числе своих советников, а сделал еще и стольником. И Мезамир не дал повода князю сомневаться в себе: подождал, пока пройдет год после смерти отца, да и стал законным мужем Добритовой Данаи.

Какую свадьбу гуляли тогда, сколько радости было в сердцах дулебов! Ведь такой красивой пары свет еще не видывал, да и увидит ли когда.

Было ли князю Добриту больно от того, что именно зятя должен послать к обрам, был ли уверен в нем или

сомневался — этого никому не дано знать. Однако, когда вызванный им Мезамир появился в шатре и выпрямился во весь свой богатырский рост, нетрудно было заметить, что и надежды, и сомнения терзают душу князя. Жалел ли, что не Идарич стоял перед ним? Может быть, и так. Был бы Идарич — была бы и уверенность, что утрут нос обрам, обломают наставленные на антов рога. Кто-кто, а тот умел делать это без меча и крови. Надо было позвать на помощь славян, что сидят на Чудь-озере — посылал Идарича, надо было склонить к ратному единству вислянских полян, белых хорватов — снова посылал Идарича, надо было придумать, как в переговорах с хитрыми и подлыми ромеями не поступиться своим — опять посылал Идарича. Тот всюду мог управиться не хуже князя, а то и лучше, чем сам князь. А вот справится ли Мезамир, да еще с таким сомнительным делом, с каким хочет послать его к аварам? Мудрость свою показал уже, и не раз, но все же он слишком молод, чтобы надеяться на его мудрость, и слишком горяч, чтобы всегда и везде ставить мудрость выше гордыни сердца.

— Проходи, Мезамир, садись. Надо посоветоваться с тобой.

— Слушаю, князь. Но почему только со мной?

— Не спеши, придет время — узнаешь. Для тебя, думаю, не тайна, что в конце концов обры хотят пойти за Дунай и стать мидийским щитом против славян.

— Об этом все говорят.

— Тогда чем объяснить, что идут разбоем, и не только на Тиверь, но и на уличей тоже? Могли же ромеи обратиться к нам, чтобы пропустили их наемников с миром. Да и обры могли спросить. Ведь до сих пор многим позволялось ходить за Дунай беспрепятственно, хотя бы и кутригурам.

— Ведь это обры, князь. Живут татьбой и не могут без татьбы, тем паче сейчас, когда решили пойти от границ славянской земли.

— Может быть и так. И все же, думаю, надо встретиться с ними и постараться уговорить их, чтобы не зорили наши земли.

— Уговорить?

— А почему бы и нет?

— Татей не уговаривают, князь. Их отучают от татьбы мечом и сулицей.

— Их уже поучили. И тут, на Днестре, и там, в уличах. Думаю, самое время пойти с сольством и сказать: если хотите за Дунай — идите, мы открываем путь. Зачем напрасно проливать кровь?

Мезамир почувствовал себя неловко, опустил глаза.

— Разве я перечу? Надо, то и пойду. Князь, надеюсь, потому и позвал, что именно меня хочет послать к обрам?

— Да, именно тебя. С обрами идут кутригуры, а ты уже имел с ними дело. Князь Волот рассказывал мне, что это ты посоветовал кутригурам так идти Тиверской землей, чтобы и за Дунаем оказались, и у ромеев не было причин упрекать нас за причастность к этому переходу. Надеюсь, с обрами тоже не оплошаешь. Баян, говорят, своенравен, с доказательствами не очень-то считается. Поэтому постарайся отыскать такие, чтобы и его убедить: нам всем выгодно разойтись мирно.

— Слушаю, князь. — Мезамир рывком поднялся. — Когда выходить?

— Завтра. А впрочем, слишком спешить тоже не следует. Подбери себе достойных антского сольства мужей, надежную охрану.

— Охрана, думаю, около сотни, не меньше.

— Нет нужды брать больше.

— Тогда пусть идет со мной брат Келагаст со своей сотней.

— Почему Келагаст? Он слишком молод, Мезамир, а там всякое может быть.

— Молодость — не порок, князь. Когда дойдет до меча и сулицы, именно она пригодится. А кроме того, Келагаст мне брат, хочу, чтобы приучался к сольству и к рискованным делам. Таким был и завет отца: старший должен научить младшего, а младший — быть старшему помощником и опорой.

Добрит не спешил соглашаться, но, подумав, согласился, сказав:

— Пусть будет по-твоему. Об одном прошу: берегите друг друга. Вы оба нужны земле Дулебской, а ты, Мезамир, еще и Данае.

Проводив своих послов в опасный путь, не переставал думать о них. Справятся ли? Дело-то важное, а они так молоды, горячи. А Мезамира и Келагаста как будто и не беспокоило то, что идут к самим аварам.

— Учись, Келагаст, — говорил Мезамир, — как обводить дураков вокруг пальца. Сейчас переправимся, и я выдам им себя за византийского сенатора.

— Как это?

— Да так. Речью византийской владею. Скажу, что иду через Антию, потому у меня и челядь, и охрана антские.

— Там, в шатре Баяна, все равно скажешь, кто ты на самом деле.

— Там — другое дело. Важно, чтобы здесь не натворили беды. Они сейчас, после неудач, как собаки злые, можно всего ожидать. На императора же теперь надеются, как никогда. Ведь он им горы золотые сулил. Посмотришь, присмиреют, как овечки, узнав, что перед ними посол императора.

Келагаст не очень-то верил этому, но, увидев, что и обры, и кутригуры, заслышав ромейскую речь, даже пальцем не тронули их посольство, позавидовал брату: молодец, держится как настоящий сол и муж. И где только успел научиться этому?

А все же удача недолго стелилась антскому посольству под ноги. Каган в отличие от своих сородичей не торопился раскрыть объятия. Он затаился и переговоров не начинал. Мезамир и так, и сяк с теми, кто не подпускал его к хану, — напрасно. «Каган думает, — говорили ему. — Придет время — позовет».

Что оставалось делать? Подождут, коли так. Не будет же Баян думать целую седмицу. Пройдет день, другой — позовет. Однако и на третьи сутки пошло уже, а обры делали вид, что не замечают антских послов. В упор не видят, что тут они, в стойбище, вот шатер их разбит, вот кони пасутся за стойбищем, вот они сами...

«Что за оказия! — Мезамир так и кипел весь. — Догадываются ли, о чем будет речь, а сами не решили, что сказать антам, или ждут, когда аварские воины перейдут Днестр и нужда в разговоре отпадет сама собой? А может у них, как и у ромеев, путь к кагану лежит черед донатии? А почему бы и нет? Кто живет с татьбы, тот не побрезгует подачками».

Стал топтать новую стезю к обрам, которые стояли ближе к шатру хана. С одним заговорил — тот зло покосился и молча ушел, с другим — то же самое. Было и надежду потерял уже, вдруг — идет невзрачный на вид обрин, глянет в его сторону и тут же глаза прячет, будто говорит: подойди, что-то скажу.

Мезамир не был бы Мезамиром, если бы не воспользовался тем, что само шло в руки. Дождался, когда обрин проходил с кем-то мимо, и остановил его.

— Достойный, — обратился к нему, — не знаешь ли, где можно взять воды?

— Там, — показал тот рукой.

— Там нет, — брезгливо поморщился Мезамир. — В речке бродят кони. Есть где криница здесь или почайна?

Толмачил-толмачил ему, пока вбил в голову обрину, чего хочет.

— Есть, есть и почайна.

— Пойди и принеси из нее воды, — скорее повелел, чем попросил Мезамир и, не раздумывая, положил обрину на ладонь золотой римский солид.

Тот выпучил было глаза от удивления, но скоро пришел в себя и кивнул, соглашаясь.

Когда принес в двух цибарках воду и зашел в шатер антского посольства, Мезамиру уже никто не мешал поговорить с ним с глазу на глаз.

— Чем озабочен каган? — начал с главного. — Почему не принимает нас? Не слышал ли, когда примет?

Обрин помялся, но сказал:

— Тебе лучше не ходить сейчас к нему.

— Не ходить? Это почему же?

Ответом был взгляд, полный смятения, и молчание. Мезамир полез в карман, достал пару солидов и взвесил их на ладони.

— Бери и, будь другом, скажи: почему?

— Кагану пришли плохие вести из уличей. Утигуры разбиты наголову. Наши турмы тоже едва спаслись бегством.

Вот оно что. Так это же хорошо! Это и есть тот час, когда надо идти к кагану и спросить: «Пошто ссоришься с антами? Не ведаешь, кто такие анты?»

Теперь Мезамир не то что дня, минуты старался не потерять и чем внимательнее приглядывался к обрам, тем более убеждался: они в великой злобе на антов, но не меньше и в смятении: как быть с антами? Одного не знал да и не мог знать — что предпримет в ответ каган? Смирится и захочет послушать нарочитого мужа от врагов своих или будет злиться, придумывая, как бы более жестоко наказать их?

«У нас не горит, — решил наконец, успокаивая себя, Мезамир. — Теперь мы можем и подождать. Горит Бая-

пово, вот Баян пусть и ищет, пусть думает, как быть ему с антами и их послами».

И каган таки доискался. Недаром терханы спешили к его шатру — шел совет.

— Великий воин! — говорили одни. — К лицу ли тебе сомнения? Вели нам собрать воедино все турмы и бросить их на врагов твоих — от антов, даже от Антии и следа не останется.

— Оставь уличей, — советовали другие. — С ними поквитаемся после, когда сядем на ромейских землях. Лучше кинь все и всех на Днестр, сам увидишь: не только тиверцы содрогнутся и покажут спины, река выйдет из берегов от нашей силы.

— Да нет! — возражали третьи. — Мы не можем уйти от границ земли уличей, не отомстив им. Вели, каган, бросить турмы в их землю, а уж как разгромим уличей и приумножим свою силу, тогда ударим па тиверцев и дулебов с севера.

— Истинно! Веди, каган, сперва на уличей. Услышь наш голос, Ясноликий, и дай утеху сердцу! Мести жаждем! Крови и мести!

Однако каган не взял пока ни одну из сторон. Хмурился, как грозовая ночь, отмалчивался.

«Они жаждут мести, — говорили его черные, налитые злобой глаза. — А кто показал уличам и их союзникам — росичам, втикичам — спины? По чьей вине он должен теперь стыдиться мира и думать, где ему взять витязей, которые усладили бы сердце победой? Турмы им дай, волю им дай! А петлю на шею не хотите? Я сперва передушу тех, кто посрамил славу родов наших, а уж потом буду думать, с кем и как отмстить антам».

Резко поднялся, выделяясь среди собравшихся ростом и силой, и — как отрубил:

— Это не совет. Это крик оскорбленного достоинства. А мне мудрый совет нужен! Там, — показал влево, тряхнул длинными, заплетенными в ленты косами, — сидит и ждет беседы с нами нарочитый муж Антии. Что я скажу ему, выслушав таких советников? Что они с испугу не знают, в какие двери ломятся? Что аварам после позорного бегства из уличей ничего другого не остается, как послушать разумного совета этого анта, коли своего ума нет?

Он казался великаном среди них. И Ясноликим называли его недаром: он был величествен даже в гневе. Казалось, поднеси искру — и вспыхнет, обрушит весь гнев и силу свою на собравшихся здесь.

Советники из шкуры лезли, искали какой-нибудь выход, да, как нарочно, их будто заколодило на злобе. Баян постоял, но, так ничего путного и не дождавшись от своих советников, решительно направился к посольскому шатру.

— Каган, — осмелился тогда самый молодой из советников, дерзко останавливая своего предводителя на полпути. — Не лучше, если бы мы сначала выслушали нарочитого мужа от антов, а потом думали, как быть с антами?

Советники онемели, ожидая грозы. Хотя и остановил Баяна обласканный им недавно за ум и отвагу терхан Апсих, но вряд ли это оправдывает его дерзость. Молод еще, чтобы учить кагана. Однако гром не грянул над их головами. Или каган пожалел неоперившегося терхана, или действительно ценил его, но он только окинул отчаянного смельчака тяжелым взглядом и молча исчез за пологом.

Все, кто входил в великохаиский совет, будто онемели на какое-то время, а уж потом загалдели, упрекая, споря и обвиняя друг друга.

— Вы недоумки! — орали старшие, те, кто звал громить антов за Днестром. — Месть ослепила вам, молокососам, не только очи, но и мозги. Что вам уличи, что проку, даже если разобьете их, когда у нас есть более достойная цель — пойти за Дунай, сесть за Дунаем?

— То-то и оно, — огрызались молодые. — Вам золото застит все, больше ни о чем не думаете. А кто вступится за нашу честь? Нас опозорили уличи, соображаете вы это или нет?

— Тихо! — поднялся старший среди советников — хакан-бег. — Не ругайтесь. Сейчас думать надо, раз собрались на великоханский совет. Терханами, советниками называете себя, а не можете понять, что спорить надо было раньше. Разумную мысль подал терхан Апсих. Надо кому-то из нас пойти к кагану и переубедить его. Решить — как быть с антами — мы сможем только после того, как выслушаем антского посла и взвесим его слова на весах мудрости.

Снова замолчали советники. Видно, что никому не хочется испытывать судьбу. Кто знает, какая речь понра-

вится разгневанному кагану? Ведь он может и головы лишить. Однако и другого выхода нет.

— Иди ты, Атель, — стали уговаривать хакан-бега. — С тобой каган считается, уважает. Скажешь, что только наши слова передаешь ему — все так думаем.

— Одному идти не годится, — обиделся хакан-бег. — Пусть уж тогда идут со мной советник от кутригуров кметь Котрагиг, терхан Апсих и несколько старейшин.

Советники с облегчением вздохнули, даже оживились: хвала Небу, кажется, нашли спасительное решение.

XXI

Каган выслушал хакан-бега, однако радости это ему не прибавило. Да ведь и то правда, радоваться-то было нечему — ему всего-навсего повторили то, что уже слышал от безусого терхана. При иных обстоятельствах, наверное, взорвался бы гневом, но сейчас обида его, похоже, перегорела, и он остановил тяжелый взгляд на терхане Апсихе, — таких бы, как этот стройный, отважный, несмотря на молодость, муж, ему хотелось иметь подле себя побольше.

— Что ты имеешь в виду, — негромко спросил его, — предлагая сначала выслушать антов?

— Знать намерения врага никогда не помешает, Ясноликий, а такого, как анты, и подавно. Стоим перед великой сечью с ними, должны быть и трезвыми, и осторожными, и хитрыми, как змеи.

Взгляд кагана, кажется, смягчился. Похоже, сейчас скажет: «Пусть будет так». Но вдруг отлетел полог, и в шатер вихрем ворвался младший брат Баяна — Калегул.

— Повелитель! — с надрывом воскликнул он. — Не верь послу антов. Убей его! Это он надоумил князя Добрита надсмеяться над нами, а сам потом женился на Данае...

— Прочь! — Каган нахмурился, оборвав Калегула на полуслове. — Как посмел зайти, когда я держу совет с хакан-бегом и терханами?

— Говорю же, — задыхался Калегул, — это тот самый... Убей его! Или позволь мне утешить себя местью!

— Прочь! — Баян вдруг сорвал с ковра сплетенную из сырца нагайку и огрел брата вдоль спины.

Калегул взвыл от боли, а может, больше от ярости и

досады, но, не дожидаясь худшего, змеей откатился за полог.

Каган, переборов гнев, резко спросил советников:

— Кто из вас знает этого Мезамира? Он что, в самом деле такой, как говорит Калегул?

— Я знаю, — отозвался кметь Котрагиг. — Был с сольством хана Завергана в Тивери, видел и слышал там Мезамира. Брат твой, мудрый властелин, в гневе на него, но и в гневе не преуменьшает мудрости этого мужа. Вот и я говорю: будь осторожен с ним.

Баяна словно подстегнули эти слова. Повелел:

— Зовите антского сла. И всех советников тоже.

Мезамир, как и положено послу другой земли, направлялся на переговоры с каганом не один. Рядом шел младший брат его Келагаст, сзади — еще три мужа при полной броне. Торжественности, особой чинности в их шествии, может, и не было, однако они отметили про себя, что обры, которые стояли у входа в ханский шатер, как бы онемели, глядя на них. Что их так удивило? Может, рост? Да ведь не в первый раз видят они антов!..

Когда перед послами подняли полог и они, войдя в шатер, выпрямились, — стало ясно, что их появление поразило не только терханов, бегов, но и самого кагана. Иначе с чего бы это он сидел как вкопанный?! Застыл, точно изваяние — ни слова привета, ни приглашения не услышали от него.

— Нарочитые мужи князя дулебского Добрита, всех других антских земель — Тивери, Уличей, Надросья, Киевских полян, — не без умысла напомнил о своей силе Мезамир, — низко кланяются тебе, предводителю славного племени аваров, и желают здравия на многие и многие лета.

Мезамир поклонился до земли Баяну и снова выпрямился. В голосе его прибавилось торжественности.

— Пусть простят предводитель и племя аваров за беспокойство, которое причиняем своим появлением, но и не появиться в эти тревожные для народа нашего дни мы не могли. Князья земли Трояновой опечалены раздором между нами и аварами, а больше всего — намерениями рати твоей, достойный предводитель, идти в нашу землю с мечом и сулицей. Вот и прислали меня, своего нарочитого мужа, чтобы заверил тебя, мудрый и славный каган: у антов нет и тебе и твоему племени никакого зла, как нет и недобрых намерений. Они мирно

сидят в границах земли своей и желают быть с аварами и всеми, кто стоит на их стороне, в мире и согласии. Если то, что случилось, является недоразумением, князья и народ антский согласны тоже считать так и уложить с тобой договор как со всяким добрым соседом.

Думал про себя: сказал все, что надо, во всяком случае, для начала, а теперь надо послушать, что ответит каган.

— У аваров, — заговорил наконец каган, — а особенно у их союзников и соседей есть причина для раздора с антами. Ваши тати не раз вторгались в обсаженные нами земли, убивали и забирали в плен наших людей, угоняли табуны коней, отары овец, стада коров. Скажи князьям своим: терпение кончилось, пришел раздор, будут месть и сеча.

— Достойный! — Мезамир как будто не заметил ханского гнева. — А ты можешь указать нам этих татей?

Нарочно ли, по молодости ли и простоте своей смотрел на кагана пытливыми, даже веселыми глазами и ждал его ответа. И эта веселость не понравилась Баяну. Смуглое лицо его побагровело, глаза налились кровью.

— Если это так, — Мезамир поспешил упредить гнев предводителя аваров, — если кто из антов в самом деле позволил себе татьбу, пусть каган укажет нам пойманных, и мы покараем их судом своего народа, а нанесенные аварам или их союзникам убытки возместим добром или золотом.

В том, что говорил и как говорил посол Антии, чувствовалось желание примириться, найти тут опору, на которую могли бы опереться здравый смысл и истина. Но Баяну именно это и не нравилось в беседе с Мезамиром, именно истина припирала его к стене и высекала гнев в сердце. Видел, муж этот вправду относится к тем, с кем трудно соревноваться словесами. А повергнуть его следует. Непременно!

— Поздно раскаиваться и расплачиваться золотом. Теперь расплатитесь кровью!

— Меч обоюдоострый, каган. Одним концом он будет ходить по нашим шеям, другим — по вашим. А зачем это? Разве каган не ведает того, что анты никому не покорялись и не покорятся?

Баян еще больше налился кровью.

— Ты пришел угрожать мне?

— Да нет. — Мезамир в самом деле не угрожал, однако вид его и не говорил, что он покорился перед гневом асийца. — Пришел мириться. Союзник наш, император Византии Юстиниан Первый, уведомил нас, что зовет тебя прийти и сесть в его землях. Но зачем идешь так? Разве анты не могли пропустить тебя за Дунай с миром? Нам придется быть соседями, каган. Неужели так и будем соседствовать, как ныне?

И снова Баян не нашел, чем достойно опровергнуть сказанное. Снова вспыхнула в нем от бессилия злоба.

— Ты брешешь, собака! Император, который зовет меня прийти и стать против вас, антов, поведал тем же антам, кого и зачем зовет? Я спрашиваю, поведал?!

Мезамир молчал. Он собирался с мыслями, не желая раздражать и без того раздраженного повелителя аваров, но молчание его затянулось настолько, что Баян, уже давший волю своему гневу, в какое-то непостижимое мгновение схватил с ковра за спиной кинжал и метнул, что было сил, в нарочитого мужа земли Трояновой.

Никто не ждал этого, никто не успел ни закрыть Мезамира, ни отбить оружие. А каган умел бросать: кинжал перевернулся на лету и вошел Мезамиру лезвием в грудь, под самое сердце.

Келагаст первым кинулся к брату, выхватил и отбросил кинжал прочь. Кровь ударила из раны, расплываясь красным по белоснежным одеждам поверженного.

— Мезамир... брат. Что с тобой?

От неожиданости, от испуга, от внезапной боли сердечной Келагаст не знал, что сделать. Единственное, что он смог, так это зажал рану, спрашивая брата и наклоняясь над ним, стараясь заглянуть в глаза, надеясь услышать, что он, Мезамир, полежит минуту-другую и поднимется, встанет на ноги, молодой и сильный, покажет свою силу. Но напрасно, Мезамир молчал. Вытянулся, истекая кровью, и тело его холодело, лицо покрывалась бледностью. Бледнел и Келагаст. Как это случилось? Как могло случиться?! Он же был рядом, брат взял его, как свою защиту. Почему же не упредил, не закрыл собой?! О боги!..

Поднял наконец голову, огляделся. Кагана в шатре уже не было. Советники его сидели поникшие, не зная, куда глаза деть.

— Дорого вы заплатите мне за брата, — сказал Келагаст, поднимаясь. — Слышали?! Так дорого, как никому из вас и не снилось!

Стоял над ними, высокий и грозный, и, не дождавшись ответа, повелел мужам своим:

— Расстилайте корзно, возьмем Мезамира с собой. Пусть увидят воины дулебские, тиверские, чем платят за нашу доверчивость обры. Пусть видят и знают, чем мы должны платить им! Да, пусть видят и знают!

Он не думал, понимают ли его слова терханы Баяна. Одно он знал точно: начинается великий, не на жизнь — на смерть! — раздор с обрами. Надо было спешить к своим, и как можно быстрее.

XXII

Князь Добрит стоял на высокой веже у Днестра и пристально вглядывался в даль. То на юг, где уже несколько дней продолжалась беспрерывная сеча с обрами, то за Днестр, где тоже могли объявиться обры, но чаще всего смотрел он в ту сторону, откуда должна прийти долгожданная помощь. Давно послал гонцов к князьям Зборку и Острозору с повелением не отсиживаться на границах Уличской земли с такой, как у них, силой, а прислать добрую половину ее, и немедленно, в помощь дулебам и тиверцам. Обры уже не думали об уличах, они бросили все свои турмы в понизовье Днестра, и их не сдержать без уличской и полянской ратей. А надо было сдержать, надо было озаботиться еще и тем, чтобы нашествие чужеземцев не перекинулось в северные верви земли Тиверской — на Черн и Дикушу.

Кто мог предвидеть, что обры — такая многочисленная, не знающая страха сила. Их снимают с седел стрелами, кладут в покосы мечами, а они, не обращая на это внимания, прут валом, схватываются молча и с такой злостью, словно безумные. Когда раньше доходил о них слух, что страшнее аварского вала ничего нет, он, Добрит, думал про себя: э-э, у страха глаза велики!.. Теперь убедился: не от страха так говорили люди — от правды. Анты тоже и силой, и отвагой во всех землях известны, а обров это не страшит.

Что же будет и как будет? Выстоит ли князь Волот, под начало которого отдал две трети из своих тысяч? Только бы выстоял. Слышите, боги, только бы выстоял! Он, князь Добрит, стар уже, чтобы с мечом стать во главе сечи. Далекий переход, посеянная нападеньем аваров тревога и особенно утрата Мезамира вконец подточили его. Пал духом. Единственное, чем мог помочь тиверскому князю, — воинами, которых привел с собой. Своих, вместе с воеводами, послал на поле брани, к Волоту, древлян — стеречь берега Днестра на подступах к Черну, нести дозор на дорогах, что ведут в глубинные верви Тиверской земли, остальных держит пока при себе — на тот случай, если антам будет совсем уж невмоготу, а князья Зборко и Острозер не успеют прийти на помощь. Вся тяжесть сечи легла на Волота. Хорошо, если он в передних рядах, а если его не станет? Что тогда?..

Князю Волоту на самом деле было тяжко. Так тяжко, как никогда — некогда было и о смерти подумать. Тем, кто стоит близко к ней, обычно кажется, что их она не коснется. Поэтому князь думал и беспокоился о другом. Хотя и знал, что вот-вот должна подойти помощь из-за Днестра, но благоразумно не уповал на нее прежде времени. Придет — тогда и видно будет. А пока полагался на те тысячи, что под рукой. Да на отвагу и дерзость мысли, способной переломить силу тысяч — как своих, так и неприятельских. Обры после короткого перерыва в сече опять забурлили, не иначе, как готовятся к новой схватке. Встретить их надо не хуже, чем до сих пор, а как, если от прошлого боя еще печи не остыли. В передышке едва успели подобрать раненых да передать на руки людям из ближних весей. А следовало бы еще и о живых подумать — собрать в новые сотни, поставить предводителей, не мешало бы отдых дать всем. Но чтоб улеглись страхи, чтобы вернулась рукам сила, а сердцу — уверенность — для этого мало летней ночи. Отдалить бы сечу хотя бы еще на день, но как?

Долго сидел Волот, прислонившись к дереву, думал свою думу. Потом пошел на берег, вглядываясь в объятое уже сумерками поле боя за рекой. Спасительной искрой мелькнула мысль: поле брани усеяно своими и чужими трупами. Почему бы не выйти завтра и не сказать обрам: остаемся воинами, но будем и людьми, — прежде, чем продолжать брань между живыми, отдадим дань уважения убитым. Разве обры равнодушны к своим убитым? Или нет у них долга друг перед другом, перед обычаем предков: воздай должное побратиму своему — кто-то, где-то, когда-то отдаст его и тебе?.. Для всех племен и народов это не просто обычай — первая заповедь, не может быть, чтобы она обошла обров. Видят же: если

не уберут с поля боя павших, птицы им повыклюют завтра очи, кони будут топтать их, когда начнется сеча. А трупов так много, что неизвестно, где скрестятся мечи завтра, послезавтра, если оставят убитых на месте.

— Тысяцких ко мне! — повелел Волот.

Тысяцких было немало — явились все. И те, что были под началом дулебского воеводы Старка, и те, что стояли с отдельными тиверскими тысячами под рукой воевод Власта и Чужкрая. Глядя на их лица, князь понял, что добрых вестей они от него не ждут — готовы к самому худшему. Но такого вопроса, с которого он начал, они не ждали.

— Кто пойдет к обрам как нарочитый муж? — бросил он пытливый взгляд как бы на всех, но и на каждого в отдельности.

Тысяцкие переглянулись.

— А какая нужда идти к ним? — обычно медлительный, неповоротливый Чужкрай вдруг показал проворство: первым осмелился спросить и тем уже возразить князю.

— Договариваться придется не с конюхами — с терханами, поэтому и послать должны того, кто мог бы вести речь на равных.

— А не много ли чести для обров, будь они хоть трижды терханы? — снова возразил Чужкрай. — Как на мой взгляд, так с них и сотенного хватит. В моей тысяче, кстати, есть такой, что на словах один за всех нас управится.

Волот не торопился возражать.

— Чужкрай правду говорит, — заметили другие тысяцкие. — Разве смерть Мезамира не научила нас осторожности, а паче всего с обрами?

Нелегко признаваться князю, что как следует не обдумал все. А что делать? Поспешил, но решение принимать надо.

— Пусть будет по-вашему. Зовите этого велеречивого.

Объяснил сотнику, как ему вести себя с аварами, что говорить, чтобы добиться согласия на временное перемирие.

— Много не рассуждай с ними. Скажи, что негоже живым проявлять неуважение к мертвым. Честь воинов и витязей обязывает отдать их тела огню или похоронить с почестями, воздать хвалу их подвигу. Что бы тебе ни говорили, стой на своем, бей по их гордыне именно этим.

И желал, и боялся верить, что перемирие с обрами возможно. Те, по всему видно, готовились к сече. А кто настроился на бой, того остановить трудно. И все же надо попробовать.

Выслушав нарочитого от антов, обры не спешили с ответом. Долго пришлось ему вместе с сопровождающими стоять столбом неподалеку от табора асийских бродяг. Наконец позвали. И держали теперь недолго. Когда же вернулся назад и, довольный, улыбнулся своей белозубой улыбкой, сомнений не осталось: он, князь Волот, вырвал у судьбы для себя, для своих воинов, да для всей земли Трояновой желанные трое суток и тем достиг, чего хотел. Да, тем и достиг! Потому как много воды утечет за это время. Будет когда и поразмыслить, и отдохнуть, и с силой собраться, и расставить по-новому те рати, что есть и что могут прибыть за эти трое суток в помощь от восточных антов.

Князь Волот стоял на вороном коне на холме за рекой и наблюдал сечу, которая бушевала и колобродила и справа, и слева, и прямо перед ним. Он уже не слушал, с чем обращались к нему гонцы. Без просьб и требований, без обессиленного нечеловеческой усталостью крика, он знал: все одного просят — помощи, и непременно — немедленно. А где он возьмет ее, помощь, если все, что имел, послал уже или Власту, или Старку, или Чужкраю.

— Князь! Нет сил стоять уже. Дозволь отойти с оставшимися за реку!

— Не позволю! — резко повернул голову к очередному гонцу и ледяным взглядом как бы пригвоздил того к седлу. — Скажи Чужкраю, чтоб и думать об этом не смел. Кто отойдет за реку, тот сам поведет обров к Черну и дальше.

— Нас мало, а обры бросают и бросают свежие силы.

— Ну так что? Сражаться надо, а не поглядывать за реку. Все! С этим и скачи к своему предводителю.

— Князь! Где же обещанная помощь? — кричит другой гонец. — Старк сказал: «Если не будет ее, не выстоим. Обров вдвое больше, чем нас».

— Скажи Старку: обры на чужой земле, а мы на своей. У нас каждый стоит за двоих. Отступать позволяю лишь тому, кто уже погиб.

Гонец, как ни тяжело, снова обращается к князю:

— Что же сказать тысяцкому о помощи?

— Скажи, как будет — медлить не стану, сразу пришлю. А пока уповайте на собственные силы. И еще на то, что за вами стоят жены и дети, ждут взятой у супостата победы. Примите это в расчет и черпайте оттуда все, чего недостает вам, чтобы выстоять.

Князь круто отворачивается от гонца. Горько слышать все это, а сознавать и подавно. Если Чужкрай и Старк просят о помощи, чего не ждать тогда от других? Наученные годами и опытом воеводы, мужи, которые били ромеев, как они поймут, что князь все видит и давно прислал бы желанную подмогу, если бы она была под рукой. И все же воевода Власт пока единственный, кто бьется молча, не упрекает, что мало дружинников, хотя терханы Баяна заметили, что у Власта отборная дружина и бросили против него свои лучшие турмы. Не так много, как против Старка и Чужкрая? Да нет, не меньше, если не больше. Дружинники Власта не так уязвимы, как ополченцы Старка и Чужкрая — вот в чем дело. Они наносят по обрам стремительные и беспощадные удары и тут же ускользают из ловушки, как только обры начинают обходить их. Словно крылатые змеи носятся по полю. Вот ринулись лавой, сбили брошенные против них турмы и с таким неудержимым напором пошли месить и топтать супостата, что и отважных сердцем пронзает страх. Были бы все ратники так обучены и умелы, не пришлось бы отходить от Днестра, не отступили бы так далеко в землю Тиверскую. Почему же это произошло? Ведь и сила была, и надежда была большая на быстрый и широкий Днестр, и он, Волот, так уверен был в победе, что даже сказал Ближике: из Тиры ни шагу! Как бы ни сложилось и чтобы там ни было, стой в ней, обороняй ее до последнего. Он и стоял, может, и теперь еще держится. А остальные отошли — не за Днестр, уже за Дунай. На беду, обе дочери в Тире. Злата — как жена при муже, Милана — как гостья Златы. Хорошо, если Ближика догадался выслать их морем на Дунай, а Дунаем — в дальние верви или еще куда-либо. А если нет?

Боже, что это, снова гонец от Чужкрая?

— Князь! — Дружинник едва доскакал до него и свалился, обессилевший от ран, из седла. — Беда, князь. Чужкрай убит. Сотники спрашивают, кто возглавит остатки его тысячи?

— Я.

Волот повернулся, чтобы крикнуть во весь голос: «Все, кто есть при мне, в мечи!» — и вдруг заметил: редколесьем. что подступало к холму с севера, движутся всадники. Он еще не успел разобрать, кто такие, как рядом кто-то из дружинников крикнул:

— Дулебы! Смотрите, братия, дулебы. Помощь идет!

Волот развернул Вороного, чтобы помчаться навстречу спасительной помощи от Добрита, но передумал: к нему уже мчался на белом, быстром, как ветер, коне предводитель дулебов.

— Князь! — остановился он перед ним. — Тысяцкий Келагаст и его тысяча к твоим услугам.

— Тысяча? Это правда, молодец?

— Да. Князь Добрит сказал: от сердца отрывает, а шлет.

Волот, не в силах больше сдерживать радость, обнял посланца от дулебов, сказал:

— Спаси тебя бог, молодой тысяцкий. Если бы князь Добрит знал, как это вовремя. Если бы знал! Дружинники твои готовы к сече?

— А как же. Затем и пришли!

— Тогда разворачивай лавой и дели свою тысячу надвое. Пять сотен поведу я, а ты с остальными иди на выручку воеводе Старку.

И закипела сеча острее прежней, и еще более ожесточились сердца людей, сошедшихся в сече. Один вкладывал свой гнев и злобу свою в удар, который со страшной силой падал на голову супостата, другой, делая то же самое, успевал оглянуться, чтобы такой же удар не обрушился на него, у третьего хватало и гнева, и силы, чтобы в этой страшной рубке бросить супостату слово проклятия.

— Это вам за Брайка! — приговаривал тот, который только что потерял побратима.

— А это за тысяцкого Чужкрая! — пояснял другой, да так громко, что на его голос невольно оглядывался какой-нибудь обрин и или сторонился, видя, как падает убитый сородич, или удваивал гнев свой и шел на анта с оголенной сталью и яростью, которая, казалось, не бо-

ялась и стали. — А это за себя,— встречал его тот же ант ударом под сердце, — на тот случай, если полягу, а отплатить некому будет.

Лишь Келагаст каждый свой удар приправлял одним и тем же:

— Это вам, степные тати, за Мезамира! И это за Мезамира. И это! Клянусь гневом Перуна, бога добра и бога войны: пока жив буду, до тех пор буду мстить за брата, безвинно убитого.

Он не впервые сражался с обрами. Тогда еще, как возвратился от них с Мезамиром, с телом его, и встал перед князем Добритом, сказал Добриту: «Пошли туда, где смогу утопить гнев свой и ненависть свою в крови асийской». Князь пробовал отговорить его, негоже, мол, бросаться в сечу с безумием гнева в сердце, надо остыть, чтобы не страсть, а разум помогали в бою. Но Келагаст остался непреклонным. Пошел на Днестр, устроил там засаду и такую мясорубку обрам, что Добриту уже не было причин опасаться за ярость и рассудительность Келагаста. И когда прибыло дулебское ополчение, Добрит, пополнив его своими ратниками, повелел Келагасту быть тысяцким. Это не беда, что слишком молод, что вчера еще был сотником. Зато рука у него надежная, а отваги не занимать. «Воины из людей дулебских не ровня твоим дружинникам, — заметил Добрит, наставляя молодого тысяцкого, — но ты не обращай внимания на это. Пусть в сече учатся у них — другого ничего не остается, если такая беда постигла нашу землю и наш народ».

Келагаст не забывал этого наставления ни тогда, когда школил свою тысячу, ни позднее, когда повел ее в сечу. Уповал на нее, как на самого себя, и сейчас.

— Анты, берем верх! — крикнул он во весь голос и пришпорил коня, стремясь вперед, туда, где и надлежит быть предводителю.

И крик его подхватили. Воины чувствовали прилив сил. Исполненные могучего духа, они налетали на обров бурей и, подобно буре, сносили их со своего пути.

— Верх! Верх!

Клич этот, ярость эту слышал за собой и князь Волот. И не только из уст сотен, которые привел и передал под его руку Келагаст. С новою силой навалились на обров и поредевшие сотни тиверцев. Теперь уверены были — за ними будет взятая у супостата победа.

— Князь! — настиг его в сече и стал рядом кто-то из отроков. — Выйди на время из рядов, надо сказать что-то.

— Говори здесь.

— Здесь не могу. Ты, — показал назад, — там нужен!

— Что за выдумки? Кто может указывать предводителю, где ему быть?

Сдержал все же коня, передал первому подвернувшемуся сотнику: «Будь за меня», — и снова к отроку:

— Кто велел так?

— Сын твой, Богданко.

— Что?!

— Говорю, сын твой. Свою рать привел в помощь нам. Втикичами называют себя.

Дальше Волот уже не слушал. Развернул Вороного и погнал навстречу всадникам, которые — увидел уже — выезжали и выезжали из леса. Так ли рад был, или радость приумножалась тревогой — сам не ведал. От конников выделился и пошел на сближение с князем всадник.

— Отче!

— Сын!

Если не рядом, то почти рядом ржали, оповещая мир о человеческом безумстве, кони, высекались испепеляющие искры — и не только ударом стали о сталь, но и ударом слова о слово, лилась кровь, торжествовала злоба, прощалась с земным и цепенела перед неизвестностью потустороннего человеческая жизнь. А тут, на ближней границе бородища, пусть и нехотя, но все же успокоенно ложилась тишина и брало верх торжествующее, тоже человеческое, начало жизни. Отец и сын обнимались и разглядывали друг друга, сетовали на судьбу, что разлучила их, и тут же благословляли судьбу, которая снова свела их вместе.

— Боги светлые и боги ясные! — опомнился князь Волот. — Сколько же мы не виделись! Как живешь там, сын мой, на чужбине? Почему называешь так себя и народ свой — втикичи?

— Об этом потом, отче, когда сойдемся после сечи. Говори, куда вести их, моих втикичей?

Волот не сводил с него любящих глаз. Вон какой муж, какой князь вырос из немощного когда-то сына.

— Там и без нас управятся уже. А впрочем, сколько имеешь при себе мужей, князь втикичей?

— Три тысячи.

— Ого!..

— А еще князья Острозор и Зборко ведут своих. Воинов у них намного больше, чем у меня, потому и задерживаются.

— Тогда это уже наша, переятая у обров победа. Бери две тысячи и скачи, — показал влево, — к воеводе Власту. Остальных воинов твоих поведу я. Такою силою мы не только в этом бою победим обров, а и на века вперед закажем им ходить в нашу землю.

XXIII

Таким Баяна, кажется, и не видели еще. Предводитель обров сидел на своем обычном месте в шатре и был темнее ночи, подобен грозовой туче. Глаза прищурены, точно нацелены в кого-то, и голову вбирал и вбирал в плечи, как перед прыжком. Вот-вот, казалось, взметнется и бросится на первого же из советников, чтобы разорвать в клочья. Пусть обережет Небо от такого гнева. Лучше бы не быть его советником, не быть здесь в этот тяжелый день и час.

— Турмы, которые ходили сегодня на антов, здесь? — услышали наконец его голос.

— Здесь, Ясноликий.

— Терханы, предводители этих турм, тоже здесь?

— Кроме тех, достойный повелитель, кто погиб в сече. Кто пал смертью храбрых.

— Храбрых у меня нет! — крикнул таким свирепым голосом, что сразу пригнул советников к земле. — Храбрые умирают на пути к славе, а не к такому, как этот, позор.

Стремительно вскочил и повелел тем, кого это касалось:

— Коня мне!

Конюхи не медлили, да и каган не ждал. Вскочил на рослого, неугомонного, как сам, коня и встал перед турмами. Злость и гнев распирали его. И конь, чувствуя это, ни минуты не стоял на месте. Каган поднял Белогривка на дыбы перед одной из турм — и тут же помчался дальше, вздыбил перед другой — и снова полетел. Будто выискивал кого-то и, не находя, бесился еще больше.

— Вы недостойны носить имя своих предков, — остановил наконец коня там, откуда был виден всем и всеми

услышан. — Вы опозорили имя предков, опозорили себя, свои роды. По законам племени вы заслуживаете высшей кары — изгнания. Но буду милостлив. Знаю: не все отступили перед антами, не все бежали с поля боя. Но в каждом подвиге, как и в каждом позоре, есть свои предводители. Укажите их — и я освобожу остальных от позорного клейма трусов и предателей, и каждому, кто очистится, верну право называть себя витязем и аваром.

Турмы молчали. Каган начал хмуриться, теряя терпение. Но вот где-то там, в глубине рядов, послышались обиженные голоса, потом — гомон, ругань и перебранка, поднялась настоящая буча.

Баян не спешил теперь вмешиваться. Если так, он может быть и терпеливым, тем более что великого терпения, кажется, не потребуется: турмы уже кипят гневом, выталкивают и выталкивают из своих рядов тех, кто провинился.

— Покарай их, Ясноликий! — теперь уже они требовали от него. — Это те, что побежали с поля боя. Это их страх стал нашим позором.

Те, кого вытолкнули, норовили нырнуть обратно, спрятаться за спинами других. Но кто спрячет, станет на помощь, если у каждого душа в пятках, если каждый тешит себя надеждой, что его не тронут, оставят в покое, что, может, этими жертвами откупятся от беды?

Тех, от кого отреклись турмы, было не так уж мало, однако не так и много, чтобы сомневаться. Поэтому когда Баян повернулся к советникам и спросил, каким будет наказание: отпустить трусов с их родами куда глаза глядят, или советники думают покарать их другим способом, — те уж не молчали, как до сих пор.

— Зачем карать роды? — сказали они кагану. — Разве роды виноваты, что на этих трусах лежит стыд и позор? Будь справедлив, достойный из достойных, покарай лишь отступников, и покарай их самой страшной карой — смертью.

— Да, карай тех, кто провинился! — требовали и турмы.

В отдалении, по обе стороны от шатра Баяна, стояла личная конница кагана. Конники внимательно следили за повелителем, а услышав приговор советников, подобрали поводья, отвязали притороченные к седлам арканы. И ненапрасно. Каган повернулся к ним и дал знак ис-

полнить волю большинства. Всадники рванули с места и, подзадоривая себя диким свистом и улюлюканьем, вихрем налетели на обреченных, ловко накинули на них арканы и помчали с торжествующим гиком в степь.

Все произошло так быстро, что, когда каратели исчезли, а перед турмами улеглась тишина, не верилось, что приговор уже исполнен, и воины затихли, ожидая худшего.

— Слава Баяну! — нашелся кто-то и разрядил гнетущую тишину приветствием. — Слава непобедимому кагану аваров!

— Слава!!! Слава!

Авары подняли мечи к небу и Небом клялись в вечной верности своему кагану. Они с каганом, они способны на все ради кагана. Пусть скажет, на кого идти — и пойдут, пусть повелит умереть — умрут, не посрамив имени своего, родов своих, имени повелителя!

— Слава и хвала тебе, мудрый предводитель! Слава и хвала! — кричали во всю мощь терханы. Баян воспринял их хвалу как должное.

— Авары! — Он поднял над головой меч, требуя тишины. — Раз мы собрались вместе, раз мы поняли друг друга и снова стали такими, какими нам надлежит быть — твердыми и уверенными в себе, открою вам сердце. Я не затем вел вас на антов, чтобы вы напугали их нашей силой, завладели всем их добром и навсегда утвердились в Антии. Обманчива их земля, не такая уж и медоносная, как о ней говорят те, кто видел ее всего лишь одним глазом. Другие помыслы владели мной, когда шел на антов, и путь уготовил вам другой. Пока вы боролись с ними, мои послы побывали у императора византийского и возвратились от него со счастливой вестью: империя дает нам за Дунаем лучшие, чем у антов, земли и позволение поселиться в тех землях.

И снова степь загремела от здравиц аварских турм своему предводителю. И вновь Баян поднял меч, желая, чтобы его выслушали до конца.

— Я не все сказал вам, витязи мои. Император не просто приглашает нас поселиться по ту сторону Дуная на плодоносных землях Скифии и Мезии. Он ставит нас между собой и антами и требует, чтобы мы были второй Длинной стеной между империей и славянами. За это, — Баян еще раз окинул взором турмы... — За это император Византии берет на себя обязанность платить нам ежегодно по восемьдесят тысяч золотых римских солидов.

Авары торжествовали. Теперь уже не только мечи поднимали над собой, взлетали в небо мохнатые шапки, гремело тысячеголосо — «согласны», «слава», «хвала»!..

— Велю вам!.. — Каган в третий раз поднял меч. — Велю вам, сородичи мои: теперь уважьте память тех, кто лег на этой земле и заслуживает почестей, а потом острите мечи, чтобы поквитаться с антами за убитых. Землю же, которую отторгли у антов, им не оставим. Эту землю мы отдаем нашим союзникам — кутригурам. Пусть обживаются здесь, пусть будут нашей крепостью на земле Антской. Наступят лучшие времена, мы вернемся сюда и спросим антов: как смели они противиться нам, аварам?

XXIV

Задумал ли так Баян, или что-то заставило его изменить намеченные планы, только расплата с антами длилась до самой зимы, тяжким бременем легла на антов и на всю зиму. Хотя и не было крупных сражений с обрами, но попытки навязать сечу, проникнуть в глубь Тиверской и Уличской земель и пограбить людей делались постоянно. Это заставляло держать на границах не только тиверцев и уличей, но и дулебов, а вместе с ними росичей и втикичей. Только весной, когда в Дунае стала спадать вода, пришла с его берегов долгожданная весть: обры готовятся к переправе.

Вся Антия, кажется, облегченно вздохнула, а князь Волот и подавно. Но ратные тревоги, заботы о зимовке на Тиверской земле огромного количества конников легли прежде всего на него. Нелегкое бремя. Опустели подчистую все княжьи житницы и скотницы, опустели и людские. Трудно накормить воинов, еще труднее — коней. Князь забрал все, что было у поселян, посылал обозы и в соседние земли. На беду, и князь Добрит занемог. Зимой еще жаловался он на удушье и боли в сердце, а с наступлением тепла слег совсем. Знать бы, что болезнь так крепко засядет в нем, так еще по снегу отвез бы его в Волын в залубнях. Теперь нечего и думать об этом. Чуть не всех лекарей и баянов привезли к князю Добриту, и ни один не поставил его на ноги. Последний был откровеннее всех: «Готовься, князь, к худшему», — сказал Волоту, когда остались наедине, и похоже, сказал правду.

Чтобы хоть чем-то утешить больного, Волот зашел и рассказал ему об обрах.

— Светлый день наступает для нас, князь: обры оставляют нашу землю, переправляются за Дунай.

Добрит долго молчал, будто и не слышал, что ему говорят, потом, собравшись с силами, сказал:

— Слава богам. Хоть этим утешусь.

Волот не сразу ушел от него. Убеждал князя, что тот скоро поправится, кажется, говорил — и сам верил в это, но на третий день после того разговора князь Добрит умер. Перед тем как отойти, позвал Волота, некоторых мужей своих и попросил, чтобы тело его переправили в прекрасный город над Бугом — Волын, туда, где его кровные, где будет кому хранить память о нем.

Теперь тиверский князь должен и об этом хлопотать. А забот при такой оказии хватает. И то надо, и другое, и десятое.

— Князь, — приходил кто-то из огнищан. — Умершего обмыли уже, натерли благовониями, одели. Где велишь положить?

— В гриднице. Там будут прощаться с ним и отдадут дань уважения воины, весь тиверский народ.

Хотел было идти, но увидел сына и снова остановился.

— Князь Богданко, — позвал. — Давно хочу видеть тебя.

— Я к вашим услугам, отче.

— Пойдем, надо поговорить. Я должен отлучиться из Черна.

— Куда и зачем?

— Сопровождать тело князя Добрита в Волын. Надо и на тризне побыть. Умер он, заботясь о благе земли нашей, обычай и честь велят отдать ему достойную дань уважения.

— Все это так...

— Я тоже говорю: это долг наш. Отложить его ни на день нельзя. А обры еще не переправились, от них всего можно ждать. И непохоже, что кутригуры собираются за Дунай. Кто-то должен приглядеть за ними. Ты — сын мой, тебе и быть в мое отсутствие предводителем всей рати, что остается на Тиверской земле.

— А князья Зборко, Острозор?

— Они и их рати будут под твоей рукой. Только дулебы пойдут в свою землю, будут справлять тризну по своему князю.

И приятно, и неловко слышать это от отца, но Богданко постарался скрыть смущение, — заговорил о другом:

— А что будет с Миланой и Златой, отче? Так и оставим их в чужих краях?

— Как это — оставим? Надо позаботиться, чтобы вернулись в свою землю. Однако хлопотать об этом будем после, когда уляжется раздор с обрами.

— А кто пойдет за ними?

— Вернусь — подумаем. А ты, будет время, и сейчас думай.

Думать, действительно, было о чем. Распря с обрами вырвала из рядов антов не только князя Добрита, а им, отцу и сыну, она уготовила еще одну печаль: когда погнали в понизовье обров и освободили взятых ими пленных, от них узнали, что обоим зятьям князя не суждено уже радовать близких ратными подвигами. Слишком долго обороняли от татей Близжика — Тиру, а Кушта — Холмогород, немало обров положили они под стенами и за это оба были жестоко наказаны. Израненного и обескровленного Ближику бросили в пылающую лодью и пустили на воду, а Кушту подняли на сулицы и оставили так, умирать в муках. О Милане и Злате пленные знали только то, что Ближика посадил их перед тем, как запереться в остроге, в лодью и послал с верными людьми к Дунаю. Должны были прийти в мирный тогда еще Холмогород, но не прибыли туда. Ходила молва, будто лодью перехватили ромеи. Если это правда, то они уже ромейские пленницы. Тоже не радость. Кому-то надо ехать и выручать их, пока не продали на торгах. Кто же, в самом деле, поедет? Отец? Хорошо бы, да не тот уже возраст у него, чтобы ездить. Если не найдется подходящего мужа, придется, думал Богданко, самому отправляться. После смерти матери, Малки, их осталось трое, и он — самый старший. Бабка Доброгнева говорила в свое время: на свете нет более сладких уз, чем сердечные узы, но и из всех сердечных самые крепкие узы — кровные. А ему ли забыть, как пестовали его сестры, когда он ослеп, теперь же они в беде, его черед выручать их. Тут и думать больше не о чем.

Только куда податься, в какой стороне искать их? Хорошо, если ромеи, узнав, чьи дочери перед ними, сообразят, что за княгинь с князя возьмут больше, чем за рабынь на торгах. А если нет? Не должно бы так быть. Ромеи есть ромеи, у них выгода всегда на прицеле. Да

и Злата с Миланой должны подсказать: возьмите кого-нибудь из челяди нашей и пошлите к князю тиверскому, он не обидит вас выкупом. Может, отец именно это держал на уме, когда говорил: вернусь — подумаем? Скорее всего, что так.

Бродя по Черну и больше тоскуя, чем радуясь встрече с прошлым, Богданко неожиданно встретил мачеху. Она была чем-то встревожена, спешила, но и через тревогу так и засветилась вся, увидав Богданко, и таким родным, близким повеяло от нее, что у него ёкнуло сердце, — он поспешил навстречу ей, успев подумать, что зря он был холоден к мачехе, — видят боги, она не такая уж и чужая ему.

— Беда, Богданко, — не сказала — выдохнула она. — Прибыл гонец с границы, тревожную весть принес: кутригуры идут на нас.

— Обры или кутригуры?

— Сказал, кутригуры.

Богданко немного успокоился, постарался и мачеху успокоить.

— Если так, — сказал, — если только кутригуры — невелика беда, матушка Миловида. Нас тут вон сколько, угомоним и отбросим их прочь.

— Князь-отец говорил, чтобы если что — обращалась к тебе.

— Спаси бог и князя, и вас, госпожа. Идите к детям и будьте с ними. Я сам оповещу обо всем и воеводу, и князей.

Стояли на пригорке втроем. Князь Острозор впереди, Богданко справа от него, Зборко слева. Все на рослых, выгулянных на приволье конях, при полной броне.

— Что говорят разведчики? — нарушил тишину Острозор.

— Все то же, — ответил Богданко. — Обров среди выставленных против нас тысяч нет.

— Здесь, при Заверган е, нет. А дальше?

— Дальше тоже. Люди наши ходили до Дуная. Кроме кутригуров, никого не видели.

— Боюсь, что это не так.

— Почему?

— Что он тогда думает, Заверган? Не знает, какая у нас сила, или рассудок потерял?

— Может, и не знает, — заметил князь Зборко. — Разведчики его наверняка видели, как ушли из Тивери тысячи дулебов. Могли доложить хану, что анты, мол, подались в свои земли, остались только тиверцы, а сколько тиверцев? После сечи с обрами их, мол, немного...

— Дела-а-а, — вздохнул Острозор. — Не станем же мы выставлять перед ним всех, кто стоит в лесу или спрятан за лесом. Плохо это.

— Почему плохо?

— Пока не знаем, чего хочет Заверган, не стоит показывать, сколько нас.

Знали бы князья антские истинные намерения Завергана, не сомневались бы. И вышли бы всей ратью, и нарочитых послали бы сказать: «На что надеешься, хан? Перед тобой не только тиверцы — втикичи, росичи, уличи. Тебе ли думать о разгроме таких сил? Прольешь реки крови, а все напрасно». Заверган же колебался: идти ли на антов или нет, довершать, что начали в безумии, от жадности к чужому, кмети, или выйти и сказать антам: «Плачу́ за их безумие и татьбу, и этим свидетельствую покорность». Он был настолько не уверен в себе, что достаточно было бросить на чашу сомнений один-единственный намек, чтобы разум взял верх над намерениями и положил бы конец затеянному. Потому что не по своей воле собрал кутригурские тысячи, чтобы проучить антов. Каган аварский камнем висит на его шее. Мало ему того, что столько воинов полегло в походах против антов, велит теперь сесть между ними и антами и быть его твердью на Антской земле. Да еще и такой совет-повеление дал: «Воспользуйся тем, что князья антские ушли восвояси, а тиверские рати выбиты нами, и отбрось антов за Ботень-реку. Без этого тебе не усидеть на Дунае».

Заверган знал, чем возразить: не стоит нарушать только что подписанный договор; ряды кутригуров тоже поредели не меньше, чем тиверские, им, кутригурам, и без этого похода несладко будет на Дунае, — но как подумал, кому собирается возражать, так и смирился.

«Покорюсь, — решил про себя, — пока Баян со своими турмами рядом. А уйдет за Дунай, сделаю по-своему. Может, замирюсь с антами, и будем с ними добрыми соседями, а может, и совсем оставлю им землю на Дунае, пойду на Онгул, сяду, как сидел, да и плюну оттуда на Баяна. Разве кутригуры забыли, в какой позор ввел

их, какой урон нанес им своим коварством, сколько крови пролито из-за этого коварства?»

Сам себе готов был поклясться, что так и сделает, а походил по Тиверской земле, посмотрел, какие сочные травы на просторах Придунавья, и снова засомневался.

«А может, Баян дело говорит? Земля по Онгулу от меня никуда не уйдет. Однако и эта, Тиверская, не будет лишней, тем более в сухолетье, когда на Онгуле мелеют реки, высыхают озера, выгорают травы, а овцы с коровами не могут найти себе никакой поживы. Чем не спасение тогда зеленое Придунавье? А сам Дунай, а рыба в Дунае?»

О, натура человеческая, жадность вскормленная! Когда ты насытишься и скажешь: хватит? Только что был трезвый хан Заверган, а уже хмельной. Только что говорил: сам найду себе совет, а уже забыл об этом и согласен слушать других, да не просто других — недруга своего.

— Кутригуры! — Заверган привстал в стременах и высоко поднял руку, чтобы все видели его и слышали, что скажет перед сечей. — Вы хотели пойти за Дунай, сесть на плодоносных землях Скифии или Мезии. И сели бы там, если бы не изменники утигуры. Они опустошили нашу землю, опозорили нас. Но все проходит, кутригуры! Случилось так, что мы оказались на Дунае. Отбитая у антов земля дана нам в вечное и неделимое владение. Вы сами видели, какая она, придунайская земля. Та ли это благодатная земля, которую вы искали?

— Та! — дружно отозвались тысячи.

— Тогда знайте: чтобы усидеть на этой земле и быть свободными, вы должны пойти на обессиленных в сечах антов и отбросить их за Ботень-реку. С нами Танга и обры тоже!

Он обнажил меч и, натянув повод, развернул коня, повел родичей своих на подвиг и славу. Он не оглядывался, но слышал, как вся сила, что была под его рукой, двинулась, не раздумывая, за ним. Чувствуя приближение сечи, даже конь бесновался под ним, Заверган же не спускал глаз с антов. Видел: появление кутригуров не застало их врасплох, да и смешно было бы надеяться, что анты станут ждать, пока кутригуры вломятся в их ряды. Антские предводители были уже во главе тысяч, уже сверкали их мечи, уже вся антская рать выступила вперед, готовая ударить грудь в грудь.

Сила нашла на силу. Гудела вздыбленная тысячами

копыт земля, гудело небо, вторя бедам и тревогам земли, свистел ветер в ушах, и лишь сердца человеческие, малые и беззащитные, стыли в груди от этого гула. Выставив впереди сулицу, припав к гриве, во весь опор несутся всадники навстречу друг другу и судьбе. Страх перед неизвестностью стал велением неизбежности, а воля предводителя слилась с общей волей. И единственное теперь, о чем могли они еще думать — что будет, когда сойдутся с неприятелем, когда ударят сулицами по щитам, когда мечи зазвенят о мечи?

Не мог не думать об этом и хан Заверган. Он уже сблизился с антами настолько, что различал отдельные лица. Впереди антских рядов летел на буйногривом коне витязь с можжевельником на шлеме. Князь. Неужели тот самый, с которым так мирно говорили когда-то о переправе через Дунай? Идет прямехонько на него, Завергана. Какой же ныне будет беседа, чем завершится? Сердечным согласием, как и тогда, или...

Не разминулись. Встали друг против друга, нацелились друг на друга сулицами, и Заверган вдруг понял: перед ним действительно князь, но другой. Похож на Волота, и все же не Волот.

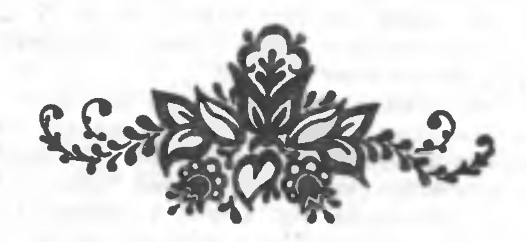
«Сын», — мелькнула догадка и, видно, заставила дрогнуть сердце, от сердца дрогнула и рука: в тот же миг он почувствовал разящий удар в грудь, туда, где был щит, но прикрытие оказалось ненадежным.

«Как же это? Почему?» — думал хан, все еще не веря, что он вылетел из седла, что падает на землю поверженный и пораженный смертельно.

Где-то ржали кони, слышались гневные, все более отдаленные и глухие команды, затихающие угрозы, проклятия, и хан ловил эти исчезающие звуки краем уха и в последнем проблеске памяти думал: «Это все. Это конец. Что же будет с сечей без меня и что — с кутригурами после сечи?»

Продолжение следует

Поэзия

Среди огромного потока поэтической почты в редакцию непосредственностью и чистотой обратили на себя внимание произведения молодой поэтессы Миланы Алдаровой. К ним было приложено письмо Зинаиды Шаховской, которое, по нашему мнению, звучит как своеобразное предисловие к стихам молодой поэтессы.

Многоуважаемая Милана Алдарова!

Один из моих друзей, вернувшись из Москвы, передал мне Ваш сборник «Отсрочьте суд!». Мне Ваши стихи очень понравились — и удивили меня своим «необщим выраженьем». Поэтому, хотя по старости, да и по занятости ограничиваю свою корреспонденцию (и чаще всего диктую мои письма), мне захотелось Вас поблагодарить за доставленное мне удовольствие.

Я давно надеялась, что когда-нибудь из России получу стихи, в которых не будет ни тени вульгарности, а современность будет связана нитью со славным прошлым русской поэзии.

И еще — удивительно легко — непринужденно — входит в Ваши стихи все то, что не только в Союзе, но и у нас на Западе сброшено с «корабля современности» — и св. Грааль, и Эвклид, и орфический гимн, и Цирцея, и Прометей, и Адам, и Пико делла Мирандола — вперемежку со словечком Даля, с гну и т. д.*.

Право, хорошо. Желаю Вам славы, читателей и почитателей. Самое же главное — хороших стихов...

С добрым приветом

Зинаида ШАХОВСКАЯ

* А ученость (вместо эрудиции) у Вас совсем не скучная, но как грустно, что нужны примечания к ней...

Милана АЛДАРОВА

СВЕТОТЕНЬ

А И КТО?

(Песня)

а и кто меня сироту
да пригреет —
в пурги лютые?
а и кто меня молоду
да заслонит —
в грозы молнийные?

а и кто мне
неуемной
да порадуется
последит с улыбкой зоркой
как я в рост иду —
как день за день крепнут
хрупкие-то косточки
золотистый легкий пух
тучнеет в перышки
а и крылышки
расправляются
летной силушкой
наливаются
да разносят
мои песни-сказки
пó свету?

а кому заденет душу
слово звонкое?
а и чье-то ретивое
аукнется —
через улицу ль широкую
соседнюю
через всю ли да раздольную
вселенную?

НА ПЕЧИ

сидючи на печи
он зубровкой
зуб лечил
да заморье
вслух честил
изо всей нескудной мочи —
до полно́чи
а потом
повернул вопрос ребром.

коль заморье нас морочит —
шушваль шлет для пломб бессрочных! —
а уплочено притом
не каким-то серебром
но валютою-рублем!
мы
бессильем не пороча
Родину
с печи сойдем
боль зубровочкой зальем
шар земной с пути собьем
да заморье так тряхнем
что я чай шалить забудет!
а не то напомнят люди
прибаутку с каблучком —

заморьюшко! не круто ль крутишься!
зашибешь мой зубок — не соскучишься!

ГОРИЗОНТ И ГАЗОН

его глаз привык к горизонту
ее — к ласковой глади газонов
и видели они — разное
 пока в мир
 не вторглась
 мгла

Москва

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Андрей БЕЛЯНИН родился в Астрахани в 1967 году. По окончании школы поступил в Художественное училище имени А. П. Власова. Служил в Советской Армии на турецкой границе. Сейчас преподает рисование в школе. Андрей Белянин — участник персональных выставок картин в Сочи, Новороссийске, Астрахани.

Андрей БЕЛЯНИН

ЗОВУЩАЯ БЫЛЬ

* * *

Вражеский топор вбит в избы венец...
А ты встань-повстань, старый мой отец!
И к плечу плечом не ступить назад...
А ты встань-повстань, раненый мой брат!
Осветилась ночь, сея смерть вокруг...
А ты встань-повстань, мой упавший друг!
Над родным жнивьем бешеный огонь...
А ты встань-повстань, мой усталый конь!
Словно смертный вздох — черный дым столбом...
А ты встань-повстань, мой сгоревший дом!
Стук копыт да вой — копья до небес...
А ты встань-повстань, мой склоненный лес!
Льются тучи стрел кровью на поля...
А ты встань-повстань, русская земля!
Ликом грозным встань, солнце, на восход —
А ты встань-повстань, вольный мой народ!

* * *

Приключений пьянящая брага
Выводила меня за село.
Что такое мужская отвага?
Что такое мужское седло?
Как невмочно в затворенной келье!
Мне туда, где за взмахом орла
Понеслась с соловьиною трелью
Из кленового лука стрела.
Мне туда, где звенит о шеломы
Ясных сабель отточеный свет,
Где со смертью так близко знакомы,
Словно братствуют тысячу лет,
Где ветра на кургане забытом
Колыхает соленый ковыль.
Мне туда, где звенит под копытом
Русских песен зовущая быль...

Астрахань

Очерк и публицистика

ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Рвзговор о мафии в СССР ведется, как правило, слишком подчеркнуто общо. Без имен. Без вскрытив структур. «Отцом мафии» по праву можно назвать дефицит, а «матерью» — нашу уникальную кадровую политику «номенклатурных перемещений», — компетентно считает старший советник юстиции, старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР Евгений Мысловский. Добавим лишь, что нынче «номенклатурные перемещения» распространились от партийных в «антипартийные» и «демократические» структуры. Это грубое чередование «политических одежд» обмануло немалое число наивных людей. Но обман потихоньку раскрывается.

Предлагая вниманию читателей заметки Евгения Мысловского, мы имеем основания считать их более чем актуальными для эпохи «развитой перестройки», с «ускорением» движущей страну к пропасти под фальшивый звон «гласности». Столь криминального правления Россия не знала, пожалуй, никогда...

Отдел очерка и публицистики

Евгений МЫСЛОВСКИЙ

СОВЕТСКАЯ МАФИЯ: «СЕМЬЯ» И КЛАНЫ

...Следственная практика последних лет изобиловала делами с яркими «мафиозными» элементами. Порой казалось: вот сейчас, вот именно это дело окончим — и мафия предстанет перед общественным взором полностью обнаженной. Но сроки следствия жестко сжимали рамки дела, и ни по одному из них полной картины дать не удавалось. Из всех попавших в поле зрения следствия связей и фактов выбирались, как правило, лишь отдельные «узелки». Для расследования преступлений в полном объеме не хватало ни времени, ни сил следственного аппарата.

Удавалось разорвать паутину мафии лишь в отдельных местах, а нетронутые «узелки», сохранившие в себе весь «генетический код» мафии, вскоре вновь воспроизводили новую сеть, законспирированную еще лучше.

Насколько можно судить по следственной практике, еще ни разу не удавалось полностью ликвидировать мафиозную опухоль даже в какой-то отдельно взятой отрасли или отдельном регионе.

Во многом способствовала этому и политика судов, рассматривавших такие дела, считавших, что упоминание о всей структуре преступных отношений выходит за рамки рассматриваемого дела. Особенно ярко это проявилось при рассмотрении дела Чурбанова, когда председательствующий на процессе член Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майор юстиции М. А. Маров отказался оглашать преамбулу обвинительного заключения. Объясняя свое решение журналистам, судья заявил, что «следствие вышло за рамки, пытаясь уже с самого начала обозначить совершенное подсудимыми преступление не только как уголовное, но и социально-политическое».

К слову сказать, организованная преступность — это и есть социально-политическое явление, выраженное в нарушении законов Уголовного кодекса.

Публикуя данное высказывание судьи Марова в статье «После суда» («Правда», 1989, 21 января), журналисты Г. Овчаренко, А. Черненко и В. Иткин отмечали: «Ознакомившись с преамбулой, мы не усмотрели в ней ничего такого, что могло бы повлечь изначальную заданность судебного процесса. В ней характеризовалась социально-политическая и экономическая обстановка в республике на момент совершения преступления, вспоминались «хлопковые дела», утверждалось, что «милицейское дело» — лишь фрагмент коррупции, поразившей не только Узбекистан, но и другие регионы, даже Москву».

Таким образом, следствие пыталось обозначить проблемы, возникшие перед обществом в связи с гигантским распространением организованной преступности, но именно это и не устроило суд, предпочтивший обычное уголовное дело об отдельных взяточниках анализу коррупции.

Как бы там ни было, но в страна явно сложилась ситуация, при которой затаившиеся, словно спящие в почве вредители, «узелки» мафии отлеживались и снова возрождались, как только интерес следственных органов отвлекался от расследования дела по конкретному объекту.

Феноменальная живучесть этого явления объясняется многими факторами, в том числе и отсутствием четкой, жесткой внутренней структуры организованной преступности.

В странах — прародительницах мафии основной ячейкой современной организованной преступности является «семья» — понятие чисто историческое, поскольку на Сицилии на протяжении десятилетий занятие преступлениями было «семейным делом». В настоящее время в «семью» может входить от 70 до 700 человек. Мы не привыкли к такому термину и обычно называем подобное объединение преступной группой. Думается, что термин «семья» может быть использован и у нас для удобства исследования и изложения, тем более что во многих группах родственные и дружеские отношения между соучастниками являлись основополагающим элементом их существования.

В классической сицилийской мафии несколько семей объединялись в «коску», причем объединение это основывалось на довольно запутанных иерархических семейных связях. У нас подобное объединение получило название клана и, как это ни покажется странным, сохраняет некоторые черты родоплеменных отношений, особенно в южных республиках. В принципе, видимо, нет ничего удивительного в том, что именно родственники включаются в пре-

ступный бизнес, сулящий огромные барыши. Бывают, правда, и исключения, но и такие «семьи» и кланы основаны на кумовстве, протекционизме и длительных приятельских отношениях между соучастниками. В конечном итоге каждый из них рискует если не жизнью, то свободой, и семейно-дружеские узы кажутся им достаточно надежной гарантией от внутренней измены клану. В этом есть довольно большая доля истины, но очередной парадокс нашей мафии заключается в том, что «семейные» рамки преступной деятельности оказываются тесными и рано или поздно «семья» выходит на внешний рынок, где резко возрастает возможность (но отнюдь не неизбежность!) провала.

Из этой закономерности следует и другая. Исследователь итальянской мафии флорентийский судья Розарио Минна в своей книге «Мафия против закона» (М., 1988) пишет: «Во все времена организации мафии — «коске» — был необходим покровитель, как слону бывает нужен хобот. Мафиози нужен был «патрон» из культурной среды — человек, который бы разбирался в налоговой системе и нотариальных актах, мог повлиять на проведение судебного процесса и уладить неприятности с полицией. При этом патрон становился «белой перчаткой» мафии: если сам по себе не мафиозо, то ему мафиозо... вверяют свои отношения с цивилизованным миром, то есть с государством и его аппаратом...»

Учитывая, что развитие аналогичных явлений, как правило, подчиняется одним и тем же закономерностям, мы можем утверждать, что «белые перчатки» мафии появились и у нас. Поэтому позаимствуем у итальянцев и этот термин. Эти люди сами не совершают ни хищений, ни убийств, но, имея доступ к определенным рычагам власти, они способны в течение длительного времени обеспечивать не только функционирование преступного бизнеса, но и безнаказанность руководителей этих «семей».

«Белые перчатки» располагаются на довольно высоких этажах общественной структуры или, по крайней мере, в стороне от преступного бизнеса, и добраться до них в ходе обычного следствия бывает крайне тяжело. Более того, приводя в движение иногда не один, а целую систему рычагов власти, «белая перчатка» может лично даже не знать того, кому оказывает свое покровительство. Ей достаточно того, что она получила соответствующую просьбу от человека своего круга. (В русском языке давно укоренилось понятие «мохнатой лапы», по сравнению с которым предлагаемый термин «белая перчатка» выглядит более интеллигентно.)

В обязанности «белой перчатки» входит либо иметь постоянные контакты с нужными людьми, либо, в экстренной ситуации, быстро найти нужного человека. Идеальный вариант «нужного человека» — должностное лицо с «вертушкой», то есть с телефоном специальной правительственной связи. Характерным образцом такого «человека с вертушкой» явился помощник Л. И. Брежнева Г. Бровин, которому «вертушка» приносила взяточные доходы.

Справедливости ради надо сказать, что следственная практика имеет достаточно много примеров использования «человека с вертушкой» «втемную», то есть когда должностное лицо оказывает услугу мафии совершенно бескорыстно, даже не подозревая об истинном лице заказчика услуги. Но об этом феномене «вертушечной солидарности» надо рассказывать отдельно, ибо это и есть одно из проявлений так называемого «телефонного права».

Практика показывает, что «белые перчатки» располагаются на

самых разных уровнях (иногда в этой роли выступают представители творческой интеллигенции, не смущающиеся свои титулы и почетные звания ставить на службу мафии), но в нужную минуту сеть протянутых друг другу «рук в белых перчатках» создавала непроницаемую преграду для правосудия. В последнее время для этих целей все чаще стали использовать журналистов, не особенно задумывающихся о далеко идущих планах «заказчиков».

И все же при всей схожести условий функционирования каждая семья, как и ее «белая перчатка», индивидуальна. И именно эта индивидуальность делает непохожими одно уголовное дело на другое, позволяет отстаивать миф об отсутствии у нас мафии. Развеять этот миф можно только путем рассмотрения деятельности отдельных семей. Естественно, что рассматриваться в печати могут только те преступные группы, по которым уже приняты судебные решения, чья деятельность, пусть даже в усеченном виде, прошла через предварительное и судебное следствие. Именно этой «усеченностью» будет объясняться тот факт, что в ходе анализа семей мафии некоторые лица не будут названы подлинными именами, а многие обстоятельства будут описаны лишь со слов этих безымянных мафиози.

Постороннему человеку проникнуть в «семью» мафии чрезвычайно трудно. Поэтому наша информация основана на показаниях обвиняемых, данных ими на предварительном следствии либо в ходе обычной беседы «без протокола».

Феномен исповеди надо, видимо, рассматривать отдельно, так как полнота и объективность признания обвиняемого во многом зависят от личности следователя-собеседника, умеющего не только допрашивать, но и слушать, сопереживая рассказчику. Сопереживание — вовсе не синоним оправдания поступка обвиняемого. С психологической точки зрения, это скорее попытка понять поведение данного конкретного человека в конкретной ситуации. Не оправдать и осудить, а просто понять — это тоже необходимо.

Именно поэтому многие признания являются действительно чистосердечными и достаточно полно освещают картину преступления, но вот процессуальному доказыванию они поддаются не всегда.

Впрочем, по существующей традиции, большинство следователей и не стремятся доказывать истинность всего рассказа. И виной тому не только невозможность расследования в полном объеме, но и определенное психологическое недоверие к рассказчику. Расположить к себе, вызвать на откровенность лидеров мафии многим следователям удается, но вряд ли можно верить на все 100 процентов обвиняемому, склонному преуменьшать свою преступную роль, поскольку он понимает, что подлинная откровенность может обойтись ему слишком дорого.

И все же из таких отдельных показаний, как и из рассказов соучастников, путем дополнительной перепроверки через свидетельские показания в большинстве случаев удается получить достоверную картину организации «семьи» мафии и объема ее деятельности.

Именно так рождаются крупные дела, в силу несовершенства нашего процессуального законодательства остающиеся всего лишь «отдельными делами».

В декабре 1987 года один из ныне осужденных ленинградских дельцов уже после своего осуждения «за отдельные взятки» рас-

сказал мне о том, что в сегодняшнем преступном мире основными региональными звеньями организованной преступности являются мафии: московская, ленинградская грузино-армянская, ростовская, одесская, днепропетровская и узбекская. Но все они ориентируются на московский клан, откуда приглашают третейских судей.

В ходе следствия этот человек дал официальные показания о фактах торговли оружием, видеопорнобизнесе, спекуляции валютой и антиквариатом, хищениях и взяточничестве. Щупальца ленинградского клана через Москву уходили в Закавказье, Ригу и на Западную Украину и там сплетались с контрабандистами.

Для расследования всей преступной сети требовалась большая группа следователей и оперативных работников, но главное — длительное время. Ничего этого не было у следователя, и он попросил обвиняемого не настаивать на полной проверке его показаний, объяснив, что в противном случае ему придется очень долго сидеть под стражей до суда, да и групповые преступления наказываются строже. Поэтому, сторговавшись на нескольких эпизодах, лежавших, как говорится, на поверхности, дело поспешили направить в суд, а вся остальная информация осталась неиспользованной в недрах Ленинградского ГУВД, поскольку в суде дело не рассматривалось как один из элементов организованной преступности.

Другой осужденный, привлекавшийся к уголовной ответственности в Москве, отбывая наказание в лагере за сотни километров от первого, почти слово в слово повторил мне основные имена ленинградских и московских мафиози и географию их преступных связей. Он также был осужден всего лишь за отдельные эпизоды спекуляции валютой — у районной прокуратуры Москвы не было желания полного раскрытия его преступной деятельности. Впрочем, и сам осужденный признал, что на предварительном следствии у него не было желания откровенничать со следователем.

С двумя «семьями» грузинско-армянской мафии впервые пришлось столкнуться в 1978 году, когда началось расследование должностных преступлений работников Министерства местной промышленности ЧИ АССР и РСФСР. Примерно за два года до этого началось расследование дел о хищениях на Ачхой-Мартановском и Назрановском райпромкомбинатах ЧИ АССР, которое и выявило большую сеть организованной преступности в отрасли.

Оказавшиеся на этих двух комбинатах дельцы наладили неучтенный выпуск различных изделий и сбывали их в 80 городах РСФСР и УССР. У этого клана довольно типичная история.

До 1973 года основатели подпольного бизнеса превосходно процветали по месту своего жительства в Грузии, где у них имелись хорошо отлаженные подпольные производства. Однако после того, как первым секретарем ЦК Компартии Грузии стал Э. А. Шеварднадзе, там была проведена довольно тщательная чистка аппарата партийных и административных органов от скомпрометировавших себя работников. Расследовать все их преступления сил не было, и поэтому эта чистка носила чисто административный характер, благо дисциплинарные нарушения никем практически не скрывались.

Лишившись покровителей, наиболее «яркие» лидеры местной мафии перевалили через Кавказский хребет и обосновались в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, в Ставропольском крае.

В августе 1971 года В. Шенгелая, О. Квавилашвили и М. Ганелин организовали производство неучтенной продукции в ткацком цехе Назрановского райпромкомбината. На месте они вовлекли в свою группу И. Погорова и К. Авакяна, через которых начали реализацию неучтенного товара. К декабрю 1972 года «семья» выросла еще на 4 человека. С августа 1971 по декабрь 1972 года эта группа выпустила неучтенной продукции на 986 тысяч рублей.

В январе 1973 года в «дело» внес свой пай М. Якобашвили, ставший вскоре боссом этой «семьи» и приведший за собой еще пятерых соучастников. Для реализации неучтенной продукции было привлечено еще более 30 руководящих работников госторговли, получавших по 20 процентов от суммы реализации неучтенных товаров.

Накопив достаточный капитал, дельцы проникли в трикотажный цех и полностью прибрали его к рукам. Основными «акционерами» подпольной фирмы стали М. Якобашвили, Б. Жвитиашвили, М. Латыров, Х. Сакалов, А. Точиев, Д. Албогачиев и И. Жовтис. Помимо них, активное участие в «деле» приняли еще 10 человек. По этому цеху за 1973—1975 годы было похищено 1140 тысяч рублей. Для сбыта продукции использовали те же торговые точки.

Следом за трикотажным цехом к ногам дельцов пал и швейный цех, где к основным «паевладельцам» добавился Б. Беков.

За 1973—1975 годы по этому цеху было изготовлено и реализовано неучтенной продукции на 253 тысячи рублей.

С точки зрения чисто экономических процессов, происходила концентрация капитала и расширение производства. Назрановский райпромкомбинат стал вотчиной «семьи» из 18 человек, а оказывало им пособничество в сбыте продукции более 40 человек в разных городах страны. Однако и эти 18 человек представляли собой далеко не замкнутое общество — группа находилась в постоянном движении: кто-то продавал свой пай и выходил из «дела», кто-то покупал этот пай и становился полноправным дольщиком. Но постоянное количество «акционеров» состояло из 10 человек, где доля каждого составляла 10 процентов от доходов.

Первыми из Назрани ушли Шенгелая и Квавилашвили, решившие организовать новое «дело» в соседнем Ачхой-Мортановском районе. Местом базирования отпочковавшегося «узелка» опять был избран райпромкомбинат, где дельцы организовали цех по выпуску набивных женских платков.

Надо отметить, что до того, как они вошли в подпольный бизнес, Квавилашвили и Шенгелая успели несколько раз побывать под судом за совершение обычных уголовных преступлений. Хорошо знакомые с общеуголовной средой и имея первоначальный капитал, нажитый преступлениями, они не знали тонкостей и сложностей организации промышленного производства. Они только видели конечный результат — баснословные доходы от хищений неучтенной продукции, которые в сотни раз перекрывали доходы от краж или мошенничества.

Удесятерив свой первоначальный капитал в Назрановском РПК, они продали свою долю и решили инвестировать доходы в более прибыльное производство, которое им обещал организовать их знакомый делец Акопов З., чьи капиталы крутились в нескольких подпольных цехах Грузии. Однако сам Акопов, с учетом изменившейся обстановки, решил уехать в более спокойные края, тем более что Шенгелая расхваливал ему открытое ими чечено-ингуш-

ское «эльдорадо». Давно зная Шенгелая и Квавилашвили, Акопов решил часть своих капиталов вложить в Ачхой-Мортановский РПК.

Так образовалась новая «семья» — Акопов, Шенгелая и Квавилашвили. Вскоре еще одним дольщиком стал начинающий делец из Тбилиси Бениашвили, купивший пай за 200 тысяч рублей. Причем единовременно он внес 100 тысяч рублей и согласился оставшиеся 100 тысяч постепенно погашать из будущих преступных доходов. «Доля» Бениашвили составляла всего лишь 20 процентов. Таким образом, общий размер вложенного дельцами капитала оценивался ими в миллион рублей.

С января 1975-го по январь 1976 года (то есть до момента ареста) дельцы успели «заработать» 1496 тысяч рублей, то есть полностью перекрыли первоначальный капитал.

Одновременно «акционеры» организовали еще один комплексный цех по выпуску сумок из полиэтилена, юбок из искусственной замши. Новые производства требовали и новых людей. Поэтому «семья» начала расти за счет лиц, близко знакомых с учредителями «дела». Одними из первых в группу вошли Агаджанов, чья доля в сеточном цехе составила 25 процентов, и Орагвелидзе, а затем Мирзоян и Антонян.

Таким образом, в Ачхой-Мортановском районе прочно обосновалась «семья» из восьми человек. Неучтенная продукция сбывалась в 16 городах страны, где более 30 работников госторговли имели свой постоянный доход от сбыта продукции этой подпольной фирмы.

Отношения между двумя «семьями» носили довольно дружественный характер, что обусловливалось не только личными знакомствами основных «акционеров», но и общностью деловых интересов: за определенные комиссионные они помогали друг другу, «наводя» на нужных должностных лиц, за взятки выделявших сырье и оборудование; уступали друг другу точки реализации продукции; подкупали местных должностных лиц, обеспечивавших существование клана; строго следили, чтобы размеры взяток от каждой группы были одинаковы.

Каждая «семья» прежде всего подкупала местных руководителей промкомбинатов. Так, Акопов, можно сказать, на корню скупил все руководство Ачхой-Мортановского РПК — директора Бакриева, бухгалтеров, нормировщиков, кладовщиков Денисултанова, Садулаева, Гайсаева, Газгириева и Мухданова.

Эти люди не имели «акций», но ежемесячно получали твердые ставки от дельцов, в два-три раза превышавшие их официальную зарплату. За это они беспрекословно выполняли любое указание истинных хозяев цеха.

Надо отметить, что «сверхоклад» официальных руководителей цехов впрямую зависел от конечного результата деятельности «подпольного цеха». На предварительном следствии Акопов рассказывал: «...С момента выпуска и сбыта неучтенной продукции наша группа ежемесячно отдавала Бакриеву 1000 рублей до конца 1974 года. С учетом выпуска нового ассортимента (платков) наша группа решила повысить ежемесячную ставку Бакриеву до 2000 рублей. Эту сумму мы давали Бакриеву с января по июнь 1975 года включительно... С августа 1975 года вступил в строй вязальный цех, следовательно, расширился выпуск товаров, а поэтому мы стали платить Бакриеву по 3000 рублей».

На аналогичных условиях были куплены Якобашвили руководители Назрановского РПК.

С точки зрения голой политэкономии, «семьи» вложили в «дело» свой капитал и являлись фактическими владельцами предприятий, которые лишь на бумаге числились государственными. А руководители этих предприятий, назначенные местными советскими органами, фактически являлись марионетками в руках дельцов или, в лучшем случае, наемными служащими у «хозяев предприятия», не говоря уже о простых рабочих, которые не разгибая спины гнали «левую» продукцию, получая за нее весьма существенную доплату прямо из рук дельцов.

Таким образом, производство, в своей значительной части, полностью работало на группу частных лиц, объединенных единым преступным умыслом.

Естественно, что дельцы не могли бы существовать столь длительное время без прикрытия со стороны официальных должностных лиц, не связанных напрямую с производственной деятельностью цехов.

Прикрытие было необходимо всему клану, а поскольку они работали в пределах одной весьма компактной автономной республики, то и покровители у дельцов были общие.

Первыми, кого купили Шенгелая и Квавилашвили, были работники ОБХСС местных райотделов милиции, продавшие свою совесть за единовременное «вознаграждение» в размере 1000 рублей, то есть ничтожно маленькую сумму по масштабам приносимых подпольной деятельностью прибылей. Однако именно эта мизерная для дельцов «отстежка» надежно закрыла глаза ОБХСС на деятельность райпромкомбинатов на несколько лет.

Затем взятки стали подниматься вверх по этажам управления. «Белыми перчатками» преступного клана стали министр местной промышленности ЧИ АССР Бузуртанов и два его заместителя, начальник отдела цен Совета Министров автономной республики Ибриев, начальник отдела республиканской базы «Росгалантерея» и управляющий той же базой Янгузов; впоследствии клан взял себе на оклад в сумме 400 рублей ежемесячно заместителя министра местной промышленности РСФСР Макарова.

За не очень крупные взятки оказались втянутыми в преступную деятельность и другие работники ряда союзных министерств, которые ограничивались получением единичных взяток за решение конкретных вопросов. Для таких лиц дельцы установили ставку в сумме 300 рублей, но предпочитали приобретать на эту сумму ценные вещи: обычно модные в то время часы «Сейко».

По мере того как росли доходы преступного клана, как расширялась география сбыта, дельцы все сильнее испытывали нужду в личной безопасности и своевременном получении выручки от реализаторов «левой» продукции: они свято чтили главный закон коммерции — деньги должны постоянно участвовать в обороте.

Ставший довольно популярным в наше время рэкет в те времена не имел еще распространения, однако отдельные случаи нападения на дельцов случались. Кроме того, реализаторы неучтенного товара в других городах, обуреваемые жадностью, стали «наводить» на дельцов-инкассаторов местных уголовников, которые осуществляли банальные грабежи, в надежде, что ограбленный гонец не будет обращаться в милицию.

Тогда собрание «акционеров» поручило Шенгелае, как «вору в законе», возглавить службу собственной безопасности. Тоскующий на непривычной для него «работе» бизнесмен с удовольствием взялся за хорошо известное ему ремесло. В считанные дни из уголовников-грузин им была сколочена небольшая, но мобильная группа «боевиков», которая весьма решительно подавила все точки сопротивления и в буквальном смысле слова отбила охоту у местных уголовников посягать на собственность клана. С тех пор эта небольшая группа так и оставалась в распоряжении Шенгелаи в качестве личных телохранителей. Во время организованного для заместителя министра местной промышленности РСФСР Макарова небольшого «делового турне» по Военно-Грузинской дороге именно эти молодчики обеспечивали беспрепятственный проезд автомашины с «почетным гостем» дельцов, его обеды и ужины, ночлеги в фешенебельных гостиницах.

После ареста перечисленных дельцов далеко не все их преступные связи с другими «семьями» были вскрыты следствием, утонувшим в производственной деятельности подпольных цехов.

Провал клана произошел в какой-то мере случайно, но в то же время и закономерно. Один из «акционеров», Жовтис, решив выехать в Израиль, продал свою долю, а деньги начал контрабандным путем вывозить за границу. Пойманный на таможне с весьма крупной суммой наличных денег, Жовтис, хотя и не сразу, но был вынужден рассказать о деятельности покинутого им клана. Следственным отделом Комитета государственной безопасности была проведена блестящая операция, позволившая одновременно в 80 городах захватить большое количество черновой документации дельцов, полностью изобличающей «акционерное общество» Якобашвили и Акопова. Но тут оказалось, что такой объем расследования хозяйственных и должностных преступлений следотдел КГБ ЧИ АССР «переварить» не в состоянии, и дело было передано в Прокуратуру РСФСР, где были созданы три следственные группы, возглавлявшиеся следователями по особо важным делам при Прокуратуре РСФСР Б. И. Уваровым, И. М. Костоевым и В. Ф. Ладейщиковым.

Следствие продолжалось почти четыре года.

Еще два года длились судебные процессы. Дело было разделено на несколько частей: отдельно судили более ста работников магазинов, отдельно — работников правоохранительных органов, отдельно рассматривались дела по каждому из цехов, и совершенно самостоятельно рассматривалось Верховным судом РСФСР дело о взяточничестве работников Министерства местной промышленности.

Именно поэтому многие преступные связи оказались не выявлены, и не исключено, что подпольные капиталы продолжали и продолжают сейчас «крутиться» в подпольных цехах, либо «отмываются» через кооперативы.

Точно так же и в прессе освещались лишь некоторые из этих дел, но опять в традициях «отдельных негативных явлений».

Уголовно-процессуальное законодательство вместе с самой организацией расследования в стране оказались не в состоянии бороться с организованной преступностью.

Единственное, на что хватало сил у следователей, — на ликвидацию отдельных «семей» мафии. Но поскольку их капиталы в большинстве случаев оставались неприкосновенными, то оставались и возможности быстрой регенерации отсеченного щупальца этого спрута.

С кланом «днепропетровской мафии» мне пришлось столкнуться... в Москве, при расследовании дела о хищении гранул полиэтилена на предприятиях Госснаба СССР. Ниточка преступных связей привела сначала в Орел, а затем в Днепропетровск, где приоткрылась следующая картина.

В Днепропетровске основателями мафиозного клана стали Коваль, Рутман и Вайсман. Рост преступного семейства происходил практически по такой же, как и в предыдущем случае, схеме.

В середине 70-х годов А. Коваль, М. Барский, А. Зисман организовали в Чернигове цех по производству «ковров» из нетканых материалов. Помимо перечисленных лиц, в «семью» вошло еще несколько человек — Стасюк, Сокольский, Левин, Плиско, Дейч.

К началу 80-х годов клан имел в своем распоряжении несколько цехов, в том числе и в самом Днепропетровске.

Разоблачение клана началось в 1981—1982 годах. Дело, как обычно, было разделено на несколько самостоятельных дел. Расследование и суд продолжались несколько лет, и последующая группа из 17 человек была осуждена Днепропетровским облсудом 9 марта 1987 года. Информация об этом преступном синдикате проникала в прессу в виде очерков об отдельных преступных группах.

В июле 1986 года журналистка Л. Орлова рассказала со страниц «Днепропетровской правды» о банде «Матроса», десять лет орудовавшей в Днепропетровске. В 1987 году журнал «Крокодил» в документальной повести Витальева «Амурские войны» поведал об этой банде всесоюзному читателю.

Продолжая тему, Л. Орлова в августовских номерах «Днепропетровской правды» рассказала о тех, кого охраняли бандиты «Матроса» — о преступном клане Коваля и их покровителях из органов милиции.

Так, в 1981 году Ю. Биляк и А. Хлынов решили организовать «свое дело» — цех по производству пластмассовых заколок для волос. Для цеха использовали помещение на «Причале», которое выстроили на свои личные средства под «крышей» фирмы бытовых услуг. На свои же деньги купили оборудование, оснастку, сырье и начали выпуск продукции, которая, как оказалось, пользуется большим спросом. Биляк и Хлынов лично стали продавать заколки и тут же попали в поле зрения могучего клана. Почуяв, что Биляк и Хлынов напали на золотую жилу, клан принял решение проглотить новоявленных дельцов. И вот однажды в мастерскую к Биляку пришел Рутман и без обиняков предложил ему передать их «фирме» 50 процентов прибыли от цеха. Взамен Рутман обещал поставить своих людей на реализацию заколок, избавив тем самым авторов идеи от хлопотной работы — снабжать реализуемый товар накладными облбыта, то есть легализовать его реализацию.

В случае несогласия Рутман пообещал принять меры к ликвидации цеха как «сверху» — через ОБХСС, так и снизу — через банду «Матроса».

Напуганные такой перспективой, дельцы-кустари согласились на кабальные для них условия, а вскоре и вообще утратили какую-либо экономическую самостоятельность, так как Рутман быстро повел «дело» к расширению, и вскоре в цехе появились поставленные им люди.

Надо отметить и еще одну особенность деятельности этого клана. Если Акопов — Якобашвили привлекали к реализации местных работников торговли, то Коваль — Рутман предпочитали торговать через своих людей, посылая их в другие города. Щупальца клана протянулись более чем в 20 городов Украины и центральной России. Подобная реализация обходилась гораздо дешевле, если учесть, что большинство реализаторов не имели ни малейшего представления о том, что торгуют «левым товаром». Это было не только дешевле, но и сводило к минимуму риск разоблачения, так как все документы на реализацию концентрировались у дельцов и их было легко заменять подложными документами.

О том, что угрозы задавить Биляка «сверху» были отнюдь не беспочвенны, свидетельствует, например, такой факт. Как-то в Харькове во время реализации заколок была задержана реализатор Суханова. Выручка, накладные и оставшиеся заколки были изъяты работниками ОБХСС. Об этом тут же сообщили Ковалю, находившемуся в Ялте, и он оттуда дал адрес человека, который быстро помог вернуть все изъятое и не допустить проверки со стороны ОБХСС.

Аналогичные инциденты происходили в Николаеве, Алуште, и всегда «зонтик безопасности» срабатывал безотказно. Когда преступный клан Коваля — Рутмана — Вайсмана был наконец ликвидирован следственными органами, то на скамье подсудимых (опять по отдельному делу!) оказался и ряд работников органов внутренних дел.

Монополизация в Днепропетровске подпольного бизнеса этим кланом достигла столь высокой степени, что некоторые молодые дельцы, еще только мечтавшие выйти «в люди», предпочли уехать в другие города. Одного из них — Григория Березина, специализировавшегося на общественном питании, — судьба забросила в город Орел, где он и встретился с Красовицким, занимавшимся реализацией женских заколок и числившимся бригадиром в одном из цехов группы Коваля. По заданию своего клана Красовицкий подыскивал еще не освоенные территории. Земляки вспомнили общих знакомых, и, польщенный вниманием со стороны уважаемого клана, Березин решил включиться в несколько чуждый для него бизнес. В это время в Орле в системе бытового обслуживания действовала только одна небольшая группа дельцов-армян, которые не являлись серьезными конкурентами и имели чисто семейный цех по производству спортивных сумок.

С помощью группы Коваля в Орел было доставлено необходимое оборудование, и при одном из районных управлений облбыта Красовицкий и Березин открыли цех по выпуску полиэтиленовых скатертей.

Если не считать саму продукцию — скатерти, то деятельность вновь организованной «дочерней фирмы» полностью копировала днепропетровскую «семью» — хищение сырья, выпуск неучтенной продукции, реализация ее на рынках разных городов.

Провал вновь отлаженного дела произошел на «сырье» и повлек за собой ликвидацию группы расхитителей на Московском опытном заводе ВИВРа Госснаба СССР, на орловских предприятиях Промприбор и Научприбор, двух цехов в орловской службе быта — была пресечена деятельность и армянской группы, и «дочернего филиала» днепропетровского клана.

Но проникновение капиталов клана Коваля по стране не ограничилось близлежащими регионами. Скрывшийся от следствия Вайсман был задержан в Узбекистане, куда также вели нити преступных связей от предприятий Госснаба СССР.

А за 5 тысяч километров от Днепропетровска в нескольких точках Среднеазиатского региона по той же самой схеме с 1975 по 1982 год действовала хорошо организованная группа опасных преступников, тесно связанных между собой близкими родственными и дружескими отношениями, которая безнаказанно расхищала государственное имущество в восьми цехах ташкентского объединения «Гузел» Министерства бытового обслуживания населения УзССР, Ленинского райбыткомбината Министерства бытового обслуживания Казахской ССР, фабрики верхнего трикотажа и филиала фабрики № 1 объединения «Малика» Министерства легкой промышленности УзССР и ряда других предприятий.

Основными организаторами и компаньонами этой «семейной» группы расхитителей являлись братья Розенгауз, братья Шнейдерштейн, отец и сын Меломеды, Гершман, Цимерман, Сурис, Добрин, Абрамов, Исхаков, Фишман и Тоджиев.

В группу были вовлечены начальники, мастера, бригадиры, кладовщики и приемщики цехов, директора и главные инженеры, главные бухгалтеры и руководители планово-экономических служб.

За шесть лет деятельности преступной группой было похищено более 700 тысяч скрытых от учета меховых, трикотажных и швейных изделий общей стоимостью свыше 18 миллионов рублей.

У многих обвиняемых во время обысков были изъяты не только документы «черной бухгалтерии», но и крупные суммы денег, золотых изделий и других ценностей, в том числе у братьев Розенгауз — на сумму более 1,1 миллиона рублей, у братьев Шнейдерштейн — на сумму 400 тысяч рублей, у Гершмана — на сумму 460 тысяч рублей, у Абрамова — на 150 тысяч рублей, у Тоджиева — на 300 тысяч, у Нурлибаева — на 270 тысяч, у Меломедов — на 170 тысяч рублей.

Следствие по этому делу проводилось следственной группой Прокуратуры СССР под руководством старшего следователя по особо важным делам при Прокуроре СССР Ю. Д. Любимова в течение семи лет. За это время было выявлено 15 тысяч конкретных, тщательно разработанных преступниками эпизодов хищений сырья и готовой продукции, проведено более 500 сложных и трудоемких экспертиз, допрошено несколько тысяч свидетелей. К уголовной ответственности было привлечено 77 человек.

Но и это дело, как и многие аналогичные дела об организованной преступности, было разделено на шесть самостоятельных дел, каждое из которых в отдельности не давало целостной картины этого мафиозного спрута.

О размахе деятельности этого клана можно было бы написать отдельную книгу, но поскольку методы развития и концентрации преступного производства практически ничем не отличались от методов клана Якобашвили — Акопова, то можно ограничиться лишь некоторыми штрихами.

Не менее разветвленной оказалась сеть преступного бизнеса и в непроизводственной сфере. Так, на протяжении нескольких лет вся концертно-гастрольная работа в стране формально осуществлялась через филармонии и специальные гастрольно-концертные учреждения типа Росконцерт, Узбекконцерт, Укрконцерт, Армконцерт. Фактически же гастроли звезд эстрады полностью контро-

лировались всего лишь десятком подпольных бизнесменов, занимавших в этих организациях скромные должности администраторов.

Вся страна была поделена ими на зоны влияния, и за щедрые комиссионные они одалживали друг у друга ту или иную звезду эстрады, вторгались на чужую территорию. Каждая из таких «семей» состояла из трех-четырех человек, но в орбиту своей преступной деятельности они втягивали десятки людей, в том числе и руководителей государственных концертных организаций.

Почувствовав вкус «легких» денег, во многих филармониях сложились свои преступные группы, охотно соглашающиеся на проведение совместных операций с дельцами-гастролерами.

В период 1978—1985 годов силами МВД СССР и Прокуратуры РСФСР были ликвидированы основные «семьи концертной мафии» и наиболее крупные очаги хищений в филармониях, однако полностью расчистить эту сферу деятельности от присосавшихся жучков оказалось невозможным. Многие группы были названы в печати, но опять-таки лишь как отдельные и нетипичные.

Описание размаха деятельности всех семей концертного клана заняло бы слишком много места, но типичность методов их деятельности позволяет раскрыть всю картину на примере лишь одной мафиозной «семьи» дельцов-гастролеров.

М. Бендерский и А. Буяновский занимались концертной коммерцией довольно давно. Достаточно сказать, что на момент нашего знакомства у Бендерского за плечами было пять, а у Буяновского семь судимостей. Как-то, в 50-х и 60-х годах, им постоянно не везло: только начнут какое-нибудь серьезное дело, как вскоре же и «горят». Правда, ненадолго. Отсидят — и снова на гастрольной ниве собирают обильные барыши. По предпоследнему делу «загремели под фанфары» сразу несколько человек. Вот тогда-то, имея вполне достаточно времени для размышления, и поняли они, что большая постоянная группа с неизбежностью привлекает к себе внимание соответствующих органов и, естественно, быстро проваливается. С тех пор и решили работать малыми силами, но с большим размахом.

Освободившись из лагеря, Бендерский устроился на работу администратором в Московскую областную филармонию и стал исподволь готовить почву для создания небольшой «семьи». А Буяновский решил вообще работать в одиночестве. Он не искал постоянного места, и ему было достаточно того, что, устроившись на пару месяцев в какую-либо филармонию и набрав про запас ве бланков и доверенностей, он, откупив за комиссионные у одного из дельцов его «зону», одолжив у другого звезду, прокручивал несколько десятков концертов, отчитываясь перед пославшей его филармонией за два-три концерта, а остальную выручку присваивал. В конечном итоге у него накопилось достаточно чистых бланков, позволявших ему работать от имени государственной концертной организации, давно не имея с ней никаких отношений.

Особую заботу о Буяновском проявлял бывший директор Калмыцкой государственной филармонии Шаганов, постоянно снабжавший его бланками документов своей филармонии.

Однако процветал Буяновский недолго. В 1978 году он организовал концерты в Новосибирском Дворце спорта, входившем «в зону влияния» одного из концертных дельцов, Игнатова. «Заработав» за несколько дней 55 тысяч рублей, он спокойно выехал в Москву, забыв, что по документам эта сумма числилась выданной Калмыцкой филармонии, куда она, естественно, не поступила. Появление нового импресарио вызвало удивление у местных работников милиции, которые удивились еще больше, получив подтверждение от своих калмыцких коллег о том, что деньги до кассы их филармонии не доехали.

Сотрудники МВД СССР задержали Буяновского в Москве, деньги были изъяты. И тут случилось совершенно непонятное для самого Буяновского превращение из частного дельца в служащего государственной концертной организации: директор филармонии Шаганов представил следствию документ, подтверждающий работу Буяновского в должности администратора Калмыцкой филармонии. Таким образом, заработанный им частнопредпринимательский доход превратился в сумму, похищенную у государства.

Кормившиеся от Буяновского взяточники еще задолго до его ареста, предполагая возможность провала дельца, убеждали его, что ответственность за дачу взятки гораздо хуже ответственности за хищение, и обещали в случае конфликта с правоохранительными органами оказать ему помощь. Поэтому в течение нескольких месяцев следователь, чувствовавший несуразность показаний Шаганова о «службе» Буяновского в филармонии, пытался добиться от него правдивых показаний, но попытки следователя установить истину наталкивались на стойкое психологическое сопротивление обвиняемого. Но, как вода точит камень, так и доводы следователя постепенно пробивали брешь в обороне. В результате долгих размышлений Буяновский решил рассказать правду и попросился на допрос.

Беседа со следователем длилась всего 15 минут, так как буквально в этот же день утром он получил приказ срочно выехать в Москву для доклада дела «высокому» начальству в МВД СССР. По словам Буяновского, из Москвы следователь вернулся совершенно другим человеком, потерявшим всякий интерес к возможным разоблачениям взяточников. Встретившись с Буяновским, следователь ему весьма доходчиво объяснил, что если тот назовет еще кого-то, то дело будет групповое и ответственность за это будет суровая. А так ему одному ничего особенного не грозит. Поняв, что «наверху» затеялась какая-то игра, и решив, что начали работать его благодетели, Буяновский тут же прикусил язык и даже стал еще более активно поддерживать выдвинутую Шагановым версию о своей работе в филармонии. Дело быстренько кончили, и Новосибирский областной суд, с учетом шести прежних судимостей и суммы похищенного, приговорил Буяновского к 14 годам лишения свободы.

И, только получив приговор, Буяновский понял, как коварно надули его Шаганов и следствие. Понял и то, что именно он сам сначала своим молчанием на следствии, а затем выгораживанием Шаганова активно помогал загонять себя в юридическую ловушку, расставленную ему теми самыми людьми, которые, получая от него взятки, обещали помощь в случае провала. Кому-то было очень выгодно показать Буяновского как всего лишь отдельного дельца-импресарио, а не частицу сложного механизма хищений и взяточничества в системе концертной деятельности. А когда он это осознал, то взялся за ручку и начал рассылать свои исповеди по десяткам судебно-прокурорских инстанций, но, как говорится, «поезд уже ушел».

И только через пять лет, когда Прокуратура РСФСР вплотную занялась Росконцертом и окопавшимися вокруг него дельцами, жалобы Буяновского попали по назначению. Увы, разоблачение кормившихся вокруг Калмыцкой филармонии эстрадных жучков уже не могло ничем помочь неизлечимо больному Буяновскому.

Тем не менее откровенные показания Буяновского о каждом из существующих концертных дельцов, о системе взяточничества и размерах взяток за каждый вид «услуги» дельцам, о методах хищений при проведении больших концертных программ во Дворцах спорта, о заключенном между дельцами «пакте» о разделе территории страны на зоны влияния помогли приподнять завесу над чудовищной сетью организованной преступности, опутавшей эту сферу.

От Буяновского открылась дорога к Бендерскому, который понял, что жалкий кустарный индивидуализм в этом деле хотя и приносит значительные барыши, но чреват большими неприятностями, поскольку делец-индивидуал, не прикрытый никем сверху, быстро станет добычей службы ОБХСС, которой также надо отчитываться о результатах своей работы. Поэтому Бендерский довольно значительные суммы тратил на подкуп своих «верхов», обеспечивающих своевременное документальное «прикрытие» совершаемых им хищений.

По образному выражению Бендерского, «ключом к сейфу с деньгами» стала заместитель директора Московской областной филармонии, совмещавшая еще и должность главного бухгалтера, Сидорова. Ей за пять лет работы Бендерским было выплачено в виде взяток около 40 тысяч рублей.

Впрочем, не менее обильные и регулярные доходы получала Сидорова и еще от одного «члена конвенции дельцов» — Горшкова, с которым вместе и попала под суд примерно за год до провала Бендерского.

Когда я впервые встретился с Бендерским в ИТК города Иркутска, в моем распоряжении, помимо показаний Буяновского, были еще некоторые гастрольные документы, не вошедшие, а правильнее сказать, не исследовавшиеся в ходе следствия и суда, упрятавшего его в лагерь на 13 лет. Еще до встречи с Бендерским, получая у следователя, расследовавшего это дело, «лишние» документы, я поинтересовался, чем было вызвано столь искусственное сокращение объема расследования, тем более что изобличающие документы были изъяты при обыске у Бендерского дома. Молодой офицер милиции, несколько помявшись, признался, что вскоре после ареста Бендерского его вызвали в МВД СССР и там предупредили, чтобы дальше иркутских гастролей он не лез, «если ему не надоели погоны». Угроза исходила от весьма влиятельного лица, а в милиции в ту пору не было принято перечить старшим по званию. Зато отдельное дело вполне устраивало как следствие (это позволяло сравнительно быстро окончить расследование), так и обвиняемых (в этом варианте многое из их деяний оставалось за рамками расследования).

Моя первая беседа с Бендерским длилась несколько часов. Естественно, ему не очень хотелось вспоминать прошлое, поскольку это грозило новой судимостью. Мне же было необходимо получить подробную картину, поскольку, несмотря на скромную официальную должность, именно Бендерский был одним из истинных лидеров и организаторов огромного концерна жуликов. Моя

осведомленность об основных элементах деятельности этого подпольного бизнеса, с одной стороны, очень удивила Бендерского, с другой — у него появились нотки уважения, но откровенного разговора все же долго не получалось. К концу беседы мы оба утомились, и тогда я выложил перед ним часть тех самых документов, которые были изъяты у него при обыске по предыдущему делу. Это были копии финансовых документов о концертах в Харькове, Одессе, Симферополе, Казани. Отраженная в них финансовая «липа» была столь очевидна, что я достаточно уверенно спросил у него, не насчитаю ли я ему еще миллиона похищенных рублей, если начну проверять хотя бы то, что он видит перед собой. И тут случилось непредвиденное. Спокойно посмотрев документы, Бендерский с грустной улыбкой произнес: «Не насчитаете, потому что миллион я украл в одной Одессе!»

С этого момента Бендерский стал подробно описывать всю деятельность своей «семьи», откровенно называя своих пособников в разных театрально-концертных организациях.

Когда же я попытался выяснить у Бендерского, в чем коренится столь трогательная забота о нем со стороны МВД СССР, он предложил мне сравнить так называемые правительственные концерты, устраиваемые по случаю государственных праздников, и концерт, ежегодно даваемый 10 ноября, в День советской милиции.

Оказалось, что именно дельцы заботились о том, чтобы в этих концертах до 1982 года участвовали лучшие звезды эстрады, одновременно служившие «белыми перчатками» между ними и первым меценатом и покровителем искусств, министром внутренних дел СССР Н. А. Щелоковым. Следует ли после этого удивляться тому, что многие эпизоды преступной деятельности просто не расследовались, а те, кто все-таки попадал в лагеря, быстро устраивались на блатные должности заведующих клубов и очень скоро оказывались на свободе.

Именно удаление мецената из МВД СССР поколебало и позиции дельцов от концертного бизнеса, и, пожалуй, впервые появилась возможность следствию по-настоящему опереться на аппарат УБХСС МВД СССР, где, как оказалось, работают хорошие специалисты, сами изнывавшие под давлением своего министра.

Но вернемся к Бендерскому. Устроившись на работу в Московскую областную филармонию, он начал создавать свою «семью». Жадность Сидоровой была столь очевидна, что покупка главбуха дельцом произошла быстро и без каких-либо моральных издержек. Однако работать в одиночку Бендерский не привык, тем более что «индивидуальная деятельность» на концертном поприще приносила ему мизерные доходы — всего лишь не более 5 тысяч рублей в месяц. Подгоняемый корыстью и конкурентами, Бендерский принялся сколачивать свою команду. Первым в нее вошел Э. Гришпун, подвизавшийся в Одессе то в автоматторге, то во Дворце спорта. Личность, скажем прямо, с холуйской психологией, готовая за бутылку водки и ужин в ресторане выполнить любое поручение своего босса. Бендерский обеспечил его не только водкой, но и костюмом, дамами из определенного круга, обедами в ресторанах, и Гришпун стал его рабом.

Обзаведясь, по существу, денщиком, и сбагрив на него мелкие оргвопросы, Бендерский стал подыскивать себе надежного партнера. Когда-то в некоторых делах ему помогал Ю. Барац, кото-

рого Бендерский «по-джентльменски» не выдал по своему последнему делу, и тот продолжал трудиться «во благо культуры».

Бараца он разыскал в Новокузнецке, где тот работал директором театра. Друзья с удовольствием вспомнили былые годы и в доказательство того, что они ничего не забыли, тут же провернули несколько концертов в театре, умыкнув из кассы 28 тысяч рублей. Восстановив дружбу, а заодно и пошатнувшееся финансовое положение, в декабре 1978 года Барац уволился из театра и поступил на мелкую должность администратора Московской областной филармонии.

Всего девять месяцев проработал Барац с Бендерским, но успел перекачать из государственной кассы в карман «семьи» более 400 тысяч рублей. Подсчитав итог, бывший директор театра испугался и ушел в запой, бросив своего босса на произвол судьбы. Но это не особо опечалило Бендерского, поскольку к этому времени, не без помощи Бараца, он уже успел достаточно прочно стать на ноги и обрасти довольно крупной командой — на него в различных концертных организациях работало более 40 человек. Значительно вырос и его авторитет в клане дельцов-администраторов, где он занял одну из ведущих ролей.

Вскоре после ухода со сцены Бараца провалилась в Симферополе группа Горшкова, а вместе с нею попала под следствие и Сидорова. Следователи МВД СССР и УССР потянули было ниточку, ведущую к Бендерскому, но все та же рука «мецената» довольно решительно остановила их в самом начале пути. И опять всей стране было заявлено, что не существует никакой системы, а есть лишь отдельные злоумышленники от эстрады.

Хотя внимание следственного аппарата МВД СССР и было направлено в сторону от Бендерского, но тот все же решил сменить дислокацию и переехал на работу в Армконцерт. Но, сменив «крышу», он не стал менять команду и спокойно продолжал свой бизнес. Только по сохранившимся документам удалось установить, что его доходы до момента ареста в Иркутске составили более 700 тысяч рублей.

Когда же следственная группа Прокуратуры РСФСР взялась за проверку всей имеющейся гастрольной документации, то одновременно были вскрыты десятки более мелких преступных групп, паразитирующих на концертной деятельности.

Двигаясь по маршруту некоторых соучастников Бендерского, мы надолго застряли на Украине и тут, разбираясь с Донецкой филармонией, вновь вышли на Днепропетровск.

Коллеги из следственного отдела Днепропетровского УВД вели дело в отношении администратора облфилармонии Краевского, продававшего списанные несколько лет назад билеты Донецкой филармонии, где он когда-то работал. Краевскому повезло — обнаруженные у него билеты давали повод для предъявления ему обвинения в хищении государственных средств в крупном размере, но этот вид преступления попал под амнистию, и дело на него было благополучно прекращено. А на нашу долю досталось заканчивать ревизию билетного хозяйства Донецкой филармонии, которая затянулась практически на два года.

Результаты ревизии позволяют говорить о том, что за пять лет со склада филармонии «исчезло» билетов на сумму более трех миллионов рублей. Похоже, что действовавшая там «семья» сумела перещеголять даже Бендерского.

Когда и чем завершится это расследование, трудно даже предположить, поскольку аппарата, способного переварить эту систему расхищения, в стране практически не существует.

За последние годы стали достоянием гласности огромные суммы, имеющиеся в распоряжении дельцов, и, казалось бы, уже трудно удивить чем-нибудь читателя, знакомого хотя бы с результатами расследования ряда дел по Узбекистану. И все же миллионные суммы фигурируют не только в Средней Азии.

В конце 70-х годов в Грузии, на Анагском винзаводе Сигнакского района, действовала преступная группа, связанная со многими районами страны. Один из руководителей группы, некий Бакашвили, скрылся от следствия. Находясь в подполье, он усиленно искал возможность избежать уголовной ответственности и ассигновал на это четыре миллиона рублей. Его эмиссары нашли в Москве человека, пообещавшего передать эти деньги одному из тогдашних руководителей МВД СССР, выторговав себе комиссионные в размере четверти миллиона. Фамилию руководителя, согласившегося за три с половиной миллиона замять дело, не называли, но намеки были достаточно прозрачные. Однако пока шел торг, в стране сменилось руководство, и тогда один из участников предполагаемой акции сменил ориентацию и обратился с официальным заявлением о планирующейся взятке.

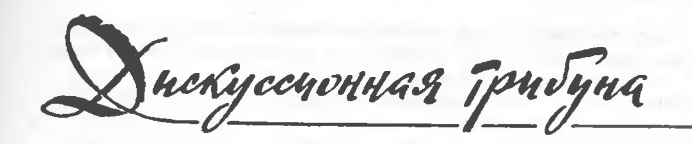
9 января 1983 года специальной группой МВД СССР московский посредник был задержан в аэропорту Внуково. Первая часть взятки — один миллион рублей — была изъята, а вслед за этим был арестован и скрывавшийся Бакашвили. Преступная «семья» была разгромлена, но всех опять-таки судили по отдельности, а в последнем случае и при полном молчании прессы.

Года два назад по Ленинградскому телевидению было показано шесть серий небольшого телевизионного документального фильма «Приговор», в котором рассказывалось об «отдельном» деле. Фактически уже тогда телепублицисты прикоснулись к своей ленинградской мафии, но заметить этого не сумели и подали дело в обычном стиле «отдельного нетипичного случая».

Приведенные примеры мафиозных «семей» показывают, что в принципе каждая из них существует как в региональной, так и в отраслевой сфере самостоятельно, но через систему промежуточных связей с посредниками и «белыми перчатками» все вместе они составили единую систему расхищения, базирующуюся на протекционизме, круговой поруке и взяточничестве. Слияние преступно нажитых денег с преступными злоупотреблениями властью — вот то, что создало мафию.

Юристам хорошо известно, что должностные и хозяйственные преступления имеют наивысшую латентность. В последнее время на них еще дополнительно стали закрывать глаза. Поэтому вряд ли можно что-либо увидеть с плотно закрытыми глазами. Но есть виды преступлений, порожденные все той же общей обстановкой развития организованной преступности, которые очень трудно «спрятать» или не заметить, даже если очень сильно зажмуриться. Преступления против жизни и здоровья граждан, как правило, имеют небольшую латентность, и анализ обычной судебной статистики может подсказать реальное положение вещей. А эта сторона преступности, или «силовая мафия», проявляется все отчетливее.

●

ДЕРЖАВУ — НА РЫНОК?

Из писем в редакцию

ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ ИЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ РАЗОРЕНИЕ ДЕРЖАВЫ!

Статья Юрия КАТАСОНОВА «Архитекторы картонных стен» («МГ», 1990, № 7) подтверждает, что не перевелись еще силы, разоряющие страну. Раньше они разоряли ее «сделками века» (типа «газ — трубы», «нефть — насосы»), оправдывая их очередным мифическим «ускорением». Теперь «новаторы», которые, конечно же, за перестройку и, конечно же, ходят в «прорабах», решили заняться обороной. Сначала начали ратовать за «одностороннее разоружение», а сейчас планируют так его провести, чтобы оно стало еще более разорительным для страны, чем сверхвооружение. Проекты последних соглашений и договоренностей, начертанные с нашей стороны золочеными перьями оперстненных советников, консультантов МИДа и ИСКАНа*, это полностью подтверждают.

В совместном документе, принятом в ходе вашингтонской летней встречи в верхах, изложены достигнутые мидо-искановской и американской делегациями договоренности по вопросу сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ). Установленные в нем «потолки» СНВ в 1600 носителей и 6000 ядерных боеголовок должны значительно снизить объемы накопленных ядерных вооружений. Цель благородна, а вот пути ее достижения...

Напомним, что, по данным американского Совета по защите природных ресурсов, в настоящее время сложилось примерное равенство СССР и США по СНВ. При этом у СССР около 60 процентов мощности ядерных зарядов приходится на межконтинентальные ракеты наземного базирования (МБР), в то время как у США 80 процентов — на баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ). Поэтому вопрос о структуре сокращения СНВ, то есть по их видам, является самым спорным, что вполне закономерно ввиду его сложности и важности.

Каковы же договоренности, «достигнутые» МИДом и его филиалом — ИСКАНом? (Хотя кто у кого филиал, не разобраться: сотрудники ИСКАНа часто являются консультантами МИДа, мидовцы «остепеняются» в ИСКАНе — налицо признаки общего клана). Их результаты вполне устраивают наших недругов: страна разоряться будет!

* Институт США и Канады.

Используя свое превосходство в БРПЛ и стратегических тяжелых бомбардировщиках (ТБ), США в лице своей делегации сумели не только навязать нам максимальное сокращение советских МБР, но и... вовлечь СССР в гонку по наращиванию ядерных зарядов на БРПЛ и КРВБ. Другими словами, СССР, уничтожив сокращаемые МБР, то есть то, что уже есть, что является надежным «ядерным щитом» и на что уже затрачены сотни миллиардов рублей, будет вновь укреплять оборону, но уже главным образом за счет «воздушно-морского ядерного щита», который менее эффективен и не менее дорогостоящ.

Подтверждение тому то, что стороны договорились: каждая может иметь по 880 ракет морского базирования (КРМБ). На первый взгляд справедливо, но... И вот за этим-то «но», как говорят французы, может спрятаться весь Париж. Дело в том, что у США в настоящее время полностью отработана технология производства и уже изготовлено 350 ракет. Осталось еще раз включить остановленный конвейер по их серийному выпуску и быстро довести их количество до 880. У СССР же, насколько известно, таких ракет пока вообще нет. Значит, впереди у нас научно-исследовательские, опытно-конструкторские работы, испытания, производство и... миллиарды рублей затрат. И это, к сожалению, еще не все. Гонка теперь уже морских ядерных вооружений будет не только изнурительной, но и долгой. Ведь США имеют здесь количественно-качественное преимущество, и от него, как свидетельствует опыт переговоров, не откажутся. Когда же нами будет достигнут, немалой ценой, паритет в навязанной американской стороной области, тогда мы, судя по всему, вновь начнем уничтожать уже эти ракеты, гонясь за очередным паритетом...

Не менее показателен и вопрос о КРВБ (крылатых ракетах воздушного базирования). Договорились: количество тяжелых бомбардировщиков (ТБ) у сторон будет следующим: у США — 150, у СССР — 210, на 40 процентов больше! (В настоящее время у американцев насчитывается 190 таких самолетов, у нас — около 80.) Какая трогательная забота о нашей безопасности. Мы можем иметь больше ТБ, чем США. Все это так, но «радость» по этому поводу преждевременна. США договором убивают сразу двух зайцев. Во-первых, они выводят из боевого состава устаревшие образцы бомбардировщиков, заменяя их на уже прошедшие испытания самолеты-«невидимки» В-1В или В-2. Советскому же Союзу... предстоит еще построить более 130 тяжелых бомбардировщиков. Во-вторых, США добились того, что СССР будет отставать в эффективности стратегической авиации. В договоренностях-то установлен предел количества КРВБ на одном ТБ: у США — 20, у СССР — 12.

Ясно, что разумнее достичь паритета за счет увеличения количества КРВБ на одном тяжелом бомбардировщике (разумеется, до известного предела), чем за счет вала ТБ. При этом строительство 60 таких самолетов (сверх установленного количества

для США) обойдется Советскому Союзу в 18—20 миллиардов долларов.

Общий же итог договоренностей таков: после планируемого сокращения у СССР останется порядка 7 тысяч ядерных зарядов, у США — 9 тысяч. Если приплюсовать к ним 700 ядерных боеголовок Англии и 500 Франции, то у Запада скоро будет полуторное превосходство над нами в этом виде вооружения. Если учесть, что американцы не отказываются ни от «стратегической оборонной инициативы», ни от концепции «первого упреждающего удара», это соглашение ставит под угрозу оборону страны.

И что же военные? Неужели они сидят сложа руки и безучастно взирают, как разрушаются наши Вооруженные Силы? Нет. Упрекнуть их в этом нельзя. Только вот всякие попытки представителей Министерства обороны СССР, военных, которые несут личную ответственность за защиту Родины, трезво подойти к решению вопросов, связанных с сокращением СНВ, тут же объявляются командами МИДа и ИСКАНа и их кадрами из средств «быстрого реагирования», зарабатывающими на жизнь в «желтой» прессе, милитаризмом и консерватизмом.

Одни академики сотворили нам «длительную ядерную войну» на чернобыльском, точнее, украинско-русско-белорусском, «театре военных действий», по последствиям несравнимо более тяжелую, чем атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Другие, такие, как академик Т. И. Заславская, блестяще «обосновали» (закрытый!) проект разорения деревень России, который тоже был осуществлен. Теперь вот «ученые» во главе с руководителем ИСКАНа академиком Г. А. Арбатовым взялись за оборону и пишут меморандумы по военной реформе.

Читая статью Юрия Катасонова, становится ясным «жизненное кредо» Г. А. Арбатова. К сказанному следует добавить, что, как руководитель ИСКАНа, академик должен был знать, как еще в 70-е годы в США пришли к очевидному выводу: бессмысленно наращивать производство танков для использования их в ядерной войне. Однако за океаном, разумеется, не стали объявлять об этом во всеуслышание, а продолжали говорить об огромной мощи советских танков. И приступили (больше на словах) к реализации программы по созданию противотанковых систем, заведя нас в «танковый тупик», который выразился в производстве многих «лишних» боевых машин. Г. А. Арбатов, как ответственный по должности за знание и анализ такой информации, должен был дать совет, как избежать столь обременительного для страны «танкового вала». Что он «советовал» тогда в Кремле — неизвестно, но то, что сейчас мы вновь, по совету «академиков», расходуем народные деньги, но уже на уничтожение «лишних» танков с почти неплавкой броней, — это факт.

Ясно, к чему приводит подобная «деятельность». И ее надо пресечь. Оборона страны слишком ответственное дело, чтобы его доверять дилетантам и карьеристам.

В. КРУГЛОВ,
подполковник

Москва

От редакции. К моменту выхода в свет этого номера журнала договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, возможно, будет подписан руководителями СССР и США. Приостановить это разорительное для страны соглашение по силам лишь Верховному Совету СССР.

«ОБЪЕДИНИТЬ МОЛОДЕЖЬ ТОЛЬКО НА ОСНОВЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ — НЕРЕАЛЬНО...»

ИНТЕРВЬЮ С СЕКРЕТАРЕМ ЦК ВЛКСМ А. АЛЕЙНИКОВЫМ

А. Алейников родился в Ленинграде. Ему 30 лет. Работал фрезеровщиком на «Арсенале», потом учился на философском факультете Ленинградского университета. Был секретарем Ленинградского горкома комсомола. В мае прошлого года избран секретарем ЦК ВЛКСМ, возглавляет комиссию по общественно-политическим проблемам, гражданским и культурным инициативам молодежи.

Предполагалось, что разговор пойдет вокруг вопросов, которые были подготовлены заранее и с которыми был ознакомлен секретарь ЦК ВЛКСМ. Однако беседа потекла по иному руслу.

— Я нахожусь в ситуации довольно-таки противоречивой, — сказал А. Алейников. — Даю интервью журналу, позицию которого во многом не разделяю. Но ведь «Молодая гвардия» — журнал ЦК ВЛКСМ * и отказ секретаря ЦК комсомола от интервью может быть расценен неоднозначно, кто-то, возможно, посчитает, мол, игнорирует редакцию или, того хуже, боится идти на контакты. Поэтому я принял решение: интервью давать. Но поскольку на пленумах ЦК ВЛКСМ, в некоторых комсомольских организациях поднимались вопросы, связанные с журналом, его позицией и идейной направленностью, считаю, что есть смысл высказать свою точку зрения на публикации «Молодой гвардии».

Я думаю, что задача не в том, чтобы проанализировать какие-то конкретные номера журнала или материалы, с чем конкретно мы не согласны. Дело несколько в другом. Грустно, что, получая свежий номер журнала, я заранее знаю: вновь споры с «Огоньком», «Московскими новостями» и т. д. Огорчает и то, что очень мало сотрудничает журнал с молодыми талантливыми писателями, социологами, политологами, экономистами различных направлений. В журнале нет очной полемики. Как журнал комсомольский, динамичного комсомола, «Молодая гвардия» могла бы отражать всю палитру политической жизни молодежи. И не обижайтесь — я откровенен и заинтересован не во взаимных претензиях, а в подлинно остром, по глубоком, плюралистичном молодежном издании. И второе. Идейная направленность журнала вызывает критику на различных комсомольских форумах. И не

* С 1991 года «Молодая гвардия» не является журналом ЦК ВЛКСМ. Учредителями издания зарегистрированы коллектив редакции журнала «Молодая гвардия» и издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия». (Ред.)

без оснований. Мы отстаиваем приоритет общечеловеческих, гуманистических ценностей, журнал явно тяготеет к классовым. Комсомол чрезвычайно осторожно и бережно относится к национальным чувствам людей, а «Молодая гвардия» не всегда корректна в этом сложнейшем вопросе.

А если брать отношение журнала к конкретным политическим лидерам, идеям этих политических лидеров, то их оценка также расходится с оценкой, которая сложилась в комсомольской среде. Я приведу конкретный пример. В ряде номеров был подвергнут критике бывший член Политбюро ЦК КПСС, ныне член Президентского совета Александр Николаевич Яковлев. Мне, например, глубоко непонятно, хотите обижайтесь, хотите нет, волна критики, поднятая на страницах журнала вокруг его имени. А такие выражения в одной из статей, как «жесткий бухаринец», «черт те знает кто» и так далее и тому подобное, кроме возмущения, ничего не вызывают. А ведь А. Н. Яковлев является человеком, кого справедливо называют интеллектуальной совестью КПСС, который генерирует идеи, которые сейчас овладевают массами, многие из них развиваются и в комсомоле. Они идут в русле, если употребить расхожее выражение, левой направленности в демократическом движении. Если проанализировать выступление А. Яковлева на XXVIII съезде КПСС и выступление первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Зюкина на этом же съезде, то нетрудно убедиться, что они близки по духу. А ведь первый секретарь ЦК ВЛКСМ выражал не свою личную точку зрения, а пленума ЦК комсомола, на котором была выработана позиция об отношении к XXVIII съезду КПСС.

— Андрей, последнее время, о комсомоле говорят не иначе как об организации, исчерпавшей себя, косной, никчемной, неспособной ни защитить молодежь, ни помочь ей. Утверждают, что ВЛКСМ находится в глубоком кризисе. Если это так, то назовите его причины. Разделяете ли вы такую точку зрения?

— На протяжении многих лет комсомол был монополистом в молодежном движении. За это время он, по сути дела, превратился в государственную службу по делам молодежи, стал единственной монопольной организацией и в идеологическом плане. Главная задача, которая стояла перед ним — коммунистическое воспитание молодежи. Как известно, на XXI съезде комсомола было во всеуслышание сказано, что начался распад ВЛКСМ как организации. Ушел в небытие такой принцип, как партийное руководство комсомолом. Нет и принципа демократического централизма. Несмотря на то, что в Уставе ВЛКСМ записано о приоритете первичной организации, ее роль падает. Первичные организации умирают. Мы вынуждены думать об ином принципе построения первичек. Не территориально-производственном, а территориальном. Хотя, впрочем, это не означает, что комсомол должен уходить из трудовых коллективов. Так что в старом понимании комсомол действительно трудно назвать организацией.

Но в то же время принятые XXI съездом решения позволяют говорить о том, что сегодняшний комсомол — это во многом другая, но столь же противоречивая организации. Вот вам пример. Чья идея провозглашения молодежной политики? Комсомола! Но кто ее осуществляет? Государство? Опять же комсомол! До молодежи никому, увы, кроме самой молодежи и ее организаций, нет дела. В обществе нет элементарной культуры

отношения к молодежи. Ее формирование — одна из наших задач на сегодня.

— XXI съезд комсомола заявил о предоставлении комсомольским организациям — субъектам федерации — широкой свободы для самоопределения в переходный период. Как это осуществляется?

— Вот, например, в Латвии прошла конференция, которая приняла решение о переименовании ЛКСМ Латвии в «Союз за прогресс молодежи Латвии». Я на этой конференции был и хочу сказать, что решение, которое еще вчера казалось покушением на все и вся, правильное. Выбран самый верный путь в той ситуации, которая сложилась в республике. Юноши и девушки открыто заявили, что не будут ориентироваться на установки той или иной партии. А разве легко сориентироваться в той ситуации, когда только коммунистических партий в Латвии три? «Союз за прогресс молодежи Латвии» провозгласил главной целью защиту интересов молодежи. А ЛКСМ Украины к своему традиционному названию добавил — «Молодежь за демократический социализм». Провозглашен приоритет Устава этой организации над Уставом ВЛКСМ. Может кто-то сказать, мол, это разрыв с ВЛКСМ. Нет, это не разрыв. Все происходит в рамках стремления республик к экономической самостоятельности. Провозглашением экономического и политического суверенитета и объясняется процесс, который идет. Надо согласиться, что на объективно складывающуюся политическую и экономическую структуру нельзя набросить какую-то жесткую удавку в лице комсомола.

— Чтобы комсомолу выжить, ему необходимо вписаться в новый общественный организм. Как это происходит?

— Одни считают, что комсомолу надо сохранить ориентацию на КПСС, как на идейно-политическую силу, при этом не отказываться от сотрудничества с иными политическими силами. Другая точка зрения предполагает создание общественно-государственной службы по делам молодежи на базе ВЛКСМ. Цель ее — защита социальных и политических прав молодежи, создание условий для распространения трудовых инициатив, обеспечение занятости, а также условий для нравственного, физического развития. Такая служба, поглотив значительные средства комсомола, не позволила бы распылить собственность комсомола, растащить ее между молодежью и способствовала бы решению социальных вопросов. Надо иметь в виду, что такая структура носит деидеологизированный характер и поддерживает отношения с партиями и движениями не в силу политической близости к ним, а исходя из решения конкретных задач по защите интересов всей молодежи либо конкретного объединения. Есть еще третья точка зрения на будущее комсомола. Она заключается в том, что ВЛКСМ должен быть преобразован в Союз советской молодежи, который внутри себя содержал бы молодежные организации различной направленности.

— Не кажется ли вам, что определенные силы искусственно создают мнение о ненужности комсомола, пытаются любым путем разбить на куски молодежное движение?

— Я не могу утверждать, что кто-то искусственно создает такое мнение. Но точно скажу, что комсомол в старом понимании действительно изжил себя. Мы должны прийти к пониманию,

что объединить молодежь только на основе одной коммунистической идеи — нереально. С этим надо считаться. Более того, любое название должно отражать сущность организации. Самая большая ложь о комсомоле та, что он — коммунистический. Не объединяет Союз сегодня только сторонников коммунистической идеи! *Даже в такой, казалось бы, структуре, как* комсомольский аппарат, работают люди с совершенно разными взглядами — от ортодоксальных марксистов, фундаменталистов до... антикоммунистов, выходящих из КПСС. Мне кажется, что во времена глубочайших социальных потрясений рассуждения вокруг «измов» — не самое благородное дело. Не отложить ли на потом эти идеологические споры, а сейчас задуматься над тем, как сделать общество человечным, а молодежь счастливой?! И мне кажется, сейчас не время втягивать молодежь в идеологические разногласия...

— Извините, а как же тогда понимать, к примеру, декларации и действия председателя Моссовета Г. Попова — интеллигента из Моссовета, как его сейчас называют, который, с одной стороны, призывает не участвовать в Октябрьской демонстрации, а с другой, организует шествие и митинг на Манежной площади в столице в разгар уборки урожая? И кто в основном среди митингующих? Молодежь! А ведь именно за нее идет борьба. Не кажется ли вам, что уводить молодежь от политической борьбы — ошибка?

— А я и не говорю о политической борьбе. Она неизбежна, хотя для меня очевидно, что есть два разных подхода к ее целям. Первый — это достичь власти или удержать ее ради самой власти. Второй — добиться в обществе гражданского согласия, социального прогресса. И если молодежь ориентирована на поиск различных вариантов путей выхода страны из кризиса — это нормально и естественно. Если же речь идет о борьбе за молодежь ради своих амбиций и при этом с силой колоссального звона кричат о «капитализации», «предательстве идеалов» или же, с другой стороны, призывают к устранению коммунистов от влияния на политическую жизнь — мне это кажется антигуманным, безнравственным. При этом надо иметь в виду, что некоторые движения, группировки и партии отождествляются с той или иной личностью. Например, с лидером Демократической партии Н. Травкиным или первым секретарем ЦК Компартии РСФСР И. Полозковым. Кому симпатизируют, за тем и идут.

— Ну, со взглядами И. Полозкова, по-моему, все ясно. А вот с Героем Социалистического Труда, бывшим слушателем Московской высшей партийной школы, народным депутатом СССР и РСФСР Н. Травкиным надо разобраться. Как известно, инициатором Демократической партии, которую возглавляет Н. Травкин, выступил чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров. В интервью английской газете «Обсервер» он заявил: «Пришло время, когда антикоммунистические силы должны переместиться с улиц в парламент. Коммунисты 75 лет убивали потенциальных капиталистов. Капиталистам не следует в ответ убивать коммунистов по давней русской традиции». Неужели комсомол откажется от формирования взглядов молодежи? Тем более в то время, когда политическое сознание молодежи расщеплено, когда одни сохраняют веру в коммунистический идеал, другие расценивают перестройку как покушение на устои и принципы социализма, третьи считают, что социализм как социально-экономическая система полностью исчерпал себя и будущее принадлежит модернизированному капитализму?..

— Что значит «разобраться» с Травкиным? Надо всем учиться терпимости к инакомыслию. Споры и дискуссии не должны носить характера нападок на личность, тем более выискивая факты из биографии. Давайте аргументированно спорить с идеями, взглядами, концепциями, а не вспоминать, кем был тот или иной человек в прошлом. По поводу расщепления сознания молодежи я с вами согласен. Но говорил уже о том, что нынешний комсомол — это не объединение идейных единомышленников. Будет реальная многопартийность в молодежном движении, будут, я уверен, и действия каждой организации по формированию взглядов.

— Андрей, вы говорили о возникновении новых молодежных организаций. Что они собой представляют?

— Пока молодежное движение находится в стадии становления. Общесоюзных молодежных организаций, равных комсомолу или способных с ним конкурировать, нет. Это плохо. Это сдерживает, как это ни парадоксально, и комсомол, потому что когда нет конкуренции, движение умирает.

— А какого вы конкурента ждете? В какой сфере? Идейной? Предпринимательской?..

— Сейчас в молодежной среде уже, можно сказать, оформились такие группы, как социал-демократы, социалисты, христианские демократы, кадеты. Их численность относительно незначительна. Становление молодежного движения идет тремя путями — выделение из ВЛКСМ и вне его, а также создание молодежных отделов, фракций или организаций при вновь создаваемых партиях. Ну, допустим, из комсомола выросли Российская социал-демократическая ассоциация, Коммунистический союз молодежи, молодежное движение «Коммунистическая инициатива». Что касается второго пути, то организации возникают либо по социальному признаку, либо национальному. Например, Союз независимой украинской молодежи, Свободное объединение молодежи Узбекистана, Союз армянского студенчества. Надо быть готовым к тому, что когда в стране оформится окончательно многопартийность, то столь же быстро будет оформлена многопартийность и в молодежном движении. ВЛКСМ не будет единственной всесоюзной молодежной организацией. Какая организация раньше овладеет массами, мне пока прогнозировать трудно.

— Упомянутые организации сотрудничают с ВЛКСМ?

— Сложный вопрос. В основе деятельности многих из них лежит приоритет общечеловеческих ценностей, идеи гуманизма, демократизации. На этой основе мы сходимся. Но они негативно относятся к старым официальным структурам — к КПСС, ВЛКСМ.

— Что их не устраивает в деятельности комсомола?

— Молодые политики понимают, что главное сейчас не идейные разногласия, а борьба за улучшение социальной жизни молодежи. А претензия одна — старый комсомол исчерпал кредит доверия молодежи. Он должен меняться. Что, собственно, сегодня и происходит.

— Как сейчас осуществляется связь ЦК ВЛКСМ с республиканскими организациями?

— Согласно решениям XXI съезда ВЛКСМ в комсомоле федеративный принцип строения. Хотя по многим признакам комсомол — организация со всеми элементами конфедеративного устройства. Решениями съезда утверждены полномочия ЦК, бюро, секретариата, аппарата ЦК ВЛКСМ. Бюро ЦК ВЛКСМ построено по федеративному принципу. В него входят все субъекты федерации. Это либо первые секретари ЦК ЛКСМ, либо вторые. Бюро принимает решения, которые, если есть необходимость, обсуждаются на пленумах ЦК комсомола республики. Но такой связи, какой была раньше, когда, например, инструктор ЦК ВЛКСМ диктовал первому секретарю ЦК республики конкретные решения, говорил, что надо делать, нет.

— Чего сегодня не хватает комсомолу?

— Он должен доказать свою нужность молодежи, что создан не для кабинетных работников. Вот этого пока и нет.

— От кого надо защищать молодежь?

— Новые отношения, которые складываются в обществе, больно ударят в первую очередь по молодым людям. Ведь сегодня заработная плата у молодых рабочих составляет 120 рублей, в два раза меньше средней. 2,5 миллиона юношей и девушек — без жилья. А сколько их проживает в общежитиях. Молодежь сегодня вытолкнута на периферию распределительных отношений. Не потому ли она бросается в наркоманию, фарцовку, проституцию? Вот потому-то мы добиваемся, чтобы была сильная молодежная политика. Над этим работает и ЦК ВЛКСМ, и Комитет Верховного Совета СССР по делам молодежи.

— Как комсомол, в частности ЦК ВЛКСМ, намеревается защищать интересы молодежи при переходе к рыночной экономике?

— В октябре ЦК ВЛКСМ принял ряд программ, предусматривающих защищенность молодежи — студентов, учащихся, воинов. Эти программы представлены Верховному Совету СССР, Президенту.

— Если коротко, что включают в себя программы?

— Это — развернутая система молодежных предприятий, дополнительное кредитование, например при строительстве жилья, создание молодежной биржи труда, которая будет решать проблемы социальной занятости.

— Готовитесь к безработице?

— Как видите, готовимся...

— Каким вы видите сотрудничество ЦК ВЛКСМ и молодежных средств массовой информации в свете Закона о печати?

— Как известно, в середине лета старый состав Секретариата ЦК КПСС принял решение о передаче на баланс комитетов комсомола молодежных изданий, которые раньше находились на балансе партийных органов. Это поставило молодежную прессу на грань экономической катастрофы. Ведь из ста с лишним газет, находящихся в составе издательств партийных органов, 60 процентов являются убыточными. А при переходе на новые цены на бумагу, краски, полиграфические услуги — это экономический крах. В данной ситуации Секретариат ЦК КПСС поставил комсомол в один ряд с кооперативами, другими коммерческими предприятиями. В конце концов было принято иное решение. Оно предоставило право самим комсомольским органам на местах решать: выходить из состава издательств партийных органов или нет. Предполагаются, согласно этому решению, и определенные экономические льготы.

Но не только стиль взаимоотношений меняется в экономике. Иные отношения складываются между учредителем и редакционными коллективами. Раньше вышестоящие органы могли вызвать редакционную коллегию, как говорится, на ковер, потребовать отчета за ту или иную публикацию, привлечь к ответственности журналиста, нередко к необоснованной, запретить публиковать материал. Теперь этого не будет. Для меня, например, важна степень журналистской свободы, в основе которой такие принципы: нравственность и порядочность самого журналиста, здравый смысл и, наконец, программа, которую выдвигает учредитель. Исходя из этого, мы будем строить взаимоотношения между ЦК ВЛКСМ и своими изданиями. Программа издания, особенно общественно-политического, должна предоставлять максимальную степень свободы редакционному коллективу, но при этом соответствовать тем программным целям, которые провозгласил XXI съезд ВЛКСМ.

Интервью взял В. ЗЕНКОВ

«ИРОНИЯ НАД КОМСОМОЛОМ, ЕГО ИСТОРИЕЙ, ДЕЛАМИ...»

Накануне очередной, 72-й годовщины комсомола меня попросили выступить в городской газете «Строитель коммунизма». В прежние годы день рождения молодежной организации — повод для непременных здравиц. Ныне же не до фанфар. Поэтому я решил поделиться с комсомольцами, молодежью, всеми жителями города и района своими мыслями, рассказать о реальном положении дел, которое сложилось в нашей организации.

Сегодня очевидно, что решение собственно молодежных проблем невозможно без решения проблем всего общества. Ситуация в стране — экономическая, идеологическая, политическая, нравственно-психологическая — определяет изменения в сознании, образе мышления и поведении молодежи. Наше общество имеет ту и такую молодежь, которую оно сформировало, которой оно достойно. Очевидно и то, что решение сложнейших проблем в развитии общества невозможно без молодежи. В конце концов, общество будет таким, каким представляет его себе молодежь.

Долгие годы шумели, что «молодым везде у нас дорога», а стоило только высветиться реальной картине, как оказалось, что молодежь — самая незащищенная часть общества. Первые вопросы, с которыми сталкиваешься, общаясь со своими сверстниками, касаются жилья, заработной платы, плохих условий труда или полного отсутствия работы, особенно среди молодых женщин, трудностей с устройством детей в детские садики, ясли. Разумеется, в такой ситуации молодежь начала сомневаться, что ее потребности, хотя бы духовные, может удовлетворить комсомол. Комсомольцы все чаще стали сомневаться в це-

лесообразности существования ВЛКСМ, который в ряде случаев поддерживался искусственно и навязывался силой. Государственная политика велась таким образом, что комсомол заставляли владеть монополией на всю молодежь. Когда же оказалось, что у молодых людей могут быть интересы и взгляды, произошла первая трещина в жесткой структуре ВЛКСМ. К XX съезду комсомола (1987 год) уже довольно отчетливо выявились все противоречия существования Союза. Начали вноситься изменения в Устав, давалась определенная самостоятельность первичкам, что повлекло за собой практически полный срыв работы комсомольских организаций. Может, в крови у нас есть потребность в крайностях, а может, молодежи так долго навязывали политику, что она, в определенной мере отвернувшись от комсомола, не смогла найти для себя занятие по душе и интересам, если, конечно, не считать занятием переворачивание скамеек на остановках, битье стекол или просто бесцельное шатание по ночным улицам.

Все процессы, происходившие в ВЛКСМ, находили свое отражение и в нашей городской комсомольской организации. Что же мы представляем на сегодняшний день? У нас 110 первичных организаций. Мы отказались от формально существовавших комсомольских групп и в ряде случаев от цеховых комсомольских организаций. Всего численность городской организации на начало октября прошлого года составила четыре тысячи комсомольцев. С 1985 года в первичках особенно сильно стали слышны требования о предоставлении им независимости, свободы действий и права выбора форм деятельности. Эти требования возникли под влиянием рассуждений, которыми в то время изобиловала центральная пресса. Думаю, неплохими были устремления, и согласно им вносились изменения в Устав ВЛКСМ. Было принято решение: комсомольское собрание проводить по мере надобности. Результат проявился сразу же — горком утратил право требовать проведения собраний, а у первичек почему-то отпала в них надобность. Причем я имею в виду не регламентированные и заорганизованные мероприятия, а для себя, для интереса. Отменили в Уставе принципы демократического централизма. Вроде бы сделали это опять же для раскрепощения первичек. Но это сыграло только негативную роль. Горком оказался в таком положении, когда от него требуют, чтобы он руководил комсомольскими организациями, вел за собой молодежь, а у него не стало тех прав, что были заложены в прежних положениях Устава. Отношения между горкомом и первичками стали складываться на чисто договорных началах. Все это стало смахивать на базар.

Еще один удар по горкому был нанесен сокращением штатов. Любому общественному формированию, организации трудно обойтись без органа управления. Что же сейчас представляет горком? Если иметь в виду выборный орган, то это 58 членов горкома, в том числе семь членов бюро. А если говорить о так называемом аппарате горкома, о тех людях, которые должны вести всю работу, то их вместо 12 осталось три! Первый секретарь, секретарь, заведующий отделом учащейся молодежи, заведующий сектором учета, он же бухгалтер. Из нашего рабочего времени необходимо вычесть отпуска, командировки, так как в это время нас нет на месте, ну и больничные. Если кому-то еще не ясна

ситуация, я со всей ответственностью заявляю — в таких условиях работать просто невозможно, это ирония над комсомолом, над его историей, делами, в конце концов, над нами. Не хотим быть громоотводами. Ведь до сих пор за все прегрешения молодежи спрашивают с горкома ВЛКСМ. Почему?

Аппарат сократили — ладно. Это не самое страшное. Гораздо хуже то, что нам пришлось ликвидировать 15 ставок освобожденных секретарей в первичках. Предвидя, что это будет конец работы среди молодежи, я разговаривал практически со всеми руководителями и просил выделить деньги на ставку секретаря, обращал при этом внимание на то, что нам не обязательно, чтобы он был именно секретарем комитета ВЛКСМ, а единственно нужен человек для работы с молодежью, то есть тот же помощник руководителю. К сожалению, никто из руководителей, секретарей парткомов не захотел вникнуть в реальные сложности, которые возникнут в молодежной среде. Результаты не заставили себя ждать. В учебных заведениях начался учебный год, и оказалось, что секретарь комитета ВЛКСМ был раньше совсем не лишним человеком. Тут началась обратная связь. В горкоме стали раздаваться звонки, и люди возмущенно спрашивали, кто будет заниматься с молодежью, с комсомольцами, проводить собрания, ставить на учет? Что тут возразить? Не начинать же вспоминать весенние разговоры прошлого года и изливать обиды. Нет, мы проглотили очередную пилюлю с явным намеком на нашу бездеятельность.

Вследствие всех вышеперечисленных причин горком ВЛКСМ уже ни физически, ни морально не мог работать дальше в прежнем направлении. Итогом явился пленум горкома в июне прошлого года. Исходя из существующего штатного расписания, финансовых возможностей, положений Устава ВЛКСМ и рекомендаций крайкома, на пленуме приняли новое Положение о городской комсомольской организации. В нем резко ограничили сферу деятельности горкома, отказались от ряда функций и определили несколько направлений в работе. Главным же было следующее: горком полностью отказался от монополии на всю молодежь, а остался только для членов Союза, и решением пленума горком превратился из руководящего органа в рекомендательный, методический центр. Таким образом, комсомольским организациям уже дана полная свобода деятельности, которую они долгое время требовали. Казалось бы, сейчас ребята развернутся, найдут себе дело. Но опять не получилось так, как думалось.

И характерно, что при этом стало модно делать ссылки на коммунистическую идею, мол, на одной только ее основе молодежь не объединишь. Наверное, одной, пусть даже и коммунистической, идеи маловато. Но разве она плоха? Разве она не нацеливала молодежь на справедливость? Плохо, что ее извратили. Мне кажется, что подобные разговоры не что иное, как попытка окончательно похоронить комсомол. Это я утверждаю со всей ответственностью. Тот, кто больше всего добивался раскрепощения, свободы, отмены принципа демократического централизма, кто больше всего кричал, сейчас ушел в сторону, как говорится, в кусты. Где сегодня эти люди? А те, кто и раньше не настаивал на насилии, остались, они продолжают работать в комсомоле.

На пленуме горкома ВЛКСМ было принято обращение к сес-

сии городского и районного Советов народных депутатов о создании в исполкомах комитетов по делам молодежи, чтобы ее проблемы решали те, кто наделен властью, полномочиями, кто располагает возможностями. Думается, этот шаг правильный, потому что сейчас с большей частью молодежи никто не работает. Но и от планируемых комитетов пользы будет мало, если не утвердить в них реальные штаты и если не будет заинтересованности молодежи.

В середине осени бюро горкома ВЛКСМ приняло решение о проведении в первичных комсомольских организациях отчетно-выборных собраний-перерегистраций членов ВЛКСМ. Это совершенно новое и принципиальное решение. Пусть каждый комсомолец решит и твердо определит свой путь: останется он в рядах ВЛКСМ и будет активно работать в комсомольской организации или совсем уйдет в сторону от трудностей и займет выжидательную позицию. Мы реально смотрим на происходящее и понимаем, что можем недосчитаться многих, но нам нужны действительно наши сторонники, помощники, на кого горком сможет положиться и ожидать поддержку и помощь.

С. СОКОЛОВ,
первый секретарь горкома ВЛКСМ.
г. Камень-на-Оби,
Алтайский край.

«СПРУТ» И КУЛЬТУРА

Грабеж культурных ценностей страны продолжается

21 января 1990 года в «Московской правде» упомянут случай на таможне, когда выезжавшая в Болгарию дама пыталась вывезти более 10 килограммов серебра — изделий XVIII—XIX веков. Вывоз был предотвращен. Однако будь это современные изделия — хоть десять, хоть сто килограммов, — серебро было бы вывезено на вполне законных основаниях.

27 января «Советская Россия» в серии «Спрут» обнародовала факт изъятия 25 килограммов золотых изделий у некоего дипломата на Брестской таможне и находку «бесхозных» золотых изделий стоимостью более 100 тыс. руб. на таможне в Шереметьеве. Позднее «Правда» сообщила о найденных в Шереметьеве килограмме (!) бриллиантов и нескольких килограммах драгоценных металлов — тоже «бесхозных».

В конце 1989 года телепрограмма «Время» рассказывает о резком падении цен на золото в США, а вскоре золотые изделия в СССР дорожают. Поневоле в голову приходит сравнение с двумя сообщающимися сосудами — где-то утекает, куда-то притекает... Впрочем, удивляться нечему — с 15 июля по 15 сентября вывоз золота из СССР был почти не ограничен, да и с 15 сентября ограничения были лишь косметическими. Ограничения на вывоз современных изделий из золота и драгоценных камней были введены вновь лишь с 10 мая 1990 года.

Зато уже давно готов проект о вывозе антикварных изделий, в том числе и из золота и драгоценных камней. Его автор — Министерство культуры СССР. По этому проекту стоит лишь закупить на бескрайних просторах России на два, положим, миллиона старинного серебра и половину из них «принести в дар» государству, вторую половину антиквариата можно будет вывезти прямо на аукцион «Сотбис», где цены в сто-двести раз выше. Разница в ценах ярко иллюстрируется хотя бы одним примером: автограф Льва Толстого, задержанный на границе при попытке вывоза, был оценен в сто (!) рублей, а за возврат в Россию автографов Пушкина был заплачен миллион, и не наших «деревянных» рублей, а долларов. Доллар на черном рынке пока стоит двадцать три рубля, но неизбежно будет дорожать.

Яркие примеры «стоимости» в СССР предметов старины приводит и «Правда» в статье от 14 января 1990 года «Сколько в «Троице» кубометров?», давая характеристику инструкции Министерства культуры СССР: «...согласно которой древнерусские иконы оцениваются наравне с пиломатериалами — по размеру доски. В следственном управлении ГУВД Мособлисполкома рублевская «Троица», оцененная в точном соответствии с инструкцией, потянула только на 400 рублей...»

От себя добавлю: если к этим кубометрам добавляются оклады из ценнейшего серебра 84°, измеряемые в килограммах, то оклады сдираются с икон и поступают в Гохран, где, как мне неоднократно говорили весьма компетентные товарищи, попросту идут в переплавку. Впрочем, в Гохране еще и не то творится, если судить по публикации «Запродажа» в той же серии «Спрут» («Сов. Россия», 15 мая). В переплавке окладов печалит не только то, что исчезают произведения искусства, но и то, что старинное серебро, переплавленное в современные изделия, вполне законно могло быть вывезено из СССР! И это в то время, когда серебряные рудники истощены!

Победу над Гохраном в борьбе против переплавки окладов, потиров, крестов в статье «Христопродавцы» приводит А. Николаев (журнал «Смена», 1989, № 21). Победа эта — редчайший случай, исключение, подтверждающее правило, и одержал ее, разумеется, не Минкульт, а союз искусствоведов и таможенников пограничного города Бреста, славного традициями борьбы с вражеским нашествием! Удалось это, может быть, потому, что Минкульт и Минфин далеки от Бреста... Зато близка граница, и может быть, потому шедевры, спасенные от вывоза и Минфина, были похищены прямо из экспозиции музея, единственного в своем роде музея таможенных трофеев — об этом хищении сообщила та же статья в «Правде» от 14 января.

Не могу не процитировать еще раз «Правду»: «В хоре голосов, призывающих поскорее сбить с границ последние замки и выбросить их на свалку истории, отчетливо слышатся порой голоса тех, кто руководствуется не универсальными общегуманистическими интересами, а вполне конкретной и небезобидной для общества корыстью».

Вполне возможно, что по планируемому постановлению половина похищенных в Брестском музее вещей будет предложена «в дар» государству, взамен, как это уже неоднократно делалось, будет получено разрешение на вывоз второй половины ценностей. И проследуют они через тот же Брест вторично, но уже под охраной разрешения Минкульта СССР. «Христопродавцами» А. Николаев в вышеупомянутой статье именует контрабандистов, а как назвать тех, кто узаконивает грабеж национальной культуры?..

Никто не может ручаться, что среди вывезенных ранее по разрешению Минкульта антикварных предметов не было похищенных из музеев, усадеб, частных собраний. Учета похищенного не ведется, как то показывает хотя бы история с разграблением усадьбы Суханово, одной из многочисленных разграбленных неизвестно кем и когда, где невозможно составить даже приблизительный перечень разграбленного!

А. Николаев приводит пример, как в 1975 году по разрешению Минкульта была вывезена икона XIV века «Св. Георгий», похищенная из одной из церквей на Пинеге. Но и он введен в заблуждение насчет дня сегодняшнего (цитирую): «Предел открытому грабежу сегодня поставлен: все, что представляет какую-то художественную ценность, законно не провезешь. Напропалую распоряжавшийся нашим наследием культчиновник, не потеряв пока кабинета, утратил все-таки права хотя бы в том, что не всегда рискнет поставить подпись там, где ставить ее — преступление».

Да нет же — он, этот культчиновник, возьмет и переделает закон в свою пользу, чтобы там, где ранее наличествовало преступление, ныне читалась забота о государственном благе. Когда мы обнаружим, что прочесть изданные в СССР книги можно лишь за границей, как об этом с горечью пишет заслуженный деятель искусств В. Десятников («Москва», 1990, № 3).

Вывоз национальных культурных ценностей достиг такого масштаба, что коллегия КГБ объявила борьбу в этом направлении одной из своих главнейших задач. А вот деятельность Минкульта в этой области — полная тайна. То ли министерство препятствует грабежу культуры, то ли содействует ему? Создается впечатление, что самое тайное, самое секретное ведомство в стране — Министерство культуры. О нем не известно ничего: ни бюджета, ни сумм госдотаций, ни деяний. Недавно просочилось в печать: «Советская культура» опубликовала сумму, заплаченную Минкультом за гастроли «Ла Скала» — вместо ранее договоренных 260 тысяч долларов из-за нерасторопности чиновников было заплачено 1 миллион 800 тысяч долларов. На эти спектакли не могли попасть даже ведущие солисты Большого театра, зато новоявленные нувориши блистали в ложах и партере, как пишет та же «СК». Но на этом история с «Ла Скала» не заканчивается. Цитирую газету «Коммерсантъ» от 21 мая: при досмотре на таможне в багаже и реквизите театра было обнаружено 250 предметов антиквариата. «Эксперты высказались однозначно: все купленные итальянцами старинные книги, иконы, складни, антикварные чернильницы, табакерки, самовары, посуда представляют художественную ценность и вывозу из страны не подлежат». Однако новый министр культуры СССР, актер Н. Губенко, отдал указание разрешить вывезти 90% задержанных на границе культурных ценностей, как не имеющих ценности для музейного фонда страны. Откуда министру и знать то, что 99% нищих музеев нашей когда-то великой державы были бы счастливы получить эти предметы?! Свои действия министр пояснил следующими словами: «Нам с «Ла Скала» надо сотрудничать — это однозначно». Так сказать, взаимовыгодное сотрудничество... Как тут не вспомнить слова из басни Крылова: «Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник...»

Еще одну тайну над бюджетом Минкульта приоткрыл «Московский комсомолец»: за пошлейшие песенки американцу Вилли Токареву заплачено 62 тысячи долларов (они же у нас лишние) плюс 62 тысячи рублей. За Вилли ринулся целый взвод брайтонбичевых куплетистов, и сколько им заплачено сотен тысяч, остается полной тайной. Да и в остальном деятельность Минкульта покрыта мраком неизвестности в наш век декларируемой гласности... Даже имена претендентов на пост министра держались в тайне от общественности, и не было исключено, что под видом нового нам бы подали хорошо забытого старого. Ан нет! — старый неизвестно какими путями стал зам. премьера России. И, как втайне поговаривают, курирует там культуру России. Нового же министра выбрали, очевидно, как исключение из Закона Паркинсона, гласящего, что популярный актер никак не может быть великим государственным мужем. Ибо, цитирую, «своего мнения у него нет. А зачем оно ему? Он посвятил всю свою жизнь изображению других людей и привык драматически остро подавать их точку зрения. И не видать бы ему сценического успеха, если бы он был нашпигован собственными взглядами. Но до телезрителей чрезвычайно медленно доходит, что административные и актерские способности не только две разные вещи, но две вещи несовместимые» (Закон Паркинсона, с. 411).

А вот мнение академика Лихачева, высказанное им в интервью «Литературной газете»:

«Министерство культуры у нас всегда занималось главным образом театрами и интригами в них, там всегда думали, что их основная обязанность — решать, кого послать на гастроли на Запад, а кого — нет, и самим поехать туда же. В самом Министерстве культуры, по моим наблюдениям, очень мало людей, по-настоящему интересующихся культурой, это сильно дискредитировавшее себя учреждение. В нем самом далеко не все понимают, что значит библиотеки для страны, они думают, что культура — это только Госконцерт, эстрада, Большой театр, Эрмитаж...» («ЛГ», 20.09.89 г.).

Письма, посылавшиеся в Идеологическую комиссию ЦК с просьбами прояснить таинственную деятельность Минкульта, исчезали бесследно. На аналогичные письма на имя Председателя Совета Министров после вторичного запроса через «Правительственный вестник» через полгода приходили ответы, что письма переправлены в Министерство культуры. И полное молчание из министерства!

Однако приказы о погибели культуры поступают оттуда регулярно, перемежаясь разрешениями на вывоз культурных ценностей.

Полтора года безостановочно ведется тотальный вывоз основы культуры — ценнейших изданий по искусству, науке, технике — прямо со складов! Ведется вывоз частными лицами убыточных для госбюджета книг, издаваемых за счет гибнущих под землей шахтеров, отравляемых ядохимикатами хлопкоробов, металлургов, опаляемых жаром печей! Пусть гибнут шахтеры, да еще и не смеют бастовать! Зато нувориши скупят за бесценок книги, а полученную за них за рубежом валюту положат в швейцарские банки для дальнейшего наращивания капитала. Вот она — самая жесточайшая эксплуатация одних людей другими! А у нас о перемещении через границу ценностей настолько прочно забыли, что иногда и ведущим экономистам такие соображения не приходят

в голову и являются для них тайной за семью печатями. Примером может служить рассуждение О. Лациса о книжном дефиците: «Какой же ураган пронесся над книжным рынком? Что уничтожило книжную торговлю (потому что это ведь не торговля уже, если почти ничего из того, что хотелось бы, что нужно, купить нельзя)? Почти все ответы на этот вопрос нельзя читать без улыбки» («Выйти из квадрата», с. 370).

Но и толкования О. Лациса, занявшие восемь страниц, тоже вызывают лишь покачивания головой. О. Лацису в голову не приходит, что ураган, о котором он вопрошает, смел книги вовсе не в квартиры советских людей, а за границу, где частные лица и так называемые «совместные предприятия» получают огромные барыши за книги, издаваемые на дотации из дефицитного бюджета нашей Родины. Ценнейшие книги скупаются у вымирающих старушек, выманиваются у юнцов за тряпичное барахло, выкрадываются из библиотек — и вывозятся сотнями тонн за рубеж. Потому и возрос спрос, который О. Лацис определяет как 55-кратный! О. Лацис пишет:

«Вывод очевиден: нет такого мыслимого увеличения производства бумаги и книг, которое перекрыло бы подобный рост спроса. Даже превратив в бумагу все леса планеты, мы ее в 55 раз больше не получим. Значит, привычная логика (не хватает — произведем больше) в данном случае уже не работает. Можно произвести больше вдвое, впятеро, но не в 55 раз» (там же, с. 373).

Прочесть бы эти слова тем защитникам приказа Минкульта, которые заявляют: просто надо больше издавать! Больше издавать в современных условиях — это еще больше эксплуатировать рабочих и крестьян в пользу жиреющих на валюте спекулянтов, больше подрывать бюджет страны. И, разумеется, погубить культуру народа, вырубить леса и отравить целлюлозными комбинатами реки и озера!

И все же даже «Сов. культура», выступившая в защиту приказа Минкульта № 439 и так и не поместившая опровержения (о, где вы, мечты о правовом государстве?!), даже эта газета вынуждена признать, что Россию грабят путем вывоза книг: «К примеру, у нас в букинистических магазинах томик прижизненного издания Стендаля или Бальзака товароведы ценят в десять, пятнадцать рублей, а во Франции, у букинистов на набережной Сены, он стоит тридцать, сорок тысяч франков. Вот и прикиньте, сколько барыша получает западный турист, вывозя три, четыре небольшие книжонки в потертых переплетах. И как тут не подивиться нашему головотяпству в книжной торговле и абсолютному незнанию конъюнктуры западного рынка?» И еще: «В милой и непринужденной беседе с зам. министра культуры Н. Силковой и начальником отдела по делам библиотек того же ведомства Е. Пономаревой явно угадывается полная индифферентность ко всем этим вопросам: везут, ну и пускай себе везут на здоровье». От себя добавлю, что везут не 3—4 книжки, как указывает Ю. Вигорь в цитируемой статье «Как заработать миллион» (31.X.89 г.), а везут многотонные контейнеры. Да какие-то дельцы, спекулирующие танками, просто салаки в мире акул международной спекуляции! Культурой надо спекулировать, культурой! Многократно выгоднее, а главное, вполне законно, благодаря приказам Минкульта. Своеобразная конверсия: «Книги вместо танков!» Все это было бы смешно, не будь это правдой.

Горько смотреть, как депутаты волнуются: «Сбалансировать бюджет, сбалансировать бюджет!» И еще: «Найти валюту!», а за счет дыр в примитивнейших приказах валюта легко образуется за счет дотаций в том же дефицитном бюджете, но оседает в швейцарских банках у наших новоявленных ротшильдов; горько смотреть, как академик Лихачев горюет о нищенстве библиотек, а на деньги за книги, вывозимые за бесценок, можно скупить тысячи библиотек. Да и кому будут нужны все эти библиотеки, когда народ разучится читать — к тому ведет деятельность Министерства культуры. Права человека в Минкульте признаются только за теми, кто ринулся за рубеж. Неужели 280 миллионам граждан СССР поголовно надо подать заявления на выезд, чтобы за ними признали хоть какие-то человеческие права?!

Грабеж идет и в музыкальной культуре. Пластинки классической музыки вывозятся почти без остатка — их низкая стоимость, вроде бы долженствующая способствовать воспитанию малообеспеченных слоев народа, оказывается слишком лакомым куском для любителей наживы.

Вывозятся ценнейшие марки — из-за нелепой формулировки в приказах. Подчистую вывозятся произведения мастеров Палеха, Федоскина, Жостова. Уходят за бесценок туркменские и азербайджанские ковры — все это разрешено инструкцией Министерства культуры.

Для советских людей те же предметы предлагаются за так называемые «договорные цены» — на два-три порядка выше тех, по которым они вывозятся из СССР.

Но больше всего жаль наши нищенские библиотеки. Подавляющее большинство библиотек не получают и стотысячной доли бесценных книг, вывозимых частными спекулянтами. А всего-то требуется — передавать книги не в торговлю, которая все равно лишь фикция, а в библиотеки. И тем самым вопреки деятельности Минкульта спасти остатки русской культуры.

Т. ЯКОВЛЕВА

АКАДЕМИК ПЕРЕСТРОИЛСЯ...

В своем пространном интервью Центральному телевидению воскресным вечером 9 сентября 1990 года, очень занимательно поведав о крутых извивах своей судьбы, академик Д. С. Лихачев остановился на том, что якобы русская национальная культура состоялась благодаря благотворному воздействию на нее цивилизованной европейской культуры и — как особо подчеркнул ученый — еврейской культуры... Постулат свой он аргументировал краткой ссылкой на художника Левитана.

Согласно логике интервьюируемого именно еврейская культура оказала решающее влияние на развитие культуры русской. Такое утверждение меня, мягко говоря, повергло в уныние, поскольку до сих пор я был убежден, читая также известные труды по древнерусской литературе самого Д. С. Лихачева, в интернациональном характере развития любой национальной культуры, что творческие процессы, как и любые явления социальной

жизни, двусторонни, а точнее сказать, многосторонни. Каждая цивилизация, а стало быть, и культура, впитывая в себя корневые истоки духа своего народа и, конечно же, испытывая веяние сопредельных цивилизаций и культур, вместе с тем и сама влияет на развитие культуры соседей. Повторяю, мысль о многосторонности взаимодействия национальных литератур в истории развития искусства красной нитью проходит в трудах академика Д. С. Лихачева по древнерусской литературе. В них по праву возвышается русская духовность. Этим трудам суждена долгая жизнь.

А вот шокирующие перлы маститого ученого, выданные на-гора в телеинтервью, — просто наповал убивают своей антинаучностью! В самом деле, по мнению академика, получается, что еврейская (почему именно еврейская, а не, скажем, немецкая или французская, английская или итальянская?..) культура выполняла и выполняет функцию некоего абсолютного д о п о р а, нагнетающего живительную кровь в сосуды немощной русской культуры, без нее якобы русское эстетическое самосознание просто не могло бы состояться...

Согласитесь, резко неожиданный и довольно тревожный симптом «русонелюбия» демонстрирует русский ученый.

Давайте, однако, призадумаемся хотя бы над тем примером, которым оперирует Д. С. Лихачев. Да, Левитан был овреем по национальности, но означает ли это, что он являлся всецело носителем еврейской национальной культуры в своем прекрасном творчестве? Поставлю вопрос еще круче: был ли Левитан вообще представителем еврейской культуры? Убежден, отнюдь не был. И вот почему. Еврей по национальности, живописец Левитан от начала и до конца воплощал в своих замечательных полотнах р у с с к и е национальные мотивы и темы (одно название пленительного шедевра «Озеро. Русь» чего стоит!..). О его живописи можно без преувеличения сказать словами великого поэта: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Известно, что национально-эстетическая специфика любого таланта, любой культуры определяется не расовой или национальной принадлежностью, не генами и «кровью», а культурно-нравственным, морально-духовным, идейно-тематическим стержнем. Исходя из такого понимания вопроса, Левитан является подлинно русским творцом, как, например, художник Бродский, композитор Рубинштейн, поэт Пастернак... Этот ряд имен можно множить и множить.

В своем творческом самовыражении они достигли огромных общечеловеческих высот, но всегда оставались русскими людьми по мировоззрению.

Без какой-либо оглядки на национальную принадлежность я одинаково с трепетным восторгом принимаю шедевры живописи Саврасова «Грачи прилетели», Серова «Девушка, освещенная солнцем», Левитана «Золотая осень», «Над вечным покоем». Герой Отечественной войны 1812 года князь Барклай-де-Толли — выходец из шотландского рода — стал поистине русским национальным героем. Кого смущает национальная принадлежность беззаветного патриота, храбреца и стратега Бородинской битвы грузина Багратиона?.. А генетические корни Пушкина, Лермонтова, Герцена?.. Трудно остановиться, перечисляя замечательные имена, ставшие символом русской национальной духовности.

Если бы академик Д. С. Лихачев в качестве доказательства «воздействия» еврейской культуры на русскую привел, допустим, художника-авангардиста Марка Шагала — куда еще ни шло. Но говорить о «воздействии» последнего на русскую живопись — полный абсурд. Академик на это не пошел. А вот имя Левитана «употребил» всуе. Надо же на кого-то опереться!

Безусловно, русская национальная культура составляет огромный материк всеобщей мировой духовности, и воздействие на нее западноевропейской эстетики, морали, этики, философии несомненно, но, говоря об этом, надо ли абсолютизировать процесс и делать его однолинейно направленным, то есть говорить только о воздействии одной на другую?..

Мне думается, изначально космополитический характер еврейской культуры как раз менее всего влиял на развитие русской культуры, особенно если иметь в виду искусство реализма великого XIX столетия. Тогда буквально весь мир был обворожен русским искусством... Если в чем и наблюдалось воздействие еврейской эстетической мысли, то это было скорее в области авангарда, где еврейские деятели явно преуспели, активно разрушая методологию реализма: вспомним того же Шагала с его «взрывными» формами. Но и русский авангард, как известно, имеет с в о и эстетические корни и, возможно, с а м оказывал не менее сильное воздействие на «еврейский» авангард. Но это уже отдельный специальный разговор.

Отчего же академик Д. С. Лихачев, столь неожиданно отвернувшись от своих прежних научных воззрений, заговорил о «решающем воздействии» еврейской культуры на русскую? Почему он вдруг таким образом перестроился? Уж не потому ли, что, как он сам изволил заметить в телеинтервью, подобное утверждение вызывает явное удовольствие и даже восторг у лиц, составляющих 0,69 процента от нашего населения, и неоднократно приносило и приносит академику почетные лавры и ощутимые дивиденды?.. На первый взгляд смешной, а в сущности, весьма показательный пример привел наш ученый из своей многолетней жизненной практики: прослышав о неистовых превозношениях своей «исключительной» нации, старый аптекарь-еврей пообещал академику Д. С. Лихачеву редкое лекарство и, надо полагать, выполнил свое обещание, чем несказанно обрадовал старого больного академика...

Аптекари-евреи, надо верить, обязательные люди. А вот как быть с честностью и обязательностью нашего знаменитого ученого, который настойчиво лепит из своей великой национальной культуры жалкого пасынка без роду и племени?.. Ладно бы об этом витийствовал закоренелый невежда, помешавшийся на ярой русофобии, а то ведь глаголет мудрый, всемирно признанный ученый-авторитет... Грустно все это...

Владимир ЮДИН,
Тверь

СТАРЫЕ ПЕСНИ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Свое письмо я направил в редакцию журнала «Новое время», но не уверен, что оно когда-нибудь увидит свет на страницах этого издания, поэтому прошу вас напечатать его.

Этот журнал опубликовал небольшую, но злобную заметку Л. Костаревой, на основных «мыслях» которой я и хотел бы остановиться.

Л. Костарева со скорбью утверждает: «...мы не замечаем, что происходит МАССОВАЯ ФАШИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ». (Выделено мной. — В. Л.).

Все это — ГНУСНАЯ И ПРОВОКАТОРСКАЯ ЛОЖЬ! За годы перестройки весь народ наслушался множества лжи! Но подобное измышление побивает всякие рекорды! Оно выглядит особенно странно, если принять во внимание, что население СССР особенно жестоко пострадало от немецкого фашизма! Нет почти семьи, в которой кто-то не погиб в Великую Отечественную войну. Наш народ вел с фашизмом самую кровавую в истории битву и разгромил его. И вот этот народ, оказывается, «в массе фашизируется»! И подобное утверждение ничем решительно не доказывается! Тем не менее редакция «Нового времени» — под предлогом «плюрализма»! — этой гнусной клевете с радостью предоставляет в своем журнале место!

Л. Костарева считает себя большим «специалистом» по вопросам фашизма и даже рекомендует себя как признанного «борца» по этой части. Она пишет так: «Я бью тревогу уже не первый год (!), но общество наше равнодушно». Удивительно, конечно: всему народу на собственном опыте хорошо известно, что такое фашизм, — и вот он-то к вопросу о собственном «фашизме» равнодушен! Что-то тут, верно, не так. И возникает некоторое подозрение: правильно ли представляет Л. Костарева, что такое фашизм? Скорее всего она пытается подвести под этот ярлык, как уже делалось неоднократно, совсем другое явление — народную ненависть к сионизму — националистическому течению еврейской буржуазии. Сионизм на словах стремится к переселению евреев всех стран в Палестину, к горе Сион, что возле Иерусалима, а на деле вынашивает планы мирового господства «единой еврейской нации», как богоизбранной нации в мире. В соответствии с тайной целью проводится вполне определенная политика: разрушения национальных государств, ярого преследования тех, кто не желает сионистам подчиняться, прибирания к рукам рычагов власти с помощью могущественных еврейских банков, беспощадной эксплуатации тех народов мира и стран, где сионисты сумели обосноваться. Все сионисты действуют по строго согласованным и долговременным планам, будучи объединены «Всемирной сионистской организацией», созданной еще в 1897 году в Швейцарии.

Далее Л. Костарева пишет: «Для меня очереди за продуктами страшны не тем, что длинные (!), а восхищенными разговорами — о Сталине, о необходимости железного порядка». Ну, что же тут можно сказать? Таким, как она, может быть, хочется другого: чтобы Советское государство развалилось побыстрее на части, чтобы ненавистный народ околел от голода, чтобы сильнейшие государства Запада растащили СССР, как мыши халву, и поскорее восстановили бы желанный капитализм, ввели бы, так сказать, «нормальный образ жизни»? А когда им возражают — и старые, и молодые! — они кричат: «Воистину у нас уголовное (???) мышление». Но этого мало! И обозленная на собственный народ поклонница «Нового времени» добавляет в качестве пояснения: «Вот она, почва для национал-социализма и погромов». Значит, если народ с уважением говорит о Сталине, если он стоит за «железный порядок» (то есть нормальную работу экономики, справедливый суд для руководящих воров и взяточников, предателей и шпионов, уголовных преступников и т. д.), то это, оказывается, «национал-социализм» и «фашизм»! Восхитительная логика! Сразу видно большого «специалиста» по вопросам фашизма и еврейских погромов!

Дальше делается следующее горестное признание: «Я думаю, в следующем году возрастет подписка на «Молодую гвардию» со товарищи».

Это будет прекрасно, я полагаю, если подписка на «Молодую гвардию» увеличится! Ведь это отличный, правдивый и глубоко патриотичный журнал! Его ненавидят лишь сторонники реставрации капитализма, любители частной собственности, желающие развалить Советский Союз и превратить его в новую колонию империализма. С этими людьми журнал ведет непримиримую борьбу. Именно они, развалившие партию и комсомол, идеологию и экономику, вызвавшие дикую инфляцию, тысячи новых дефицитов (даже на обычные носки, хлеб и папиросы!), полные желания разложить и Советскую Армию, люто ненавидят журнал! Еще бы! Ведь он для них точно кость в горле!

Свое письмо Л. Костарева заканчивает следующим пассажем, очень ярко показывающим направление ее политических симпатий: «Так же безропотно наше общество в свое время дало себя соблазнить (???) большевизму, социализму, сталинизму».

Из приведенных слов хорошо видно, что Л. Костарева — убежденный антикоммунист, что она не признает и всячески проклинает не только «сталинизм», но и «большевизм» и «социализм»! Причем между этими понятиями автор ставит знак равенства. Видно также, что она собственный народ ГЛУБОКО ПРЕЗИРАЕТ: этакое сборище глупцов, позволяющих себя «соблазнять».

И не хочет автор задать себе ряд простых вопросов: а почему это не удалось народ «соблазнить», например, монархистам, кадетам, меньшевикам, эсерам?! Разве мало у них было красноречивых ораторов?! Почему не удалось это сделать Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и всем другим лидерам сталинской оппозиции?! Вот над чем не мешало бы подумать!

В заключение Л. Костарева «проливает слезу»: «Неужели опять залезем в петлю?»

Да, залезем, если дело будут возглавлять люди, курс которых — реставрация капитализма! Именно для этого они дезорганизуют производство, разлагают партию, ликвидируют комсомол, создают буржуазную многопартийность, приводят к власти в республиках буржуазных националистов, создают дефициты, инфляцию, выращивают предателей и преступников, травят в печати армию, разваливают КГБ!

Но я думаю, что конечный итог все-таки будет вовсе не тот, на который они надеются!

В. ЛЕСКОВ

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

* * *

Защитить журнал «Молодая гвардия» от всевозможных нападок можем только мы, его читатели. Для этого нам нужно объединить усилия и создать клуб или еще лучше — общество сторонников журнала «Молодая гвардия».

Валерий КАРЕВ,
Невинномысск

* * *

Обратите внимание, уважаемые читатели, на поразительное сходство в действиях сионистов и фашистов.

Фашисты: «Мы — высшая раса господ!»
Сионисты: «Мы — избранный богом народ!»
Фашисты: «Мы построим тысячелетний райх!»
Сионисты: «Мы построим Великий Израиль!»
Фашисты: «Всех врагов райха — в концлагеря!»
Сионисты: «Всех врагов Израиля — в концлагеря!»
Фашисты стреляли в безоружных граждан в разных странах.
Сионисты стреляют в безоружных арабов (пока только в арабов!).

Что это, случайное сходство или кровное родство сказывается? И с одинаковой наглостью фашисты плевали на Лигу Наций, а сионисты — на все решения ООН по Ближнему Востоку.

Владимир ИВАНЧЕНКО,
Ростов-на-Дону

* * *

Я и многие мои знакомые поддерживаем предложение переименовать г. Свердловск в Екатеринбург. Просим переименовать все другие места, носящие имя этого палача: станцию метро, площадь в Москве и др. Убрать памятник ему из центра нашей столицы!

Р. НОВИКОВА,
А. СМИРНОВА,
С. РЯЗАНЦЕВА,
Москва

ЗАЧЕМ ГРАМОТЕЕВ ИЗ «ЛГ» НЕ ПОСЛУШАТЬСЯ ИЛИ ОСТРЯКАМ-САМОУЧКАМ ОТТУДА ЖЕ НЕ ПОМОЧЬ!

В № 10 за 1990 год «Молодой гвардии» я напечатал заметку, в которой изобличил критика А. Туркова в откровенном вранье по моему адресу. Ух как сильно обиделась «Литературная газета» и ее главный редактор Ф. М. Бурлацкий за своего и газеты «Советская культура» постоянного автора! И в номере за 21 ноября 1990 года «Литературная газета» напечатала вот такую реплику:

А ГОГОЛЯ-ТО ЗАЧЕМ НЕ ЧИТАТЬ!

Не знаю, из-за чего поссорились Анатолий Степанович Иванов и Андрей Михайлович Турков. Возможно, один другого обозвал «гусаном» или еще иак обидел, а тольио А. Иванов напечатал за странной подписью «Главный редаитор журнала «Молодая гвардия» (естественно, в своем журнале — № 10 с. г.) реплику «АНДРЕЙ ТУРКОВ КАКОЙ-НИКАКОЙ КРИТИК, НО ВРАТЬ-ТО ЗАЧЕМ?» Сильное название, а вот зачин реплики — не очень. Сами посудите, цитирую:

«Многие читатели, ионечно, поняли, что в заголовие несколько перефразированы слова Дм. Фурманова, сиазанные им в инофильме «Чапаев»: «Алеисандр Македонский был велиним полководцем, но зачем же табуретки ломать?»

О чем говорит цитата? О том, что главный рвдактор, лауреат, романист и иавалер А. С. Иванов смотрел фильм «Чапаев», но не читал (или запамятовал, что читал) комедию Н. Гоголя «Ревизор». Это ведь там городничий произиес: «Оно конечно, Александр Маиедонский герой, но зачем же стулья ломать? От этого убыток казне».

Да, некрасиво вышло. Даже Василий Иванович своей необразованностью не кичился. Признавался:

«Тургенева, говорили, хорошие сочинения, да нв достал, а у Гоголя все помню, к Чкчкина помню... Эх, кабы мне да побольше образоваться — тут по-другому голова б работать стала. А то чего же, как есть темный человек! Был темный, темный и остался...»

В. ВАРЖАПЕТЯН

Ну что же, коль «Литературная газета» обвинила меня в «кичливости необразованностью», то попробую-ка я в таком «необразованном» стиле и ответить:

«Ваша милость, батюшка Бурлацкий! Прости ты мя, темного и безграмотного, что не спросился я тебя, вашблагродь, какую и откуда цитату мне приводить — иэ кина про Чапаева, которые там какой-то комиссар по фамилии то ли Фирманов, али Фарманов, говорит (колехторы на правильное фамилие исправили, они ить, колехторы-то журнальные, в отличие от главного редактора, все сплошь образованные и дажеть грамотные), или из этого, как его?.. Гоголя... Слыхал я, как жеть, про такого писателя, хоть и темпота я необразованная. Да вот испросить твоего, вашевысокоблагродь, изволения на цитату из него не догадался. Чтоб па-

перед знал я, рыло поганое, кого цитировать, кого нет. И уел ты меня, вашпревосходитство, устами твоего автора Варжапетяна едко — ну что я «главный редактор, лауреат, романист и кавалер». Начальники-то, которые меня редактором поставили, в кавалеры произвели и члены той комиссии, что лауреатом исделали, неумнее, конечно, и необразованнее меня были — что же теперь с них взять? Ты-то, вашвысокопревосходитство, Федор Михалыч, тожеть редактор, хучь покуда не писатель и не ковалерхерой. Ну а писателем-то, однако, и не будешь, талан ведь не займешь. А вот кавалером-хероем можешь стать. Для этого надо лишь руки и прочее у начальства лизать, да глазами его так и съедать, так и съедать... На это у тебя, вашвысокоблагородь, талан свой есть, тут занимать не надо. Тут еще поможет и то, что ты ученый каких-то наук. Я, правда, ученых трудов твоих не читал, потому как темный, да и, по правде сказать, и читать-то почти не умею. И другие прочие, грят, не читали. Ну да это ничего, раз ты ученым зовешься, то это везде и всегда подсобит. Ты ить у нас молоденький и потому, можа, не знашь, а можеть, и сказывал тебе хто, что до войны такая была песня у нас, дескать, хероем становится любой. Любому всякому, кто приглянеться начальству, хероя и навешивали, хучь тот у нас тута живет, хучь в Египете каком. Особливо ежели из Египета нашему начальству награда-премия какая выходила, то ихний руководитель, хочет оп того али нет, — хероем становился. Счас-то, конешно, не то, счас вроде всяким заморским государям советские награды не раздают. Да и кому давать их, раздаривать? Ну разве вот лучшим друзьям нашей соцстраны Жоре Бушу да Геле Колю? Ишь, какие они сейчас ласковые да улыбистые, с языков-то ихних так мед и течет, поскоку ждут недождутся штоб наши-то руководители социализм и советскую власть навовсе прикончили, напрочь Советский Союз развалили. Так и подталкивают, так и подпихивают их к етому делу. И ета... ну, тожеть лучшая подруга нашей страны, бывшая аглицкая правительша Маргарита Тетчер от них не отставала. Но я-то, темный-темный, а кумекаю, што не осмелятся счас наши руководители заморским правителям херойские награды раздавать. Потому как народ наш глупый и не поймет, что это к его же выгоде. А тебе-то, батюшка ты наш Федор Михалыч, награду дадут, и никто не пожалеет, что кавалером, как многих разных, тебя исделают...

Ну што ешо сказать на тую реплику? Што добавить? Редактором меня, говорил я, неразумные люди поставили, а ты, фактически — сам себя. И газету спортил, счас ее почти никто и не читает, вон по сравненню с прошлым годом подписчиков-то всего 23 процента. Да ишо умыкнул газетку-то ету у писателей. Как хичник какой. Ради собственного обогащения. Об этом писатели-то на своем последним пленуме говорили. Ну да писатели-то ети, которые так говорили, понятное дело, тоже сплошь серые, необразованные, не чета, скажем, тебе, вашсветлость Федор Михалыч, твоим работникам и авторам, вроде Варжапетяна.

И ишо пишешь ты в своей газетке, что, мол, неизвестно, из-за чего поссорились А. Иванов и А. Турков, можа, мол, один другого гусаком назвал. Про гусака, опять же, остроумно и антиллигентно вкручено. Да ить только ты и твой Варжапетян умом-то виляете. Ведь в моей заметке в «Молодой гвардии» ни об какой ссоре не говорится, а написано черным по белому только об том, что критик А. Турков сознательно соврал в мой адрес. Так штошто нам ссориться? Он соврал — я об том откровенно сказал. И доказал это. Може, за это А. Турков и обиделся, так это уже его дело.

Под конец скажу — зарекся я таперь без твоего, милостивец Федор Михалыч, дозволения цитировать кого-либо. Таперя как будет нужда что-то или кого-то процитировать — я сразу к тебе, дозволь, мол, батюшка Бурлацкий,

Не гневайся уж ты, вашсиятельство Федор Михалыч, на меня, человека темного и некудышнего, не достойного не то что ручки твои лобызать, но дажеть и пыльные следы твои целовать».

* * *

А если серьезно, то заголовок реплики в «Литгазете» натолкнул меня на мысль — ведь можно и вовсе не утруждать редакционных остряков-самоучек из «Литгазеты» придумыванием новых заголовков. Достаточно в любом заголовке первым ставить всегда одно и то же слово «зачем» (как вот я, например, делаю в этой реплике), а последнее — не делать то-то и то-то. Например:

«Зачем «Литературную газету» у писателей обманным путем не умыкнуть?»

«Зачем «лауреатами и кавалерами» всех неугодных Федору Михайловичу (Бурлацкому) писателей не обозвать?» (А можно еще и «депутатами».)

«Зачем «Литературную газету» антилитературной не сделать?»

«Зачем этот журналишко «Молодая гвардия» в прах не истолочь?!»

«Зачем «Литературной газете» и дальше не желтеть?»

Если редакция готовит, скажем, материал о кооператорах-грабителях, заголовок можно дать такой: «Зачем советский народ в кооперативное иго не ввергать?» А к материалу о распутстве, порнографических вакханалиях в стенах нынешнего Моссовета, о чем недавно сообщали ТАСС и газета «Правда», вполне подошел бы заголовок — «Зачем презервативы не стирать?» Здорово же! И остроумие само собой присутствует.

Публикую снова за «странной» подписью:

Главный редактор
журнала «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Литературная критика

Валерий ХАТЮШИН

О ЛЖЕПОЭТАХ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Если оглянуться на прошлое в протяжение двух последних веков, то легко увидеть, что на каждом примерно десятилетнем отрезке истории России рождался большой или великий поэт. Что касается прошлого века, то здесь, наверное, и уточнять не стоит — поименно, так как великих, гениальных, значительных поэтов было даже больше, чем исторических десятилетий. Но чем нас порадовал век нынешний? Чем он богат и интересен в этом смысле? И здесь хотелось бы разобраться подробнее, пристально вглядевшись в имена и лица духовных выразителей нашего жестокого столетия и особенно — во второй его половине. А если уж быть более точным, то главная цель этих размышлений — разобраться, понять, из каких корней, на какой почве вырастает настоящий поэт, национальный художник, в котором соединяются редкие качества глубоко талантливой личности и достоинство истинного гражданина Отечества. И исходя из этих размышлений — трезво взглянуть на «признанные» имена и, может быть, узнать, разглядеть, почувствовать появление действительно крупного, долгожданно значимого поэта в последнем десятилетии этого века.

Наверное, многим будет понятно, почему речь хочется вести лишь о конце нашего столетия. Ведь золотая его пора (в поэтическом отношении) — примерно первое двадцатипятилетие — отмечена целой плеядой великолепных русских поэтов, среди которых что ни имя, то целый мир со своей космической бесконечностью, глубиной, высочайшей духовностью и трагедией, в которых отразились, как небеса в капле росы, и дух и трагедия России. Это — прежде всех — имена, думается, ни у кого не вызывающие сомнения, споров и отрицания: Александр Блок и Сергей Есенин. Следом за ними можно поставить целый ряд в каком угодно порядке в высшей степени блестящих, составляющих славу отечественной поэзии, имен: Маяковский, Хлебников, Гумилев, Кузмин, Северянин, А. Белый, Г. Иванов, Ходасевич, Бальмонт... За ними, уже переходя в тридцатые и далее — в сороковые, в пятидесятые годы, идут Клюев, П. Васильев, Кедрин, Цветаева, Ахматова, Заболоцкий, Пастернак, Твардовский... В шестидесятые годы творили замечательные, народные поэты Рубцов и Прасолов. В семидесятые — со всей мощью раскрылся Василий Федоров, а также стал известен широкому читателю уже давно ждавший своего часа Николай Тряпкин, продолжающий и поныне удивлять нас неподражаемой лирой. Тогда же создал свои лучшие поэтические произведения еще по достоинству не оцененный Анатолий Передреев. Восьмидесятые годы — это, несомненно, поэтическое время Юрия Кузнецова, но в эти же годы достиг мудрой зрелости талант Федора Сухова, Егора Исаева, Владимира Фирсова, Валентина Сорокина, Владимира Цыбина.

Меня можно упрекнуть за то, что я упустил чьи-то имена, почитаемые другими любителями стихотворного слова. Каждый волен записать их самостоятельно. Однако в целом, думаю, характер русской поэзии в лучших ее примерах отражен достаточно четко, и уж, во всяком случае, названные мною выразители российской духовности, боли и красоты вряд ли будут кем-то оспорены.

Но я, конечно же, предвижу главный недоуменный вопрос моих оппонентов: что же это я так тенденциозно умалчиваю о самых, казалось бы, известных, самых нашумевших за прошедшие три десятилетия — о Евтушенко, Вознесенском и Ахмадулиной? Но нет, вовсе не в умалчивании тут дело, потому что как раз о них я и хочу поговорить подробнее (совершенно сознательно не поминаю здесь Р. Рождественского, так как он оказался наиболее официозным, конъюнктурным, самым «придворным» среди них, достаточно вспомнить его поэмы «Письмо в тридцатый век», «Двести десять шагов» и т. п., которые в наши дни (при жизни автора!) выглядят по меньшей мере пародийно и не могут вызвать ничего, кроме горькой усмешки).

ПУТЬ ИЗМЕНЫ

С именем Евгения Евтушенко связано многое в нашей литературе. Он (в компании с А. Вознесенским, Р. Рождественским, Б. Ахмадулиной) в шестидесятые годы ворвался в русскую поэзию громко, смело, вывел поэтическое слово на уличные эстрадные подмостки и концертные залы. Они — эстрадники, или, как их тогда называли, «громкие поэты», — действительно всколыхнули, взбудоражили тихое, скованное морозом цензуры море российской поэзии, вдохнули в нее азарт, страсть, молодое сбивчивое дыхание, грохот сверхзвуковых лайнеров, вызвали к ней настоящий, широкий, неподдельный интерес всего нашего общества, воспрянувшего духом после хрущевской «оттепели» в культурной жизни страны с ее резкими, черно-белыми тонами...

Многие из нас зачитывались их стихами, многих подкупали в них не только молодой задор, крик, эпатаж, задиристость, но и некая глобальность, «бесстрашие» в выборе тем, прикасавшихся к острым проблемам жизни страны и мировой политики: «Двадцатый век нас часто одурачивал. Нас как налогом ложью облагали...», «Я распят, как Христос, на крыльях самолетов, летящих в эту ночь бомбить детей Христа».

Многим нравилось, что Е. Евтушенко клеймит в стихах «сопливый фашизм», апартеид, американское вторжение на Кубу и во Вьетнам. Многие из нас, тогда еще юное поколение, заучивали наизусть огромные куски из «Братской ГЭС» («Казнь Стеньки Разина», «Диспетчер света», «Нюшка», «Бал выпускников»...) и, подражая поэту, сами лезли на сцены художественной самодея-

тельности, размахивали руками и драли глотки перед замершим и удивленным залом, срывая аплодисменты и дешевенькие призы:

Бал,
бал,
бал,
бал на Красной площади!
Бал в двенадцать баллов —
бал выпускников!
Бабушка, вы мечетесь,
бабушка, вы плачете, —
ваша внучка,
бабушка,
уже без каблуков.

Но мы обольщались и евтушенковской лирикой 60-х годов. Вечерами, гуляя с подругами по темным скверам, мы вкрадчивым голосом читали им нечто, как нам казалось, загадочное и неотразимое: «Стою у дерева, молчу и не обманываю, гляжу, как сдвоенные светят фонари, и тихо трогаю рукой, но не обламываю сосульку тоненькую с веточкой внутри». Или: «Скулит наш бедный пес до умопомраченья, то лапой в дверь мою, то в дверь твою скребя. За то, что разлюбил, я не прошу прощенья. Прости меня за то, что я любил тебя». Наши подруги смотрели на нас восхищенными глазами и затаенно вздыхали...

Помню, как в 1968 году в журнале «Юность» я, уже сам пытавшийся сочинять, прочитал поразившее меня стихотворение. Начиналось оно необыкновенно лирично, грустно и проникновенно:

Идут белые снеги,
как по нитке скользя...
Жить и жить бы на свете,
да, наверно, нельзя.

И заканчивалось оптимистически, глубоко и патриотично:

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.

Вообще, надо сказать, стихи Евтушенко тех лет отличались высоким патриотизмом, что, собственно, и подкупало в них многих читателей и поклонников его давнего таланта. Достаточно вспомнить прозвучавшую на весь мир песню: «Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины над ширью пашен и полей и у берез и тополей. Спросите вы у тех солдат, что под березами лежат, и вам ответят их сыны, хотят ли русские войны. Не только за свою страну солдаты гибли в ту войну, а чтобы люди всей земли спокойно видеть сны могли. Под шелест листьев и афиш ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж. Пусть вам ответят ваши сны, хотят ли русские войны». Такие слова запоминались надолго, закреплялись в душе намертво, потому что в них трепетала еще не угасшая боль и была настоящая правда.

Но время шло. Е. Евтушенко в своих стихах откликался чуть

ли не на все мировые проблемы и события внутри страны. Постепенно над ним засиял ореол заступника всех униженных и оскорбленных, незаслуженно репрессированных и притесняемых в любой точке земного шара, будь то бывший заключенный «Ваня» («Итальянские слезы»), безработная бродвейская актриса («Нет роли») или узники сомосовских тюрем в Никарагуа. Поэт словно бы всерьез поставил перед собой задачу все раны и страдания этого мира взять под свою защиту и как бы осенить их своей широкоохватной и неутомимой лирой. Он, похоже, и сам уверился в том, что эта ноша ему по плечу. И пошли самоуверенные признания: «...всей шкурой чувствую, как брата, любого нищего земли», и начались многозначительные стихотворные заверения типа этого:

Ты учти, Белый дом (никуда эту правду не денете!), —
на блокноте моем капли крови и Кинга, и Кеннеди.
Слезы выдавил газ, под дубинками кровью я харкаю.
Я надеюсь на вас, мои внуки из Беркли и Гарварда!

Или такие:

Да, я тот большевик, кто борец в Петрограде,
Нью-Йорках, Парижах,
в ком кричит боль живых вместе с болью погибших.
Да, я тот большевик, пролетарски всемирный и русский,
Чья душа — броневик, против сволочи временной прущий.

Подобная всеядность начинала настораживать. Возникало недоумение: куда девались лиричность, нежность, человечность, теплота, таинственность, которые не могли же так легко и просто выветриться из его стихов на сквозняках мировых пространств после многочисленных загранкомандировок, круизов, международных симпозиумов, разного рода фестивалей и т. д.? (По собственному признанию, он побывал в девяноста двух странах.) Ведь поэт, думал я, если он таковой по природе своей, должен везде оставаться поэтом, даже и откликаясь на трудности жизни эфиопских крестьян. Ведь душу поэта, верилось мне, не так-то просто соблазнить, изломать, подкупить баснословной рекламой радио и телевидения, мировой известностью, выступлениями на стадионах и бесчисленными огромными публикациями в центральной прессе: в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Труде», «Литературной газете», в престижных изданиях («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Москва», «Юность», «Огонек» и т. д.), где одна за другой после его заграпоездок и внутрисоюзных командировок выходили многословные и слишком претенциозные поэмы: «Коррида», «Под кожей статуи Свободы», «Пушкинский перевал», «Казанский университет», «Снег в Токио», «Просека» (о БАМе), «Ивановские ситцы», «Северная надбавка», «Голубь в Сантьяго», «Непрядва», «Мама и нейтронная бомба» (которой он все же «добил» комиссию по Государственным премиям...) и, наконец, «Фуку».

Не скрою, долго во мне боролись противоречивые чувства по отношению к Евтушенко, долго я не мог разобраться (и, наверное, не я один): что же это за явление такое? Пока в конце концов не пришел к убеждению: поэт разменял талант на дешевую

популярность, комфорт, гонорары и тиражи. Трудно сказать, сознательно ли он на это пошел, но не сомневаюсь в том, что теперь эта сделка им осознана, принята как данность, как факт. Он знает, что душа его насквозь изъедена дьяволом барыша и политиканства. Ждать от нее чего-либо живого, естественного, честного, родного и человеческого уже бессмысленно. Такого поэта больше нет. И только подтверждением этой мысли является уход Евтушенко в кинематограф, где, впрочем, также у него не получается ничего правдивого, серьезного, ценного: душа продана, талант загублен.

Страсть к политиканству в натуре бывшего поэта красноречиво проявилась в еще сильнее подтвердилась в нахрапистом стремлении любыми путями прорваться в народные депутаты СССР. Окольными, прямо-таки детективными путями — прорвался. Выступил на первом Съезде народных депутатов с крикливой демагогической «обвинительной» речью против... нашей армии (вспомним эти слова: «Не только за свою страну солдаты гибли в ту войну...»). Против армии, спасшей мир от фашизма, с которым всю жизнь в стихах воевал Евтушенко. Против наших солдат («оккупантов»), посланных в Закавказье защищать население от местных экстремистов и погромщиков.

Казалось бы, зачем поэту власть? Ведь он и без того — властитель дум миллионов своих сограждан. Истинный поэт, который всегда — пророк, выше любых земных властителей и царей, он способен одним только словом, одним движением руки повести за собой народ. Земная, законодательная власть ему не нужна, она для него скучна, смешна и ничтожна. Слово поэта имеет божественный отблеск, оно в силах пережить века, цивилизации и оно — бессмертно. Наверное, я совершаю грех, наделяя слово поэта свойствами Высшего Слова, Логоса. Думаю, Бог мне простит... Но поэт, рвущийся к власти...

Подчинившись барышу, соблазнившись земной властью, бывший поэт в закономерном итоге отвернулся от собственного народа, а затем и предал его. Точнее сказать, этот народ он перестал считать своим, кровным, сравнив его с «детьми Шарикова», обозвав «рылами», «самодовольнейшей грязью», а страну — «отечественным болотом» («Вандея»). Всех же честных патриотов России, радеющих за возрождение национального самосознания, он преспокойно и расчетливо смешал с «вандейским навозом». Нашу историю, полную неисчислимых бедствий и жертв, он теперь видит и понимает лишь так: «О наши русские коалы! На всех идеях и делах, эпохи носом подпевалы, вы дремлете, как на стволах». Коалы — это сумчатые медведи, живущие в основном на деревьях. По мнению Евтушенко, русский народ всю свою историю проспал, а германский фашизм разгромили французы и англичане... И геноцид 1918—1930 годов, оказывается, осуществлялся космополитами по отношению к спящим «русским коалам»... Большего бесстыдства вряд ли можно себе представить.

В любой другой стране за унижение национального достоинства и оскорбление своего народа охамевший словоблуд типа Евтушенко был бы привлечен к суду или по меньшей мере подвергся бы беспощадному презрению и потерял бы всякую возможность публиковаться у себя на родине. Такое произойдет где угодно, только не у нас (у «русских фашистов»). Уж такая это страна, здесь разрешено оплевывать любые святыни, в полной

уверенности своей безнаказанности, не сомневаясь в том, что народ наш («черносотенцы», «самодовольнейшая грязь», «вандейский навоз») все молча проглотит. И более того — извращение национальной сущности русского народа с помощью основной массы леворадикальной (сиониствующей) печати будет возведено в заслугу, в геройство, станет залогом многотиражных публикаций и чуть ли не мировой известности. Такова реальность.

Нравственная деградация бывшего поэта должна была привести к поступку не просто аморальному, но к подлинно предательскому по отношению и к тем несчастным, замученным и оскорбленным, о сочувствии к которым он вещал на всех своих концертах в шестидесятые-семидесятые годы (вот истинная цена заверениям: «всей шкурой чувствую, как брата, любого нищего земли»): на земле единственного в мире (в настоящее время) фашистского государства он разгуливал и выступал (народный депутат СССР!) в форме израильского офицера — невымышленного оккупанта и расиста. Что, выходит, теперь, надев форму фашиста, бывший поэт перестал чувствовать «всей шкурой», что в этой самой форме израильские расисты к а ж д ы й д е н ь убивают и калечат б е з о р у ж н ы х палестинцев — женщин, стариков, детей, к а ж д ы й д е н ь бросают в тюрьмы, избивают, пытают, депортируют несчастных людей только за то, что они хотят с в о б о д н о жить на своей родине?! Что, он уже больше не относится к ним «как к братьям»? И в нем уже больше не «кричит боль живых вместе с болью погибших», когда палестинскую женщину за волосы волокут по асфальту? Ну как тут не вспомнить его нашумевшее в свое время стихотворение «Бабий Яр»?

...Мне страшно. Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас — я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.

...Мне кажется — я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилен,
напрасно я погромщиков молю.
Под гогот: «Бей жидов, спасай Россию!» —
лабазник избивает мать мою.
О, русский мой народ! Я знаю — ты
по сущности интернационален.
...Я знаю доброту твоей земли...

Ах, Евгений Александрович, как, наверное, сладостно в творческом зуде воображать себя «иудеем», «бредущим по древнему Египту», да к тому же еще с перспективой погибнуть не как-нибудь, а «распятым на кресте», чтобы потом всю жизнь носить «следы гвоздей»! В жизни все куда банальнее, до отвращения: посетив Иерусалим (ныне оккупированный иудеями), вы только и способны на то, чтобы нарядиться в облачение слуги современ-

ного Понтия Пилата, хотя я прекрасно себе представляю, что похожи вы были исключительно на горохового шута.

Что ж, можно себя вообразить и еврейским мальчиком в Белостоке, на глазах которого «лабазник избивает мать» под гогот: «Бей жидов, спасай Россию!» Выходит — русский избивает, если далее идет восклицание «О русский мой народ!» — и спасать надо Россию, несмотря даже на то, что Белосток — это город в Польше и что в еврейских погромах там русские никогда не участвовали *.

Но какое это все имеет значение для бывшего поэта-интернационалиста! Ведь русский народ у него тоже «по сущности интернационален», а потому и он мог, в принципе, участвовать в погромах. Вообразить это трудно, но для поэта-интернационалиста — можно.

Действительность же бывшему поэту неинтересна, потому что в действительности все происходит не так, как в его воображении: ни одного еврейского погрома бывший поэт в своей жизни ни разу не видел (хотя не скрывает, что очень хотел бы увидеть, и время от времени даже назначает точную дату, о чем оповещает на всю страну по телевидению). Зато по тому же телевидению, правда, лишь в течение двух-трех информационных минут программы «Время» он совсем недавно имел возможность наблюдать палестинский погром от рук евреев-сионистов. Но представить себя арабским мальчиком, на глазах которого израильский солдат избивает мать, — этого бывшему поэту-интернационалисту не дано. Да что там представить! Ему не дано это даже увидеть ни на экране телевизора, ни в самом Израиле!

Что ж, русской поэзии не убудет. И тот факт, что бывший поэт отвернулся от России в другую, более выгодную для него сторону, говорит о проявлении в конце концов его настоящего лица, неподдельной внутренней сущности, скрываемой им многие и многие годы. И теперь он мог бы вполне определенно изменить поминавшуюся здесь строку в одном из своих давних стихотворений, строку, которая абсолютно не соответствует истине: «если будет Россия, значит, буду и я»... Имя собственное (Россия) и местоимение здесь явно не согласуются — ни фактически, ни духовно.

ПУТЬ ОТЧУЖДЕНИЯ

Теперь уже совершенно ясно, что и Белла Ахмадулина в отличие, например, от Анны Ахматовой никак не вписывается в понятие *русский национальный поэт*. Ее замкнутая на себе, глубоко эгоистическая «поэзия» так и не вылилась, несмотря на широкие прежние авансы и посулы, в живое отражение народной жизни (пусть бы даже и через собственную судьбу, как у Ахматовой: «Я всегда была с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был»), в прочувствованное понимание бед этой земли. Так называемые «ахмадулинские кружева», а точнее, по меткому выражению Валентина Сорокина, «бельевые веревки» ее

* Как, впрочем, и во многих других, наиболее известных — киевском, одесском, кишиневском, минском и т. д., которые в основном происходили в национальных окраинах.

бесконечно длинных стихов есть верный пример изощренного самоупоения и голой манерности в современной поэзии.

Ее отчужденно-элитарное, а чаще узкосалонное творчество тлеет в кастовом мирке своих, избранных, почитателей и ценителей, посвященных в «секреты мастерства». Это достаточно четко показал А. Вознесенский в книге «Прорабы духа»: «Читает Белла. Своя Белла. А вокруг тоже свои. Только свои».

В начале ее творческого пути так же, как у раннего Евтушенко, в стихах ощущалась свежая интонация, искренность и легкое дыхание. В книгах же, вышедших в последнее десятилетие, мы отчетливо видим искусственную метафоричность, натужность мышления, напыщенность речи, вместо глубокого сильного чувства — жеманность, деланную чувственность или — наоборот — мертвенную сухость:

Ночь, белый сонм колонн надводных. Никого нет,
но воздуха и вод удвоен гласный звук,
как если б кто-то был и вымолвил: Коонен...
О ком он? Сонм колонн меж белых твердей двух.

Стихи кажутся подчас высосанными из пальца, настолько явны в них бессодержательность, стилевая неорганичность и многословная пустота. Если себя ей, может быть, еще удается обмануть, то вдумчивого читателя уже не обманешь: напускное и вымученное лезет из всех щелей. Вот для иллюстрации сказанного строки одного из последних стихотворений книги Б. Ахмадулиной «Избранное», вышедшей в «Советском писателе» в 1988 году:

Я помню голос тот, неродственный канонам
всех горл: он одинок единогласья средь,
он плоской высоте приходится каньоном
и зренью приоткрыт многопородный срез.

Творческое поражение некогда одаренной поэтессы теперь уже выглядит не парадоксальным, оно естественно и легко объяснимо, с одной стороны, отчужденностью автора от живой, одухотворяющей, светлой природы и народного быта, а с другой — желанием оставаться на виду, на слуху, на волне известности, в центре эстетских суждений.

Раннее поэтическое созревание, внимание критики и обожание публики были когда-то сравнимы с взволнованным состоянием невесты, вступающей в новую, неизведанную жизнь, где все внешнее — приятно, а дальнейшее — неясно:

Хочу я быть невестой,
красивой, завитой,
под белою навесной
застенчивой фатой.

Чтоб вздрагивали руки
в колечках ледяных,
чтобы сходились рюмки
во здравье молодых.

...Страшно и заманчиво
то, что впереди.
Плачет моя мамочка, —
мама, погоди.

...Громко стулья ставятся
рядом, за стеной...
Что-то дальше станется
с тобою и со мной?..

(1956 г.)

Белла Ахмадулина словно предчувствовала собственную судьбу в одном из своих первых стихотворений «Цветы», написанном в 1955 году: «Цветы росли в оранжерее. Им дали света и земли не потому, что их жалели или надолго берегли. Их дарят празднично на память, но мне — мне страшно их судьбы, ведь никогда им так не пахнуть, как это делают сады. Им на губах не оставаться, им не раскачивать шмеля, им никогда не догадаться, что значит мокрая земля».

Талант действительно обладает даром пророчества: судьба оранжерейного цветка стала прообразом судьбы (которой было «страшно») будущей оранжерейно-богемной поэтессы, так и не вырвавшейся за стеклянные стены своего искусственно-декоративного мирка, даже несмотря на то, что своей, вышедшей недавно книге она дала название «Сад». В этом «саду» нет ни свежего ветра, ни блеска росы, ни пенья соловья. Зато в нем — излишество ночных беспредметных бдений, сомнамбулических грез и невнятных шептаний под электрическим светом настольной лампы. Одним словом, в нем — мир, похожий на бред больного, увядающего сознания.

Страдание сознания больного —
сирень, сиречь: наитье и напасть.
И мглистая цветочная берлога —
душно-лилова, как медвежья пасть.

Над ней — дымок, словно она — Везувий
и думает: не скушно ль? Не пора ль?
А я? Умно ль — Офелией безумной
цветы сбирать и песню напевать?

Плутаю я в пространном фиолете...
и т. д.

Здесь все — необязательно, неосязаемо, эклектично, то есть без надобности притянуто из разных нестыкующихся, придуманных плоскостей, не одухотворенных душевным светом поэта. И потому поэзии здесь нет, а есть только неудовлетворенная претензия (отсюда такое бесконечное многословие) на оригинальность, на необыкновенный образный строй, якобы исходящий из внутреннего шаманства, граничащего с метемпсихозом. Окончательно заплутавшись «в пространном фиолете», поэтесса решила сыграть роль «безумной Офелии», чтобы в «напасти наитья» околдовывать читателя бессмысленной бутафорикой лжеприроды, где самая обычная, поросшая травой и цветами канава обязательно

«душно-лилова, как медвежья пасть». Поэзия, порождающая антиприроду, сама становится антипоэзией.

Говоря о Евтушенко и Ахмадулиной, у нас принято непременно вспоминать имя Андрея Вознесенского. При этом многим кажется, что Вознесенский — явление даже более сложное в современной поэзии. Но впечатление это обманчиво. Он — большой «мастер» пускать пыль в глаза, именно казаться, а не быть, запутывать внимание читателей: «Я — Гойя! Глазницы воронок мне выклевал ворог...», «Я горло повешенной бабы, чье тело, как колокол...», «Я Мерлин... Я героиня самоубийства и героина...», «Я — двоюродная жена...» и т. д. Примеривание чужих масок — это и есть неумение или нежелание быть самим собой, отсутствие с о б с т в е н н о г о поэтического и мировоззренческого «я». В стихах он может предстать перед читателем кем угодно, зарифмует любые, самые несуразные идеи, но собственной сути, истинной своей тайной надежды никогда не покажет: «Я — семья во мне как в спектре живут семь «я»...» Все это несет в себе талмудические признаки неоткровенного искусства: громоздя метафорические конструкции, устраивая словесный хаос, кощунствуя и одурачивая, — не выдать истинных намерений.

Серьезного значения для русской литературы «стихи» А. Вознесенского не имеют, так как они — плоды чуждой нам «культуры», чуждой поэтики. Теперь уже ясно, что называть его «большим поэтом» — грешно, потому что человек, издевавшийся «стихотворно» над крестом — символом веры, ни в одной христианской стране не может в уважительном смысле именоваться поэтом как выразителем народного духа, а тем более русским поэтом. В его поэме «Из жизни крестиков» («ЛГ», 1989, № 39) кресты — это «тюремная решетка», Казанский собор — «крестовый паук архитектуры», а противотанковые ежи — «группенсекс крестов» (вспомним реакцию мусульманского мира на роман «Сатанинские стихи» Салмана Рушди... Я не призываю к тому же, однако наше пренебрежение к оплеванным святыням неоправданно затянулось...).

Если Евтушенко и Ахмадулина в начальный период своей поэтической карьеры все-таки иногда достигали уровня полноценной лирики, то Вознесенскому этого не удавалось никогда: декларативность и отсутствие гармонии — признак в с е й его стихотворческой деятельности. Однако почему-то очень немногие замечают, что вирши, сочиняемые Вознесенским, крайне примитивны в смысле формы и начисто лишены в себе духовной животворной глубины. И рассуждать о каких-то их чисто внешних «особенностях» — напрасная трата времени. Подавляющее большинство их исполнено примерно в таком ключе (строки беру наобум):

Скоропортящиеся поэты!
Успейте сказать, пока помните это.
Рисуйте, художники, денно и нощно,
руки напряженье под ноющей тяжестью ноши.

Примитив и пошлость переплетаются буквально в к а ж д о й строфе его «стихотворного» собрания сочинений:

Прожил художник один.
Много он бед перенес.
Но в его жизни была
Целая площадь из роз.

Таких самодовлеюще пустых поделок не позволяют себе даже начинающие члены самых захудалых литобъединений. И, видимо, не случайны подобные самопризнания: «Я пуст, я стандартен. Себя я утратил», «Я нищая падаль. Я пища для морга». Хоть эти строки и являются, по Вознесенскому, «переложением» из Микеланджело, все равно в данном случае ясно, что для самовыражения «толмач» выбирал их на собственный вкус.

«Скоропортящиеся поэты»... По-моему, очень точно сказано. Талант обязательно изменяет изначально даровитым личностям, если те встают на путь безнравственности и отчуждения от земли, вскормившей их. Более того: природный талант начинает мстить им, оторвавшимся от этой земли и культуры, так как любая культура — это дух народа, происходящий из недр земли, на которой народ проживает. Он мстит пустой, суетливой, дешевенькой славой и опустошенным сердцем. «Скоропортящиеся поэты» уже при жизни пожинают плоды своего политиканства и лицемерия: они сами становятся свидетелями народного к ним отчуждения.

«СРЕДИ ГОРНИХ СВЕТИЛ...»

Я не напрасно в начале этой статьи сказал, что 80-е годы — время поэзии Юрия Кузнецова. Начав издаваться еще в 70-х и, может быть, написав в эти годы лучшие свои стихи, он в последнее десятилетие утвердился в нашей литературе серьезно, основательно, авторитетно. О нем много написано разного, взаимоисключающего, но больше — положительного и чаще — справедливого. Его поэзия неизменно являлась предметом споров и размышлений на страницах печати, у него появились даже эпигоны, а это — уже признак собственного, нерасхожего стиля. Создать свой стиль в поэзии, закрепить в умах отличительную художественную канву и образную систему — достоинство, принадлежащее далеко не многим.

Именно ему удалось в очень яркой форме привнести в современную литературу запомнившийся многим образ погибшего отца. Этот образ (как основной, цементирующий) прошел сквозь всю его поэзию, но особенно впечатляюще он прозвучал в стихах первых книг: «Отец мой окончен войною», «Отец, — кричу. — Ты не принес нам счастья!..», «Я пью из черепа отца...»

Как раз первое мое знакомство с творчеством Ю. Кузнецова состоялось после прочтения стихотворения «Возвращение», прочитанного в какой-то газете, стихотворения, буквально резанувшего меня по нервам своим мистически-реальным воплощением: отец — столб крутящейся пыли...

Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука.
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждет, —
Через поле и пашню
Столб крутящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

После этих строк сразу стало ясно, что к нам пришел необычный поэт. Собственно, таким он и оставался на протяжении многих последующих лет.

Однако, пристально наблюдая за творчеством Ю. Кузнецова, я с сожалением стал замечать: в последние два-три года он пишет все небрежнее по форме, эмоционально суше и мельче по содержательной сути. То ли это начало творческого кризиса, то ли — результат облегченного, в связи с авторитетом и известностью, отношения к своему поэтическому призванию. Возможно, все, что я скажу ниже, будет выглядеть излишне резко, но не сказать этого я не могу, хотя прекрасно себе представляю то неудовольствие, которое вызову своим суждением у многих.

Дело, наверное, в том, что большинство из нас как-то привыкло по инерции считать поэзию Ю. Кузнецова ведущей и чуть ли не самой духоподъемной в современной русской литературе, отчего просто перестали замечать все те провалы, сбои и откровенную халтуру (как, например, зарифмованные анекдоты) в его неоднозначном и противоречивом творчестве. Да и сам он, как я вижу, стал менее требователен к своей стихотворческой работе, считая, видимо, что достиг такого мастерства, когда все вышедшее из-под его пера заранее должно быть талантливым и неподражаемым. Словно бы «стрела Аполлона», по уверению автора, вытащенная однажды им «изо лба», навсегда стала залогом неувядаемости таланта. Отсюда и это самоуверенное: «Имя мне Кузнецов. Я один. Остальные — обман и подделка».

В принципе, в поэзии подобный эгоцентризм встречался нередко и воспринимался с пониманием не только как поза или самоирония, но и как необходимость самосовершенствования, как выражение гордого самосознания (достаточно вспомнить И. Северянина). Но в данном случае поэт Ю. Кузнецов, всерьез возомнив себя единственным, в чем ему помогли и многие критики, снизил сам для себя планку поэтического мастерства и органического развития в своем мироощущении (хотя последнее, сознаю, происходит в литературном творчестве не по воле художника). И потому трудно поверять такому сознанию Ю. Кузнецова. Для меня это похоже на затянувшееся стремление автора шокировать читателя своей неуемной экзальтированностью (в чем он схож с А. Вознесенским), которая проявлялась у него на протяжении всего творчества.

Возьмем одну из его публикаций — подборку стихов в журна-

ле «Наш современник» (1989, № 10). И что же мы видим: неряшливые, плоские рифмы, такие, как: кровь — любовь, далеко — глубоко, шмелями — снами, море — просторе, любви — свои, раздули — до дури, света — смеха, открылись — очутились и т. п. Большинство стихотворений этой подборки написано с помощью парных рифм. Но ведь это самый простой прием стихосложения! Мне могут возразить: такой рифмовкой нередко пользовался Сергей Есенин. Да, действительно пользовался. Но посмотрите, сколько в тех строках поэзии!

Голубая кофта. Синие глаза...
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Кружит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

Я сознательно процитировал это стихотворение полностью, чтобы отчетливей было видно эмоционально-образное, поэтическое, да и просто содержательное отличие есенинских строк от аналогично зарифмованной пошлости современного поэта, претендующего на роль главного продолжателя классической традиции в русской поэзии. Обратим еще раз внимание на то, что все образы приведенных выше есенинских строк зримы, физически ощутимы, их видишь, осязаешь, им радуешься или печалишься вместе с автором. Но читаем у Ю. Кузнецова:

Жил я один. Ты сказала: — Я тоже одна,
Буду до гроба тебе, как собака, верна...

Так в твою пасть был я брошен судьбой на пути.
Грызла меня, словно царскую кость во плоти.

Страстно стонала, хотя и другие порой
Кость вырывали у пасти (?) твоей роковой.

С воплем бросалась на них ты страшней сатаны,
Полно, родная! Они, как и ты, голодны.

Высосан мозг, и в порожней кости иной раз
Дух или ветер поет про последний мой час.

Брошенный буду мерцать срéди горних светил...
В бога поверь, чтоб тебя он за верность простил.

На первый взгляд может показаться, что в этих строках заложен какой-то глубокий смысл, который, хоть и темен, хоть и недоступен пониманию читателя, все же оставляет его в предощущении какого-то потустороннего бреда: и непонятно, и необычно... Однако всем, кто знаком с русской и прежде всего — с

классической поэзией (продолжателем которой критика называет Ю. Кузнецова), должно быть совершенно очевидно, что подобная нарочитая «потусторонность» и вызывающе деланная «усложненность» поэтического текста есть не что иное, как игра в поэзию, за которой — отсутствие искреннего переживания и душевная анемия, способная породить лишь словесную бессмысленность. Естественное чувство, возникающее после прочтения приведенных выше строк, — неприятие. Нужно обладать поистине исковерканным, извращенным сознанием, чтобы представлять себя обглоданной костью в собачьей пасти... «родной» женщины, которая у автора превратилась в домашнего зверя только лишь из-за слов: «Буду до гроба тебе, как собака, верна...» До подобных экспериментов (как: «в порожней кости иной раз дух или ветер поет») не «доискались» даже наши молодые абсурдисты и метафористы.

Но читаем дальше:

Призраки с четвертым измереньем
В мир проникли плотным наважденьем.
Срéди них ты ходишь и живешь,
Как в гипнозе, слыша их галдеж.

В каждой строке — полная несуразица, доходящая до насмешки над языком, грамматикой и элементарной поэтической логикой: «с четвертым измереньем», «плотным наважденьем», «ходишь и живешь» (тавтология). К какому действию относится выражение «как в гипнозе», стоящее между двух глаголов и выделенное с обеих сторон запятыми, — «живешь, как в гипнозе» или «как в гипнозе, слыша их галдеж»? И тут невозможно, непозволительно оправдывать языковую небрежность, неряшливость и поэтическую безвкусицу какими-либо «глубокими» и важными для автора мыслями, актуальностью темы, хотя тема бесов в русской литературе давным-давно разработана.

Где хваленое версификаторство Ю. Кузнецова, если то и дело в его стихах встречаешь: срéди, твóю, йной, мóя, если он пишет подобным образом: «вырывали у пасти твоей»? Нет, искренне сомневаюсь в его уверениях: «Буду мерцать срéди горних светил...» С такими неуклюжими стихотворческими потугами можно только разве что тлеть «срéди» бессодержательных завалов антихудожественной продукции, которой нас пичкают на каждом шагу всякого рода псевдоноваторы и от которых мы давно устали.

Юрий Кузнецов подчас не останавливается перед критикой Пушкина, Блока, Есенина и других наших классиков поэзии. Что, мол, первый проигнорировал отечественный фольклор, второй — слишком высокопарно Русь называл своей женой, а третий — вообще занимался самолюбованием: «Я по-прежнему такой же нежный...» Однако ни один из трех великих русских поэтов в своем творчестве не относился к женщине, как к собаке, хотя бы даже метафорически, и уж тем более — к родной...

Что ж, великие поэты, среди которых наш «живой классик» мечтает «мерцать», вряд ли пострадают от его претензий к ним, а сам он в отличие от Пушкина, Блока и Есенина всегда может ответить на такого рода нечастое для него критическое выступление.

ПОЭТ ДЛЯ РОССИИ

Сейчас о поэзии пишут мало. Критика, словно устав от литературной борьбы, замерла в ожидании новых ярких имен на поэтическом поприще. Те из молодых, кого она прославляла и на кого надеялась в недавние годы (см. статью И. Роднянской «Назад — к Орфею!» в «Новом мире» № 3 за 1988 г.), ее чаяний не оправдали, что, кстати, редкими голосами предсказывалось (см. статью «О мнимом и подлинном в поэзии» в «Молодой гвардии» № 9 за 1988 г.). Так называемое «новое поэтическое поколение» авангардного или нонконформистского толка в лице широко разрекламированных бывших его «лидеров» (пресловутых метафористов) до странности скромно, тихо и без видимого сожаления кануло в небытие. И будущие критики поэзии, читая периодику восьмидесятых годов и натыкаясь на эти имена, будут с недоумением пожимать плечами и воспринимать наш недавний полемический ажиотаж вокруг этих имен как нелепый курьез или как смехотворную мистификацию.

Точно так же не оправдали надежд и ожиданий критического цеха и предыдущие «лидеры» молодой поэзии, получившие основательную поддержку в прессе еще в семидесятые годы. Никто из них за последние десять-пятнадцать лет не вырос в значительную для русской литературы фигуру или по крайней мере в действительно серьезного поэта: ни П. Кошель, ни В. Урусов, ни Т. Реброва, ни А. Ткаченко, ни А. Прийма, ни Т. Бек, ни Л. Миллер, ни многие другие, отмеченные тогдашней критикой. А ведь десять лет — это немалый срок для поэзии.

Но давайте непредвзято, спокойно и рассудительно оглядимся вокруг себя, давайте попристальней, без амбиций и групповых интересов посмотрим на современную поэзию. Ведь сколько бы мы ни ругались и ни наскакивали друг на друга, сколько бы ни поднимали на щит пусть даже и незначительных, но — своих, время все поставит на соответствующие места, литература и история все равно рассудят по-своему. Этот пристальный взгляд и ляжет, скорее всего, в основу будущих размышлений о поэзии наших дней.

Вступая в девяностые годы, мы вправе надеяться на то, что на поэтическом небосклоне взойдет новое, никому не ведомое, яркое имя. Может быть, это имя будет вовсе не молодое, может быть, оно уже кому-то известно, но именно в этом десятилетии его слово засияет новым духовным светом, удивит всех силой таланта и таинственной глубиной.

Почему Сергей Есенин остался народным поэтом, несмотри ни на какие посмертные запреты? Думаю, это случилось потому, помимо гениальных его поэтических способностей, что он сумел затронуть те струны в народной душе, какие до него с такой пронзительностью не удавалось всколыхнуть никому (с каждым годом талант Есенина только укреплялся, становился глубже, яснее, возвышеннее). И душа народная отозвалась, зазвучала, почувствовала в нем бесконечно родное, до боли щемящее, и полюбила его на все времена. Тут дело было вовсе не в критике (она его ругала), не в официальном признании (он в нем не нуждался), а в отклике народной души на проникновенную, грустную песню поэта.

Душа народа — понятие мистическое, животворящее. Только она в состоянии возродить народ из небытия. Более полустолетия пошло на уничтожение русского народа. Теперь наступило время его возрождения. И потому в последнее десятилетие этого беспощадного века, уверен, явится (или откроется) поэт, рожденный из самой нашей живой народной стихии, поэт, осененный Высшим Провидением и способный услышать тоску и надежду этой измученной и великой души.

Уже после того, как были написаны эти строки, судьба, словно в оправдание наших небезнадежных ожиданий, подарила радостную встречу с поэтом необычайно зрелого, сильного дарования. Его имя кому-то уже известно в литературе, хотя широкому читателю оно в должной мере не представлено, так как критика, пишущая о поэзии, не способна ничего видеть и слышать вокруг себя, кроме тех, кто из года в год не сходит со страниц печати...

Со стихами поэта Виктора Смирнова, живущего в древнем Смоленске, я, как, наверное, и многие, всерьез знакомлюсь впервые, несмотря на то, что прежде они иногда попадались на глаза в периодике, существенно не выделяясь из общего поэтического потока. Так бывает: в душе, занятой спокойной духовной работой, постепенно накапливается взрывная энергетическая сила, способная при неожиданном душевном озарении или жизненном надломе выплеснуться волной необычно смелых, эмоционально броских, резких художественных образов и красок. Так, смею думать, случилось и с поэзией Виктора Смирнова. Читатели сами могут в этом убедиться, прочитав большую подборку его стихов на страницах данного номера нашего журнала, и, не сомневаюсь, многие согласятся: в поэзию пришел (да-да, пришел! Ведь мы предполагали, что он может прийти и немолодым) весьма неординарный поэт, который сам почувствовал, услышал голос своей звезды, поверил в приход своего часа:

Я долго жил. Я долго шел к черте,
Чтоб яркий луч увидеть в черноте.

Чтобы рождала темная душа
Веселый мир, от радости дрожа.

Пришел мой час. Пришла моя пора.
В руке — огонь жар-птицына пера.

И звезд, и трав я слышу голоса.
Иное зренье обрели глаза...

Иное зренье... Это и есть то самое главное в искусстве, тот неповторимый миг творческого взлета, ради которого художник мучительно мыслит, трудится долгие, порой бесплодные годы. И великое счастье художнику, когда этот час наступает... Тогда сами приходят необходимые слова, эпитеты, образы, метафоры, тогда ничего не нужно придумывать... В этом и заключается сущность любого творчества, которую Аполлон Григорьев, может быть, одним из первых назвал *прозрением*.

Это состояние необычайной творческой легкости (не облегченности!), условно говоря, граничащей с гениальностью, известное

по пушкинским строкам «Лист тянется к перу, перо — к бумаге... Минута! — и стихи свободно потекут...» у Виктора Смирнова высказалось по-своему зримо: «Свалилась с плеч тяжелая гора... Не удержать бегущего пера», «В грудь ворвалось сиянье рек и рощ. У окон русская качнулась рожь».

И вот тут мы должны остановиться, спросить себя: почему автору важно сказать «русская качнулась рожь»? Разве для художника так уж принципиально важно в его вдохновенном состоянии, что рожь, увиденная им, — русская?.. (Представляю, как это уточнение покоробит эстетский слух «левой» критики.) Другого и быть не может. Именно оно, это слово, переплавленное в горниле сердечного пламени, может быть, и переродило поэта, заново создало его.

Русская рожь... Символ России, Родины. Почему русская земля перестала родить хлеб? Тот самый хлеб, которым веками кормила весь мир?.. Ведь в этом слове, в этом понятии заключена, скрыта разгадка нашей трагедии и надежда на спасение...

Какой сейчас нужен поэт для России? — вот одна из острейших проблем современной литературы. Тот ли, что кричит о «русском фашизме» на фоне объединения Германии и нескончаемого потока со всех концов СССР бесприютных русских беженцев, в упор не замечаемых ни союзным, ни российским правительством, ни верховной государственной властью? Тот ли, что увлечен наваждением потусторонних призраков «с четвертым измереньем»? Тот ли, что блуждает, как сомнамбула, в «пространном фиолете», совершенно отрешившись от реальности? Или тот, кто может сказать, как Виктор Смирнов, —

Не верь тому, что прошлое — быльё.
И, как свою единственную славу,
Коль выплыл на течение свое,
Не отдавай на торжище Державу.

Не отдавай просторов седину,
Ребенка смех, старухи причитанье.
А главное: семью, село, страну
Не отдавай чертям на поруганье!

Рассветной песней заглушай гнилье,
Не поддавайся на звезду обмана.
Коль выплыл на течение свое,
Дыши бескрайней ширью океана.

Плыви, не медля и не торопя
Судьбу — она того уж точно стоит!
И вечно помни: только на тебя
Отечество с надеждой светлой смотрит.

Сейчас, когда страна в беде, когда она нуждается в защите и в добром умном слове, ей нужен поэт-подвижник, поэт-патриот, пришедший от самой земли русской и вскормленный ее горькими соками.

В годину смуты и народных волнений, когда страна вновь стоит перед болевым вопросом: «Куда несет нас рок событий?» — такой поэт не может не прийти.

Простилась даль с веселостью вчерашней,
До злобы недовольная собой.
Народ прозрел — а это очень страшно
Для тех, кто мыслит, что народ — слепой.

Но нету места мести и презренью.
Лучом сквозь ярость снега и дождя,
Сквозь гул и гам к великому прозренью
Народ ведет незрячего вождя...

Прозрение поэта — залог прозрения народа. «Поэт», который не верит в свой народ, хоть и любит напыщенно восклицать: «О, русский мой народ!», называя его при этом «вандейским навозом», — такой «поэт» для своей страны мертв. Народу и стране нужно не самоунижение, не самобичевание, к которым то и дело призывают беспринципные демагоги из «левых демократов», а вера в продолжение жизни, надежда на будущее. Это нужно, чтобы сеялась и цвела за окном русская рожь, чтобы росли дети, чтобы ненависть не победила любви.

Это нужно, чтобы Русь решала:
Жизнь с какого начинать конца?
А сирень свои цветы роняла
На окостеневшие сердца.

Верится: лишимся слов истертых —
И земля забудет недород.
Как иначе воскресить из мертвых
Наш безверьем скошенный народ?

Да, тысячу раз прав Виктор Смирнов, истинный русский поэт: иначе невозможно возродить наш во многом разуверившийся народ. И сколько бы нас ни озлобляли и ни толкали к гражданской войне, корневая, жизнетворная поэзия будет говорить о добре, о мире, о любви и об уважении к человеку.

Поэт творит не ради благодарности, но все же стоит поклониться пронзительному слову настоящего поэта.

●

Наше обозрение

КНИГА ПАЛАЧА РЕВОЛЮЦИИ

В Политиздате в 1990 году вышла книга статей известного деятеля Октябрьской революции, сыгравшего в ней свою роковую роль, Л. Д. Троцкого (Бронштейна) «К истории русской революции». Какую же цель преследовал солидный Политиздат, выпуская данную книгу?

Обычно ответ на подобный вопрос содержится в предисловии. В данном случае роль этого раздела выполняет 60-страничный очерк составителя: «Л. Д. Троцкий: политический портрет». Вышить политико-биографическую канву было, видимо, нетрудно, поскольку сам герой очерка опубликовал в «ссылке» книгу «Моя жизнь. Опыт биографии». Надо полагать, жизненный и политический путь Троцкого оказался таким захватывающим, что о необходимости обосновать критерий подбора переиздаваемых материалов в очерке было забыто. Поэтому читателям, недоумевающим по поводу отсутствия в данной книге, например, такой вещи, как брошюра Троцкого о профсоюзах, детально раскритикованной Лениным, остается утешиться прутковским афоризмом о «необъятном»...

В своей совокупности приведенные в «политическом портрете» высказывания составляют солидную основу для продолжительной полемики, интересной для специалистов. Здесь же уместно коснуться одного вопроса: за что Ленин ценил Троцкого?

Может быть, за то, что наркоминдел дал в феврале 1918 года повод Германии развернуть наступление по всему фронту против Советской Республики, которое благодаря захвату городов и расстрелу коммунистов лишило всяких оснований версию о закулисной сделке между Лениным и кайзером Вильгельмом?

Может быть, за то, что в ответе на усилия наркомвоенмора по созданию регулярной Красной Армии на VIII съезде партии образовалась номенклатурная «военная оппозиция» и новый ЦК был вынужден 25 марта 1919 года записать в своем решении: «Указать т. Троцкому на необходимость как можно более внимательного отношения к работникам-коммунистам на фронте, без полной товарищеской солидарности с которыми невозможно проведение политики ЦК в военном деле».

Перечень этих «может быть» внушителен, и необходимо выяснить существование связи между ними и идейно-теоретической платформой Троцкого, как она изложена в его книгах и статьях. Как известно, ЦК РКП(б) формировался из коммунистов, которым партия прежде всего поручала выработку политического курса для Советского государства, основывающегося на марксизме. Именно за заслуги в этой области и ценил Ленин Троцкого.

В марте 1919 года, накануне VIII съезда партии, Троцкий нашел время и написал предисловие к своей переиздаваемой брошюре «Итоги и перспективы. Движущие силы революции». По его мнению, «неопровержимым доказательством того, что марксистская теория применяется нами правильно, является тот факт, что события (гражданская война. — *Н. М.*), в которых мы теперь участвуем, и самые методы этого участия были предвидены в основных своих чертах полтора десятилетия тому назад...» (Троцкий Л. Д. К истории русской революции, с. 83). Таким образом, автор рекламирует себя в качестве политического провидца, блестяще освоившего марксистский метод, и для доказательства предъявляет теорию перманентной революции.

По мнению Троцкого, основной чертой русского общественного развития является его сравнительная примитивность и медленность. Русская революция должна разразиться в результате столкновения сил капиталистического развития с силами косного абсолютизма.

Согласно Л. Троцкому, пролетариат в России сразу оказался сосредоточенным в огромных массах. Между ним и абсолютизмом стояла немногочисленная капиталистическая буржуазия (феодальной буржуазии вообще не было. — *Н. М.*), оторванная от «народа», наполовину чужестранная, без исторических традиций, одухотворенная одной жаждой наживы (последняя еще никого не «одухотворяла». — *Н. М.*).

Такова диспозиция революции. Напомню, что ко времени написания Троцким указанной брошюры была проведена перепись населения Российской империи, которая позволяла дать более конкретную характеристику сил капиталистического развития и «косного абсолютизма». Главный представитель последнего — император — был материально заинтересован в капиталистическом развитии, поскольку владел ценными бумагами. В свою очередь, пролетариат был связан с деревней не только родственными узами, но и экономическими отношениями, поскольку существовали миллионы полупролетариев-полукрестьян.

Свой нигилизм к анализу социально-экономической структуры российского общества Троцкий в известной мере объяснял тем, что день и час, когда власть перейдет в руки рабочего класса, зависят непосредственно не от уровня производительных сил, а от отношений классовой борьбы, от международной ситуации, наконец, от ряда субъективных моментов: традиции, инициативы, боевой готовности...

Троцкий знает, что в случае решительной победы революции власть переходит в руки класса, игравшего в борьбе руководящую роль, — другими словами, в руки про-

летариата. Достигнуть власти и играть руководящую роль пролетариат может, только опираясь на национальный подъем, на общенародное воодушевление. Пролетариат у власти предстанет перед крестьянством как класс-освободитель. Все произведенные крестьянами «революционные перетасовки» или захваты земли пролетариат сделает исходным пунктом для дальнейших государственных мероприятий в области сельского хозяйства.

Условие, высказанное нами выше, не имеет, однако, для рассматриваемой схемы никаких оснований. Никоим образом нельзя предположить, учит Троцкий, что пролетарское правительство, экспроприировав частновладельческие имения с крупным производством, разобьет их на участки и продаст для эксплуатации мелким производителям...

Участие земледельческого пролетариата и «революционных перетасовках» земельных отношений, осуществляемых крестьянами, Троцким также не предусматривается. Поэтому пролетарскому режиму придется осуществлять законодательные меры и защиту земледельческого пролетариата, которые не только не встретят активного сочувствия большинства, но и натолкнутся на активное сопротивление меньшинства крестьянства.

Картина в городе после решительной победы революции не менее драматична. Закон о 8-часовом рабочем дне, прогнозирует Троцкий, натолкнулся бы на организованное и упорное сопротивление капиталистов — скажем, в форме локаута и закрытия фабрик и заводов. Для рабочего правительства выход будет только один: экспроприация закрытых фабрик и заводов и организация на них работ за общественный счет.

В общем, раз власть находится в руках революционного правительства с социалистическим большинством, тотчас же различие между минимальной и максимальной программой социал-демократии теряет и принципиальное, и непосредственно-практическое значение. Второй вывод «Теории» Троцкого состоит в том, что без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. Предоставленный своим собственным силам рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от класса-освободителя.

Хотя эта схема и сконструирована в начале века, она может быть воспринята на исходе столетия достаточно свежо. Уже который год мы слышим о консерватерах, тормозящих поступь обновленческой перестройки, и революционерах, толкающих советскую административно-командную телегу из последних сил. Этот авангард на волне народного воодушевления или возмущения дефицитом должен прийти к власти и осуществить радикальные преобразования в отношениях собственности. Для того чтобы нейтрализовать и сломить сопротивление консерваторов, им требуется прямая государственная поддержка европейских демократических режимов, а также США и Японии. Проведение общенародного волеизъявления по этому поводу расценивается как непроизводительная трата времени, а денежной реформы — как реакционная утопия. Таким образом, трудящиеся массы должны сознательно и дисциплинированно ожидать своего «освобождения». И этот процесс отстранения масс от самостоятельного решения своей судьбы, замены народного творчества декретированием именуется новыми «мыслителями» революционным...

В какой мере изложенная выше схема «перманентной революции» Троцкого соответствует принципам классического марксизма XIX века, о которых говорилось в «политическом портрете», можно выяснить и ходе специальной дискуссии. Здесь же важно отметить последовательную приверженность Льва Давидовича своей идее *, которую он демонстрирует в статье «Наши разногласия», в брошюре «Программа мира», в предисловии к книге «1905». Естественно, что и в своей практическо-политической деятельности наркомвоенмор от нее не отрекался и реализовал ее и рамках достаточно широкой партийной директивы, вырабатывавшейся и основном им и Свердловым и являвшейся фактически обоснованием геноцида русского народа.

В докладе на заседании Московского комитета РКП(б) 6 январи 1920 года он напомнил: «И когда приходилось говорить полтора года тому назад, что мы возьмем питерских рабочих как основу и потом ленивого мужика заставим штыком пойти в бой, то говорили и тогда те же болтуны, что из этого ничего не выйдет, что слишком добер рабочий, чтобы заставить штыком мужика пойти в бой. Но он заставил».

Эти слова нуждаются, по меньшей мере, в трех уточнениях, которые позволят прояснить политическую физиономию выразителя «догматических взглядов» на марксизм.

Во-первых, в книге «О Ленине» (1925 г.) Троцкий говорит о необходимости иметь крепкие заградительные отряды из коммунистов и вообще боевиков. Ленин, по его словам, признал идею правильной. Только опасался, что и заградительные отряды не проявят должной твердости: «Добер русский человек, на решительные меры революционного террора его не хватает». Таким образом, Ленин перевел разговор из плоскости политической па национальную и как бы санкционировал использование на фронте соответствующих «интернационалистов» в соответствующих целях.

Но заградительные отряды «интернационалистов» — не единственный сюжет, характеризующий связь между практикой председателя РВС республики и его теорией «перманентной революции». Знаменитый марш на Варшаву Тухачевского прямо обуславливался обязанностью Советской России содействовать мировому или европейскому революционному процессу. В данной книге «марш» упоминается в очерке «Иосиф

* Читатель легко установит, что Троцкий в брошюре «Новый курс» (1923 г.) последовательно привержен своим дореволюционным взглядам и на партию. Правда, ранее Ленин для него — циник, интриган, эксплуататор примитивности в рабочем движении, а после Октября — гений и проч.

Сталин. Опыт характеристики», где говорится, что «виновником разгрома Тухачевского был Сталин». О своей «марксистской» методике оценки степени готовности польского народа воодушевленно встретить «пролетарский режим» продовольственной разверстки и воинствующего атеизма Троцкий умалчивает, как и о многом другом...

После трехлетней гражданской войны, максимально ослабившей роль России в мировых политических процессах, поставившей Россию на грань катастрофы, Лев Давидович внес в теорию «перманентной революции» уточнения, признав мероприятия «пролетарского режима» ничего не значащими: «...отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и не подошли». Это было написано в 1922 году после известных ленинских высказываний о социалистическом укладе и командных высотах. Выступая с докладом на XII съезде в апреле 1923 года, Троцкий согласился, что «транспорт в наших руках, металлургия, топливо, важнейшие заводы, банки — все это решающие командные высоты. Но эти командные высоты в отличие от геологических высот либо нарастают, либо падают, понижаются... Но по совокупности материальных ценностей, которые имеются в их инвентаре, они беднее, чем были год назад»*. О необходимости обосновать этот вывод статистическими данными было, как и ранее, забыто.

* Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. с. 317.

На страницах газет и журналов разгорелась полемика о начавшейся и усиливающейся реставрации капитализма. Представление о ней сегодняшний читатель может получить по... современным публикациям о том, что советский рабочий эксплуатируется сильнее западноевропейского, а живет хуже тамошнего безработного.

«Уточнения» Троцкого, видимо, стимулировали принятие государственных решений, сделавших впоследствии ускоренную индустриализацию материально неизбежной и позволивших капиталистическим странам за счет советских заказов смягчить удары кризиса 1929—1931 годов.

«Разоблачения» язв современной жизни в условиях совершенно определенного — топливно-сырьевого — места советской экономики в мировом, то бишь капиталистическом, разделении труда идут в одном потоке с обоснованиями необходимости и выгодности приспособления к нуждам этого рынка нашего хозяйственного строя. Вместо диктата государства — демократизм собрания акционеров, вместо нищенской минимальной заработной платы — индексация доходов и скользящая (с неизвестной скоростью) шкала уровня жизни. Таков рекламируемый со всех сторон «социалистический» выбор.

Поэтому, читая книгу «догматического марксиста» и накладывая ее конструкции на окружающую действительность, видишь маскируемый лозунг: «Троцкий умер. Да здравствует троцкизм!»

Николай МОСКОВЧЕНКО

РОССИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

«Российский календарь» — это, быть может, скромная попытка вспомнить то главное, чем жил и гордился русский человек на протяжении многих веков.

Составитель в основном сосредоточил внимание на подвигах духа, памятных поколениям наших предков, на подвижничестве личном и народном.

При этом общеизвестные факты и имена (например, Бородинское сражение или даты жизни классиков русской литературы) упоминаются без комментариев. В данном случае главное — воздать должное многим поколениям предков, созидавших Отечество, как бы вернуть их к жизни, к соучастию в наших нынешних делах и помыслах, отметить те эпизоды, которые, быть может, не столь значимы в смысле историко-политическом, но важны как духовные уроки.

Верующие не найдут в календаре некоторых церковных праздников, имен святителей, чтимых нашей церковью, — составитель не ставил перед собой задачи повторить церковный календарь.

Все храмы и монастыри, упоминаемые в календаре, построены или освящены до 1828 года. Речь идет о главнейших и древнейших из них.

Источниками для составителя служили «История Русской православной церкви», «Русский биографический словарь», «Военный лексикон», описания российских церквей и монастырей, месяцесловы, учебники для российских гимназий, произведения литературы средневековой Руси, «Церковнославянский словарь», а также некоторые другие издания.

Все даты даются по новому (а в скобках — по старому) стилю.

МЕСЯЦ ЯНВАРЬ

1 января (19 декабря)

1699: введено новое летосчисление.

3(21 декабря)

1326: преставился Петр, митрополит Киевский и всея Руси. В Москве церковь его имени в Высокопетровском монастыре (1505) «Петра-полукорма» — половина зимнего корма вышла.

1628: св. Прокопия. Христа ради юродивого. Юродивыми, или блаженными, по преимуществу называется особый разряд св. подвижников и подвижниц. Этот вид подвижничества в том, что принявший или принявшая на себя сей подвиг ради Христа и спасения своей души отказывается от обычного общепринятого образа жизни, делается добровольным скитальцем и нищим, обдуманно принимает на себя образ человека, лишенного здравого ума. Для этого подвига потребны великое самоотвержение, чрезвычайное к себе беспристрастие, терпение непрестанных поруганий, презрения от народа — неразлучных спутников жизни скитальческой. А вместе с тем потребна и высокая мудрость, чтобы бесславие свое обращать во славу Божию: в смешном ничего не допускать греховного, в неблагопристойном — ничего соблазни-

тельного, в обличении — ничего несправедливого. Такими блаженными были, например, св. Андрей юродивый (2 октября по ст. стилю), св. Василий московский (2 августа по ст. стилю). Блаженными, кроме юродивых, церковь еще называет: 1) сокровенных святых, работавших и угодивших Богу втайне, сокровенно, посреди, как говорит предание, народа и молв житейских — мирских. Таков блаженный Никита (9 сентября); 2) наконец, тех святых, коих святость засвидетельствована пред церковью не только славою собственных дел их, которая осталась сокровенною, сколько доказана свидетельством других. Например, блаженный Григорий, патриарх антиохийский (20 апреля).

5 (23 декабря)

1310: св. Феоктиста, новгородского архиепископа. «Архиепископ» означает собственно начальный, главный. Епископу александрийскому первому усвоилось титло архиепископа, вероятно, по обширности его епархии. С учреждением патриархатов название архиепископа стало присваиваться исключительно патриархам и тем митрополитам, которые остались автокефальными, то есть не были в зависимости от того или другого патриарха. В России первый из епископов, получивший звание архиепископа, был новгородский в 1165 году. Мощи же св. Феоктиста, новгородского архиепископа XIV века, покоятся в Юрьевском монастыре Новгородской епархии, в трех верстах от Новгорода, на берегу Волхва. Построен монастырь в 1119 году великим князем Мстиславом Владимировичем, нареченным во святом крещении Георгием или Юрием.

1910: родился русский поэт Павел Васильев (расстрелян в 1937-м).

6 (24 декабря)

Рождественский сочельник. Навечерие Рождества Христова. Строгий пост. Пост — подвиг покаяния или приготовления к духовному торжеству. В православной церкви посты по своей продолжительности бывают многодневные и однодневные: одни из них бывают в одни и те же числа месяцев, другие — в разные числа. Многодневные посты следующие: 1) Великий пост, или святая четыредесятница. Он начинается за семь недель до праздника Пасхи и состоит собственно из четыредесятницы и страстной седмицы. Четыредесятница установлена в подражание 40-дневному посту Спасителя, а страстная седмица — в воспоминание последних дней земной жизни Его, страданий, смерти и погребения Его; 2) Петров или апостольский пост — называется так потому, что он продолжается всегда до дня св. ап. Петра и Павла. Установлен в честь св. апостолов. Начинается этот пост не каждый год в одно и то же число, но зависит от числа, в которое бывает Пасха. Самый продолжительный пост содержит 6 недель, а самый короткий — восемь дней; 3) Успенский или Спасов. Этот пост установлен в честь Божией Матери, в подражание Ей, для выражения любви к Ней. Пост сей продолжается с 1 августа по 15-е (ст. стиля), по день Успения Божией Матери; 4) Рождественский или филипповки — от 15 ноября по 25 декабря (ст. стиля) — по праздник Рождества Христова.

7 (25 декабря)

Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа от сотворения мира в 5500 году. Бог — творец неба и земли. Собственное (хотя, конечно, никогда не полное) определение Творца всяческих суть следующее: Бог есть существо вечное, независимое, всесовершенное, свободно действующее, самовластно господствующее, всевысочайшее, препростое, духовное, неизменное, единое, всесведущее, всемогущее, премудрое, всеблагое, пресвятое, самодовольное, бесконечное, непостижимое, преображенное, вина всех вещей. В Москве Рождественские церкви — в старых Палатах, на Поварской. Соборы по России в городах: Александров Владимирской губернии, Верея Московской (1552, возобновлен в 1753-м), Грязево Вологодской, Динабург Витебской (1819), Киев (1822), Ковров Владимирской губернии, Курган Тобольской, Орел, Рязань (1483), Челябинск (1743)...

1761: кончина государыни Елизаветы Петровны.

1812: празднество избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними двунадесяти языков. Путь Наполеона к Москве ознаменован был безбожною лютостью; в самой Москве французы и их союзники (особенно поляки) ругались над святыми иконами и мощами, оскверняли храмы, священными одеждами одевали лошадей и блудниц. Невинная юность и беззащитная старость равно были терзаемы. Вера отцов пробудилась в сердцах русских от царя до земледельца. Св. синод воззвал всех к молитве и единодушному содействию царю, пожертвовав государству 1 500 000 рублей из церковной суммы, и поставил в храмах кружки для сбора подаяний в пользу разоренных. Много жертв принесено в дар Отечеству и частными лицами. Вся Россия молилась и восстала на борьбу с безбожными пришельцами, и Бог спас Россию.

9 (27 декабря)

1725: первое торжественное публичное заседание Российской академии наук.

11 (29 декабря)

XI век: преподобных Марка и Феофила Печерских. «Преподобными» называется особый лик святых угодников Нового завета, которые для обуздания своих греховных наклонностей и для духовного усовершенствования в себе образа и подобия Божия посвящают себя строжайшему исполнению заповеди Христовой, повелевающей тем, кто суть Христовы, распять плоть свою се страстьми и похотьми, умертвить уды, да не царствует грех в мертвенном нашем теле. Преподобными же называются все угодники и угодницы Божии, в удалении от мира подвизающиеся в пустынях, монастырях и проч.

12 (30 декабря)

1563: кончина митрополита Московского и всея Руси Макария (род. в 1482-м), показавшего подвиг добродетельной и постнической жизни. Как ревностный хранитель чистоты веры, святитель боролся с различными ересями. Его церковная деятельность отмечена прославлением русских святых, собиранием духовных сокровищ Русской церкви (Великие Макарьевские Четьи-Минеи) и поднятием уровня духовного просвещения. В 20-летнее правление митрополита Макария было написано житий святых почти на одну треть больше, чем во все предыдущее время от нашествия монголов, а если считать новые редакции прежних житий, то почти в два раза больше. Им созван в 1551 году знаменитый Стоглавый (по числу глав — пунктов) Собор. Начинается печатание книг. Первым книгопечатником становится клирик церкви Николая Гостунского в Кремле Иван Федоров.

Канонизирован на поместном Соборе в 1988 году.

«Анисья-желудочница» — от мученицы Анисьи (285—305 гг.) —

варят свиную требуху, гадают о зиме по чревам, по печени и селезенке.

14 [1]

Ок. 379: память святителя Василия Великого, архиепископа Каппадийского. Наименование «святителей» установлено в нашем месяцеслове священноначальникам, епископам, первосвятителям православной церкви.

В Москве церкви его имени: на Тверской-Ямской (1688) и на Тверской (1673).

1735: в селе Жданове Алатырского уезда родился Иван Никитич Болтин, по свидетельству современников, один из величайших знатоков отечественной истории.

Умер 6 октября 1792 года.

1754: в семье солдата Семеновского полка родился Зуев Василий Федорович, академик и профессор естественной истории, участник экспедиций Палласа, автор многих статей по зоологии, мемуаров. Писал на русском, латинском, французском языках.

1772: в захолустной деревушке Черкутино Владимирской губернии в семье священника родился сын Михаил. Семи лет он был отдан в семинарию во Владимире, где, ввиду обнаруженных им способностей, был записан с фамилией Сперанский, то есть подающий надежды. Через князя А. Б. Куракина (дяди Сергея Уварова, впоследствии графа и министра народного просвещения) Сперанский выходит на поприще государственной деятельности при императорах Павле I, Александре I и Николае I.

1807: в городе Сапожке Рязанской губернии родился Алексей Дмитриевич Галахов, выдающийся историк литературы, профессор Петербургского историко-филологического института, автор многочисленных педагогических трудов, среди которых — «История русской словесности, древней и новой» (13 изданий) и «Русская хрестоматия» (30 изданий).

1864: положение о земских учреждениях. Александр II даровал также самоуправление уезду и губернии. До этого времени заведование делами принадлежало чиновникам, теперь возникли земские учреждения. Само население через своих выборных лиц стало управлять общественными и хозяйственными делами. Земство заведует народным продовольствием в случае неурожая, проведением дорог, постройкой мостов, плотин, врачебной помощью населению, народным образованием и вообще всеми общественными и хозяйственными делами, имеющими значение для всех жителей губернии или уезда.

Благодаря всем этим учреждениям население начало интересоваться всеми общественными делами и охотней платить налоги, так как оно ясно теперь видело, что эти деньги идут на удовлетворение его нужд и потребностей.

15 [2]

1833: кончина преподобного Серафима Саровского.

1918: массовые казни (до 17 января) офицеров и тех, на кого указывали как на контрреволюционеров. Казни производились в Крыму на судне «Румыния» и на транспорте «Трувор» (убито и утоплено не менее 300 человек).

16 [3]

1731: указ о караванном торге с Китаем; в 1728 году достигнута договоренность о том, что Россия каждые три года направляет караван в Китай.

17 [4]

1830: скончался Матвей Петрович Глазунов, купец 2-й гильдии, основатель старейшей в России книжной фирмы (первое объявление напечатано в № 75 «Московских Ведомостей» за 1782 г.). Родился в 1757 году.

18 [5]

Святое Богоявление Господа нашего Иисуса Христа. Праздник в воспоминание крещения Господа, причем Бог явился в трех лицах, то есть Бог-Отец гласом открылся, Бог-Сын во Иордане по человечеству крестился и Бог-Дух сошел в виде голубя.

Богоявленские церкви в Москве: в Китай-городе в Богоявленском монастыре (1696), в Дорогомиловской слободе, в Елохове (до 1722-го деревянная). Крестный ход в Москве из Успенского собора через Тайнинские ворота на Москву-реку; в Петербурге — на Неву-реку из Придворной церкви в присутствии императорской фамилии, установленный для водоосвящения. В 1905 году во время водосвятия из Петропавловской церкви раздался пушечный выстрел в сторону места, где находилась царская фамилия. Николай II вместе с семьей отбыл в Царское Село. Виновных не нашли.

Богоявленская церковь в Санкт-Петербурге — в Морском Николаевском соборе, построенная по повелению императрицы Елисаветы в 1753 году старанием генерал-адмирала князя Голицына. Собор освящен в 1762 году в присутствии императрицы Екатерины II. В 1770 году в нем было первое молебствие за победу, одержанную при Чесме, ежегодно впоследствии отправляемое.

Богоявленские соборы по России в городах: Архангельск (1805), Ачинск Томской губернии (1726), Богородск Московской, Верхнеудинск Иркутской (1700), Весьегонск, Тверской, Вятка, Енисейск (1730, обновлен в 1819-м), Ирбит Пермской губернии (1633), Иркутск (1746), Ишим Тобольской губернии (1712), Княгинин Нижегородской (1812), Колывань Тобольской, Лальск Вологодской, Малмыш Казанской, Мезень Архангельской (1700), Смоленск (1787), Олонец, Пинега Архангельской губернии (1780-е), Тотьма Вологодской, Усмань Тамбовской, Фатеж Курской...

19 [6]

1990: в Кремле — вечерняя служба под руководством Артура Шпейера, раввина из Нью-Йорка, в присутствии раввинов из других стран. Впервые за всю историю существования России.

20 [7]

1918: в Таганроге большевикам сдались юнкера с условием беспрепятственного их выпуска из города. Начались массовые расправы со сдавшимися. 50 человек было брошено в доменную печь. Родственникам не позволяли убирать тела близких. Собаки и свиньи таскали их по степи.

21 [8]

1919: восстание русского населения в Туркестане против большевиков. За одну ночь расстреляно свыше 2500 восставших.

22 [9]

1570: св. Филиппа митрополита. В Москве церковь на Мещанской (1622) по случаю сретения (встречи) на этом месте мощей сего святителя при перенесении оных из Соловецкого монастыря — в 1777 году построена каменная (освящена в 1788-м).

1722: учреждение Воспитательных домов.

1905: начало «русской революции». Расстрел демонстрантов у Зимнего дворца в отсутствие царя и без его ведома. Флаг между тем над дворцом был поднят, и люди думали, что Николай II — там.

23 (10)

1701: учреждение первой артиллерийской школы.

1775: казнь Пугачева на Болотной площади в Москве.

1894: кончина епископа Феофана Затворника (род. в 1815-м), 28 лет проведшего в Вышинской пустыни после 25-летнего усердного и плодотворного служения Церкви на различных поприщах. Епископ Феофан через обширную переписку содействовал духовному возрождению современного ему общества.

Канонизирован на поместном Соборе в июне 1988 года.

24 (11)

1758: занятие Кенигсберга русскими войсками в ходе Семилетней войны.

25 (12)

Св. мученицы Татьяны. В Москве — церковь ее имени в императорском Московском университете.

«Татьяна-крещенская» — «На Татьяну солнышко — к раннему прилету птиц, а снег — к дождливому лету».

1610: конец пятнадцатимесячной осады Свято-Троицкого монастыря польским отрядом Сапеги. Полякам нужно было взять монастырь, чтобы обезопасить себе путь на север, были они движимы и алчностью. В монастыре было 1500 человек, годных к бою, считая и монахов. Осада велась 30-тысячной армией Сапеги и Лисовского. Почти полтора года велась она, но изнемогавший от голода и болезней гарнизон не сдался, и поляки ушли ни с чем.

1755: открытие Московского университета. Императрица Елизавета Петровна подписала устав нового университета, составленный Ломоносовым. Доступ в университет предоставлялся всем людям «свободных званий» — дворянам, разночинцам и даже крепостным крестьянам, если не мешали этому их господа. Университет не подчинялся никакой власти, кроме Сената. В нем было три факультета: философский, юридический и медицинский. Московскому университету, как и Петербургской академии, впоследствии дано было право подвергать испытанию состоящих учителями иностранцев: без свидетельства же о прохождении экзамена ни одного домашнего учителя никто не должен был держать у себя под страхом уплаты пени в 100 рублей.

26 (13)

1616: память преподобного Иринарха Затворника. Мощи его почивают в Борисоглебском, что на Устье, монастыре Ярославской епархии. Монастырь основан в 1363 году. В нем соборная церковь во имя св. князей Бориса и Глеба, построена в 1522—1524 годах. В ней крещен был царь Василий.

1895: указ о создании Академией наук «комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам».

27 (14)

1865: первый купеческий съезд в Москве.

28 (15)

Св. Иоанна-кущника. Это наименование усвоено в святцах преп. Иоанну потому, что он жил и подвизался не в богатых палатах своего родителя, знатного цареградского вельможи, а в палатке (куще), построенной у ворот родительского дома.

1763: запрещение пытать подследственных.

1783: указ о разрешении заводить «вольные типографии».

1826: родился русский писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, безжалостно изобличавший в язвительных сатирических очерках недостатки Русского государства и русского народа и писавший: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России».

29 (16)

Поклонение веригам (цепям) св. апостола Петра. Будучи посажен в темницу иудейским царем Иродом Агрипою в 42 году по Р. Х., апостол Петр накануне дня, когда он должен был предстать на суд, чудесно ангелом освобожден от оков и выведен из темницы. Узнав о сем, верующие приобрели его вериги и как драгоценную святыню берегли их, передавая из рода в род. Императрица Евдокия, супруга Феодосия II (408—450), получила их между другими святынями от иерусалимского патриарха Ювеналия.

В Москве церковь, близ Покровки, в переулке, построена в 1669 году боярином Ильею Милославским по указу царя Алексея Михайловича в воспоминание брака его, совершенного в сей день с дочерью помянутого боярина Марией Ильиничной.

1547: венчание Ивана IV на царство. 17-летний Иван Васильевич, объявив боярам, что желает венчаться на царство по примеру своих прародителей, начиная с Владимира Мономаха, коронован в Успенском соборе Кремля. После пения «Святый Боже» на государя возложили животворящий крест, бармы и венец Мономаха. Царь воссел на трон, поставленный рядом с митрополичьим местом.

1712: учреждение московской инженерной школы.

1860: родился А. П. Чехов.

31 (18)

1730: кончина внука Петра I, сына царевича Алексея государя Петра II.

1801: манифест о присоединении Грузии к России.

Наибольшего могущества Грузия достигла при царице Тамаре (1184—1212). С 1221 года Грузия во власти монголов; около 1400 года не раз опустошаема Тамерланом (Тимуром). С покорением турками Константинополя Грузия подпала под их влияние; в XV веке распалась на отдельные царства, что окончательно обессилило ее в политическом отношении. С этого времени начинаются сношения с Русью. В XVII веке персы не раз опустошали Грузию, распространяли там магометанство и массами переселяли грузин в Персию (при шахе Аббасе — 100 тысяч). Начинается в союзе с Россией борьба против Турции и Персии. Весь XVIII век прошел под знаком рокового для Грузии нажима: Турции — с запада, Персии — с востока. После опустошительных набегов, многочисленных попыток спастись (в ее стороны России — оградить Грузию от алчных иноверцев) и был подписан при Павле I манифест. Нашествие персидского шаха Мухаммед-Аги в 1785 году, опустошившего Тбилиси, оказалось благодаря России последним.

1945: открылся поместный Собор Русской православной церкви, на котором был избран 13-й патриарх Всея Руси Алексий, умерший в апреле 1970 года в возрасте 92 лет. В мае — июне 1971 года патриархом избран митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков).

Составил Игорь ДЬЯКОВ

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1990 ГОД

Редколлегия журнала «Молодая гвардия» отметила денежными премиями следующие произведения, напечатанные в 1990 году:

Геннадий ВОРОБЬЕВ. Свалкоград. Рассказ (№ 10). **Сергей ЖАРИКОВ.** Обретение имени (№ 1), Своя суть (№ 9). **Сакен ЖУНУСОВ.** Тропа. Повесть (№ 1). **Станислав ЗОЛОТЦЕВ.** Испытание России (№ 7). **Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ.** Странник. Стихи (№ 9). **Юрий ИЛЬИН.** Нужна ли нам сильная армия?! (№ 3). Как МИД защищает интересы страны (№ 10). **Юрий КАТАСОНОВ.** Архитекторы картонных стен (№ 7). **Лев КОТЮКОВ.** Поворот. Стихи (№ 8). **Марк ЛЮБОМУДРОВ.** Поднять Россию из руин (№ 2), Агония нигилизма (№ 11). **Игорь ЛЯПИН.** Это нас окликает война... Стихи (№ 5). **Сергей НАУМОВ.** Голод 1933 года: палачи и жертвы (№ 2), Цареубийцы (№ 7). **Николай НИКИТИН.** Как вынашиваются планы расчленения страны (№ 7). **Евгений ОВАНЕСЯН.** «Секс-революция» эпохи перестройки (№ 2), Где ищет почестей глумливое перо? (№ 5). **Николай ФЕДЬ.** Гражданская война в литературе? (№ 3). **Владимир ЦЫБИН.** Жгучее время. Стихи (№ 7). **Сергей ШУМСКИЙ.** Красавец и Байкал. Повесть (№ 6).

Сдано в набор 14.11.90. Подп. в печ. 19.12.90.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 20,0.
Тираж 418 000 экз. (1-й завод 300 000 экз.).
Заказ 2244. Цена 1 р. 25 к.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

Г. ВОРОБЬЕВ | С. ЖАРИКОВ | С. ЖУНУСОВ | С. ЗОЛОТЦЕВ

Т. ЗУЛЬФИКАРОВ | Ю. ИЛЬИН | Ю. КАТАСОНОВ | Л. КОТЮКОВ

М. ЛЮБОМУДРОВ | И. ЛЯПИН | С. НАУМОВ | Н. НИКИТИН

Е. ОВАНЕСЯН | Н. ФЕДЬ | В. ЦЫБИН | С. ШУМСКИЙ